

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 2 (42) 2024

St. Petersburg
Historical Journal

Research on Russian and General History

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

академик РАН, д. и. н. *И. П. Медведев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *И. Геровска-Каллаур* (Институт истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской академии наук, Варшава)
д. и. н., профессор *А. Х. Даудов* (Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н. *О. П. Илюха* (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)
д. и. н. *Б. Н. Ковалев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор *Т. Г. Леонтьева* (Тверской государственный университет)
профессор *У. Г. Розенберг* (Мичиганский университет, США; Европейский университет в Санкт-Петербурге)
д. и. н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н., профессор *В. И. Шишкин* (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск)
д. и. н. *С. Е. Эрлих* (генеральный директор издательства «Нестор-История»)

№ 2 (42) 2024

Редакционная коллегия:

Главный редактор — чл.-корр. РАН,
д. и. н. *А. В. Сиренов* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д. и. н. *Л. А. Герд* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д. и. н., профессор *Т. В. Кудрявцева*
(Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена)

д. и. н., профессор *А. С. Лавров* (Университет
Сорбонна, Франция)

д. и. н. *И. В. Лукьянов* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

профессор *А. Мартин* (Университет
Нотр-Дам, США)

д. и. н., профессор *А. П. Павлов* (Санкт-
Петербургский государственный университет)

д. и. н. *А. И. Рупасов* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

профессор *С. Франклин* (Кембриджский
университет, Великобритания)

д. и. н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

Секретариат

Ответственный секретарь — *М. В. Друзин*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 11.06.2024
Дата выхода в печать: 12.06.2024

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 3148

Цена свободная

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-64510

от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2024

© Издательство «Нестор-История», 2024

На обложке

Здание Горного института. 1805–1811 гг.
Архитектор А. Н. Воронихин.
Деталь: Пес Цербер. Скульптурная
группа «Похищение Прозерпины».
Скульптор В. И. Демут-Малиновский.
Копия начала XXI в.
Фото А. В. Сиренова

Founded by

St. Petersburg Institute
of History of the RAS
197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Editorial Board Address

197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-41-98

Publisher

“Nestor-Istoriya” Publishing House
197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Printing house

“Nestor-Istoriya”
Tel. (812)235-15-86

Established in 2014
Published 4 times a year
ISSN 2311-603X

Editorial council:

Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Sciences in History *I. P. Medvedev*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)
Doctor of Sciences in History *T. V. Andreeva*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)
Doctor of Sciences in History, Professor
A. K. Gavrilov (St. Petersburg Institute
of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History, Professor
Joanna Gierowska-Kallaur (Tadeusz Manteuffel
Institute of History Polish Academy of Sciences,
Warsaw)

Doctor of Sciences in History, Professor
A. H. Daudov (St. Petersburg State University)

Doctor of Sciences in History *O. P. Ilyukha*
(Institute of Language, Literature and History
of the Karelian Scientific Center of the RAS,
Petrozavodsk)

Doctor of Sciences in History *B. N. Kovalev*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History Professor
T. G. Leontieva (Tver State University)

Professor *W. Rosenberg* (University of Michigan,
USA; European University in St. Petersburg)

Doctor of Sciences in History, Professor
N. N. Smirnov (St. Petersburg Institute of History
of the RAS, St. Petersburg State University)

Doctor of Sciences in History, Professor
M. V. Khodyakov (St. Petersburg State
University)

Doctor of Sciences in History, Professor
V. I. Shishkin (Institute of History of the Siberian
Branch of the RAS, Novosibirsk)

Doctor of Sciences in History *S. E. Ehrlich*
(General Director of the publishing house
“Nestor-Istoria”)

№ 2 (42) 2024

The Secretariat

Executive Secretary — *M. V. Druzin*
(St. Petersburg Institute of History
of the RAS)

A. A. Efimov
(St. Petersburg Institute of History
of the RAS)

Date of signing to the press: 11.06.2024
Date of publication: 12.06.2024

Reprinting of materials is allowed
only with the written permission
of the editorial board of the journal.

The circulation is 500 copies

Order No 3148

The price is free

Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervi-
sion of Communications, Informa-
tion Technology and Mass Media.

Journal Registration Certificate

PI No FS77-64510

as of 31.12.2015

Editorial board:

Editor-in-Chief — Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences
in History *A. V. Sirenov* (St. Petersburg Institute
of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History *L. A. Gerd*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History, Professor
T. V. Kudryavtseva (A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University)

Professor *A. Lavrov*
(Sorbonne Université, France)

Doctor of Sciences in History *I. V. Lukoyanov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Professor *A. Martin*
(University of Notre Dame, USA)

Doctor of Sciences in History, Professor
A. P. Pavlov (St. Petersburg State University)

Doctor of Sciences in History *A. I. Rupasov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Professor *S. Franklin*
(University of Cambridge, UK)

Doctor of Sciences in History *A. N. Chistikov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Содержание

К 170-летию Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

- *М. М. Шевченко*
Крымская (Восточная) война России: политика, стратегия
и общественное мнение10
M. M. Shevchenko
Russia's Crimean War: Politics, strategy and public opinion
- *И. В. Ружицкая*
«Катастрофа» или нет: новейшая историография Крымской войны.....23
I. V. Ruzhitskaya
“Catastrophe” or not: the latest historiography of the Crimean War
- *Б. А. Никишин*
Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны:
информационная война в середине XIX века34
B. A. Nikishin
Political cartoon and popular print during the Crimean War:
information war in the mid-19th century
- *М. С. Черячукин*
Главное управление цензуры как инструмент формирования
официального нарратива в годы Крымской войны 1853–1856 гг.47
M. S. Cheryachukin
The Main Directorate of Censorship as an instrument for the formation
of an official narrative during the Crimean War of 1853–1856
- *И. А. Иванов*
Проект развития народного образования в болгарских землях
после Крымской войны в докладных записках Найдена Герова61
I. A. Ivanov
The project for the development of public education in the Bulgarian lands
after the Crimean War in the Memoranda of Nayden Gerov
- *Пекка Кауптала*
Крымская война в Финляндии и ее влияние
на российско-финляндские отношения72
P. Kauppala
The Crimean War in Finland and its impact on Russian-Finnish relations

- *Л. В. Мельникова*
Россия и Франция в борьбе за Святые места Палестины
и в Крымской войне: церковно-политическая
и духовно-религиозная составляющая противостояния.....84
L. V. Melnikova
Russia and France in the struggle for the holy places of Palestine and in the Crimean War:
church-political and spiritual-religious components of the confrontation

История России

- *В. А. Шкерин*
Речь С. Д. Нечаева «О выборе предметов в изящных искусствах вообще»:
к биографии литератора-декабриста94
V. A. Shkerin
Speech by S. D. Nechaev “On the choice of objects in fine arts in general”:
to the biography of the Decembrist writer
- *И. Н. Стрекалов*
«Милая Сверчкизация!»: история дружбы Льва Троцкого
и Дмитрия Сверчкова — членов исполкома Петербургского Совета
рабочих депутатов 1905 года 106
I. N. Strelkalov
“Milaya Sverchkiizatsiya!”: The story of Leon Trotsky and Dmitry Sverchkov’s
friendship since being the members of the executive committee
of the St. Petersburg Soviet of Workers’ Deputies 1905

Всеобщая история

- *Такэси Мацумура*
Путятин и «открытие» Японии 116
Takeshi Matsumura
Putyatyn and the opening of Japan
- *М. Н. Барышников*
Болгария в судоходных операциях Русского общества
пароходства и торговли 130
M. N. Baryshnikov
Bulgaria in the shipping operations of the Russian steam navigation
and trading company
- *Д. И. Раскин*
Развитие систем пенсионного обеспечения в контексте
процесса модернизации восточноевропейских империй
(Россия, Австро-Венгрия, Германия)..... 142
D. I. Raskin
The development of the pension system in the context of the modernization process
of the Eastern European Empires (Russia, Austria-Hungary, Germany)

Историография

- *Е. Л. Назарова*
Российско-Литовская и Российско-Латвийская исторические комиссии:
история или политика..... 153
E. L. Nazarova
Russian-Lithuanian and Russian-Latvian Historical Commissions: History or politics
- *П. А. Аваков, С. В. Куликов, А. П. Павлов, К. В. Петров*
Труды О. Ю. Куца по истории донского казачества (памяти ученого) 174
P. A. Avakov, S. V. Kulikov, A. P. Pavlov, K. V. Petrov
On the contribution of O. Yu. Kuts to the study of the history of the Don Cossacks
(in memory of the scientist)

Публикации

- *К. В. Доник*
«Автобиографическая собственноручная заметка князя А. С. Меншикова»
1856 г. из бумаг Н. К. Шильдера о Крымской войне 185
K. V. Donik
“Autobiographical autographic note of Prince A. S. Menshikov” 1856 from the archive fund
of N. K. Schilder about the Crimean War
- *С. В. Куликов*
Император Николай II и министр внутренних дел И. Н. Дурново.
К предыстории царского выступления 17 января 1895 г. 191
S. V. Kulikov
Emperor Nicholas II and Minister of Internal Affairs I. N. Durnovo.
To the prehistory of the tsar's speech on January 17, 1895

Сообщения

- *М. М. Сафонов*
Греческий вопрос как прелюдия к Крымской войне 199
M. M. Safonov
The Greek question as a prelude to the Crimean War
- *С. А. Исаев*
Визит американского сенатора Стивена Дугласа в Россию
накануне Крымской войны 206
S. A. Isaev
U. S. Senator Stephen A. Douglas' visit to Russia on the Eve of the Crimean War, 1853
- *А. А. Ефимов*
«Война дворцам»? Имение Ореанда в годы Крымской войны..... 212
A. A. Yefimov
“War to the palaces”? Oreanda estate in the times of the Crimean War

Рецензии

- *В. А. Орав*

Играя в прятки с Левиафаном. Рецензия на книгу:

Хлевнюк О. В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023 219

V. A. Orav

Playing hide-and-peek with Leviathan. Review on the book:

Khlevniuk O. V. The cheater's corporation: shadow economy and corruption in the Stalin's USSR. Moscow, 2023

Требования к публикации статей и материалов 231

М. М. Шевченко

Крымская (Восточная) война России: политика, стратегия и общественное мнение

Длительный мир и стабильность в Европе, отвечавшие долгосрочным русским национальным интересам, сохранение завоеванного в наполеоновских войнах первенствующего положения России среди Великих держав император Николай I, как известно, видел в отвращении угроз Венской системе международных отношений, главные из которых исходили от французского и германского национализма — стремления к реваншу за поражение Наполеона I и образования единого германского государства, способных полностью опрокинуть равновесие сил в тогдашнем мире.

Преодолев неблагоприятную обстановку начала царствования — три тяжелых, хотя и победоносных войны, демографическую яму, связанную с последствиями наполеоновских войн, эпидемию холеры, унесшую жизнь каждого седьмого русского солдата, — Николай I в 1831–1846 гг. осуществил масштабные военные реформы. Они включали в себя преобразование рекрутской повинности, повлекшее фактическое введение в России конскрипционной системы, принципиально сходной с западноевропейской, создание корпусной системы из трех родов оружия с резервными и запасными войсками, а также государственного подвижного ополчения и резервной кавалерии по образцу наполеоновской, но вдвое большей по численности. Николай Павлович впервые в истории осуществил перевооружение всей Русской армии единым образным стрелковым оружием, и притом дважды. Он создал систему главных командований на важнейших стратегических направлениях. Реорганизовал Военное министерство. Центральное место в созданной им русской военной

организации занимала так называемая Действующая армия — крупнейшее объединение полевых войск империи, главная ударная сила на европейском стратегическом направлении, ключевая структура при общем мобилизационном развертывании сухопутных войск России, во главе с фельдмаршалом князем И. Ф. Паскевичем.

К началу 1850-х гг. Николай I нарастил военную мощь России в 2,5–3 раза по сравнению с 1815 г. и построил третий по мощи в тогдашнем мире военноморской флот. После этого в Европе ни одна держава не могла один на один бросить вызов империи русского самодержца. Это наглядно продемонстрировал арбитраж России во время европейского революционного кризиса 1848–1849 гг., сопровождавшийся блестящим Венгерским походом и силовым устрашением Пруссии, принужденной к миру при так называемом Ольмюцком унижении.

Стремясь ревизовать Венскую систему, Франция избрала косвенный путь. Как только телеграф отстучал известие о победе Луи Бонапарта на президентских выборах, французский консул в Иерусалиме на следующий день сделал агрессивное заявление по вопросу о принадлежности Святых мест. Но по мере развития Восточного кризиса 1850-х гг. даже провокационный характер французской политики и дипломатии, например грубое нарушение Лондонской конвенции о Черноморских проливах — прибытие посла в Константинополь на 100-пушечном линкоре «Шарлемань», еще не мог означать фатальное для России развитие событий. Константинопольская миссия князя А. С. Меншикова, которому Николай Павлович ставил задачу дожать Турцию до полного принятия неизбежности подчиниться русскому влиянию в ущерб другим Великим державам, в таком качестве не вызывала одобрения князя Паскевича.

Оба они — Паскевич и Меншиков — входили в то ближайшее окружение императора Николая I, с членами которого монарх вступал в политические дискуссии, выяснял естественные пределы военной мощи России, то, какую войну она в принципе может выиграть, а какую — нет. Хранившие до своего последнего вздоха эти политические тайны избранные советники венценосца были частью оваянного славой побед над Наполеоном героического поколения ветеранов великого для России 1812 г., которое фактически управляло империей в николаевское тридцатилетие, занимая, по сути, ведущие правительственные позиции. От шедших им вослед поколений во имя блага страны требовались преданность и самоотверженное повиновение вышестоящим не за страх, а за совесть. Исключалось же при этом развитие у представителей пестуемой николаевской политической системой молодежи самостоятельных зрелых суждений именно о том, каковы естественные пределы мощи империи, что значит вообще для России быть готовой к войне. «Охраняемые на море и на суше собственными силами, мы не имеем нужды хлопотать о союзах и равнодушно смотрим на мелкие интриги Запада, в бессильной зависти его к нашему непоколебимому могуществу»¹, — в этих и подобных словах автора учебника русской

истории академика Н. Г. Устрялова отражалось стремление императорского правительства видеть русское общество исполненным не просто чувства национального самоуважения, но и непоколебимой уверенности в военно-политической самодостаточности России. Отсюда и происходило то, что «воспитывалось поколение, настолько привыкшее к победам, настолько приученное к мысли о военной неуязвимости России, что оно окажется не в состоянии не назвать отступление поражением, а поражение — катастрофой». Возникшие в годы несчастливой войны «либеральные настроения имели, таким образом, корни в оскорбленном чувстве национальной гордости, в прививаемой годами склонности переоценивать военные ресурсы России. Парадокс состоял в том, что эти настроения были следствием “николаевской” системы ценностей»².

Морской министр, начальник императорского Главного морского штаба, финляндский генерал-губернатор и главнокомандующий «войсками в Финляндии расположенными» Меншиков оказался причастен к тому, что русскую общественность события Крымской войны застали в атмосфере «цензурного террора», утвердившегося с конца 1840-х гг. Политические тенденции, заложенные еще в эпоху Александра I, в результате шестнадцати с лишним лет управления С. С. Уваровым ведомством народного просвещения, наконец, стали приносить плоды в виде широкого контингента поданных новой формации — выпускников университетов, пансионов, лицеев, гимназий, присутствие которых дало себя знать и на государственной службе. Этот кадр, испытывая острую потребность в печатном слове и самовыражении, нуждался в известном расширении публичной сферы и общественной перспективе. Император Николай I оказался совершенно к этому не готов и не смог правильно оценить усилия Уварова, направленные на то, чтобы не отталкивать новое поколение, не допустить нарастания у него политически опасного для самодержавной России чувства невостребованности. В результате отставки Уварова и хаотического ужесточения цензуры посредством негласных комитетов учено-литературная общественность с 1848–1849 гг. полностью лишилась печати как средства самовыражения³.

Волею императора в феврале 1848 г. Меншиков возглавил особый Комитет для рассмотрения действий цензуры периодических изданий. Не видя возможности предотвратить ошибку Николая I в области цензурной политики, он старался занимать позицию, благоприятную опальному министру народного просвещения Уварову, а затем и вовсе от надзора за печатью полностью отстранился⁴.

И. Ф. Паскевич, занимавший рядом с монархом особое положение в связи с внешней политикой и вопросами стратегического планирования, считал требование о расширительном толковании статей Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., связанных с правом русского покровительства православным подданным султана, слишком жестким для турок, что было чревато их стремительным сближением с Великобританией и Францией — главными соперниками России в Восточном вопросе⁵.

В составе миссии Меншикова имелся штаб во главе с вице-адмиралом В. А. Корниловым и генерал-майором А. А. Непокойчицким, который провел рекогносцировку Босфора на предмет возможности высадки русского десанта в качестве наилучшего средства давления на Турцию. По мнению Корнилова, успешная высадка десанта была возможна при условии глубокой секретности ее подготовки, и до тех пор, пока британское и французское военное присутствие ограничивалось обыкновенным числом кораблей в Смирне и Пирее⁶. Даровитый историк и видный военный писатель белоэмиграции А. А. Керсновский отмечал: «Блестящее состояние Черноморского флота, воспитанного Лазаревым и предводимого Нахимовым, безусловно, допускало эту смелую операцию, однако против нее восстали дипломаты школы Нессельроде, робкие натуры, которых пугал ее размах и решительность... Рутинеры военного дела, скептически относившиеся к десантным операциям, поддержали дипломатию и настояли на отмене этого десанта. Мерам предпочли полумеры...»⁷ Тем самым Николай I и Меншиков якобы упустили единственный шанс предотвратить вторжение англо-французского флота в Черное море.

В действительности ведомство иностранных дел здесь не играло решающей роли. Его глава канцлер граф К. В. Нессельроде был скорее техническим исполнителем воли самодержца, хотя и высочайшего класса, в отличие от Меншикова и Паскевича не входившим в избранный круг его политических советников. В случае появления флота и войск западных морских держав в зоне Черноморских проливов удержание побережья Босфора русским десантным корпусом было возможно только при наличии морской коммуникации, обеспечивавшей его снабжение, боевое и медицинское обеспечение. Для этого был необходим достаточный транспортный тоннаж, которым Россия на Черном море в это время не располагала. Десант на Босфор Николаем I и его политическим окружением рассматривался всегда либо как дружеская помощь Турции, либо, в случае ее враждебности, как авангард армии, которая должна была прийти из-за Дуная, перейдя Балканы, проложив коммуникацию за собой. Возможность осуществления последнего в связи со складывавшейся военно-политической обстановкой после некоторых колебаний в конце концов отрицательно оценил Паскевич. Его выжидательная позиция в конечном итоге себя оправдала.

На начальном этапе восточного кризиса 1850-х гг. стратегические расчеты Николая I и его ближайшего окружения основывались на известном военно-политическом опыте русско-турецких войн и были достаточно осторожными. Появление французского флота вблизи Дарданелл снизило шансы высадки на успех до неприемлемого уровня. Некоторое время обсуждался вариант десанта в районе Варны и Бургаса. В качестве средства давления на Турцию была предпринята оккупация Дунайских княжеств с последовавшей затем неудачной попыткой создания на базе их кадровых войск вооруженного ополчения из балканских славян-добровольцев. После отклонения Портой компромиссной Венской ноты, формально поддержанной всеми Великими державами,

после предъявления турецкого ультиматума с требованием очистить княжества и последовавшего начала русско-турецкой войны из-за неясности политической обстановки Россия еще продолжала сохранять оборонительное положение. Должно было последовать форсирование русскими войсками Дуная ближе к границам сербских и болгарских земель с целью вызвать массовое восстание славян со вспомогательным ударом в его низовьях. Австрия восприняла русские войска в княжествах как прямую угрозу своим интересам, отвергла предложения России согласиться на дружественный нейтралитет, приступила к мобилизации и выдвиганию войск к границам. Николай I и его окружение в целом стремились избежать обострения конфликта с Францией и Англией как главными конкурентами России в Восточном вопросе, и казалось, что это в конечном итоге может быть достигнуто.

Но после побед русских войск на Кавказе и уничтожения турецкого флота при Синопе произошло нечто беспрецедентное. Два непримиримых соперника в полуторавековой борьбе за мировое морское и колониальное первенство, чьи противоречия так долго определяли международные отношения в Европе, заключили военный союз против России. Вслед за Австрией Пруссия также отвергла русские предложения подписать договор о нейтралитете. Последовал англо-французский ультиматум об очищении Дунайских княжеств. Обе германские державы присоединились к этому требованию, хотя и в несколько более мягкой форме.

Для России это была в буквальном смысле слова стратегическая внезапность, т.е. явление в военно-политической истории Великих держав Нового времени весьма редкое. Об этом в записке императору Николаю I от 28 февраля 1854 г. прямо заговорил его первый полководец и военный советник фельдмаршал князь И. Ф. Паскевич: «Четыре европейские державы предлагают нам свой ультиматум. Мы находимся в том положении, что теперь вся Европа против нас на море и на сухом пути: Англия, Франция, Турция уже объявили войну; Австрия, можно сказать, на их стороне. Пруссия будет также вскоре увлечена. Никогда Россия не бывала еще в таковых тяжких обстоятельствах». Старый военачальник вспоминал 1812 г. и указывал, что политическая обстановка тогда была далеко не столь неблагоприятной и наполеоновское вторжение именно стратегической внезапности из себя не представляло: «При императоре Александре Павловиче в 1812 г. Англия была за нас, с Турцией успели заключить мир. Неограниченное властолюбие Наполеона заставляло задолго предвидеть 1812 г. и дало нам полтора года на приготовления. В 1810 г. могли мы начать уже формирование новых полков; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины в тылу и потому, в 1812 г., начав отступление до самой Москвы, пополняли убыль в войсках резервами. Государь перед началом войны еще колебался. Из Вильны послал Балашева к Наполеону, но ответ был: поздно. К счастью, фланги наши были свободны и все средства Англии в нашем распоряжении. Россия могла выдержать со славой борьбу с Наполеоном». Теперь же масштабы

войны, перспектива которой вырисовывается перед Россией, заведомо превышают естественные пределы ее военных возможностей: «Ныне обстоятельства так быстро изменялись, что не дали нам возможности приготовиться. Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне кажется нельзя уже сомневаться, что Пруссия будет действовать вместе с Австрией против нас. Имея двух неприятелей в центре, тогда как десанты французов на черноморских берегах в одно время с австрийцами из Трансильвании выйдут на коммуникации нашей Дунайской армии, а пруссаки обойдут наш фланг в Литве, мы уже не можем держаться ни в Польше, ни в Литве, а отступая не найдем магазинов». Война при таком раскладе сил угрожает России неминуемой потерей царства Польского, Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины: «Европа может повторить кампанию 1812 г., но вероятно избежит ошибок Наполеона. Она будет вести войну методически, отбросит нас за Днепр и, отняв Польшу, усилится нашими же крепостями в Царстве и Литве. Несчастья и потери тогда России трудно теперь предвидеть, и нужна будет счастливая война, чтобы вознаградить их и прийти в прежнее положение. Таковы мне кажутся неизбежные последствия войны теперь *против всей Европы. Пока она в соединении, мы с ней бороться не в силах* (курсив мой. — М. III.)». Чтобы выиграть время, сейчас нужно, продолжая переговоры, принять ультиматум об очищении Дунайских княжеств и отвести из них войска на заранее подготовленные позиции на Днестре. А затем, по мнению Паскевича, необходимо всеми силами затягивать войну, и тогда появится реальный шанс удержать австрийцев и пруссаков от вооруженного выступления против России. Для него было очевидно, какая нравственная ответственность перед страной была сопряжена с принятием такого образа действий: «Конечно, больно для самолюбия каждого русского решиться теперь уступить, но, со временем, Россия поймет, что от того зависела ее судьба и благословит как спасителя Того, кто великодушно решился теперь на пожертвование»⁸.

Австрийские войска нависали над коммуникациями русской армии в Молдавии и Валахии. Попытки Дунайской армии после переправы, на которой настаивал император Николай I, развить успех на южном берегу, в этих условиях были сопряжены с огромным риском. Удар австрийцев во фланг и тыл Горчакову мог привести к полному разгрому. Видя по многочисленным агентурным данным высокую готовность австрийской армии к нападению, Паскевич писал в Севастополь князю А. С. Меншикову, ясно излагая смысл своих действий: «Действительно, когда будет против нас вся Европа, то не на Дунае нам необходимо ожидать ее... Австрия, имея до 230.000 войск в Венгрии, Трансильвании и на сербской границе... пошлет в Фокшаны, Яссы или Каменец... тысяч 60 или 70, нам совершенно в тыл... Тогда положение будет так тяжело, как не было и в 1812 году, если мы не примем своих мер заранее и не станем в своей позиции, где бы не опасались, по крайней мере, за свои фланги... Я ожидаю об этом повеления, а, между тем, сохраняю вид наступательный для того, чтобы, угрожая Турции, оттянуть десанты европейцев от наших берегов, притягивая их

на себя...»⁹ Убедившись в справедливости аргументов князя Варшавского, Николай I распорядился наконец прекратить осадные работы под Силистрией. Получив 12 июня его приказание, Паскевич немедленно увел войска за Дунай, сохранив небольшой плацдарм у Тульчи и Искачи, а в конце августа армия М. Д. Горчакова отошла за Прут¹⁰.

Вся дальнейшая стратегия России в Восточной (Крымской) войне была построена в основном на расчетах и предложениях Паскевича. Развитие политической обстановки продолжало сохранять ту опаснейшую тенденцию, на которую он указывал. 8/20 апреля 1854 г. Пруссия согласилась заключить с Австрией оборонительный и наступательный союз, который должен был вступить в силу в случае угрозы «общегерманским интересам». Это означало, что нанесение превентивного удара по австрийцам теперь сопрягалось с риском, повышавшимся до неприемлемого уровня. Любой переход русскими войсками австрийской границы мог означать перспективу войны со всей Германией. Швеция на переговорах с британцами в качестве обязательного условия своего активного присоединения к военным усилиям антирусской коалиции называла вступление в войну Австрии¹¹. Стратегическое развертывание сухопутных войск России при жизни Николая I сохраняло в основном антиавстрийский характер с мощной группировкой в царстве Польском при умеренной в целом концентрации сил в Крыму и достаточной на Кавказе.

Меншиков хорошо знал, какой масштаб боевой мощи русского флота был изначально задан николаевской стратегией как возможный в условиях России. Еще при восшествии на престол в 1825 г. специально учрежденному Комитету образования флота император Николай I поставил задачу: «Россия должна быть третья по силе морская держава после Англии и Франции и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав»¹². С началом Крымской войны Черноморский флот своей Синопской победой 18 ноября 1853 г. подтвердил, что этому требованию он полностью соответствовал. Но еще 8 ноября Меншиков предупреждал наместника Кавказа главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршала светлейшего князя М. С. Воронцова, что в случае появления в Черном море англо-французского флота обладание морем автоматически переходит к последнему, что требует эвакуации гарнизонов малых укреплений на кавказском побережье¹³. С учетом всей критики в отношении Меншикова за просчеты и недооценки, повлекшие техническую отсталость русского флота по сравнению с флотами его первоклассных противников в Крымской войне, и деятельных усилий самих этих критиков вплоть до самого конца периода империи в 1917 г. Россия и в наилучшие времена не поднималась выше уровня «третьей по силе» морской державы.

Среди современников и историков были и такие, кто, несмотря на ряд отталкивающих черт характера Меншикова, приводил неопровержимые свидетельства, подтверждающие, что князь Александр Сергеевич, без сомнения, обладал незаурядным глазомером в области стратегии и, по военной терминологии того

времени, высшей тактики. Приняв командование войсками в Крыму, он до высадки неприятеля провел многие и тщательные рекогносцировки полуострова¹⁴. В письме императору Николаю I 29 июня 1854 г. Меншиков точно формулировал цель предстоявшего неприятельского вторжения в Крым: «...уничтожение флота и Севастополя», точно назвал наиболее вероятное место высадки союзников — район Евпатории, откуда неприятель, по его мнению, должен был двинуться вдоль моря под прикрытием флота на Севастополь. После занятия Дунайских княжеств австрийцами, вступившими туда после ухода русских, англичане и французы, полагал князь, находятся в состоянии отправить в Крым «от 50 до 60 т[ысяч]» человек, не считая турок. Это означало, по его убеждению, что в первом же столкновении имевшихся в его распоряжении сил с экспедиционным корпусом союзников «битва будет одного против двух, чего, конечно, желательно избежать»¹⁵. Поэтому в письме командующему войсками Дунайской армии генерал-адъютанту М. Д. Горчакову от 30 июня 1854 г. он просил вернуть в его распоряжение 16-ю пехотную дивизию¹⁶.

Меншиков был практически единственным, кто точно определил, что должно было произойти. Высадка союзниками десанта такой численности была беспрецедентным по своим масштабам событием в военной истории Нового времени. Не случайно европейски известный в то время военный теоретик и историк Г. В. (А. А.) Жомини высказывал скептическое отношение к крупным морским десантам. Не случайно все остальные известные на тот момент среди русских военачальников предположения имели в виду другое побережье и другую возможную численность десантного корпуса неприятеля¹⁷.

В Альминском сражении союзники имели над русскими не только почти двойное количественное превосходство в живой силе, но также и качественное. Здесь были Венсенские стрелковые батальоны и алжирские соединения французов, британские гвардейские части. У русских «действовали почти исключительно войска 6-го корпуса, никогда не бывшие в огне. Корпус этот... — отмечал гвардии капитан Н. Н. Обручев, впоследствии выдающийся военный деятель, — составлял род рекрутского депо для действующей армии, и хотя был хорош по строевому образованию, но по своим занятиям был менее всякой другой части нашей армии приготовлен к маневрированию и к настоящей боевой службе»¹⁸. При этом Меншиков достаточно хорошо выбрал позицию. Находясь на крутом берегу Альмы высотой около 30 м, русские с самого начала видели противника на всю глубину его расположения, который не мог поэтому скрывать свои движения. Союзники, наоборот, видели все время практически только передний край русских, не имея возможности точно определить их численность, что и объясняет заметную осторожность и медлительность их действий. В ходе сражения русские, уступая численности противника, медленно сворачивали свой фронт слева направо, прикрывая основной путь своего последовавшего отступления — Севастопольскую дорогу. Альминское дело очень напоминает арбергартное сражение.

В литературе нашлось место отголоскам споров участников дела о том, как надо было правильнее укрепить позицию или лучше расставить войска. Но, пожалуй, прав был все тот же Обручев, указав, что невозможно было, имея дело с двумя первоклассными противниками, удержать позицию «размером с Бородинскую» вчетверо меньшими силами¹⁹.

Решение Меншикова после сражения занять так называемую фланговую позицию, отступив к Бахчисараю, всецело одобренное императором Николаем I, также подтверждает его верный стратегический глазомер.

Трагедия русских усилий в Крыму 1854–1855 гг. заключалась в том, что, оказавшись у Меншикова на Альме еще хотя бы две или три дивизии, ход всей кампании мог бы радикально измениться. Но после того, как вражеский десант закрепился на Сапун-горе, задача сбрасывания врага в море многократно усложнилась. Под Севастополем возникла патовая ситуация, для возможного перелома которой постепенно прибывавших подкреплений, чем дальше, тем больше было недостаточно. Ради минимизации ущерба для России в изначально безнадежной войне император Николай I и его окружение реализовывали стратегию, четко и последовательно разделявшую все потенциальные и актуальные театры военных действий на главные и второстепенные. К последним в стратегическом отношении относился и самый кровавый из всех — Крымский. Изолированный Крымский театр оставлял мало возможностей для маневренной войны, где николаевская армия могла бы проявить свои лучшие качества. Одиннадцатимесячная позиционная борьба в Крыму после оставления южной стороны Севастополя привела к патовой ситуации, которую и предсказывал Паскевич в качестве наихудшего исхода.

Таким образом, верный своему монарху А. С. Меншиков полностью брал на себя ответственность за судьбу Севастопольской кампании в глазах современников и потомков, кампании, шансов на победу в которой у него заведомо не могло быть никаких.

После падения Севастополя войска в Крыму были сокращены, и к концу 1855 г. развертывание русской армии вновь приобрело характер, выгодный для большой войны в Европе²⁰. В результате австрийский генералитет так и не обрел уверенности перед лицом вероятной войны с Россией и остался в твердой оппозиции воинственным планам министра иностранных дел графа К.-Ф. Буоля²¹.

Причины поражения России в Крымской войне были недопонимаемы русским общественным мнением того времени²². Недоосмысление Крымской войны повлекло за собой недооценку военной системы императора Николая I, что отрицательно сказалось на разработке концепции военных реформ 1860–1870-х гг.

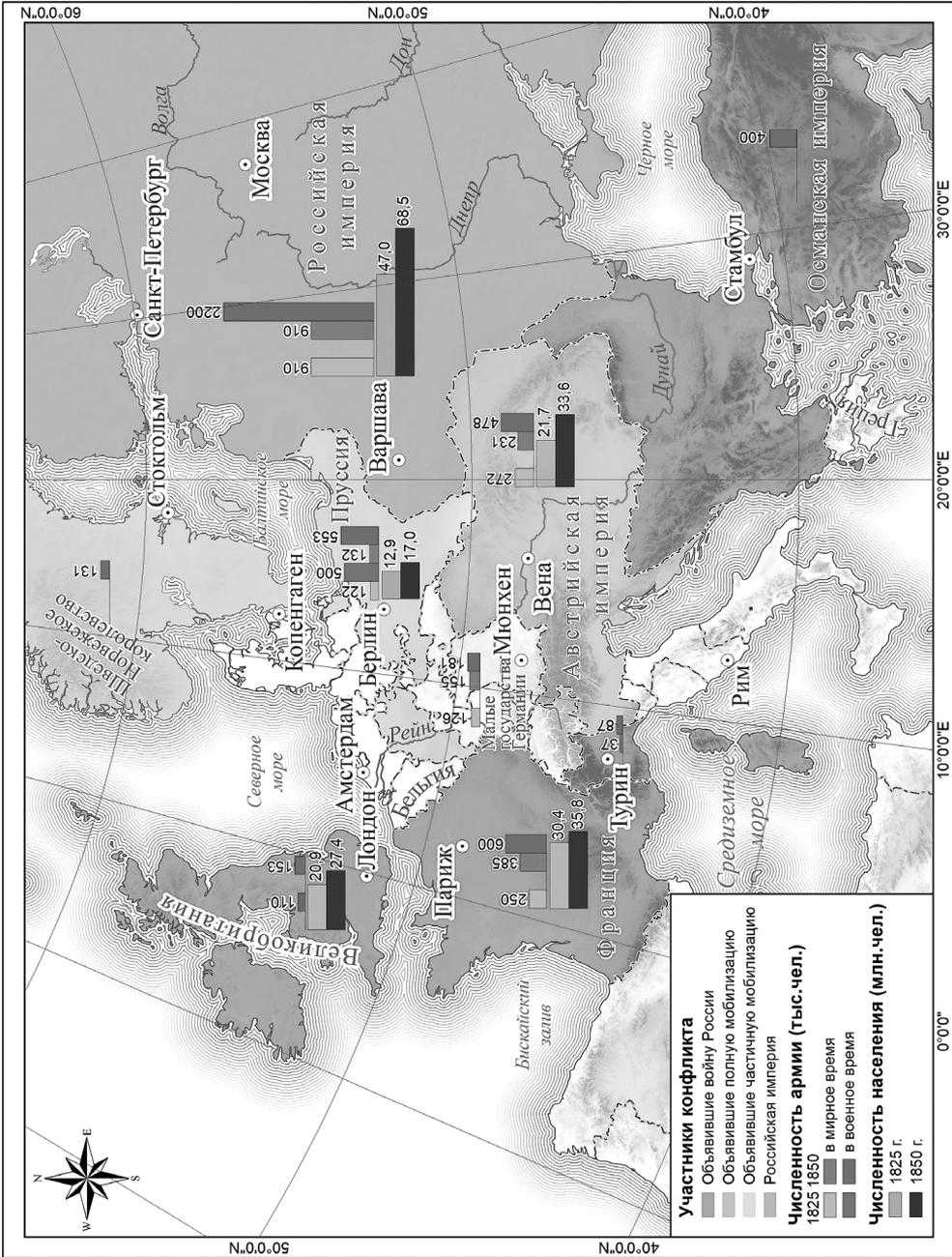
Несмотря на политические ошибки, поставившие страну перед столь безнадежной войной, благодаря четвертьвековым усилиям императора Николая I и его окружения в области военного строительства Россия, проиграв ее не позорно, но с честью — так считали в тогдашней Европе — и утратив

в результате первенствующее политическое положение на континенте, тем не менее сохранила себя в качестве Великой европейской державы.

В отечественной историографии же за полтора столетия прочно сложилась тенденция фактически редуцировать Крымскую (Восточную) войну до проблемы Крымской кампании, скрадывая таким образом подлинный стратегический масштаб и уникальный характер войны — единственной в новой и новейшей истории, которую Россия вела, будучи без единого союзника среди Великих держав (см. карту в приложении). Это обстоятельство мы должны осмыслить и внести соответствующие коррективы в наши представления.

- ¹ Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года: в 2 ч. Петрозаводск, 1997. С. 905.
- ² Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 39–40.
- ³ См.: Шевченко М. М. Конец одного Величия. М., 2003.
- ⁴ Там же. С. 128.
- ⁵ Шербаков А. Н. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб., 1904. С. 59–61.
- ⁶ Айрапетов О. Р. Атака и оборона Босфора в стратегии России и ее противников (апрель 1853 г. — январь 1854 г.) // Альминские чтения: Место Крымской (Восточной) войны в европейских военных конфликтах XIX в.: Материалы научно-практической конференции. Вып. 4. Симферополь; Бахчисарай, 2014. С. 40.
- ⁷ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 123.
- ⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг., в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. СПб., 1913. С. 609–610; РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–22.
- ⁹ Переписка князя Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный сборник. 1902. № 3. С. 235–236.
- ¹⁰ См.: Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853–1856 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 8. Военная политика императора Николая I. М., 2009. С. 238–272.
- ¹¹ Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1944. С. 62.
- ¹² Н. Исторический очерк развития штатов русского флота // Морской сборник. 1911. № 4. Отдел неофициальный. С. 14.
- ¹³ Князь А. С. Меншиков. 1853–1854 // Русская старина. 1873. Т. 7. № 6. 847–850.
- ¹⁴ Панаев А. А. Князь Александр Сергеевич Меншиков. 1853–1869. СПб., 1877. С. 5–6, 7–8.
- ¹⁵ Князь А. С. Меншиков. 1853–1854. С. 851–853, 854.
- ¹⁶ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к князю М. Д. Горчакову. 1853–1855 // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 304.
- ¹⁷ Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и Крымская кампания 1854–1855 гг. // Альминские чтения. 2014. Вып. 4. С. 39–40.
- ¹⁸ Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну // Военный сборник. 1858. № 1. С. 4.
- ¹⁹ Там же. С. 4–5.
- ²⁰ Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 166–184.
- ²¹ Тэйлор А. Дж. II. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 103; *Rothenberg G. E.* The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976. P. 50–52.
- ²² См.: Шевченко М. М. «Пока Европа в соединении, мы с ней бороться не в силах». Русская стратегия в Крымской войне и общественное мнение // Родина. 2009. № 8. С. 87–91.

Петербургский исторический журнал № 2 (2024)

Источник: Кривопапов А.А. Генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М., 2019. С. 254.

References

- AJRAPETOV O. R. Zabytaja kariera “russkogo Mol'tke”. Nikolaj Nikolatvich Obruchev (1830–1904). [The forgotten career of the “Russian Moltke”. Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904). In Russ.] St. Petersburg, 1998.
- AJRAPETOV O. R. Ataka i oborona Bosfora v strategii Rossii i jejo protivnikov (aprel' 1853 g. – janvar' 1854 g.) [The attack and defense of the Bosphorus in the strategy of Russia and its rivals (April 1853 – January 1854). In Russ.] // Al'minskije chtenija: Mesto Krymskoj (Vostochnoj) vojny v jevropeskikh konfliktakh XIX v. Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii. Vyp. 4. Simferopol' – Bakhchisaraj, 2014. S. 3–9.
- KERSNOVSKIJ A. A. Istorija russkoj armii. [The history of the Russian Army. In Russ.]. T. 2. Moscow, 1993.
- KRIVOPALOV A. A. Fel'dmarshal I. F. Paskevich i russkaja strategija v 1848–1856 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and Russian strategy in 1848–1856. In Russ.]. Moscow, 2019.
- KRIVOPALOV A. A. Fel'dmarshal I. F. Paskevich i problema strategii Rossii v Vostochnoj vojne 1853–1856 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and the problem of Russia's Strategy in the War in the East of 1853–1856. In Russ.] // Russkij sbornik. Issledovanija po istorii Rossii. T. 8. Vojnannaja politika imperatora Nikolaja I. Moscow, 2009. S. 238–272.
- KRIVOPALOV A. A. Fel'dmarshal I. F. Paskevich i Krymskaja kampanija 1854–1855 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and the Crimean Campaign of 1854–1855. In Russ.] // Al'minskije chtenija: Mesto Krymskoj (Vostochnoj) vojny v jevropeskikh konfliktakh XIX v. Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii. Vyp. 4. Simferopol' – Bakhchisaraj, 2014. S. 37–43.
- KUKHARUK A. V. Dejstvujuschaja armii v voennykh preobrazovanijakh pravitel'stva Nikolaja I. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni k.i.n. [The Active Army in the military transformations of the Government of Nicholas I. PhD thesis. In Russ.]. Moscow, 1999.
- ROTHENBERG G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, 1976.
- TARLE E. V. Krymskaja vojna: v 2 t. [The Crimean War: in 2 vols. In Russ.] T. 2. Moscow – Leningrad, 1944.
- TEJLOR A. J. P. Bor'ba za gosподство v Jevrope. 1848–1918. [The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. In Russ.]. Moscow, 1958.
- USTRIALOV N. G. Russkaja istorija do 1855 goda, v dvukh chastiakh [Russian history before 1855, in two parts. In Russ.]. Petrozavodsk, 1997.
- SHEVCHENKO M. M. Konets odnogo Velichija. Vlast', obrazovanie i pechatnoje slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel'nykh reform. [The end of one Greatness. Power, education and the printed word in Imperial Russia on the threshold of Liberation reforms. In Russ.]. Moscow: Tri quadrata, 2003.
- SHEVCHENKO M. M. “Poka Evropa v soedinenii, my s nej borot'sia ne v silakh”. Russkaja strategija v Krymskoj vojne i obschestvennoje mnenije [“As long as Europe is united, we cannot fight it.” Russian strategy in the Crimean War and public opinion. In Russ.] // Rodina. 2009. No 8. S. 87–91.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Шевченко. Крымская (Восточная) война России: политика, стратегия и общественное мнение // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 10–22

Аннотация: Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. была единственной в новой и новейшей истории войной, которую Россия вела в политической изоляции, будучи без единого союзника в Европе. Это обстоятельство, а не техническое отставание, и было главной причиной ее проигрыша. Опираясь на достижения военного строительства 1830–1840 гг., император Николай I, фельдмаршал И. Ф. Паскевич и генерал А. С. Меншиков реализовали стратегию, четко разделившую все потенциальные – угрожаемые и актуальные театры военных действий на главные и второстепенные, к последним из которых принадлежал и самый кровавый из них – Крымский. Благодаря этому потери в заведомо безнадежной войне им удалось свести к минимуму, и Россия, утратив первенствующее положение в Европе, сохранила себя в качестве Великой державы. По обстоятельствам внутренней политики стратегия императора Николая I и его сподвижников не могла быть верно оценена русским общественным мнением. Историография Крымской войны фактически редуцировала ее масштаб до проблемы Крымской кампании. Эта традиция сохраняется по сей день и нуждается в переоценке.

Ключевые слова: внешняя политика России, Восточный кризис 1850 гг., русская стратегия, Николай I, И. Ф. Паскевич, А. С. Меншиков, Крымская война, Крымская кампания.

FOR CITATION

M. M. Shevchenko. Russia's Crimean War: Politics, strategy and public opinion // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 10–22

Abstract: The Crimean War of 1853–1856 was the only war in modern and contemporary history that Russia waged in political isolation, being without a single ally in Europe. This circumstance, and not a technical lag, was the main reason for her loss. Based on the achievements of military construction in 1830–1840, Emperor Nicholas I, Field Marshal I. F. Paskevich and General A. S. Menshikov implemented a strategy that clearly divided all potential – threatened and actual theaters of military operations into main and secondary ones, the latter of which included the bloodiest of them – the Crimean one. Thanks to this, they managed to minimize losses in a notoriously hopeless war, and Russia, having lost its dominant position in Europe, retained itself as a Great Power. Due to the circumstances of domestic policy, the strategy of Emperor Nicholas I and his associates could not be correctly assessed by Russian public opinion. The historiography of the Crimean War actually reduced its scale to the problem of the Crimean campaign. This approach persists to this day and needs to be reassessed.

Key words: Russian foreign policy, the Eastern Crisis of 1850, Russian strategy, Nicholas I, I. F. Paskevich, A. S. Menshikov, The Crimean War, the Crimean Campaign.

Автор: Шевченко, Максим Михайлович – к. и. н., доц. кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Author: Shevchenko, Maxim Mikhailovich – PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History of the 19th – beginning of the 20th Century, History Faculty, Lomonosov's Moscow State University.

E-mail: Shevch_mm@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5257-4765

И. В. Ружицкая

«Катастрофа» или нет: новейшая историография Крымской войны

Ряд отечественных авторов подвергает сомнению господствовавшие долгое время и продолжающие доминировать в исторической литературе взгляды на итоги Крымской войны как на сокрушительное поражение страны в целом. Последние базируются на ленинском выводе: «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»¹. Вот пример традиционного для отечественной историографии подхода в духе Владимира Ильича: «...поражение в Крымской войне было ужасным... Мир, подписанный в Париже в феврале 1856 г., самый унижительный в истории России XIX в. <...> Унижение России было бесспорно, позор был страшный»². В данной статье рассмотрены взгляды современных историков на события Восточной, или Крымской³ войны 1853–1856 гг., которые не совпадают с общепринятыми и устоявшимися в отечественной историографии оценками и выводами, подобными выраженным в процитированной выше статье С. В. Мироненко⁴.

Начнем с причин войны⁵.

По мнению А. В. Фененко, в России итоги Крымской войны считаются унижительным поражением потому, что игнорируются причины, связанные с предысторией войны. Исследователь напоминает об Ункяр-Искелесийском мирном договоре 1833 г. между Россией и Османской империей, предполагавшем военный союз между двумя странами в случае нападения на одну из них; дополнительная статья протокола разрешала Турции не посылать войска, но требовала перекрытия Босфора для всех стран, кроме России. В 1841 г. британской дипломатии удалось переиграть российскую, заключив Лондонскую

конвенцию, согласно которой был введен режим нейтрализации проливов, предполагавший закрытие Босфора и Дарданелл для военных судов всех стран. Следовательно, полагает Фененко, военные действия велись Россией не за раздел Османской империи, а против условий Лондонской конвенции 1841 г., поощрявших агрессивную политику британцев в Средиземном море⁶.

Некоторые современные исследователи призывают обратить внимание на религиозный фактор, ставший, с их точки зрения, не поводом, а причиной войны. Так, Л. В. Мельникова полагает, что, «подробно рассматривая политические и экономические причины Крымской войны, исследователи, как правило, лишь вскользь затрагивали вызвавший ее религиозный вопрос, считая его надуманным и искусственным». По ее мнению, это неправильный подход, поскольку «среди огромного множества причин, породивших войну, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов и духовного, церковно-политического аспекта»⁷. Собственно, как известно, война началась из-за спора о том, кому должны принадлежать Святые места в Палестине. Исследователи в лучшем случае рассматривали этот спор как повод к войне, часть же из них вообще не придавала значения этому вопросу, утверждая, как, например, Е. В. Тарле, что это «мнимо-религиозная война двух императоров из-за каких-то предметов евангельской археологии»⁸. Между тем Мельникова полагает, что спор из-за Святых мест лишь видимая часть более глубокого противоречия между католическим Западом и православной Россией, она рассматривает его как составную часть «идейной борьбы Русской Церкви с католической духовной экспансией на Ближнем Востоке». Исходя из этого, она считает необходимым рассматривать этот спор в контексте всего комплекса отношений между странами как одну из основных причин начавшейся войны⁹.

Профессор Лондонского университета О. Файджес также полагает, что крымский конфликт представлял собой по сути религиозную войну¹⁰.

Историк из Севастопольского государственного университета Т. В. Вакулова, используя цивилизационный подход при изучении итогов и причин Крымской войны, приходит к выводу, что причины войны напрямую связаны с религиозным фактором, а ее главной причиной является нарушение закрепленного международными договорами права России на покровительство православия в Турции¹¹. Это не исключает признания ею причинами войны борьбы за гегемонию в Европе и за решение Восточного вопроса.

Причиной войны никак не могло стать стремление Николая I «добить и расчленить “больного человека Европы”», Османскую империю, не было у императора такого намерения; кроме того он мог взять Константинополь и покончить с Турцией как империей по крайней мере два раза (в 1829 и 1833 гг.) силами исключительно русских войск¹².

Теперь об итогах. Так ли они катастрофичны и губительны для Российской империи? Территориальные потери были незначительны и абсолютно не угрожали безопасности империи в целом, тем более что что-то удалось вскоре вернуть.

Известно, что, согласно условиям Парижского мира 1856 г., Россия потеряла право строить крепости на Черном море. Но подобные условия касались и Стамбула. Контроль над устьем Дуная установили союзники России — Молдавия и Валахия, в 1861 г. объединившиеся в Королевство Румынию, оказавшее Петербургу помощь в 1877–1878 гг., во время очередной русско-турецкой войны¹³.

Фененко предложил смотреть на итоги военного противостояния с точки зрения оценки ее результатов противниками России в войне, которые восприняли Парижский мир 1856 г. без энтузиазма. Так, один из главных инициаторов войны, премьер-министр Великобритании Генри Пальмерстон считал результаты противостояния «неопределенными» и был весьма недоволен таким окончанием военных действий: «Трактат сохранил Россию как огромную державу, способную через несколько лет, когда в результате более мудрой внутренней политики она разовьет свои необъятные естественные богатства, поставить под угрозу крупнейшие европейские интересы»¹⁴. Член Палаты общин от консервативной партии, публицист Эдвард Булвер-Литтон охарактеризовал итоги войны как «неудачные» («русская звезда на Востоке затмила британскую», — так образно он выразился). Позиция французского историка конца XIX в. солидарна с оценками британских современников событий: «...не этих результатов ожидала Европа... Россия казалась побежденной. Но, в общем, сопротивляясь врагам, она покрыла себя славой. Она вышла из войны без унижений. Ее территориальные границы были почти сохранены. Короткий период, в течение которого она собиралась с силами и проводила внутренние реформы, позволил ей вскоре возобновить свое движение вперед»¹⁵ (и это несмотря на то, что во Франции Парижский трактат 1856 г. однозначно считается победой Наполеона III!). Английский историк XX в. Тейлор более оптимистично смотрел на итоги войны, но тем не менее и он признавал, что «8 сентября Севастополь пал. Крымская война была выиграна, но союзники, как и прежде, не знали, что делать со своей победой. Они были в затруднении, в каком месте атаковать Россию»¹⁶. Современный английский политолог Нил Макфарлейн считает итоги войны поражением Великобритании¹⁷.

Почему же отечественные исследователи снова и снова писали о катастрофе Крымской войны, хотя каких-либо жизненно важных территорий мы не потеряли, а наши противники вовсе не считали себя победителями? На данный момент существует целый ряд работ, авторы которых по-иному, нежели их предшественники, оценивают итоги войны и причины поражения в ней. В чем-то их точка зрения близка к точке зрения наших противников. Эти авторы являются приверженцами идеи о том, что Россия проиграла войну, но не была побеждена.

Сторонники идеи о том, что итоги войны не были для империи позором и катастрофой, считают, что степень военной отсталости России от Англии и Франции в области вооружений сильно преувеличена, а ее готовность отразить военную угрозу преуменьшена. Прежде всего был далек от катастрофы военный

баланс. Русские потерпели поражение в сражениях при реках Альма и Черная, но ни одно из этих поражений не сравнить по масштабу с Седаном или Ватерлоо, когда Франция дважды теряла собственную армию. В то же время важнейший участник европейской коалиции Британия не смогла достичь в ходе военных действий решительного перелома не только в Крыму, но и на остальных направлениях, во время осады Петропавловска-Камчатского, Таганрога, Соловецкого монастыря, попытки блокады Санкт-Петербурга. Взятие же русскими войсками в ноябре 1855 г. стратегически важной крепости Карс — ворот в Индию и Персию — было воспринято в Лондоне как тяжелейшее поражение. В то же время Россия не позволила высадить десант на южном побережье Финского залива благодаря использованию мин Якоби с химическими контактными взрывателями — передовой по тем временам военной технологии.

А. В. Кухарук доказывает: тезис, что николаевская Россия имела отсталую систему комплектования войск, несостоятелен. Он утверждает, что при сохранении традиционного названия воинской повинности — рекрутская, в 1830–1840-е гг. в России фактически была введена конскрипционная система¹⁸. Полностью внедрить ее мешало крепостное право. Тем не менее она позволила развернуть колоссальную для того времени армию. По подсчетам Кухарука, к началу 1856 г. под ружье удалось поставить вместе с ополчением более двух миллионов трехсот тысяч человек, и это несмотря на потери в войне¹⁹.

По расчетам современного американского исследователя Ф. Кэгана, количество мобилизованных достигало двух с половиной миллионов человек; он считает развертывание такой многочисленной армии «одним из наиболее впечатляющих достижений русского оружия в XIX в.»²⁰. Кэган также полагает, что проигрыш России в Восточной войне был обусловлен изначальной безнадежностью ее стратегического положения, а не являлся следствием военного поражения. Техническая отсталость и слабость военной администрации, по его мнению, не имела на этом фоне принципиального значения: исход борьбы был предрешен прочной политической изоляцией России и географической разбросанностью потенциальных театров военных действий. Сильно преувеличена, считает американский исследователь, и неэффективность николаевской военной системы. И далее он констатирует: в Восточной войне русская армия «добилась даже больших результатов, чем от нее можно было ожидать»²¹.

В работах О. Р. Айрапетова присутствует стремление уточнить истинные и мнимые причины поражения России в Крымской войне; выводам автора о том, что Россия не могла одержать победу, сопутствует его резюме: сам по себе исход противостояния изолированной России с вражеской коалицией «отнюдь не свидетельствовал о слабости империи Николая I»²².

В исследовании А. А. Кривопалова предпринята попытка ответить на вопрос: была ли русская стратегия в заключительное семилетие царствования Николая I провалом, дискредитировавшим практически все результаты военного строительства 1830–1850-х гг., или же, напротив, эта стратегия стала опти-

мальным выходом из политически и стратегически безнадежной ситуации, сложившейся в ходе Крымской войны, выходом, состоявшимся именно благодаря этим результатам. Выводы автора предлагают принципиально иной по сравнению со сложившейся историографической традицией взгляд на события, предшествовавшие Восточной войне и сопутствовавшие ей. По его мнению, работы по этой войне долгое время ограничивались подробным описанием событий Крымской кампании, а «события на других фронтах, особенности внешнеполитической обстановки на разных стадиях конфликта, а также их возможное влияние на исход боевых действий в значительной степени оставались без внимания». Между тем для стратегических планов Николая I и И. Ф. Паскевича крымское направление не было главным — наиболее опасным им представлялось западное направление, где и были дислоцированы лучшие воинские подразделения и многочисленные резервы. В отечественной же историографии, отмечает Кривоपालов, «наблюдалась тенденция своеобразной редукции проблемы исхода Восточной войны до проблемы обороны Севастополя»²³.

С Кривоपालовым солидарен и М. М. Шевченко: потеря Царства Польского и литовско-белорусских губерний могла закончиться катастрофой, их отторжением от Российской империи, тем более что подобные планы строились не где-нибудь, а в воюющей с Россией Англии²⁴.

Сосредоточение внимания историков Восточной войны на Крымском театре военных действий представляется ученым этого направления неправильным — они не считают его основным и доказывают, что исход войны был русским командованием просчитан с самого начала.

Работы исследователей, чья точка зрения представлена в статье, содержат и целый ряд фактов, опровергающих тезис об отсталости русской армии в техническом и административном отношении. Шевченко подверг сомнению утверждение, что Россия проиграла войну союзникам в том числе и из-за острой нехватки нарезного стрелкового оружия. Утверждение это он признает ошибочным, ведь полностью оснащенных таким оружием армий в то время не существовало. Нарезные винтовки новой, усовершенствованной формы большая часть французских войск получила перед отправкой в Крым. Но самое главное, с его точки зрения, что в 1840–1850-е гг. модернизация ручного стрелкового оружия, происходившая везде, в том числе в России, приводила к увеличению скорострельности, а не дальнобойности (300 ярдов против 100). В большой маневренной войне этому придавалось большое значение. Нарезные винтовки или штуцера, заряжавшиеся с дула, превосходя гладкоствольные ружья в дальности боя, значительно уступали им по скорострельности. Количество же пехотинцев со штуцерами в России почти достигало общего числа легкой пехоты Франции и Австрии вместе взятых²⁵.

Таким образом, освещение целого ряда проблем Восточной войны в новом тысячелетии подвергнуто пересмотру. К ним относится и вопрос о возможности или невозможности продолжать войну после 1855 г. Французский историк

конца XIX в. А. Дебидур писал о взятии союзниками Севастополя: «...с военной точки зрения победа союзников не была решающей... Русские эвакуировали только южную часть города и <...> отступили в северную... Последнее усилие истощило и коалицию». Выводы исследователя об общих итогах войны весьма неприятны для французских читателей: «...несмотря на ожесточенный и производившийся во многих направлениях штурм, которому подверглась Российская империя, она оставалась еще почти нетронутой»²⁶. В это время противники России испытывали, как и она, глубокий финансовый кризис, совокупные людские потери стран антирусской коалиции были вполне сопоставимы с потерями России (так, Франция потеряла там 30 % состава армии). Скорее всего, именно осознание этого факта стало причиной того, что Александр II в 1863 г. так сокрушался: «Семь лет тому назад <...> я подписал Парижский трактат, и это было трусостью»²⁷.

Иркутский исследователь А. Ермаков предпринял попытку связать вопрос об итогах Крымской войны с историей современной России: он полагает, что середина XIX в. — это начало попыток англосаксов осуществить глобализацию планеты, успешно реализованной в наши дни. На пути глобализации стояла Россия, которая, «даже не прибегая к вооруженному вмешательству, самим фактом своего существования и развития ежедневно доказывала миру, что крупное государство может строиться, хозяйствовать и добиваться определенных успехов, не следуя нормам буржуазного права и протестантской этики»²⁸. По его мнению, «николаевская Россия (1825–1855) справедливо может быть названа пиком русского влияния в мире»: «...никогда ни прежде, ни после Россия в лице своего высшего руководителя с такой безапелляционной решимостью не пыталась диктовать Европе свою волю, настаивая при этом на своей особой роли в защите всех европейских традиций, в том числе и русской». Ермаков убежден, что именно «конец этой эпохи <...> определил в качестве нормы не столько сотрудничество, сколько противостояние России и Европы». И, собственно, углубление конфликта между «передовыми», т. е. дальше других продвинувшимися по пути глобалистского прогресса, странами Европы», которые «уже не могли допустить свободного и стабильного существования подобного конкурента», и стало одним из факторов, приведших к Восточной войне. Возможно, в таком подходе есть и рациональное зерно. Ермаков не столь оптимистично настроен в отношении итогов войны, как исследователи, о которых говорилось выше. В свойственном ему духе он проецирует их на перспективу. По мнению исследователя, «военное поражение обернулось для России религиозно-идеологической капитуляцией образованного общества перед западными ценностями», которая, наряду с трудностями экономического порядка, существенно повлияла на характер и итоги реформ 1860-х гг. В результате проведенных преобразований, как полагает Ермаков, «Россия фактически утратила те внутренние сословно-корпоративные механизмы, которые на протяжении двух с половиной столетий обеспечивали ей относительную внутреннюю стабильность и позволяли в решающие моменты от-

ражать серьезные внешние угрозы. После утраты этих механизмов развал и распад Российской империи и ее государственного строя был только делом времени». Таким образом, «Восточную войну 1853–1856 гг. можно рассматривать как первое фундаментальное поражение России в борьбе с фундаментализмом», — заключает Ермаков. Он пишет и о развязанной Западом информационной войне против России, благодаря которой образ ее как врага надолго был закреплен в европейском мире, — поневоле удивиться совпадению созданного им образа с нынешней международной ситуацией. На наш взгляд, Ермаков слишком увлекся задачей актуализации проблем Восточной войны и попытался поднять их до уровня острых вопросов, волнующих мир в наше время, хотя предвидеть сегодняшнюю информационную войну против России и ее изоляцию вряд ли мог (первая его работа на эту тему вышла в 2006 г.).

Таким образом, историки, о которых идет речь, одинаково представляют историю Восточной войны, изучая ее как событие во внешней политике России, с обязательным учетом ее военно-стратегической составляющей (Айрапетов). Они сосредотачивают свое внимание на «проблеме выбора стратегического приоритета в условиях войны», который заведомо «исключал для России победный исход», но «позволял свести к минимуму ее потери» (Кривопапов)²⁹; таким приоритетом было обусловлено сосредоточение основной группировки русских войск у границ Австрии. Оно отвечало «именно той задаче, которая имела первостепенную важность в обстановке навязанного России затяжного противостояния на измор» (Кухарук); «прочная дипломатическая изоляция России предопределила неудачный исход войны, и борьба могла вестись лишь за наименее худшие условия мира» (Шевченко)³⁰. В целом, как отмечалось выше, все эти исследователи отвергают не только тезис об отсталости России как основной причине ее поражения в Крыму, но и само поражение.

Сторонников подобного подхода С. В. Мироненко назвал «ревизионистами»³¹, с иронией охарактеризовав их утверждение, что «русская армия была не так плоха» следующим образом: «...все это было бы хорошо, если бы было правдой»³². Между тем авторы рассмотренных выше работ, как нам представляется, вполне аргументированно, с привлечением новых источников обосновывают свое видение событий Восточной войны 1853–1855 гг. Очень хочется поверить в предложенную ими версию происшедшего и согласиться с автором фундаментальной биографической работы о Николае I Л. В. Выскочковым: «Для России война закончилась позорным миром, но не позорным поражением. <...> Россия *на время* (курсив мой. — И. Р.) осталась без черноморского флота и перестала быть Дунайской державой. Впрочем, ненадолго»³³.

Фененко полагает, что «результаты войны оказались *боевой ничьей* (курсив мой. — И. Р.) и для России, и для “крымской коалиции”», а ее «стратегические результаты оказались менее благоприятными для Великобритании и Англии, чем для России: ведь именно они дали “карт-бланш” на создание их главного противника — Германской империи»³⁴.

- ¹ Ленин В. И. Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит.-ры, 1973. Т. 20. С. 173.
- ² Мироненко С. В. Тридцать лет одиночества // Родина: Николаевская эпоха. М., 2013. № 3. С. 2.
- ³ Крымской война названа в отечественной историографии послеоктябрьского периода.
- ⁴ По мнению М. М. Шевченко, историографическая традиция до сих пор несет на себе отчетливый отпечаток оценки николаевского наследия общественным мнением 1850-х гг., сделанной сквозь призму «мрачного семилетия» (1848–1855) и прочно утвердившейся в исторической памяти интеллигенции второй половины XIX — начала XX в. (Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения // Труды ГИМ: XIX в. в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейные интерпретации. Т. 163. М., 2007. С. 302).
- ⁵ Сложность простого ответа на данный вопрос следующим образом охарактеризовал Алексис Трубецкой, канадский ученый с русскими корнями: «...причины Крымской войны, самой странной и ненужной в истории, столь переплетены, что не допускают простого определения» (Трубецкой А. Крым. М.: Ломоносов, 2010).
- ⁶ Фененко А. Черная легенда. Размышления о Крымской войне с высоты 2016-го года // РСМД: [сайт]. 2016. 23 августа. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/alexei-fenenko/_2674/ (дата обращения: 15.12.2023). Алексей Валериевич Фененко — к. и. н., д. п. н., проф. факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова.
- ⁷ Мельникова Л. В. Русская Православная церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. С. 16, 26.
- ⁸ Тарле Е. В. Крымская война. Т. I. М.; Л., 1950. С. 136, 135. Подробнее см.: Мельникова Л. В. Русская Православная церковь и Крымская война 1853–1856 гг. С. 16–40.
- ⁹ Мельникова Л. В. Русская Православная церковь и Крымская война 1853–1856 гг. С. 26.
- ¹⁰ Файджес О. Крым: последний крестовый поход. М.: Rosebud Publishing, 2021.
- ¹¹ Вакулова Т. В. Крымская война: конфликт цивилизаций // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Религиоведение. Межд. отношения. 2016. Т. 21, № 6. С. 38, 43. Вакулова утверждает, что «главное событие этого межцивилизационного конфликта происходит в Крыму и Севастополе, не только военной базе России на Черном море, но и колыбели русского православия». Вывод этот далеко не беспопытен.
- ¹² Как пишет Фененко, «ни в одном официальном документе русский кабинет не заявил о намерении присоединить к России османские провинции. Претензии подобного рода обосновываются ссылками на неофициальные (и, зачастую, вольно трактуемые) высказывания Николая I, вырванные из контекста и дошедшие до нас через третьи руки» (Фененко А. В. Черная легенда. Размышления о Крымской войне с высоты 2016-го года). См. также: Княпина Н. С. Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. URL: <http://Annales.info/islam/turkey/uid.htm?ysclid=lw4m6xdtqk313940904> (дата обращения 15.12.2023).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Цит. по: Тейлор А. Дж. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 126.
- ¹⁵ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 120, 122–123.
- ¹⁶ Тейлор А. Дж. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. С. 126.
- ¹⁷ Полуни А. Уроки и мифы Крымской войны // Свободная пресса. 2015. 7 декабря. URL: <https://svpressa.ru/post/article/137672/> (дата обращения 15.12.2023).
- ¹⁸ Конскрипционная система, или конскрипция — система комплектования армии на основе воинской повинности с допущением замены призываемого и денежного выкупа (существовала во Франции и в ряде других европейских стран до 1860-х гг., была заменена всеобщей воинской повинностью).
- ¹⁹ Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1999. С. 57–79, 79–82, 182. Кухарук считает, что русская армия перед Крымской войной ничем не уступала, а порой и превосходила западноевропейские армии.

- ²⁰ Kagan F. W. The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999. P. 243.
- ²¹ Ibid. P. 245; см. также: Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1855 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2013. С. 23.
- ²² Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М.: Европа, 2006. С. 208, 219.
- ²³ Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1855 гг. С. 9.
- ²⁴ Союзники Англии по блоку в начале войны были поражены «мирными» планами английского министра внутренних дел Г. Пальмерстона, согласно которым Аладские острова и Финляндию следовало вернуть Швеции, прибалтийские губернии присоединить к Пруссии, устье Дуная — к Австрии, Крым и Закавказье — к Турции. «Независимые» черкесский Кавказ и Польша (восточная граница которой проходила чуть ли не по Днепру) по этому же плану должны были окончательно «выдавить» Россию из Европы. Подобные планы вынашивал и Наполеон III: существует свидетельство российского дипломата, которому французский император сообщал: «Я намерен... приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать вашему влиянию и заставить вас вернуться в Азию, откуда вы и пришли. Россия не европейская страна, она не должна быть и не будет таковой, если Франция не забудет о той роли, которую ей надлежит играть в европейской истории... Стоит ослабить ваши связи с Европой, и вы сами по себе начнете движение на Восток, чтобы вновь превратиться в азиатскую страну. Лишить вас Финляндии, балтийских земель, Польши и Крыма не составит труда».
- ²⁵ Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения. С. 283. Шевченко язвительно добавляет, что «в 1870 г. вооруженность всей французской пехоты лучшей, чем у прусских солдат, винтовкой Шаспо не мешает Франции быть наголову разбитой Пруссией», таким образом, поддерживая вывод об отсутствии непосредственной связи между уровнем вооружения армии и исходом сражения или войны в целом (Там же).
- ²⁶ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. 1814–1878. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1995. С. 120, 122–123.
- ²⁷ Цит. по: Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 158.
- ²⁸ Ермаков А. Крымская война 1853–1856 // Москва. 2014. Март. С. 145–158. URL: https://moskvam.ru/publications/publication_1073.html#_ftn1 (дата обращения 15.12.2023).
- ²⁹ Кривопапов А. А. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1855 гг. С. 6. Похожее высказывание содержит и работа Кухарука, утверждавшего, что Россия проиграла Крымскую войну постольку, поскольку она не могла ее выиграть: в одиночку сокрушить западноевропейскую коалицию было не под силу даже сильнейшей армии Европы (Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. С. 23).
- ³⁰ Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения. С. 283.
- ³¹ К ним можно отнести и А. Г. Бесова (Бесов А. Г. Военная политика России в XIX в. М., 2001).
- ³² Мироненко С. В. Тридцать лет одиночества // Родина: Николаевская эпоха. М., 2013. № 3. С. 3.
- ³³ Выскочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 411.
- ³⁴ Фененко А. В. Черная легенда. Размышления о Крымской войне с высоты 2016-го года. Фененко прямо пишет, что на всех фронтах, кроме Западного Крыма, успех скорее был у России.

References

- AIRAPETOV O. R. Vneshnyaya politika Rossiiskoi imperii (1801–1914). [Foreign policy of the Russian Empire (1801–1914). In Russ.]. Moscow: Evropa, 2006.
- AIRAPETOV O. R. Zabytaya kar'era "russkogo Moltke". Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904). [The forgotten career of the "Russian Moltke". Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904). In Russ.]. St. Petersburg, 1998.
- BESOV A. G. Voennaya politika Rossii v XIX v. [Military policy of Russia in the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2001.
- DEBIDUR A. Diplomaticeskaya istoriya Evropy. 1814–1878. [Diplomatic history of Europe. 1814–1878. In Russ.]. T. 2. Rostov-on-Don, 1995.
- ERMAKOV A. Krymskaya voina. [Crimean War. In Russ.] // Moskva. 2014. No. 3. P. 145–158. URL: https://moskvam.ru/publications/publication_1073.html#_ftn1 (date of access: 15.12.2023).
- FAIDZHES O. Krym: poslednii krestovyi pokhod. [Crimea: the last crusade. In Russ.]. Moscow: Rosebud Publishing, 2021.
- FENENKO A. V. Chernaya legenda. Razmyshleniya o Krymskoi voine s vysoty 2016-go goda. [The Black legend. The reflections on the Crimean War from the heights of 2016. In Russ.] // RSMD. 2016. 23 Aug. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/alexei-feneko/_2674/ (date of access: 15.12.2023).
- KAGAN F. W. The military reforms of Nicolas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999.
- KRIVOPALOV A. A. Feldmarshal I. F. Paskevich i russkaya strategiya v 1848–1855 gg. [Field Marshal I. F. Paskevich and Russian strategy in 1848–1855. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2013.
- KUKHARUK A. V. Deistvuyushchaya armiya v voennykh preobrazovaniyakh pravitelstva Nikolaya I [The active army in the military transformations of the government of Nicholas I. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1999.
- LENIN V. I. "Krestyanskaya reforma" i proletarsko-krestyanskaya revolyutsiya. ["Peasant reform" and proletarian-peasant revolution. In Russ.] // Lenin V. I. Poln. sobr. soch.: v 55 t. 5th ed. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1973. T. 20. S. 171–180.
- MELNIKOVA L. V. Russkaya Pravoslavnaya tserkov i Krymskaya voina 1853–1856 gg. [The Russian Orthodox Church and the Crimean War 1853–1856. In Russ.]. Moscow: Kuchkovo pole, 2012.
- MIRONENKO S. V. Tridsat' let odinochestva [Thirty Years of Solitude. In Russ.] // Rodina: Nikolaevskaya epokha. Moscow, 2013. No. 3. S. 2–5.
- POLUNIN A. Uroki i mify Krymskoi voiny. [Lessons and myths of the Crimean War. In Russ.] // Svobodnaya pressa. 2005. 7 Dec. URL: <https://svpressa.ru/post/article/137672/> (date of access: 15.12.2023).
- SHEVCHENKO M. M. Istoricheskoe znachenie politicheskoi sistemy imperatora Nikolaya I: novaya tochka zreniya. [The historical significance of the political system of Emperor Nicholas I: a new point of view. In Russ.] // Trudy GIM: XIX v. v istorii Rossii. Sovremennyye kontseptsii istorii Rossii XIX veka i ikh muzeinye interpretatsii. T. 163. Moscow, 2007. S. 281–302.
- TARLE E. V. Krymskaya voina. [The Crimean War. In Russ.]: v 2 t. T. I. Moscow; Leningrad, 1950.
- TEYLOR A. DZH. Borba za gospodstvo v Evrope. 1848–1918. [The struggle for dominance in Europe. 1848–1918. In Russ.]. Moscow, 1958.
- TRUBETSKOY A. Krym. [Crimea. In Russ.]. Moscow: Lomonosov, 2010.
- VAKULOVA T. V. Krymskaya voina: konflikt tsivilizatsij. [Crimean War: conflict of civilizations. In Russ.] // Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Religiovedenie. Mezhd. otnosheniya. 2016. T. 21, no. 6. S. 38–44.
- VYSKOCHKOV L. V. Nikolai I. [Nikolai I. In Russ.]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2006.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. В. Ружицкая. «Катастрофа» или нет: новейшая историография Крымской войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 23–33

Аннотация: Исследователи, о которых идет речь в статье, оценивают итоги войны и причины поражения в ней вопреки традиции, сложившейся в отечественной историографии за полтора столетия. Они считают, что степень военной отсталости России от Англии и Франции в области вооружений сильно преувеличена, а ее готовность отразить военную угрозу преуменьшена. Часть этих историков полагает, что проигрыш России в войне был обусловлен изначальной безнадежностью ее стратегического положения, а не являлся следствием военного поражения. Техническая отсталость и слабость военной администрации, по их мнению, не имела на этом фоне принципиального значения: исход борьбы был предreshen прочной политической изоляцией России и географической разбросанностью потенциальных театров военных действий.

Ключевые слова: Российская империя, союз европейских государств и Турции, Крымская война: причины и итоги, император Николай I, русская армия.

FOR CITATION

I. V. Ruzhitskaya. “Catastrophe” or not: the latest historiography of the Crimean War // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 23–33

Abstract: The researchers discussed in the report evaluate the results of the war and the reasons for its defeat, contrary to the tradition that has developed in Russian historiography over a century and a half. They believe that the degree of Russia’s military backwardness from England and France in the field of weapons is greatly exaggerated, and its readiness to repel a military threat is understated. Some of these historians believe that Russia’s loss in the war was due to the initial hopelessness of its strategic position, and was not a consequence of military defeat. The technical backwardness and weakness of the military administration, in their opinion, had no fundamental significance against this background: the outcome of the struggle was predetermined by the strong political isolation of Russia and the geographical dispersion of potential theaters of military operations.

Key words: Russian Empire, union of European states and Turkey, Crimean War: causes and results, Emperor Nicholas I, Russian army.

Автор: Ружицкая, Ирина Владимировна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Author: Ruzhitskaya, Irina Vladimirovna — Dr. sci. hum., Leading Researcher of the Institute of Russian history of the Academy of Sciences of Russia.

E-mail: iraruz@gmail.com

Б. А. Никишин

Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны: информационная война в середине XIX века

Войну 1853–1856 гг. в отечественной историографии называют Крымской. В западной историографии она утвердилась как Восточная война. Однако Крымские бои и в том числе героическая одиннадцатимесячная оборона Севастополя — это лишь часть другой, более масштабной войны. Противостояние Российской империи с одной стороны и союзных войск Великобритании, Франции, Турции и Королевства Сардиния с другой затронуло огромную территорию, простирающуюся от Балтийского моря и Арктики до Кавказа и Тихого океана. Военные кампании сопровождались идеологическим и информационным противостоянием. Участники войны преследовали глобальные цели. По сути, это была война за мировое господство. Она стала своего рода репетицией двух грядущих мировых войн. В условиях военного и информационного противостояния в России начинают издаваться политические карикатуры¹ и лубочные картинки².

В конце XVIII — начале XIX в. в Великобритании происходит расцвет жанра политической карикатуры (Т. Роуландсон, И. Крукшенк, Д. Гильрей)³. В 1830–1840-е гг. во Франции благодаря стараниям мастеров сатирической графики (О. Домье, Г. Доре) карикатура утвердилась как самостоятельный жанр журналистики и широко тиражировалась на страницах парижских периодических изданий. Постепенно карикатура как жанр распространяется по всей

Европе и за ее пределами, развивается и становится неотъемлемым инструментом информационных войн⁴.

К середине XIX в. у России уже был накоплен опыт в издании сатирических листов. Политическая карикатура как вид изобразительного искусства была опробована профессиональными художниками в Отечественную войну 1812 г. (А. Г. Венецианов, И. И. Терещенков, И. А. Иванов)⁵, так что к Крымской войне основные композиционные и сатирические приемы уже были выработаны.

Ведущими чертами политической карикатуры были юмор и сатира, направленные на поднятие боевого духа и вселение надежд на победу над врагами. Е. М. Букреева замечает, что критическая направленность рисунков «делала карикатуру необычайно популярной среди широких слоев населения»⁶.

Среди требований, которые предъявлялись к авторам сатирических рисунков, можно отметить особое внимание и заботу о доходчивости и емкости образов (использовались приемы гиперболизации и карикатурного искажения), юмор и остроумие, злободневность и этичность, патриотический уклон и настрой на победу⁷. Журнал «Современник»⁸ отмечал: «Герои, обещавшие взять в 24 часа Кронштадт, и в три дня Севастополь, — представляют для карикатуристов поле обширное... Тут есть где разгуляться юмору, надобно только владеть им!»⁹

Факт государственного заказа лубочных картинок в разгар Крымской войны можно проследить на основе переписки великого князя Константина Николаевича с писателем и этнографом В. И. Далем за январь — февраль 1855 г.¹⁰ Константин Николаевич высоко оценил полученные в подарок от В. И. Даля лубки, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г., и выразил желание «видеть издание подобных картин, изображающих современные подвиги собственно моряков наших на Дунае, на Кавказе, в Крыму и в Камчатке <...> в огромном числе экземпляров и разослать по всей России для продажи по самой ничтожной цене, дабы сделать доступными каждому крестьянину»¹¹. Д. В. Соловьев подчеркивает, что, вовлекая общество в осмысление происходивших событий, государство стремилось «в популярной форме предоставлять исчерпывающую и доступную информацию, уже прошедшую общую и ведомственную цензуру и отражающую официальную точку зрения о ходе войны и происходящих событиях»¹².

Во всеподданнейшем докладе министра народного просвещения А. С. Норова¹³ от 8 февраля 1854 г. сообщалось о поступлении в цензуру множества «различных сочинений в прозе и стихах, с изъяснением патриотических чувствований»¹⁴. В ответном письме Николай I разрешил беспрепятственное печатание патриотических сочинений, «с тем только, чтобы в них не заключалось брани»¹⁵.

В декабре 1854 г. император соизволил «карикатуры политического содержания, направленные против враждебных нам государств и народов, допускать к печати» при условии, что они «представляют смешную сторону предмета

с соблюдением приличия и не заключают в надписях брани»¹⁶. С этого момента страна официально начинает вести патриотическую пропаганду. По мнению И. В. Чепурова, отечественная карикатура XIX в. «носила в большей мере военно-стратегический характер»¹⁷. Сатирические иллюстрации использовались в качестве инструмента, который мог влиять на широкую аудиторию.

Кроме того, карикатуры выполняли также терапевтическую функцию: снимали у мирного населения напряжение и тревожные мысли о положении на фронте. А. Ф. Некрылова обращает внимание на любопытный момент: «...чем тревожнее становились слухи с реального театра военных действий, тем охотнее раскупались, разглядывались и комментировались картинки...»¹⁸

Крымская война вызвала новый расцвет патриотической карикатуры, авторами которой являлись известные художники Н. А. Степанов, П. М. Боклевский, П. И. Анненский, В. Невский, В. Беляев и др. В данной работе для анализа нами были отобраны как популярные альбомы карикатур, так и редко встречаемые сатирические листы времен Крымской войны.

Одной из ранних лубочных картинок крымской кампании был лист, созданный по мотивам басни П. А. Каратыгина¹⁹ «Русский молодец и заморские гости» (1854)²⁰. Россия предстает здесь как сильный и могучий «русский молодец» со здоровой палкой в руках, а противостоящие ей страны (Великобритания, Франция, Турция) — как «заморские гости» с оружием. Незванные «три хваты» вышли на берег к русскому парню и загородили ему дорогу. Согласно басне, причиной войны выступает зависть «заморских гостей» к силе и величию России²¹. В этом отношении столкновение между противниками является неизбежным. В басне нет явно сформулированной морали, однако в заключение П. А. Каратыгин дает понять читателю, что у России свой исторический путь. Кончается басня назидательной пословицей и самонадеянным возгласом:

Не трогают тебя, так уж и ты не трогай:
Не то я еду — не свищу,
А как наеду, не спущу!²²

Уже после окончания Крымской войны в 1862 г. П. А. Каратыгин сделал приписку к басне:

Не я один — мы все так рассуждали,
За песни громкие мы рано принялись,
На бога мы свои надежды возлагали
И здесь и в небесах в расчетах обожглись...
И оправдалась та пословица над нами:
«Надейтесь на бога вы, да не плошайте сами!»²³

Другим весьма заметным сатирическим лубком Крымской войны является лист, выпущенный накануне подписания Парижского мирного договора. Текст лубка был создан по мотивам известной басни И. А. Крылова²⁴ «Лебедь, Щука и Рак» и доходчиво доносил мысль об отсутствии единства среди союзников:

Поклажа бы для них казалась и легка,
Да лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад,
А щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав.
Судить не нам,
Да только воз и ныне там²⁵.

На сатирическом листе англичанин, француз и турок противостоят русским воинам и вместе с тем уподоблены героям басни И. А. Крылова, тянущим возок в разные стороны.

Рассмотренные выше сатирические листы позволяют говорить о том, что авторы басен апеллировали не только к патриотическим чувствам читателей, но и пытались в иносказательной форме обрисовать сложившуюся ситуацию и показать героев войны²⁶.

Заметный вклад в развитие отечественного сатирического рисунка внес художник-карикатурист Н. А. Степанов²⁷. Его карикатуры, как отмечает Л. Р. Варшавский, выделялись «меткостью и правдой, глубоким юмором и завидной наблюдательностью»²⁸.

Со вступлением союзников в войну Н. А. Степанов одним из первых откликнулся на развернувшиеся события, подготовив к печати десять карикатур на действия англо-французов в Балтийском и Черном морях. Несмотря на старания издателя купца А. И. Бегрова²⁹, в октябре — декабре 1854 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет и Главное управление цензурой не одобрили к печати сатирические листы³⁰. Более того, председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин³¹ со своей стороны «признал эти карикатуры несообразными с достоинством русского народа»³².

В течение 1855–1856 гг. Н. А. Степанов выпустил три литографированных альбома «Карикатуры» в десять листов каждый и дополнение к ним под названием «Современные шутки», которые пользовались большой популярностью. Все альбомы карикатур Н. А. Степанова выходили в литографии А. И. Бегрова и продавались в его картинном магазине³³.

В сентябре 1855 г. Н. А. Степановым был подготовлен четвертый выпуск альбома «Карикатуры», который прошел цензуру и должен был поступить в продажу³⁴. Однако выход альбома был приостановлен в январе 1856 г. по случаю начавшихся переговоров о мире, а затем и вовсе запрещен³⁵. Затянувшееся дело завершилось уничтожением в цензурном комитете 198 экземпляров³⁶

четвертого выпуска и выплатой вознаграждения купцу А. И. Бегрову в размере 420 руб. серебром за понесенные им издержки³⁷. К. С. Кузьминский замечает, что весь поток карикатур на неприятелей «был прикончен, как и начался, свыше»³⁸.

Персонажами патриотических карикатур Н. А. Степанова были французский император Наполеон III, английский премьер-министр лорд Г. Пальмерстон, английский адмирал Ч. Непир, французские генералы А. Сент-Арно и Ф. Канробер, английский генерал Ф. Раглан, командующий турецкой армией Омер-паша и др. В карикатурах высмеивались неудачи союзников в начальный период войны³⁹.

Особое внимание Н. А. Степанов уделяет фигуре Наполеона III, которого изображает в самых разнообразных сценах, и с большой остротой разоблачает его авантюризм и милитаризм⁴⁰.

На карикатурах Н. А. Степанова император французов представлен в нескольких образах. С одной стороны, как карлик, являющийся неудачной копией своего дяди Наполеона I, или как капризный ребенок, который скачет верхом на палке и собирается ехать в Крым. С другой стороны, Н. А. Степанов создает образ неуклюжего и нелепого лидера, который то выступает перед французами с речью о мире на фоне солдатских штыков, то аплодирует и отдает приказ своим солдатам стрелять в «театральных» казаков.

На карикатуре «Смотр наемному легиону» представлен обход наемников Наполеоном III, где среди солдат французский император встречает своего знакомого, с которым сидел в Гамской тюрьме. Данный сатирический лист недвусмысленно доносит до зрителя мысль как о темном прошлом Наполеона III, так и о контингенте, составляющем его армию.

На одной из карикатур Н. А. Степанова акцентируется внимание на религиозном характере Крымской войны. Показаны союзники, которые как представители цивилизации готовятся к отправке в новый крестовый поход против варваров.

Английский адмирал Непир⁴¹, отправленный разгромить русский флот в Балтийском море, предстает в образе шута и морского пирата, который к тому же изрядно злоупотребляет спиртным. Осознав высокую степень оснащенности русских крепостей, Непир решает дождаться французской эскадры. На одной из карикатур Н. А. Степанова высмеивается предусмотрительность Непира, который заслушав от офицера рапорт адмирала Плумриджа, заявляет: «Жизнь храбрых моряков наших дорога. Для подобных случаев надо вытребовать французский десант, да позначительнее. Подставлять под пули и проливать кровь — дело французов...»

Чтобы показать разобщенность и военные неудачи союзников, Н. А. Степанов использует собирательные образы Великобритании (Джон Буль) и Франции (Марианна). Карикатура «Вербование» дает представление о приоритетах англичан в Крымской войне. На агитацию премьер-министра Пальмерсто-

на Джон Буль отвечает: «Нам нужен комфорт, а не слава. Для славы наймите французов. Они дерутся за женщин, за одно слово, за ничто — как же им не драться за хорошую плату». На другой карикатуре показана Марианна, которая упрекает французских военачальников Гамелена и Канробера в том, что они не могут взять Севастополь.

Помимо отсутствия единства среди союзников карикатуры демонстрируют пренебрежительное отношение англичан и французов по отношению к туркам. В частности, на карикатуре «Английская артиллерия в Крыму» показано, как цивилизованные европейцы использовали турецких солдат в качестве вьючных животных, щедро осыпая их палочными ударами.

Н. А. Степанов не обходит стороной и бытовые ситуации из жизни французов и англичан, в которых старается занизить интеллектуальные способности противников и, напротив, показать мужество и героизм защитников Севастополя.

Отдельно стоит обратить внимание на применение Н. А. Степановым реалистического метода при создании сатирических рисунков. В частности, журнал «Современник» обращал внимание на минимальную карикатурность и портретное сходство изображаемых персонажей⁴².

Классик отечественной книжной графики, художник-иллюстратор П. М. Боклевский⁴³ в 1855 г. впервые выступил как художник в печати с альбомом карикатур «На нынешнюю войну»⁴⁴. Восемь литографированных рисунков иллюстрируют распространенное в Крымскую войну патриотическое стихотворение В. П. Алферьева⁴⁵, которое было опубликовано в «Северной пчеле»⁴⁶ и начиналось следующими словами:

Вот в воинственном азарте воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте указательным перстом <...>⁴⁷.

Остроумные карикатуры П. М. Боклевского были направлены против союзников в лице кичливого Наполеона III и практичного лорда Пальмерстона⁴⁸. Художник с гордостью проводит параллель между разгромом интервентов в 1612 г., Отечественной войной 1812 г. и нынешней крымской кампанией 1855 г., указывая при этом на единство русского народа и несостоятельность планов союзников.

На нескольких сатирических листах появляется фигура Наполеона I. В начале французский император управляет колесницей, запряженной множеством европейских корон («дванадцати языков»), которые останавливаются у огромного русского флага с девизом: «С нами Бог. Разумейте языцы и покоряйтесь»⁴⁹. Затем Наполеон I сталкивается с простой русской бабой, которая, вооружившись помелом, хватается завоевателя за шиворот и прогоняет за море. На дальнем плане зритель может рассмотреть виднеющийся остров Святой Елены⁵⁰. Хлесткой сатире П. М. Боклевского подвергается также

и Наполеон III, который пытается во всем подражать своему великому дяде. На огромных ходулях он безуспешно пытается добраться до славы Наполеона I и падает с вершины Вандомской колонны.

Остальные сцены альбома посвящены военной доблести и патриотизму русского народа. В этом отношении примечателен последний, восьмой лист, на котором запечатлено бесчисленное русское воинство, стоящее на защите веры, родины и царя⁵¹. К. С. Кузьминский отмечает, что альбом имел огромный успех, «карикатуры очень понравились только что вступившему на престол императору Александру II, который наградил Боклевского бриллиантовым перстнем»⁵².

Журнал «Современник» 26 июня 1855 г. положительно оценил карикатуры П. М. Боклевского, указав при этом на «несколько избитое» остроумие автора (большой кулак, огромный сапог, давящий неприятеля, и т. п.). Лучшим рисунком альбома редакция журнала признала пятый лист, на котором был изображен молодой русский парень в высокой шапке и овчинном тулупе⁵³. Данный лист, в отличие от остальных, не содержал никаких подписей.

Журнал «Современник» рекомендовал своим читателям остроумное издание П. И. Анненского⁵⁴ «Пословицы в карикатурах. От пословицы не уйдешь. Пословица в век не сломится», вышедшее в 1855 г. в литографии А. Э. Минстера в трех выпусках⁵⁵. Каждый сатирический лист сопровождался двумя пословицами, отражающими суть изображенного. Карикатуры П. И. Анненского позволяют всесторонне рассмотреть интерес каждой из стран в ходе Крымской войны. Если внешне союзники выступали единым фронтом, то на деле каждая из стран старалась извлечь как можно больше выгоды для себя из сложившейся ситуации.

В 1855 г. в типографии Э. И. Веймара в четырех тетрадах вышло «Зеркало для англичан» (Mirror for Englishmen), сочиненное В. Невским (В. В. Черниковым)⁵⁶. Особенность данного издания заключалась в наличии сопроводительного текста к карикатурам, который размещался на отдельной странице.

В первых двух тетрадах сатире В. Невского⁵⁷ подвергается «Гений Англии» с мордой бульдога («существо чисто языческое»), который занимается насаждением «просвещения» и борьбой за равновесие в Европе; обиженный на Россию «амурчик» Пальмерстон, который начинает войну; простые англичане, которые по зову газет и правительства отправляются на Восток «распространять цивилизацию своей винтовкой»; английское правительство (почтенные лорды) и некомпетентность Палаты лордов; адмирал Непир по прозвищу «Карлуша» и его «подвиги» в Балтийском море; бомбардирование беззащитной Одессы союзниками на Светлое Христово Воскресенье⁵⁸.

В последних двух тетрадах В. Невский изображает: «подвиги» англичан на Белом море (Соловки) и на Ледовитом океане (Кола); возвращение Непира («Карлуши») в Англию с трофеями в виде «связки сушеной салакуши»;

«взятие» Севастополя с помощью какого-то татарина и разрушение города; английский лазарет и все «достоинства» английской военной администрации; мужественное британское войско, проливающее кровь под Севастополем; высмеивается самонадеянность, шарлатанство, простота лордов и журналов, которые довели английскую армию до бедственного положения; привычки цивилизованных европейцев (употребление молотого кофе), отказ от которых приравнивается к смерти; смирение народа за все несчастья в Крыму; потеря Англией «всего кредита на материке» и приобретение статуса «европейского китайца»⁵⁹.

В 1855 г. в Москве в литографии Э. Лилье вышли шесть хромофотографированных листов карикатур В. Беяева «Сказание в лицах о том, как незваные гости пожаловали в гости и смех и горе привезли из-за моря». На обложке альбома была помещена русская пословица: «Затеял худо — не быть добру». Главная идея альбома — демонстрация патриотизма и самоотверженности русского народа в борьбе с врагами.

Наполненный театральностью образов «Альбом современных карикатур» Я. Лаппинга, вышедший в 1855 г. и состоящий из двух тетрадей, походит на издание лубочного типа. Первая тетрадь включает в себя пять карикатур, затрагивающих сразу несколько тем: высадка союзников в Крыму и эксплуатация турок; мощь и удаль русского народа, запечатленная в образе солдата, пирожника и сапожника; пропаганда газеты *Times* в лице ее издателя, который «столько кричал про Россию», что порвал себе рот. Вторая тетрадь из пяти сатирических листов в большей степени высмеивает взаимоотношения среди союзников и униженное положение Турции⁶⁰.

В литографии Лаппинга в 1855 г. также вышел сатирический альбом «Современные карикатуры: Фабрикация Турции». Пять карикатур изображают процесс преобразования больной и слабой Турции французскими и английскими «мануфактуристами», чтобы она «могла быть терпимой в их обществе»⁶¹. Автором карикатур достаточно точно подмечена лидирующая роль лорда Редклифа⁶² при подготовке Турции к войне. Поэтапно дряблая Турция подвергается воздействию союзников, которые «поджигают ее представлениями и докладами», «восстанавливают посредством цивилизации и надувания», просвещают и обнадеживают лживыми обещаниями. Завершается процесс фабрикации Турции тем, что «шкуру Турции торгуют какие-то господа».

Выводы:

1. Политическая карикатура — сильное и действенное средство борьбы и пропаганды, неотъемлемый инструмент информационных войн. Политическая карикатура как вид изобразительного искусства была опробована в Отечественную войну 1812 г. К середине XIX в. уже были выработаны основные композиционные и сатирические приемы. Ведущие черты политической карикатуры — юмор и сатира, направленные на поднятие боевого духа и вселение надежд на победу над врагами.

2. Сатирические иллюстрации создавались в разгар войны по заказу и под контролем государства и имели разные задачи: поднятие боевого духа, занижение достоинств противника, фиксация знаковых событий, исторических лиц и бытовых сцен. Выделяются военно-стратегическая (инструмент влияния на широкую аудиторию) и терапевтическая (снятие напряжения и отвлечение от тревожных мыслей) функции карикатур.

3. Политические карикатуры и лубочные картинки разрабатывались для широкой категории зрителей. Карикатуры часто отличались незамысловатым сюжетом: союзники были выставлены неудачниками, рассчитывающими на легкую победу, а русские — героями. Вместе с тем подобные изображения преследовали еще одну цель — понизить в глазах русского зрителя интеллектуальные способности противника.

4. Важнейшими задачами государства в условиях войны является пропаганда патриотизма и формирование позитивного общественного мнения в отношении защитников Отечества.

5. Крымская война вызвала новый расцвет патриотической карикатуры, который неразрывно связан с именами художников Н. А. Степанова, П. М. Боклевского, П. И. Анненского, В. Невского, В. Беяева и др.

¹ Карикатура — изображение какого-либо явления в смешном, нелепом виде путем намеренного искажения воспроизводимого материала. Часто комические изображения сопровождаются пояснительным текстом.

² Лубок, или лубочная картинка — народная картинка с подписью, отличающаяся простотой и доступностью образов. Лубочные картинки служили в равной степени для информации и для украшения интерьера. В отличие от карикатур, установление авторства лубков зачастую не представляется возможным.

³ Русская карикатура эпохи Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 3.

⁴ Информационная война — высшая форма информационного противоборства, совокупность мероприятий, принимаемых в целях достижения информационного превосходства над противником. Понятие и концепция информационной войны остаются предметом оживленной дискуссии в военных и научных кругах.

⁵ Русская карикатура эпохи Отечественной войны 1812 года. С. 4.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ *Первых Д. К., Первых В. В.* Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны (на материале журнала «Современник» 1854–1856 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 74–75.

⁸ Журнал «Современник», выходивший под редакцией И. И. Панаева и Н. А. Некрасова, был одним из самых популярных литературных и общественно-политических журналов в России 1850–1860-х гг.

⁹ Внутренние известия. Карикатуры г. Степанова // Современник. СПб., 1855. Т. 50, № 4. С. 292.

¹⁰ См.: Историко-литературные материалы и письма. 1853–1855 гг. // Русская старина. 1889. Т. LXII, № 4. С. 37–39.

- ¹¹ Историко-литературные материалы и письма. 1853–1855 гг. Е. И. В. Великий Князь Константин Николаевич – В. И. Далю 13 января 1855 г. // Русская старина. 1889. Т. LXII. № 4. С. 38.
- ¹² Соловьев Д. В. «Необходимо возбудить в умах положительную силу...» // ВИЖ. 2007. № 11. С. 33–34.
- ¹³ Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) – министр народного просвещения (1853–1858). Ведомство общей цензуры, контролировавшее печать, находилось в ведении Министерства народного просвещения.
- ¹⁴ Всеподданнейший доклад Министра народного просвещения 8 февраля 1854 года № 42 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 831 (Цензурные материалы). Д. 3. Л. 70 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 71 об.
- ¹⁶ Распоряжение Министра народного просвещения 20 декабря 1854 года № 261 // ОР РНБ. Ф. 831. Д. 3. Л. 73.
- ¹⁷ Чепуров И. В. Изобразительные средства отечественной карикатуры XVII–XX веков // Вестник ОГУ. 2014. № 5 (166). С. 144.
- ¹⁸ Русский батальный лубок середины XIX века. Крымская война 1853–1855 годов. СПб., 2010. С. 6.
- ¹⁹ Каратыгин Петр Андреевич (1805–1879) – актер Александринского театра и драматург.
- ²⁰ Лубочная картинка была допущена до печати в Москве цензором И. М. Снегиревым 9 июня 1854 г. Отпечатана в металлографии Г. Ф. Чуксина.
- ²¹ Патрикеева М. В. Крымская война 1853–1856 гг. в сюжетах русских басен // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 104.
- ²² Каратыгин П. А. Русский молодец и заморские гости: басня // Собрание патриотических стихотворений, написанных разными авторами по случаю военных действий и побед, одержанных российским победоносным воинством / Собр. Н. Клячковым. Ч. 1. М., 1854. С. 18.
- ²³ Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1959. С. 405–406.
- ²⁴ Крылов Иван Андреевич (1769–1844) – баснописец, издатель сатирико-просветительских журналов.
- ²⁵ Русский батальный лубок середины XIX века. С. 170.
- ²⁶ Патрикеева М. В. Крымская война 1853–1856 гг. в сюжетах русских басен. С. 105.
- ²⁷ Степанов Николай Александрович (1807–1877) – художник-карикатурист, один из зачинателей политической карикатуры в России. Его карикатуры помещались в «Ералаше» М. Л. Неваховича, в «Иллюстрированном альманахе» И. И. Панаева и Н. А. Некрасова. В числе других работ – карикатуры в альбомах «Карикатуры» (1855), «Современные шутки» (1856), «Знакомые» (1857–1858) и др. Художественный редактор журнала «Искра» (1859–1864) и редактор-издатель журнала «Будильник» (1865–1876).
- ²⁸ Варшавский Л. Р. Николай Александрович Степанов. 1807–1877. М., 1952. С. 41.
- ²⁹ Бегров Александр Иванович – купец 3-й гильдии; литограф Императорской Публичной библиотеки. Содержал литографскую мастерскую с 1819 г. Невский пр., д. Петилья № 3 (с 1819); д. Гамбса № 4 (магазин эстампов).
- ³⁰ Дело о запрещении десяти карикатур Н. А. Степанова на действия англо-французов в Балтийском и Черном морях, в связи с признанием их излишне резкими. 27 октября – 3 декабря 1854 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 772 (Главное управление цензуры МНП). Оп. 1. Д. 3444. Л. 1–6.
- ³¹ Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (1845–1856), председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета (1849–1856), сенатор (1849–1856).
- ³² Дело о запрещении десяти карикатур Н. А. Степанова... Л. 1 об.
- ³³ Объявление от магазина А. Бегрова // Современник. 1855. Т. 53. № 10. Октябрь.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Относительно выпуска в свет 4-го выпуска карикатур Н. А. Степанова политического содержания, одобренных к печатанию в сентябре 1855 года // РГИА. Ф. 777 (Петроградский

- комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД). Оп. 2. 1856 г. Д. 26. Л. 14–15.
- 36 Из 200 отпечатанных экземпляров 4-го выпуска карикатур Н. А. Степанова 198 — уничтожено; один экземпляр был подарен цесаревичу Александру Николаевичу; один экземпляр с одобренным оригиналом оставлен при делах Санкт-Петербургского цензурного комитета.
- 37 Относительно выпуска в свет 4-го выпуска карикатур Н. А. Степанова... Л. 22–24.
- 38 *Кузьминский К. С.* Русская реалистическая иллюстрация XVIII и XIX вв. М., 1937. С. 140.
- 39 *Степанов Н. А.* Альбом «Карикатуры» 1855 // Отдел эстампов и фотографий Российской национальной библиотеки (далее — ОЭФ РНБ). ЭАлИр375к/3-1. Инв. ЭИ892.
- 40 *Варшавский Л. Р.* Николай Александрович Степанов. 1807–1877. С. 16–17.
- 41 Чарльз Джон Нейпир (Непир) (1786–1860) — британский вице-адмирал, командующий английской эскадрой в Балтийском море. Осуществлял блокаду российских торговых и военных судов в Балтийском море. В сентябре 1855 г. был снят с должности командира эскадры и отправлен в отставку.
- 42 Внутренние известия. Карикатуры г. Степанова // Современник. 1855. Т. 50, № 4. С. 292.
- 43 Боклевский Петр Михайлович (1816–1897) — рисовальщик, живописец и литограф. Исполнил серии «На нынешнюю войну» (1855), портретов персонажей комедии «Ревизор» Н. В. Гоголя (1858; переиздан под названием «Бюрократический катехизис», 1863), сцен из пьес А. Н. Островского (1859–1860). В 1860-е гг. создал серию рисунков к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя. Автор иллюстраций к романам «Отцы и дети» И. С. Тургенева (1869), «В лесах» П. И. Мельникова-Печерского (1870-е гг.), «Бедные люди» (1881) и «Преступление и наказание» (1881) Ф. М. Достоевского, пьесам «Игроки» (1887) и «Женитьба» (1887) Н. В. Гоголя и др.
- 44 *Орлова Т. В.* П. М. Боклевский. М., 1971. С. 28.
- 45 Алферьев Василий Петрович (1823–1854) — писатель и поэт.
- 46 «Северная пчела» — политическая и литературная газета, выходившая в Санкт-Петербурге в 1825–1864 гг. три раза в неделю (с 1831 г. — ежедневно). После 1825 г. газета стала проправительственным изданием. Издатели-редакторы в годы Крымской войны — Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч.
- 47 Северная пчела: газета политическая и литературная. 1854. № 37. Понедельник, 15 февраля. С. 1.
- 48 *Никифораки Н. А.* Петр Михайлович Боклевский: 1816–1897. М., 1952. С. 10.
- 49 *Орлова Т. В.* П. М. Боклевский. С. 29.
- 50 Там же.
- 51 Там же. С. 30.
- 52 *Кузьминский К. С.* Художник-иллюстратор П. М. Боклевский, его жизнь и творчество. М., 1910. С. 43.
- 53 Письмо из Москвы. Карикатуры Боклевского // Современник. 1855. Т. 52. С. 196.
- 54 Анненский П. И. — рисовальщик середины XIX в. Его рисунки помещались в журналах «Сын Отечества» (1857, к «Губернским очеркам» М. Е. Салтыкова-Щедрина), «Иллюстрация» (1860–1861, «Типы и сцены»), «Воскресный досуг» (1872 — карикатуры) и других изданиях — «Пословицы в карикатурах» (1855), «Русская грамматика для взрослых» (1855), «Рассказы карандашом» (1857), «Знакомые» (1858), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1858).
- 55 Внутренние известия. Альбомы карикатур // Современник. 1855. Т. 52. С. 159.
- 56 Черников Василий Васильевич (псевд. Барон Бrameус, Джен Ферджиали, В. Невский). Условие, заключенное с Василием Петровичем Поляковым на издание книги «Фантастические повести и рассказы». 30 июля 1839 г. // ОР РНБ. Ф. 605 (Поляков В. П.). Д. 97. Л. 1.
- 57 Невский В. (настоящее имя — Черников Василий Васильевич) — отставной подпоручик артиллерии, публицист. Служил в Императорском Царскосельском лицее. Публиковался под псевдонимами В. Невский («Вечерние рассказы», 1839; комедия «Демон

- стихотворства», 1843; альбом карикатур «Зеркало для англичан», 1855) и Барон Бrameус (три книги «Фантастических повестей и рассказов Барона Бrameуса (Джен Ферджали)», 1840).
- ⁵⁸ *Невский В.* Альбом «Зеркало для англичан». Тетр. 1–4. 1855 // Русский книжный фонд Российской национальной библиотеки. 38.3.2.20(1–4).
- ⁵⁹ Внутренние известия. Альбомы карикатур // Современник. 1855. Т. 52. С. 159.
- ⁶⁰ Альбом современных карикатур. Тетр. 1–2 // ОЭФ РНБ. ЭАлИр373к/2-2/1-2. Инв. Эи6664.
- ⁶¹ Современные карикатуры: фабрикация Турции // ОЭФ РНБ. ЭАлИр373к/2-1. Инв. Эи4545.
- ⁶² Чарльз Стратфорд Каннинг, лорд Редклиф (1786–1880) — британский дипломат и политик, долгое время исполнявший обязанности посла в Османской империи (1842–1858). Непримиримый противник России в Крымской войне.

References

- СHEPУРОВ I. V. Izobrazitel'nye sredstva otechestvennoy karikatury XVII–XX vekov. [Visual means of domestic caricature of the 17th–20th centuries. In Russ.] // Vestnik OGU. 2014. No. 5 (166). S. 142–148.
- KUZMINSKY K. S. Russkaya realisticeskaya illyustratsiya XVIII i XIX vv. [Russian realistic illustration of the 18th and 19th centuries. In Russ.]. Moscow, 1937. S. 140.
- NIKIFORAKI N. A. Petr Mikhaylovich Boklevskiy: 1816–1897. [Pyotr Mikhailovich Boklevsky: 1816–1897. In Russ.]. Moscow: Iskusstvo, 1952. S. 10.
- ORLOVA T. V. P. M. Boklevskiy. [P. M. Boklevsky. In Russ.]. Moscow: Iskusstvo, 1971. S. 28–30.
- PATRIKEEVA M. V. Krymskaya voyna 1853–1856 gg. v syuzhetakh russkikh basen. [Crimean War 1853–1856 in the plots of Russian fables. In Russ.] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 27, no. 3. S. 102–106.
- PERVYKH D. K., PERVYKH V. V. Politicheskaya karikatura i lubok perioda Krymskoy voyny (na materiale zhurnala “Sovremennik” 1854–1856 gg.). [Political caricature and popular print of the Crimean War period (based on the material of the Sovremennik magazine 1854–1856). In Russ.] // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2015. T. 1 (67), no. 4. S. 73–79.
- Russkiy batal'nyy lubok serediny XIX veka. Krymskaya voyna 1853–1855 godov. [Russian battle lubok from the mid-19th century. Crimean War of 1853–1855. In Russ.] / Sost., podg. teksta, kom. i ukaz. Ya. V. Zverevoy, G. V. Markelova. St. Petersburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2010. S. 6, 170.
- Russkaya karikatura epokhi Otechestvennoy voyny 1812 goda. [Russian caricature from the era of the Patriotic War of 1812. In Russ.] / Gos. ist. muzey; avt.-sost. E. M. Bukreeva. Moscow: Ist. muzey, 2012. S. 3–4.
- SMIRNOV-SOKOLSKY N. P. Rasskazy o knigakh. [Stories about books. In Russ.]. Moscow: Vsesoyuznaya knizhnaya palata, 1959. S. 405–406.
- SOLOVYOV D. V. “Neobkhodimo vzbudit' v umakh polozhitel'nuyu silu...” [“It is necessary to arouse a positive force in the minds...”]. In Russ.] // VIZh. 2007. No. 11. S. 33–36.
- VARSHAVSKY L. R. Nikolay Aleksandrovich Stepanov. 1807–1877. [Nikolai Alexandrovich Stepanov. 1807–1877. In Russ.]. Moscow: Iskusstvo, 1952. S. 16–17, 41.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Б. А. Никишин. Политическая карикатура и лубок периода Крымской войны: информационная война в середине XIX века // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 34–46

Аннотация: В статье впервые в историографии обстоятельно рассматриваются отечественные политические карикатуры Н. А. Степанова, П. М. Боклевского, П. И. Анненского, В. Беляева, В. Невского, Я. Лаппинга и лубочные картинки на тему Крымской войны в качестве инструмента информационной войны середины XIX в. Особое внимание уделено изучению и раскрытию изображаемых сюжетов и пояснительных к ним текстов. Источниковая база исследования является репрезентативной и включает в себя изобразительные материалы, периодическую печать, переписку и архивные источники. Комплексное использование источников позволяет проследить историю создания и выхода отдельных альбомов сатирических листов, а также оценить размах и эффективность ведения информационной войны.

В заключение делается вывод, что политическая карикатура — сильное и действенное средство борьбы и пропаганды, неотъемлемый инструмент информационных войн. Сюжетная составляющая карикатур и лубка играла ключевую роль в информационной политике государства и была направлена, с одной стороны, на популяризацию русской армии, а с другой — на дискредитацию врага. Важнейшими задачами государства в условиях войны является пропаганда патриотизма и формирование позитивного общественного мнения в отношении защитников Отечества.

Ключевые слова: политическая карикатура, лубок, юмор, сатира, Крымская война, информационная политика, информационная война.

FOR CITATION

B. A. Nikishin. Political cartoon and popular print during the Crimean War: information war in the mid-19th century // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 34–46

Abstract: The article, for the first time in historiography, thoroughly examines domestic political cartoons by N. A. Stepanov, P. M. Boklevsky, P. I. Annensky, V. Belyaev, V. Nevsky, J. Lapping and popular prints on the issue of the Crimean War as an information tool of the mid-19th century. Particular attention is paid to the study and disclosure of the depicted plots and explanatory texts. The research source base is representative and includes visual materials, periodicals, correspondence and archival sources. The integrated use of sources allows us to trace the history of the creation and publication of individual albums of satirical sheets, as well as to assess the scope and effectiveness of information warfare.

In conclusion, it is explicated that political cartoons are strong and effective means of struggle and propaganda, an integral tool of information wars. The plot component of the cartoons and popular prints played a key role in the state's information policy and was aimed, on the one hand, at popularizing the Russian army, and on the other, at discrediting the enemy. The most important tasks of the state in war conditions are the promotion of patriotism and the formation of positive public opinion towards the defenders of the Fatherland.

Key words: political cartoon, popular print, humor, satire, Crimean War, information policy, information war.

Автор: **Никишин, Борис Андреевич** — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН, ведущий библиотекарь Отдела эстампов и фотографий Российской национальной библиотеки.

Author: **Nikishin, Boris Andreevich** — Russian Academy of Sciences, St Petersburg Institute of History, graduate student, National Library of Russia, Department of Prints and Photographs, leading librarian.

E-mail: b.nickishin@yandex.ru

М. С. Черячукин

Главное управление цензуры как инструмент формирования официального нарратива в годы Крымской войны 1853–1856 гг.

Отечественная цензура, активное изучение которой началось со второй половины XIX в. в трудах П. К. Щебальского¹, В. В. Стасова² и М. К. Лемке³, сегодня продолжает оставаться интересной для всестороннего рассмотрения. Подтверждением тому является продолжающийся с 2001 г. выпуск сборника «Цензура в России: история и современность», а также исследования Л. К. Старковой⁴, В. О. Бондаря⁵, Ю. Н. Смирнова⁶ и Н. Г. Патрушевой⁷. Другой исследовательский горизонт может быть раскрыт за счет применения термина «нарратив».

К нарративам чаще всего обращаются в лингвистике и социологии, а также в отдельной дисциплине — нарратологии. Вместе с этим нарратив постепенно становится одним из инструментов осмысления исторического опыта, что демонстрирует ряд исследований. В частности, О. Ю. Малинова⁸ рассмотрела формирование официального исторического нарратива в России. Автор рассматривает термин как продукт государственной политики по отношению к прошлому. Оформление официального исторического нарратива, по Малиновой, производится мнемотическими акторами — политическими силами, заинтересованными в специфической интерпретации прошлого⁹.

Термин «официальный нарратив» требует уточнения в рамках исследования. Под ним понимается совокупность авторских произведений, соответствующих позиции и интересам мнемотического актора. В формулировке допущено более широкое понимание объекта исследования, поскольку нарративную

составляющую можно проследить не только в текстовых, но и в художественных произведениях — иллюстрации и карикатуре.

Поскольку официальный нарратив является рукотворной информационной системой, то для его формирования необходимо наличие инструмента, основания и транслятора. Одним из инструментов может выступать институт государственной власти, имеющий соответствующие полномочия, а основанием для работы института является совокупность нормативно-правовых актов. Наконец, трансляторами официального нарратива становятся средства массовой информации, а также сами акторы.

Цензура обладала полномочиями по корректуре поступавших авторских произведений, а также была вправе не допустить рукопись к печати, опираясь на законодательную базу или аргументируя неуместность предложенного к печати текста или иллюстрации. Официальная позиция власти отражалась в тиражной и периодической печати, которая являлась транслятором официального нарратива. Итогом работы цензуры становится совокупность произведений, допущенных к печати, что представляет своего рода общегосударственную информационную повестку, соответствующую позиции правительства.

Раскрытая типология проявилась в условиях крупного вооруженного конфликта, которым являлась Крымская война 1853–1856 гг. Дела о рассмотрении авторских произведений в фондах 772 и 1611 Российского государственного исторического архива (далее — РГИА) хорошо иллюстрируют процесс отбора и редактур материалов, формировавших затем информационную повестку Российской империи и заключенный в ней официальный нарратив.

Прежде всего следует обозначить процесс развития нормативной базы института цензуры в период Крымской войны. Основой его деятельности являлся Устав о цензуре, утвержденный 22 апреля 1828 г. В последующие годы нормы дополнялись циркулярными предложениями и распоряжениями, которые обозначили дозволенные границы освещения событий и реакции на них в печати. Особым значением обладали высочайшие повеления, что также становилось основанием для утверждения дополнений в нормативную базу.

Первой реакцией Главного управления цензуры на события Крымской войны стало письмо министра народного просвещения Авраама Сергеевича Норова от 8 января 1854 г. Глава ведомства сообщает Николаю I, что «по случаю настоящих событий в цензуру представляется множество различных сочинений в прозе и стихах с изложением патриотических чувствований»¹⁰. Вместе с этим Норов указывает на потребность уточнения работы цензуры с произведениями патриотической тематики. 8 февраля было выпущено высочайшее повеление, в котором разрешалась печать сочинений «с изложением патриотических чувств»¹¹, за исключением тех, которые содержат «брань»¹². Позже, 11 февраля, было утверждено циркулярное предложение, на основании обозначенного выше высочайшего повеления.

23 апреля 1854 г. утверждено конфиденциальное циркулярное предложение касательно напечатанной в Санкт-Петербурге брошюры «Падение Турции»¹³, в которой были допущены пророческие суждения. В соответствии с резолюцией его императорского величества допуск в печать сочинений с предсказаниями «лучше избегать, ибо пользы от сего нет»¹⁴.

Весьма примечателен ряд распоряжений, утвержденных в ходе рассмотрения рукописи действительного статского советника камергера А. А. Гаряйнова «О Восточном вопросе», поступившей в Санкт-Петербургский цензурный комитет 15 марта 1854 г. В произведении были выявлены сведения, относящиеся к представителям императорской фамилии, что вызвало необходимость в проверке рукописи со стороны Министерства императорского двора. По итогам рассмотрения и на основании рескрипта великого князя Константина Николаевича от 15 апреля 1854 г. № 53¹⁵ было утверждено дополнение, уточнявшее порядок фактологической проверки текстов. Предписывалось: «на случай всякого сочинения, в коем описываются события, относящиеся до его императорского величества и особ августейшей фамилии, подлежит предварительно испрашивать высочайшее соизволение чрез министра императорского двора, но с тем ограничением, чтобы кроме статей, помещаемых в газетах и журналах об особе императорского величества и членах императорской фамилии, о придворных торжествах и о случаях, доставляемы были цензурными комитетами на рассмотрение Министерства императорского двора только выписки из книг тех мест, в коих описывается какое-либо событие или рассказывается анекдот об особе царствующего императора или членов августейшей фамилии относящейся»¹⁶.

Позднее, в ходе рассмотрения этой же статьи, было принято распоряжение 28 апреля 1854 г., утвержденное по итогам рассмотрения рукописи со стороны Морского министерства. По замечаниям ведомства, текст А. А. Гаряйнова, имея патриотический характер, насыщен «предсказаниями нашему флоту и его августейшему начальнику блистательных успехов в этой войне»¹⁷. Опираясь на дополнение к рескрипту, следует предложение по Санкт-Петербургскому учебному округу, «чтобы впредь были отклоняемы от печатания похвалы будущим, т. е. не состоявшимся еще, действиям нашего флота, и положительно не допускаемы похвалы действиям и намерениям его императорского высочества»¹⁸. Указанное распоряжение, стремящееся к соблюдению осторожности в печати, в полной мере соответствует общей цензурной политике: его введение позволяло не допускать в общественном мнении излишних ожиданий по ходу Крымской войны. Можно предположить, что отсутствие подобного ограничения вызвало бы угрозу радикализации общественного мнения, вызванного разочарованием ходом войны.

Следующим шагом в развитии нормативной базы цензуры стало циркулярное предложение от 24 мая 1854 г., утвержденное на основании высочайшего повеления. Согласно ему, «по получении частных сведений о подвигах в сражениях сноситься предварительно с подлежащим начальством»¹⁹. Печать данных

сведений будет возможна только после «получения удостоверения о действительности сих подвигов».

Высочайшее повеление 30 декабря 1854 г. обращало внимание на публикацию карикатур политического содержания, «направленных против враждебных нам государств и народов»²⁰. Так, их печать допускалась в том случае, если они «представляют смешную сторону предмета, с соблюдением приличия и не заключают в надписях брани»²¹.

Предшествовало этому предложение его величеству от Главного управления цензуры, представленное в письме от 20 декабря 1854 г. Предлагалось постановить, «чтобы не были одобряемы к печати карикатуры политического содержания»²². Тем не менее Николай I благосклонно относился к карикатуре сдержанного характера, что повлияло на ее развитие. На основании высочайшего повеления было утверждено циркулярное распоряжение «об условиях для разрешения политических карикатур, направленных против враждебных России держав»²³.

6 октября 1854 г. вступило в силу распоряжение, согласно которому новейшие сведения о ходе боевых действий могут быть опубликованы в периодических изданиях только после их обнародования в журнале «Русский инвалид»²⁴. Их перепечатывание возможно только «слово в слово, без малейшего изменения». При появлении таких сведений до публикации в «Русском инвалиде» их перепечатывание в столичных изданиях возможно только после проверки Военно-цензурным комитетом²⁵.

Таким образом, совершенствование нормативной базы цензуры в условиях вооруженного конфликта происходило оперативно. Изменения и дополнения, в свою очередь, формировали особый порядок отбора произведений, которые становились основой официального нарратива. Изложенная выше нормативная база цензуры становится основанием для оформления характерных черт официального нарратива, сложившегося во время Крымской войны:

1. Опора на высочайшую волю, мнение императорской фамилии и позицию государства в целом. Содержание произведений, попадавших в распоряжение цензуры, проверялось на соответствие опубликованным высочайшим манифестам, законам Российской империи, официальным реляциям, а также источникам, в которых изложена высочайшая воля.
2. Приветствие в печати произведений патриотической тематики, прославлявших действия армии и флота, а также личный и коллективный героизм. Вместе с отечественными произведениями это в равной степени относилось к зарубежной печати.
3. Стремление к максимальной достоверности сведений. Межведомственное взаимодействие позволяло проводить глубокую фактологическую проверку поступавших текстов, не допуская в печать сведения, не соответствующие действительности и государственной политике.

4. Недопущение радикальных суждений. Здесь понимается исключение из текстов резких суждений, оскорбления сторон, разжигания розни и ненависти. Соблюдение описанного правила относилось ко всем произведениям, в том числе патриотического и внешнеполитического характера.
5. Стремление к максимальной оригинальности нарратива. В печать не допускались так называемые компиляции, статьи, в которых были обнаружены сведения, ранее опубликованные в других источниках.
6. Недопущение произведений с минимальной художественной ценностью, а также выявление таковых в печати.

Произведения публицистики и статьи для периодических изданий становились объектом пристального рассмотрения цензуры, что было обусловлено распространением в них сведений, связанных, зачастую, с работой нескольких министерств. Наивысшим этапом в рассмотрении рукописи являлось высочайшее воззрение, по результатам которого также вносились правки. Вышеупомянутая статья А. А. Гаряйнова «О Восточном вопросе» является тому примером.

Стоит уточнить, что в делах Главного управления цензуры редко можно встретить приведение цитат, фрагментов из рассматриваемого текста или целого произведения. В случае с рукописью Гаряйнова цензор ограничился указанием номеров страниц, на которые обратил внимание управляющий Морским министерством. В произведении указан фрагмент на с. 23–26²⁶, который отмечен начальной и конечной цитатой: от «Синопское сражение показало, что может Черноморский флот» до «Могут явиться корсары под Русским флагом»²⁷.

После рассмотрения рукописи Министерством императорского двора цензура также получила указания на страницы и номера строк. Выделены места на с. 9, 10, 15, 38, 39, 62, 64²⁸. В частности: с. 9 — уточнение сведений об Александре I; с. 15 — проверка «Деяний императоров»; с. 62 — проверка корректности изложенных Николаем I слов²⁹.

Министерство иностранных дел, чьим цензором были зачеркнуты некоторые места в тексте, не увидело препятствий политического характера для публикации текста Гаряйнова, однако при условии, что со стороны гражданской цензуры и других подлежащих ведомств не представляется препятствий³⁰.

Дозволение рукописи Гаряйнова в печать стало возможным на основании высочайшего соизволения Николая I после ознакомления императора с текстом. По его итогам фрагмент на с. 62–63 в рукописи следовало исключить: автором была представлена цитата, приписанная Николаю I. Самим императором фрагмент был признан не соответствующим действительности³¹. Очерк А. А. Гаряйнова «О Восточном вопросе» был наконец разрешен к печати 31 мая 1854 г.³²

Рукописи внешнеполитической тематики рассматривались интенсивно, что иллюстрирует дело о рассмотрении статьи «Англия и Турция» для «Московских ведомостей». Первоначально рукопись поступила в распоряжение

Московского цензурного комитета к 5 марта 1854 г., однако цензоры посчитали необходимым отправить произведение в Главное управление цензуры³³, поскольку «[Московскому цензурному] Комитету неизвестны вполне те отношения, существующие ныне между нашим кабинетом и некоторыми западными государствами»³⁴. Комитет также отмечает, что статья написана в «весьма благонамеренном духе», является «любопытной» по содержанию и могла бы быть в печати «очень полезной при нынешних обстоятельствах»³⁵. Ведомство сообщает, что достоверность фактов в статье проверена быть не может, поэтому произведение было передано в распоряжение Министерства народного просвещения и лично А. С. Норова.

В содержании рукописи, которое нуждалось в проверке, Московским цензурным комитетом был выделен фрагмент, упоминающий об участии германских держав в Восточном вопросе и о двусмысленной внешней политике Австрии относительно России. Отмечается, что «положение германских государств среди настоящих политических обстоятельств еще не определилось явственным образом в отношении к России»³⁶. Министерство иностранных дел признало статью пригодной для печати, отметив, что рукопись «при нынешних обстоятельствах ничего предосудительного не заключает и может быть напечатана, если со стороны Министерства финансов не будет к оному препятствий, так как содержание ее относится до торговой выгоды России»³⁷.

Часть работ не были пропущены цензурой из-за несоответствия взглядов автора с позицией правительства, закрепленной в высочайших манифестах. Это касается рукописи неуказанного автора «Портфель русского офицера», поступившей на проверку Московского цензурного комитета в октябре 1854 г. и отправленной затем на рассмотрение Военного министерства³⁸.

Цензорами были выявлено наличие «предзнаменований и предсказаний насчет того, что русским суждено овладеть Царьградом и низвергнуть владычество турок». Отмечено, что в высказываниях нет «ничего предосудительного, и аналогичные мысли «неоднократно были допущены цензурой в книгах и журналах»³⁹. Но Военно-цензурный комитет выступил против публикации рукописи, аргументируя свою позицию тем, что война «не имеет целью изгнание турок из Европы»⁴⁰. Решение Комитета опиралось на официальную позицию правительства, изложенную в высочайшем манифесте «О движении российских войск в Придунайские княжества», данном 14 июля 1853 г. Николаем I. Манифест четко обозначал цель проводимых Россией действий, в частности отмечая: «Не завоеваний ищем мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной церкви»⁴¹.

В конце концов публикация рукописи стала абсолютно невозможной из-за выявленных сведений, опубликованных ранее. Среди них Военно-цензурный комитет выделяет официальную реляцию о переходе русских войск через

Дунай, известия о битвах при Ахалцихе, Башкадыкларе и Синопе, боях при Калараше, Исакче, взятии турецких пароходов «Первас-бахри» и «Тигр», бомбардировке Одессы. Цензором отмечено, что указанные сведения «переписаны слово в слово»⁴², что также касается патриотических стихотворений и анекдотов.

Официальная позиция правительства проявилась в недопуске рукописи «Еще несколько слов о Восточном вопросе»⁴³, поступившей на проверку Главного управления цензуры в августе 1854 г., а позднее в Министерство иностранных дел. Для МИД недопустимыми стали утверждения автора, что Россия должна овладеть Турцией и что «Турецкой империи существовать не должно»⁴⁴. Указанные автором слова не соответствовали положениям Манифеста 14 июля 1853 г., что могло стать основанием для недопущения рукописи.

Значительный объем дел Главного управления цензуры связан с рассмотрением поступающих карикатур. Так, соблюдение сдержанного отражения событий и персоналий Крымской войны затрудняло публикацию карикатур художника Николая Александровича Степанова, в частности десяти карикатур о действиях англо-французов в Балтийском и Черном морях. Произведения были рассмотрены Санкт-Петербургским цензурным комитетом в октябре 1854 г. и были оценены как «неудобные»⁴⁵ и «несоразмерные с достоинством русского народа»⁴⁶. Однако издатель Александр Бегров настоял на дополнительной проверке карикатур, попросив отправить произведения в Главное управление цензуры⁴⁷. Позже карикатуры были отправлены на проверку в Министерство иностранных дел, которое не увидело проблем с их печатью «с учетом отношений с Англией, Францией и Турцией»⁴⁸.

Помимо статей и карикатур о событиях Крымской войны вниманию цензуры подлежали уже опубликованные издания, находившиеся в зоне ответственности Комитета 2 апреля 1848 г. Показательно внимание Комитета к статье востоковеда Сергея Ивановича Черняева «Очерки современной Турции», опубликованной в «Таврических губернских ведомостях» в середине 1854 г. Публикация являлась перепечаткой статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей»⁴⁹ и относилась к одноименной серии, выпускавшейся с 1853 г. в той же газете.

В докладе Комитета Николаю I⁵⁰ указаны цитаты, обозначенные в статье как «правила мусульманского учения». Выделен следующий фрагмент: «...постоянная борьба с неверными, постоянное преследование их силою меча до тех пор, покуда они не будут истреблены до одного или покуда ислам не будет распространен во все концы мира, составляет священную обязанность для мусульман»⁵¹. Далее: «В случае войны против неверных каждый мусульманин, способный носить оружие, должен стать под знаменем ислама...»⁵² Также: «Все меры, клонящиеся к истреблению врагов веры, дозволены для мусульман во время войны...»⁵³

В настоящее время вышеуказанные слова, представленные даже в качестве цитаты из доклада Николаю I, звучат радикально и недопустимо. Не говоря

о том, что указанные суждения требуют проверки на соответствие идеям ислама и положениям Корана. Их предоставление в настоящей статье необходимо только для раскрытия характера работы Комитета 2 апреля 1848 г. с материалами подобной тематики в условиях Крымской войны, особенно когда речь идет о международном конфликте на территории проживания крымских татар, исповедующих ислам.

Вместе с выше воспроизведенными цитатами в докладе был дан комментарий представителей Комитета: «...если такое учение могло быть указано без вреда в Ведомостях С. Петербургских, то отнюдь не следовало как бы поддерживать и освещать подобные правила повторением их без всякого возражения или замечания со стороны редакции в правительственном издании такого края (Таврическая губерния), где большая часть населения принадлежит к исламу; еще меньше следовало допускать сие при нынешних политических обстоятельствах»⁵⁴. Позиция императора по статье выражена в резолюции на документе: «Совершенно справедливо»⁵⁵.

Произведения патриотического характера, выпущенные в печать, изучались на предмет наличия радикальной или неуместной авторской позиции. Так, в декабре 1854 г. в Министерство народного просвещения был отправлен рапорт чиновника Волкова по рассмотрению брошюры Александры Ступиной «Отечественные беседы русских жен», изданной в Санкт-Петербурге в 1854 г.⁵⁶

По словам Волкова, истраченные на выпуск издания деньги было бы лучше пожертвовать чинам, нежели «печатать бессмыслицу»⁵⁷. По мнению докладчика, проявление патриотизма не дает права «печатать галиматью и оскорблять читателя-патриота, любящего отечественную литературу»⁵⁸. Далее в рапорте указаны замечания в стихотворении «Чувства»:

В нашей Руси Православной,
Как отец в родной семье,
Царь родимый, царь державный,
Образ Божий на Земле⁵⁹.

Среди замечаний указана «неприличная для государя-императора лесть, похожая на кощунство»⁶⁰. Далее: «Неприятно напоминающее времена Нерона выражение: “Образ Божий на Земле”, явно противоречит понятию нашему о Боге и нашему верованию в Св. Евангелие. Бого-человеком называют (и признают) одного только Сына Божьего, Иисуса Христа, в образе которого Бог нисходит на землю»⁶¹.

Критика брошюры нашла продолжение в письме Министерства народного просвещения от 30 декабря 1854 г. в адрес Санкт-Петербургского цензурного комитета. Отмечен фрагмент на с. 21: «И я неслась душой в Обетованную (страну), куда сам Бог сходил страдать Христом Пророком»⁶². В письме продолжена аргументация и указано, что Бог-пророк — это богодухновенный

(благословленный) человек в Ветхом Завете. В Новом Завете оно употреблялось только до познания существа Его⁶³. С позицией Волкова Министерство народного просвещения соглашалось, отмечая, что содержание брошюры в целом и, в частности, слова про Пророка не должны были быть пропущены в печать.

На фоне изменения военной обстановки в пользу союзной коалиции в начале 1855 г. в Главное управление цензуры поступают отечественные и зарубежные рукописи, обращавшие внимание на последние события. Особо можно выделить произведения, затрагивающие ход и содержание сражения на Альме 20 сентября 1854 г. К таковым относится дело о рассмотрении статьи «Восемь месяцев в плену у французов, рассказ рядового Татарского», датированной ноябрем 1855 г. Произведение было напечатано в октябрьской книжке журнала «Современник» по решению цензоров Санкт-Петербургского цензурного комитета Владимира Николаевича Бекетова и Николая Ивановича Пейкера после проведенного Военно-цензурным комитетом рассмотрения⁶⁴. Однако даже после цензурской редакции в статье остались «отдельные эпизоды, рассказы других плененных солдат и писаря князя А. С. Меншикова, Яковлева, захваченного с вещами и бумагами князя, после Альмского сражения»⁶⁵. В частности, был назван «совершенно неуместным в печати и оскорбительным для бывшего Главнокомандующего князя Меншикова вышеописанный рассказ солдата о сражении под Альмою, а сказание пленных о захвате неприятелем бумаг князя Меншикова при взятии в плен писаря Яковлева даже противоречащим напечатанным о сем обстоятельстве объявлением»⁶⁶.

К тем же событиям относится дело об обнаружении в сентябре 1855 г. в печати картины «Сражение при Альме», на которой солдаты русской армии изображены «обращенными в бегство»⁶⁷. В ответном письме Московского цензурного комитета отмечалось, что картину пропустили в печать после рассмотрения зарубежного издания «Die Schlacht an der Alma», где картина была представлена в качестве иллюстрации. Вместе с тем цензор Иван Иванович Безсомыкин, работая над проверкой картины, «видел в ней не победу врагов над нашими войсками и не бегство, а только необходимое отступление последних в весьма малом числе сравнительно с неприятелем и все еще продолжающих действовать против него»⁶⁸. Также Московский цензурный комитет подчеркивал, что рассмотрение картины велось с опорой на реляцию о сражении при р. Альме, которая ранее была опубликована в отечественных газетах⁶⁹. Далее извлечения из реляции приводились в качестве аргументации.

Более подробно содержание картины представлено в письме Канцелярии Министерства народного просвещения в адрес Московского учебного округа: «Неприятельские колонны наступают в стройном порядке, другие же переходят во многих местах реку Альму; наружный вид свидетельствует о их энтузиазме. Русские же войска отступают разрозненными массами: пушки наши частью брошены во власть неприятеля, частью увозятся вскачь, множество тел с нашей стороны покрывает землю, а между неприятелями нет ни одного

убитого»⁷⁰. В том же письме обозначено несогласие с решением Московского цензурного комитета: «...ни реляция, ни картина иностранного издания (если она и действительно допущена к обращению в России) не освобождали цензора от обязанности внимательно рассмотреть изображение, предназначенное для всех сословий народа в нашем отечестве и не допускать перепечатывание картины, изображающей поражение наших войск и по враждебному своему характеру производящей неприятные впечатления»⁷¹.

Рассмотренные выше примеры можно охарактеризовать как проявление «человеческого фактора», вызвавшего сбой в работе цензуры. В первом случае цензоры по упущению не посчитали описание неудач бывшего главнокомандующего А. С. Меншикова недопустимым к печати. В деле о рассмотрении картины «Сражение при Альме» можно проследить одновременно цензорскую ошибку и принятие обоснованного решения, которое фактически допустило в печать не соответствующее официальному нарративу произведение.

К вышеизложенным делам примыкают еще несколько произведений по рассматриваемой проблематике. Можно выделить «Die Angriff auf die Krim und der Kampf um Sevastopol» автора В. Рустова и «Consideration sur la campagne en Crimée» в двух частях автора Л. Вандевельде⁷². Рукописи были переданы Комитетом цензуры иностранной в ведение Главного управления цензуры в середине октября 1855 г. Отмечая «беспристрастный тон, в котором напечатаны все эти три сочинения»⁷³, констатировалось, что в рукописях присутствует «критика, а иногда и порицание действий и распоряжений Главнокомандующего русскими войсками в Крыму князя А. С. Меншикова»⁷⁴, что вызвало необходимость проверки текстов со стороны Военно-цензурного комитета.

Комитет подтвердил, что содержание текстов изложено в беспристрастном тоне, а «встречаемые в них критические замечания на военные действия обращены то к нам, то к противникам, и вообще [рукописи] не заключают в себе ничего оскорбительного для чести русского войска и его начальников»⁷⁵. Обозначенную ранее критику в адрес А. С. Меншикова по требованию Военно-цензурного комитета необходимо было исключить⁷⁶.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. отечественный институт цензуры был приспособлен под функционирование в условиях международного конфликта. Система многоуровневой работы цензуры, когда в редактуру текста вовлечены разные министерства, ведомства и лично император, подтвердила свою эффективность, что позволило сформировать официальный нарратив, отвечавший запросам акторов и опиравшийся на проработанную законодательную базу, высочайшую волю и объем официальных реляций. Нельзя не отметить и недостатки такой системы, которые заключались в длительном сроке проверки произведений и риске ошибок, вызванных человеческим фактором, обусловленным рассогласованностью мнений цензоров. Последнее приводило к появлению в нарративе произведений, искажавших официальную позицию, что отчетливо проявилось с середины 1855 г. на фоне неудач русской армии.

Тем не менее мы можем утверждать, что силами Главного управления цензуры вместе с региональными и ведомственными цензурными комитетами был сформирован четко прослеживающийся официальный нарратив в печати Российской империи, основанный на умеренной и сдержанной риторике, недопущении радикализма по отношению к противникам и резкого патриотизма. Этому также способствовала мощная нормативная база, отвечавшая требованиям акторов и стандартизовавшая подходы цензоров в работе с широким спектром произведений. Можно выразить уверенность, что изучение отечественной цензуры с позиции нарративной составляющей внесет значительный вклад в осмысление поистине весомого пласта в истории отечественной мысли.

- ¹ *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862.
- ² *Стасов В. В.* Цензура в царствование императора Николая I // *Русская старина*. 1903. Т. 117. С. 207–222.
- ³ *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
- ⁴ *Старкова Л. К.* Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000.
- ⁵ *Бондарь В. О.* Военная цензура периодических изданий в Российской Империи в XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012.
- ⁶ *Смирнов Ю. Н.* Особенности цензурной политики во время Крымской войны 1853–1856 гг. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2022. Т. 22, № 4. С. 33–37.
- ⁷ *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014.
- ⁸ *Малинова О. Ю.* Кто и как формирует официальный исторический нарратив? Анализ российских практик // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. 2019. № 3 (94). С. 103–126.
- ⁹ Там же. С. 104.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3258. Л. 1.
- ¹¹ Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 год. Напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб., 1862. С. 292.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 293.
- ¹⁴ Там же. С. 294.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3290. Л. 7.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 8.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 294.
- ²⁰ Там же. С. 300.
- ²¹ Там же.
- ²² РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3475. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 4.
- ²⁴ Сборник распоряжений и постановлений по цензуре с 1720 по 1862 год. С. 303.
- ²⁵ Там же.

- 26 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3290. Л. 2.
27 Там же. Л. 3.
28 Там же. Л. 11.
29 Там же.
30 Там же. Л. 2.
31 Там же. Л. 13.
32 *Гаряйнов А. А.* О Восточном вопросе. СПб., 1854.
33 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3283. Л. 1.
34 Там же.
35 Там же. Л. 3.
36 Там же. Л. 5.
37 Там же. Л. 6.
38 Там же. Д. 3439. Л. 1.
39 Там же. Л. 3.
40 Там же.
41 ПСЗ-II. Т. 28. Отд. 1. № 27346. С. 290.
42 Там же.
43 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3399. Л. 2.
44 Там же. Л. 3.
45 Там же. Д. 3444. Л. 1.
46 Там же.
47 Там же.
48 Там же. Л. 3.
49 РГИА. Ф. 1611. Оп. 1. Д. 254. Л. 2.
50 Там же.
51 Там же.
52 Там же.
53 Там же.
54 Там же. Л. 3.
55 Там же. Л. 2.
56 РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 3478. Л. 1.
57 Там же.
58 Там же.
59 Там же.
60 Там же.
61 Там же.
62 Там же. Л. 2. В документе слова «Христом Пророком» подчеркнуты.
63 Там же.
64 Там же. Д. 3720. Л. 6.
65 Там же. Л. 7.
66 Там же.
67 Там же. Д. 3723. Л. 1.
68 Там же. Л. 2.
69 Там же.
70 Там же. Л. 4. Текст, выделенный нами курсивом, в документе зачеркнут.
71 Там же. Л. 4–5. Содержание цитаты представлено по исправленному в документе.
72 Там же. Д. 3699. Л. 1.
73 Там же.
74 Там же.
75 Там же. Л. 4.
76 Там же.

References

BONDAR' V. O. Voennaya cenzura periodicheskix izdanij v Rossijskoj Imperii v XIX — nachale XX v. [Military censorship of periodicals in the Russian Empire in the 19th — early 20th century. In Russ.]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladikavkaz, 2012.

MALINOVA O. YU. Kto i kak formiruet oficial'nyj istoricheskij narrativ? Analiz rossijskix praktik [Who shapes the official historical narrative and how? Analysis of Russian practices. In Russ.] // *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz*. 2019. No. 3 (94). S. 103–126.

PATRUSHEVA N. G. Cenzurnoe ведомstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv. [Censorship in the state system of the Russian Empire in the second half of the 19th — beginning of the 20th century. In Russ.]: dis. ... d-ra ist. nauk. St. Petersburg, 2014.

SMIRNOV YU. N. Osobennosti cenzurnoj politiki vo vremya Krymskoj vojny 1853–1856 gg. [Some features of censorship policy during the Crimean War of 1853–1856. In Russ.] // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 2022. T. 22, no. 4. S. 33–37.

STARKOVA L. K. Cenzurnaya politika samodержавiya v pervoj polovine XIX veka [Censorship policy of the autocracy in the first half of the 19th century. In Russ.]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2000.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. С. Черячукин. Главное управление цензуры как инструмент формирования официального нарратива в годы Крымской войны 1853–1856 гг. // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 2. С. 47–60

Аннотация: В настоящей статье произведено исследование работы Главного управления цензуры Российской империи в годы Крымской войны 1853–1856 гг. Рассмотрена деятельность института цензуры как инструмента формирования официального нарратива России, трансляция которого велась через печать. На фоне вовлеченности Российской империи в международный конфликт появилась необходимость в конструировании новой информационной повестки, требования к которой постепенно вырабатывались представителями государственной власти и лично Николаем I. Институт цензуры, будучи инструментом проведения государственной политики в области печати, напрямую влиял на содержание авторских произведений, а также участвовал в формировании информационной повестки. Вместе с тем цензурные ведомства и Комитет 2 апреля 1848 г. уделяли внимание уже выпущенным произведениям для выявления в печати источников, не соответствующих официальному нарративу. Для исследования дано обоснование термина «официальный нарратив», применяемого в исследовании, а также сформулированы основные характеристики деятельности института цензуры в России. Выведенные положения применены на массиве дел Главного управления цензуры и Комитета 2 апреля 1848 г., отобранных за период с 1854 по 1856 г. Обращено внимание на порядок работы с поступающей массой произведений, а также на применимость официальных манифестов и реляций в процессе рассмотрения дел. Вместе с этим отмечен порядок работы и заключения цензоров, по которым можно оценить основные замечания и общее качество поступающих на рассмотрение цензуры произведений. Отдельно в исследовании представлена реакция цензуры на поступающий объем дел, освещавших военные неудачи Русской императорской армии с 1855 г.

Ключевые слова: Крымская война, Главное управление цензуры, Николай I, А. С. Норов, Санкт-Петербургский цензурный комитет, Комитет 2 апреля 1848 г., официальный нарратив, публицистика, проза, поэзия, карикатура, печать.

FOR CITATION

M. S. Cheryachukin. The Main Directorate of Censorship as an instrument for the formation of an official narrative during the Crimean War of 1853–1856 // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 47–60

Abstract: This article examines the work of the Main Directorate of Censorship of the Russian Empire during the Crimean War of 1853–1856. The article considers the activities of the institute of censorship as a tool for the formation of the official narrative of Russia, which was broadcast through the press. Against the background of the involvement of the Russian Empire in the international conflict, there was a need to design a new information agenda, the requirements for which were gradually developed by representatives of the state authorities and personally by Nicholas I. The institution of censorship, being an instrument of state policy in the field of press, directly influenced the content of manuscripts, and also participated in the formation of the information agenda. At the same time, the censorship departments and the Committee of April 2, 1848, paid attention to the already released works to identify sources in the press that did not correspond to the official narrative. For the study, the justification of the term “official narrative” used in the research is given, as well as the main characteristics of the activities of the censorship institute in Russia are formulated. The deduced provisions are applied to the corpus of cases of the Main Directorate of Censorship and the Committee of April 2, 1848, selected for the period from 1854 to 1856. Attention is drawn to the procedure for dealing with the incoming bulk of works, as well as the applicability of official manifestos and relations for process of considering cases. At the same time, the order of work and conclusions of the censors are noted, according to which it is possible to evaluate the main comments and the overall quality of the works submitted for consideration by the censorship. Separately, the study presents the reaction of censorship to the bulk of cases that have been received, covering the military failures of the Russian Imperial Army since 1855.

Key words: Crimean War, General Directorate of Censorship, Nicholas I, A. S. Norov, St. Petersburg Censorship Committee, Committee of April 2, 1848, official narrative, journalism, prose, poetry, caricature, print.

Автор: **Черячукин, Максим Сергеевич** — аспирант отдела Новой истории Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Cheryachukin, Maxim Sergeevich** — postgraduate student of the Department of Modern History at the St. Petersburg Institute of History of the RAS.

E-mail: 173598@mail.ru

И. А. Иванов

Проект развития народного образования в болгарских землях после Крымской войны в докладных записках Найдена Герова*

Ценность, которую представляет фамильный архив князей Васильчиковых (РГИА. Ф. 651) для изучения русско-болгарских культурных связей после Крымской войны, хорошо известна. Сын героя Отечественной войны 1812 г., князь Виктор Илларионович Васильчиков избрал карьеру кадрового офицера. Он участвовал в боевых действиях на Кавказе, в Венгрии и Крыму, особенно отличившись во время осады Севастополя, и закончил войну в должности начальника штаба Южной армии¹. Начиная с мая 1858 и по 1861 г. Васильчиков возглавлял Военное министерство. В его ведении находилось послевоенное устройство судьбы как болгарских добровольцев, сражавшихся в составе русской армии, так и колонистов, переселившихся на территорию Российской империи. Поддерживал он также связь и с южной частью Бессарабии, которую Россия уступала в пользу Придунайских княжеств согласно условиям Парижского трактата².

К первым послевоенным годам относится знакомство князя Васильчикова с болгаринцем Найденом Геровым (1823–1900). Этот талантливый выпускник Ришельевского лицея в Одессе (1845) принадлежит к плеяде питомцев русских школ, возвратившихся на родину накануне Крымской войны и положивших

* Выражаю признательность Анне Комзоловой (Москва), Светлане Муховой (Коприштица) и Елене Сафроновой (Белгород), чьи советы оказали неоценимую помощь в работе над статьей.

начало новому этапу культурно-просветительской деятельности в болгарских землях. Таким образом, Найден Геров в первую очередь — педагог, приложивший немало усилий для того, чтобы пересадить на болгарскую почву модель гимназического образования. Данной цели призвано было служить открытое им в 1850 г. училище в г. Пловдив (Филиппополь). Помимо этого, Геров являлся составителем лекционных курсов по всем предметам гимназического цикла, а также автором первого болгарского учебника по физике³. Но и это еще не все. Следует упомянуть о публицистической деятельности в интересах угнетаемого турками народа, которую Геров активно вел как на болгарском, так и на русском языках. Научный интерес к родному языку тоже не оставлял его на протяжении всей жизни, что позволило ему стать «болгарским Далем», автором пятитомного толкового словаря болгарского языка. Впрочем, это случилось позднее, а пока, осенью 1853 г., после разрыва дипломатических отношений между Россией и Турцией тридцатилетний Геров, будучи русским подданным, вынужден был прервать преподавание и незамедлительно покинуть Пловдив, отправившись за границу. Путь его лежал через Галац, Бухарест и Одессу в Санкт-Петербург, где он и оставался до конца войны⁴.

Обратимся теперь к фактам, относящимся к внешнеполитической деятельности России на Балканах сразу после окончания Крымской войны. Как известно, Парижский трактат ограничивал возможности царя оказывать преимущественное покровительство православному населению Османской империи. Отныне гаранты прав и привилегий христианских подданных султана в равной мере являлись все Великие державы. Тем самым стала возможной конкуренция идей и моделей развития, открывшая новое поле борьбы за умы и сердца. Как же участвовала в этой «борьбе за души» Россия в контексте того, что мы назовем сегодня мягкой силой? Этот аспект остается до сих пор малоизученным, несмотря на то что историография изобилует исследованиями о контактах с православными подданными султана посредством расширенной в 1857–1858 гг. сети консульских учреждений на Балканах, а также благодаря деятельности общественных организаций — возникших в России в конце 1850-х гг. славянских комитетов⁵.

В течение 1856–1857 гг. Найден Геров представил на имя В. И. Васильчикова несколько писем и записок, характеризующих главным образом греко-болгарский церковный спор и состояние учебного дела среди болгар⁶. В них Геров развивал мысль о необходимости преобразовать существующее в Пловдиве училище, придав ему статус центрального для болгарских земель. Окрыленный этой идеей, он сообщал о намерении к концу 1856 г. представить детальный проект, включающий программу преподавания и роспись штатов (смету) предполагаемого училища. Удалось ли Герову выполнить взятое на себя обязательство, нигде, впрочем, не говорится. Между тем весной 1858 г. Александр Викторович Рачинский, являвшийся доверенным лицом князя Васильчикова и стоявший к тому же у истоков создания Московского славянского благотвори-

рительного комитета, прояснил некоторые обстоятельства данного дела⁷. Вот отрывок из частного письма Рачинского Алексею Николаевичу Бахметеву, совмещавшему обязанности председателя только что учрежденного Московского славянского благотворительного комитета с должностью попечителя Московского учебного округа, которую он занимал в 1858–1859 гг.⁸: «В 1854-м еще годе родилась мысль сделать из училища, основанного в Филиппополе Найденем Геровым, центральное, которое имело бы целью приготовить для всей страны учителей и священников в одном определенном религиозно-нравственном направлении. В 1856 году программа, смета и способ действия были рассматриваемы преосвященным Иннокентием (архиепископ Херсонский и Таврический. — *И. И.*) и чрез кн. Виктора Илларионовича (Васильчикова. — *И. И.*) доставлены были Егору Петровичу Ковалевскому (директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел. — *И. И.*) <...> Все это глубоким сном или лениво переворачивается из Питера в Одессу, от того или другого министерства к гр. Строганову (новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. — *И. И.*). По последним письмам из Одессы вопрос, в общем, безнадежен. Но вопрос о центральном училище в Болгарии все так же настоятельно требует разрешения»⁹.

Этот важный документ, составление которого А. В. Рачинский приписывал Герову, в известной мне исследовательской литературе не упоминается, так что можно было бы усомниться, сохранился ли он до наших дней¹⁰. Однако в архивном фонде Васильчиковых находится рукопись Найдена Герова, несомненно, тождественная материалу, о котором идет речь¹¹. Обнаруженная там «Программа преподавания в предполагаемом Центральном училище» проливает свет на воззрения составителя по вопросу организации школьного дела у болгар, сформулированные им на пике педагогической карьеры, за несколько месяцев до его поступления на императорскую дипломатическую службу. Тем самым в поле зрения оказывается еще одна сфера деятельности, стоившая Герову немало времени и сил, — 27 июля 1857 г. он был утвержден в должности сначала консульского агента, а затем и русского вице-консула в Пловдиве, исполняя соответствующие обязанности вплоть до 1877 г.¹² Прояснив таким образом общественно-дипломатический контекст, в котором возникла интересующая нас рукопись, датируемая, по всей видимости, началом 1857 г., обратимся теперь к содержанию документа¹³.

С одной стороны, записка Герова дает представление о стоявших перед организаторами училищного дела задачах и содержит указания на идейные предпосылки, лежавшие в основе данного просветительского проекта. С другой стороны, при составлении программы Найден Геров не мог не учитывать и взгляды тех представителей имперской администрации, на чье усмотрение он отсылал свою записку. Судя по приводимым А. В. Рачинским именам, составленный Геровым проект вращался в 1857 г. в среде влиятельнейших сановников, занимавших высокое положение в военном ведомстве (В. И. Васильчиков),

Министерстве иностранных дел (Егор Петрович Ковалевский), а если учесть, что родной брат последнего Евграф Петрович возглавлял с 1856 г. Московский учебный округ, то и в Министерстве народного просвещения. К ключевым ведомствам империи следует прибавить также институт генерал-губернаторства, непосредственно подчиненный императору (А. Г. Строганов). Такой круг потенциальных читателей (и критиков) выдвигал определенные требования к тексту. Автор не мог рассчитывать на то, что высшие чиновники, в чьих руках окажется его бумага, будут в достаточной мере сведущи в болгарских делах. Поэтому от составителя требовалось, кратко охарактеризовав специфику того народа и общества, ходатаем которых он выступал, представить программу, которая не противоречила бы ни официальным взглядам на цели народного просвещения, ни внешнеполитическим видам правительства в Восточном вопросе, а в то же время соответствовала бы и образовательным идеям самого Герова.

Представленной Геровым записке присуща широта подхода. Не ограничиваясь сухим перечнем предметов, преподавание которых предусматривала школьная программа¹⁴, автор предложил вниманию читателей документ, в котором учебный план является результатом определенных теоретических рассуждений. Он вытекает логически из анализа присущих болгарам социокультурных особенностей, обусловивших положение дел в сфере народного образования, в соответствии с чем формулируются задачи, требующие безотлагательного решения, и содержатся указания на имеющиеся в наличии средства.

Так, автор записки характеризует общество болгар как бессловное, отличительной чертой которого является высокая социальная мобильность, ориентированная на города. Не забывает он при этом и о созидательной функции крупных сел, где на протяжении веков сохранялось народное начало и где раньше всего стало возрождаться болгарское просвещение¹⁵. По этой причине к обучению в училище, по мнению Герова, следует допустить представителей всех без различия социальных классов ради того, чтобы, прививая детям «первоначальные познания, необходимые в общежитии», способствовать тем самым сплочению народа и созданию более однородного общества¹⁶.

Главные пороки существующего порядка вещей автор трезво усматривает в отсутствии, с одной стороны, единообразия в учебном процессе, а с другой — общего надзора за деятельностью отдельных училищ, поскольку «нынешние училища в Болгарии зависят каждое от общины, которая его содержит, а управляются они повременными учителями единственно по их разумению, без всяких постановлений. Посему в Болгарии нет ни двух школ одинаковых по устройству»¹⁷.

Для постепенного преодоления указанных недостатков Геров предлагает действовать не насилием, а притягательностью доброго примера, создавая таким образом предпосылки для постепенной эволюции системы в желаемом направлении¹⁸. С целью создания общедоступной школьной системы, которой были бы присущи элементы унификации и контроля, проект предусматривает

следующие способы действия. Создается учебное заведение, включающее три ступени или отделения, связанные единой программой преподавания. В общей сложности предполагается восьмилетний курс обучения, включающий три года в начальном, два года в среднем и три года в высшем отделениях¹⁹. Сопоставляя эти данные с номенклатурой средних учебных заведений в России, следует учесть, что пребывание в приходских училищах составляло от одного до двух лет, а обучение в уездных училищах и гимназиях продолжалось в течение трех и семи лет соответственно²⁰.

Воспользоваться этой школой дети смогут по состоянию, т. е. в зависимости от финансовых и прочих возможностей родителей²¹. Для поощрения одаренных детей предоставляются учебные стипендии²². Придание большего единообразия учебным планам и усиление надзора за деятельностью отдельных училищ достигаются как по мере подготовки народных учителей из числа собственных воспитанников, так и за счет обеспечения возможностей для перехода воспитанников из второстепенных школ в центральное училище²³.

Не имея возможности останавливаться на подробной характеристике учебного плана, коснемся двух его аспектов — вероучительного и языкового. В пояснительных комментариях составитель программы отмечает, что преподавание Закона Божия должно сопровождать воспитанников на протяжении всего срока обучения в училище²⁴. При этом он считает уместным позаботиться о том, чтобы даже ограничивающиеся лишь самыми начатками образования дети получали ясное понятие о вере. Так, обращает на себя его замечание о важности привить воспитанникам на втором году обучения «понятие о значении богослужения, *о чем в настоящее время никто не думает* (курсив мой. — И. И.)»²⁵. Смысл этих слов прояснится, если вспомнить о том, в каких условиях Геров работал над текстом программы в самом начале 1857 г., а именно в момент последней, решающей схватки с пловдивским митрополитом греком Хрисанфом, закончившейся низложением последнего. Поэтому высказывание Герова указывает на то, что в пылу полемики 33-летний педагог осознавал, что национально-политическое содержание церковной борьбы с греческим духовенством грозило вытеснить на задний план духовный пласт православного вероучения, оказывавшийся вне поля зрения противоборствующих сторон²⁶.

Что же касается лингвистической подготовки воспитанников, то изучение основ грамматики болгарского языка определено с первого класса; со следующего года к этому добавляются турецкий и греческий языки, потребность в изучении которых «вытекает из отношения болгар к туркам и грекам»²⁷. Обучение русскому языку начинается в третьем классе низшего отделения, и автор программы придает ему особое значение. Во-первых, постижение русской грамматики должно содействовать лучшему овладению как болгарским, так и церковнославянским языками; во-вторых, знание языка расширяет возможности преподавателей по использованию русской литературы и учебников в высших классах. Наконец, в-третьих, при изучении логики, стихосложения и риторики

в среднем отделении учащиеся снова обращаются к русским книгам с тем, чтобы «упражняться в сочинениях и отыскивании в народной литературе образцов для составления риторики болгарской»²⁸. В последнем, пятом классе среднего отделения полагается преподавание французского языка, «чтобы воспитанники, получившие уже посредственное образование, знали и один из европейских языков»²⁹.

В представленной программе обращает на себя внимание прагматизм, проявляющийся, например, в порядке обучения или же указаниях на близость языков и относительные быстроту и легкость в овладении ими как главным аргументе, обусловившем выбор Герова. Предпочтение, оказываемое русскому языку, определяется ожидаемой пользой в процессе преподавания при отсутствии собственно болгарской учебной литературы³⁰.

Таким образом, в основу проекта Найдена Герова положены три общих принципа: системность, предполагающая поступательное выстраивание программы обучения и совместимость учебных планов, сочетается, с одной стороны, с необходимостью утвердить тесную взаимосвязь между религиозно-нравственным и интеллектуальным образованием, задающую «одинаковое направление» обучению во всех отделениях, а с другой — с прагматичным стремлением приспособить обучение к местным условиям и требованиям.

Говоря об организации высшего отделения училища, точная программа которого к моменту составления записки еще не была определена, Геров отмечает, что его деятельность будет направлена на подготовку учителей для второстепенных училищ и священников, в связи с чем учащиеся будут распределены между светским и духовным отделениями. Иными словами, проект предусматривает создание учительского института и духовной семинарии с отдельным преподаванием для воспитанников³¹.

Разумеется, Геров не являлся единственным и эксклюзивным автором проекта создания центрального болгарского училища, поскольку соответствующая идея зародилась в среде болгарских эмигрантов в Одессе, по всей видимости, еще до начала Крымской войны³². Так, еще 24 сентября 1853 г. известный общественный деятель Николай Христофорович Палаузов представил российскому поверенному в турецких делах А. П. Озерову «Записку о необходимости основания в Болгарии Духовного центрального училища»³³. Записка эта содержала уже мысль, которая послужила впоследствии отправной точкой и для Герова, а именно — констатацию, что принятая в болгарском образовании и воспитании система «нетверда и не основательна», поскольку в ней отсутствует единство в учебниках, способах и направлении преподавания³⁴. Формулируя «великую опасность в религиозных и нравственных отношениях», которая угрожает болгарам, Палаузов ратовал за создание «рассадника болгарского образования» в пределах Болгарии, поскольку посылать молодых людей на Запад «вредно», а в Россию — «неудобно»³⁵. При этом он предлагал основать учебное заведение из шести классов с целью подготовки педагогов для второстепенных училищ

и священников, которое следовало бы программе духовных семинарий в России с той лишь разницей, что вместо латинского и еврейского языков в нем преподавали бы турецкий, греческий, болгарский и французский.

Между тем рукопись Герова уточняет высказывавшиеся прежде идеи, дополняя характеристику существующего положения дел осознанием неотложных задач, средств к их достижению и, наконец, общих принципов, на которых должна строиться система народного образования и воспитания в болгарских землях. Кроме того, Геров более конкретен в своих рассуждениях, привязывая более или менее общие размышления к учебному плану на пять лет.

Итак, даже краткое изложение позволяет убедиться в том, что автор «Программы преподавания» блестяще справился с составлением учебного плана для центрального училища в Болгарии³⁶. Его записка сжато передавала специфику социокультурных условий, влияние которых следовало учитывать при обсуждении организации школьного дела, подходящей для болгарских земель. Кроме того, общее направление религиозно-нравственного образования, которое Найден Геров предполагал дать училищу, соответствовало взглядам высших российских должностных лиц на этот счет. Наконец, находясь в тесном общении с коллегами на местах, автор записки сумел сформулировать подход к решению ключевой проблемы, которая заключалась в нехватке образованных педагогов и священников. «Программа преподавания» предвосхищала проекты создания гимназии в Пловдиве, относящиеся ко второй половине 1860-х гг.³⁷ Несмотря на то что рукописи не был дан ход в русских правительственных кругах, записка Герова не являлась «проходным», отдающим дань политической конъюнктуре проектом, составленным на злобу дня рискующим остаться без средств к существованию учителем. Против такого истолкования говорит хотя бы то, что Геров и его единомышленники в последующие годы снова и снова возвращались к данной теме³⁸. Так, К. Н. Леонтьев, находясь с Геровым в приятельских отношениях, в бытность свою секретарем русского консульства в Адрианополе (1864–1866 гг.) обратился к нему в марте 1865 г. со следующим вопросом: «Скажите, была или нет составлена Ваша записка о том, как надо устроить Гимназию? Здесь я ее не нахожу; если она была Вами отправлена, не можете ли прислать мне на прочтение черновку? Мне очень бы хотелось знать Ваше мнение об этом предмете»³⁹. Программа Герова послужила Леонтьеву, вероятно, одним из источников при написании известной «Записки о литературном влиянии во Фракии», составленной осенью того же года. В ней автор обосновывал необходимость культурно-просветительской работы в болгарских землях⁴⁰.

¹ Васильчиков В. И. Севастополь: Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский архив. 1891. Кн. 2. № 6. С. 167–256.

- ² В этой связи достойна упоминания и так называемая «дамская благотворительность» южным славянам и грекам, которую осуществляли приближенные к молодой императрице Марии Александровне особы, в их числе и княгиня Т. В. Васильчикова, мать вышеупомянутого князя. Благотворительность выражалась, в частности, в финансовой поддержке и оказании помощи церквям и школам. *Попов Н. А.* Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. Вып. 1. СПб., 1871. С. 123–126.
- ³ *Балабанов Н.* Явлението Найден Геров. Пловдив, 2014.
- ⁴ *Георгиев Е.* Найден Геров. София, 1972.
- ⁵ См.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 1997. С. 60–62.
- ⁶ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 448. Ср. публикации в: Из архивата на Найден Геров. Писма, доклади и материали за възраждането на българския народ, (2 книги) / Под ред. Т. Панчева. София, 1911–1914 (далее — ИАНГ). Кн. I. № 122–123, 125 и Русия и българското национално-освободително движение 1856–1876. София, 1987–1990 (далее — РБНОД). Т. I, 1. № 34, 38; *Петров Н. И.* Начало греко-болгарской распри и возрождение болгарской народности. Киев, 1886.
- ⁷ О А. В. Рачинском см.: *Тонев В.* Александър В. Рачински и учебното дело в България след Кримската война // В памет на академик Михаил Димитров. Изследвания върху Българското възраждане / Под ред. И. Унджиева. София, 1974. С. 269–286; *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М., 1960. С. 31–36.
- ⁸ О А. Н. Бахметеве см.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России. С. 42.
- ⁹ Письмо А. В. Рачинского А. Н. Бахметеву от 14 марта 1858 г. // РГАДА. Ф. 1256. Д. 738. Л. 4 об. В том же смысле ср. письмо Рачинского Бахметеву от 1 августа 1858 г.: ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 72. Л. 58 — 58 об.
- ¹⁰ *Сафронова Е. В.* Найден Геров и Россия: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1996. Диссертация Е. А. Лаптева «Найден Геров — российский дипломат в 50–70-е годы XIX века» (Уфа, 2011), а также на ее основе в том же году изданная монография «Российский дипломат Найден Геров и российско-болгарские связи (1856–1877 гг.)» отчасти дословно воспроизводят названную работу Сафроновой, являясь, таким образом, продуктом научного плагиата. См. далее: *Кирилова А.* Найден Геров — един български интелектуалец между Русия и Османската империя в подкрепа на движението за национална просвета (1857–1877) // Интелектуалците и/в политиката. Юбилеен сборник, посветен на 65-годишнината на проф. д-р Румен Генов с материали от научна конференция с международно участие (29–30 април 2011 г., НБУ). София, [2014]. URL: https://ebox.nbu.bg/profesorgenov/view_lesson.php?id=5 (дата обращения 22.01.2024); *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России. С. 112–115; *Степанова Л. И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50–70-х гг. XIX в. М., 1981. С. 40; *Димитров А.* Училището, прогресът и националната революция. Българското училище през Възраждането. София, 1987. С. 104–136.
- ¹¹ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 434. Электронная публикация источника доступна в: *Иванов И. А.* Проектът на Найден Геров за Централно българско училище в Пловдив от 1857 г. // ДЗЯЛО. 2023. Год. XI. Брой 27. URL: https://www.abcdar.com/magazine/XXVII/Dzl_2023_br27_04_Ivan_Asenovich_Ivanov_Proektut_na_Naiden_Gerov_za_centralno_bg_uchilishte_v_Plovdiv.pdf (дата обращения 22.01.2024).
- ¹² РБНОД. Т. I, 1. № 62.
- ¹³ См. обоснование датировки в: *Иванов И. А.* Проектът на Найден Геров...
- ¹⁴ Такого рода анонсы публиковались в болгарских возрожденческих газетах. Для училища в Пловдиве см., например: Цариградски вестник. 1856. VI, 296, 29 сент. Ср. *Генчев Н.* Възрожденският Пловдив. Пловдив, 1981. С. 315–316.
- ¹⁵ Програма преподавания. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 1 — 1 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 3 об. — 4.

- ¹⁹ Там же. Л. 2, 4 об. — 5 об.
- ²⁰ В России в то время действовал «Устав гимназий и училищ уездных и приходских», высочайше одобренный в 1828 г. Об изменениях, которым подвергались учебные планы на протяжении последующих десятилетий, см.: *Шмид Е.* История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 349–374. О новом «Проекте устава низших и средних учебных заведений», обсуждение которого пришлось на время, когда Министерство народного просвещения возглавлял Е. П. Ковалевский, см.: Там же. С. 450–452.
- ²¹ Программа преподавания. Л. 1 об.
- ²² Приложенная к программе преподавания смета предполагает ежегодные суммарные расходы на содержание центрального училища в размере 6200 руб. серебром, предусматривая в том числе 6 учительских окладов по 600 руб. и 50 стипендий воспитанникам по 24 руб. (Там же. Л. 13).
- ²³ Там же. Л. 2 об. — 3, 11 об.
- ²⁴ Там же. Л. 5 об. — 6.
- ²⁵ Там же. Л. 6.
- ²⁶ Ср. письмо Н. Герова Ст. Д. Тошковицу от 9 февраля 1857 г. // ИАНГ. Кн. II. № 2267. С. 409.
- ²⁷ Программа преподавания. Л. 6, 10 — 10 об.
- ²⁸ Там же. Л. 6 об. — 7 об., 9 об.
- ²⁹ Там же. Л. 10 об.
- ³⁰ См., например, его аргументацию в пользу перевода учебников для низших и средних учебных заведений именно с русского, а не других языков, высказанную в письме гр. Н. П. Игнатьеву 23 декабря 1865 г. // Архив на Найдено Герова. Ч. I / Под ред. М. Г. Попруженко. София, 1931. (Документы за българската история, т. I) (далее — ДБИ. Ч. I). № 328. С. 385–386. Ср. также ходатайство Н. Герова перед Московским славянским благотворительным комитетом в 1869 г. о снабжении заново обустраиваемой библиотеки в болгарском училище книгами и периодическими изданиями на русском языке: ДБИ. Ч. I. № 455. С. 510–511.
- ³¹ Программа преподавания. Л. 12.
- ³² *Забунув И. Д.* 1) Одесское болгарское настоятельство в период Крымской войны (1853–1856) // Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977. С. 3–24; 2) Болгары юга России и национальное болгарское Возрождение в 50–70-х гг. XIX в. Кишинев, 1981. С. 27–34.
- ³³ Документ от времето на българското възраждане // Периодическо списание на Българското книжовно дружество. 1899. Год. 11. Кн. 58. С. 621–629.
- ³⁴ Там же. С. 623.
- ³⁵ Там же. С. 626.
- ³⁶ См. беглое упоминание в письме А. В. Рачинского Н. Герову от 5 авг. 1857 г.: «Программа и изложение Ж[урнала] очень понравились» (ИАНГ. Кн. II. № 2002).
- ³⁷ *Генчев Н.* Възрожденският Пловдив. С. 321–323.
- ³⁸ Докладные записки Н. Герова от 12 февр. 1862 г. и 7 окт. 1863 г. // ДБИ. Ч. I. № 231. С. 277; № 278. С. 328; письмо Н. Хр. Палаузова М. П. Погодину от 17 окт. 1863 // РБНОД. Т. I, 2. № 402; письмо М. И. Золотарева Е. П. Новикову от 2/14 июля 1864 г. и его же докладная записка от 9 дек. 1864 // РБНОД. Т. II. № 32. С. 71; № 61. С. 132; письмо Н. Герова М. И. Золотареву от 15 янв. 1865 // ИАНГ. Кн. I. № 1052.
- ³⁹ ИАНГ. Кн. I. № 1628.
- ⁴⁰ ИАНГ. Кн. I. № 1630. Текст записки К. Н. Леонтьева от 20 окт. 1865 // РБНОД. Т. II. № 102. С. 208–216.

References

- Arhiv na Nayden Gerov*. [Archive of Nayden Gerov. In Bulg.]. Ch. I / Pod red. M. G. Popruzhenko. Sofia, 1931. (Dokumenti za balgarskata istoriya; t. I).
- BALABANOV N. *Yavlenieto Nayden Gerov*. [The phenomenon of Nayden Gerov. In Bulg.]. Plovdiv, 2014.
- DIMITROV A. *Uchilishнето, progresat i natsionalnata revolyutsiya. Balgarskoto uchilishте през Vazrazhdanето*. [The school, progress and national revolution. The Bulgarian school during the Revival. In Bulg.]. Sofia, 1987.
- GEORGIEV E. *Nayden Gerov*. [In Bulg.]. Sofia, 1972.
- GENCHEV N. *Vazrozhdenskiyat Plovdiv*. [Plovdiv in the time of Revival. In Bulg.]. Plovdiv, 1981.
- Istoriya vneshney politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka (ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soyuza)*. [The History of Russian foreign policy. The second half of the 19th century (from the Treaty of Paris to the Russian-French alliance). In Russ.]. Moscow, 1997.
- IVANOV I.A. *Proektat na Nayden Gerov za Tsentralno balgarsko uchilishте v Plovdiv ot 1857 g.* [Nayden Gerov's Project for a Central Bulgarian School in Plovdiv, 1857. In Bulg.] // Dzyalo. 2023. God. XI. Broj 27. URL: https://www.abcdar.com/magazine/XXVII/Dzl_2023_br27_04_Ivan_Asenovich_Ivanov_Proektut_na_Nayden_Gerov_za_centralno_bg_uchilishте_v_Plovdiv.pdf (date of access 22.01.2024).
- KIRILOVA A. *Nayden Gerov – edin balgarski intelektualets mezhdu Rusiya i Osmanskata imperiya v podkrepa na dvizhenieto za natsionalna prosveta (1857–1877)*. [Nayden Gerov – a Bulgarian intellectual between Russia and the Ottoman Empire in support of the movement for national enlightenment (1857–1877). In Bulg.] // Intelektualtsite i/v politikata. Yubileen sbornik, posveten na 65-godishninata na prof. d-r Rumén Genov s materiali ot nauchna konferentsiya s mezhdunarodno uchastie (29–30 april 2011 g., NBU). Sofia [2014]. URL: https://ebox.nbu.bg/profesor/genov/view_lession.php?id=5 (date of access 22.01.2024).
- LAPTEV Ye. A. *Nayden Gerov – rossiyskiy diplomat v 50–70-ye gody XIX veka*. [Nayden Gerov – Russian diplomat in the 50s–70s of the 19th century. In Russ.]; PhD dissertation thesis. Ufa, 2011.
- LAPTEV Ye. A. *Rossiyskiy diplomat Nayden Gerov i rossiysko-balgarskiye svyazi (1856–1877 gg.)*. [Russian diplomat Nayden Gerov and Russian-Bulgarian relations (1856–1877). In Russ.]. Ufa, 2011.
- NIKITIN S.A. *Slavyanskiye komitety v Rossii v 1858–1876 gg.* [The Slavic Committees in Russia in 1858–1876. In Russ.]. Moscow, 1960.
- Rusiya i balgarskoto natsionalno-osvoboditelno dvizhenie 1856–1876*. [Russia and the Bulgarian national liberation movement 1856–1876. In Bulg.]. Sofia, 1987–1990.
- SAFRONOVA Ye. V. *Nayden Gerov i Rossiya* [Nayden Gerov and Russia. In Russ.]; PhD dissertation thesis. Voronezh, 1996.
- STEPANOVA L.I. *Vklad Rossii v podgotovku bolgarskoy intelligentsii v 50–70-kh gg. XIX v.* [Russia's contribution to the education of the Bulgarian intelligentsia in the 50–70s of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 1981.
- TONEV V. *Aleksandar V. Rachinski i uchebnoto delo v Balgariya sled Krimskata vojna*. [Alexander V. Rachinskiy and the educational matters in Bulgaria after the Crimean War. In Bulg.] // V pamet na akademik Mikhail Dimitrov. Izsledvaniya varhu Balgarskoto vazrazhdane / Pod red. I. Undzhieva. Sofia, 1974. P. 269–286.
- ZABUNOV I.D. *Odesskoye bolgarskoye nastoyatel'stvo v period Krymskoy vojny (1853–1856)*. [Odessa Bulgarian Superiorate during the Crimean War (1853–1856). In Russ.] // Balkanskiye strany v novoye i noveysheye vremena. Kishinev, 1977. P. 3–24.
- ZABUNOV I.D. *Bolgary yuga Rossii i natsional'noye bolgarskoye Vozrozhdeniye v 50–70-kh gg. XIX v.* [Bulgarians of the South of Russia and the national Bulgarian Revival in the 50–70s of the 19th century. In Russ.]. Kishinev, 1981.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. А. Иванов. Проект развития народного образования в болгарских землях после Крымской войны в докладных записках Найдена Герова // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 61–71

Аннотация: В 1856–1857 гг. среди славянофилов и влиятельных сановников Российской империи получили хождение письма и докладные записки, характеризующие греко-болгарский церковный спор и состояние народного просвещения у болгар под турецким владычеством. Статья дает представление о стоявших перед организаторами школьного дела задачах и содержит указания на идейные и историко-культурные предпосылки, положенные в основу просветительского проекта Найдена Герова в контексте условий Парижского трактата.

Ключевые слова: Российская империя, Парижский трактат, Восточный вопрос, православные подданные султана, народное просвещение в болгарских землях, система средних образовательных заведений, болгарское училище свв. Кирилла и Мефодия в Пловдиве, Найден Геров, В. И. Васильчиков.

FOR CITATION

I. A. Ivanov. The project for the development of public education in the Bulgarian lands after the Crimean War in the Memoranda of Nayden Gerov // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 61–71

Abstract: Between 1856–1857, several letters and memoranda describing the Greek-Bulgarian church strife and the current state of Bulgarian popular schooling were circulating among the Slavophiles and the influential dignitaries of the Russian Empire. This article provides insight into the tasks faced by the organizers of the schools under Turkish rule. It contains indications of the ideological and historical-cultural prerequisites underlying the educational project of Nayden Gerov in view of the conditions of the Treaty of Paris.

Key words: Russian Empire, Treaty of Paris, Eastern Question, Orthodox subjects of the Sultan, public education in Bulgarian lands, system of secondary educational institutions, Bulgarian school “St. Cyril and Methodius” in Plovdiv, Nayden Gerov, V. I. Vasilchikov.

Автор: **Иванов, Иван Асенович** — к. и. н., научный сотрудник кафедры новой истории философского факультета университета им. Фридриха Шиллера (г. Йена, Германия).

Autor: **Ivanov, Ivan Asenovich** — Dr. Phil., Researcher at the Chair of Modern History, Faculty of Philosophy, Friedrich Schiller University (Jena, Germany).

E-mail: iwan-iw@mail.ru

Пекка Кауппала

Крымская война в Финляндии и ее влияние на российско-финляндские отношения

Крымская война была второй и последней войной XIX в. на территории Финляндии после шведско-российской войны 1808–1809 гг., которая привела к переходу основной части финских регионов под власть России и к созданию Великого княжества Финляндского. По сравнению с ней Крымская война была менее разрушительным событием, которое не повлекло за собой политических потрясений такого масштаба. Тем не менее она является вторым по значимости фактором перемен в мирной и эволюционно развивавшейся Финляндии XIX в.

Несмотря на это, часто бытует представление, что Великое княжество в годы Крымской войны было спокойной окраиной великой воюющей державы¹. О том, насколько эта картина была противоположна реальности, свидетельствует эмоциональная и выразительная цитата из письма Эрика Рудбека, более известного как собиратель финских народных сказок Ээро Салмелайнен от 26.05.1854: «И вновь Финляндию притесняют враги, в то время как мы здесь [в Санкт-Петербурге] лишь ожидаем их при всем военном снаряжении. Мы получили уже два различных сообщения о том, что в Финляндии уже начались столкновения <...> и сегодня вновь сообщают, что в том же месте продолжается атака. — Можем из этого сделать вывод, что на побережье Финляндии идут жестокие бои, в то время когда враги вряд ли решаться напасть на Кронштадт и т. д. — В такие удивительные времена мы живем, и я воистину хотел бы сказать, как древние говорили: кто бы мог предположить такое еще полгода назад?»²

О том же самом свидетельствует и адресованная финляндцам яркая речь, произнесенная в самом конце войны в Хельсинки императором Александром II³. Он говорил, в частности:

Благодарю вас и всех Моих верных финских подданных от всего сердца за вашу готовность содействовать защите страны. Мой отец надеялся на вас, и вы все исполнили свой долг. Вам известны намерения моего отца относительно мер на пользу и блага Финляндии; Я унаследовал эти намерения. <...> Если Мы, что Я надеюсь, достигнем мира, то рассчитываю на вас для развития благополучия Финляндии...⁴

Так довольный и благодарный император обещал жителям края компенсировать им весь ущерб, который они понесли во время войны. И действительно, во время войны Финляндия потеряла две трети ее торгового флота, который был ей жизненно необходимым.

Эти факты, однако, были впоследствии преданы забвению как в России, так и в Финляндии⁵. И нам необходимо обратиться к самим событиям⁶.

Полуавтономная структура Великого Княжества Финляндского перед Крымской войной

Автономия Великого княжества Финляндского не основывалась на единой законодательной базе и ее последовательной реализации⁷. Созданное в 1808 г. Великое княжество должно было, по мысли его основателей, особенно Михаила Сперанского, существовать в режиме широкой автономии. Тем не менее ее практическая реализация при изменившихся в период Отечественной войны реальных политических условиях была ограниченной.

На деле император, даже и ориентируясь на унаследованную от Швеции конституцию, смог внедрить в управление Финляндией автократический стиль. В период правления Николая I администрация не выказывала особенного доверия ни к финнам, ни к элите края — шведскому меньшинству⁸.

Сложившаяся к 1853 г. в мировой политике невыгодная для России конъюнктура, приведшая ее к борьбе в одиночку против наиболее технологически развитых в те времена государств — Великобритании и Франции — стала своеобразным моментом истины, показав, какова была лояльность Финляндии в час беды⁹.

В первой половине XIX в. для России было типичным устойчивое сохранение средневековых ценностей. Установки относительно преданности и лояльности всегда подразумевают доверие к тем подданным, которые доказали свою преданность, особенно на поле брани.

Русский консервативный традиционализм сделал возможным при учреждении финской автономии в 1809 г. перенос самых значительных достижений

Швеции 1720–1770-х гг., так называемого «времени свободы», — таких как конституция, большой передел¹⁰, а также традиционная для шведского общества личная свобода крестьян — в новую конструкцию финляндской автономии. Все же в период ужесточения консервативного курса в русской политике возникла проблема: Финляндию больше не считали готовой моделью для грядущих осторожных либеральных реформ.

В этой ситуации формировавшееся финское национальное движение в качестве своей основной стратегии выбрало следующий принцип: чем более усиливается национальное самосознание и самобытность, тем сильнее подчеркивается преданность хоть и конституционной, но все равно сильной власти великого князя и лично Романовым.

Николай I и его канцелярия генерал-губернатора в Финляндии заметили и смогли оценить эти тенденции¹¹. Однако недоверие, сопровождавшееся систематическим бюрократическим контролем, не исчезало.

Вдохновленная духом консерватизма Россия возвела для самой себя преграды на пути к экономическому росту. Это привело к неизбежному ослаблению военной мощи России. Вскоре после начала Крымской войны дела пошли плохо¹².

По этим причинам российская военная пропаганда во время войны не смогла остаться на высоте положения. Было слишком мало вдохновляющих новостей и много печальных¹³.

Горячая Крымская война в Финляндии

Крымская война на территории Финляндии началась весной 1854 г. Здесь появилась англо-французская эскадра, планом которой была подготовка вторжения в Санкт-Петербург. В связи с этим их целью был захват последовательно трех крепостей, которые преграждали путь к столице: Бомарзунд на Аландских островах, Свеаборг напротив Хельсинки и Кронштадт. Но опытное английское командование эскадры понимало, что эту задачу невозможно выполнить быстро, и решило, что сначала нужно ликвидировать все финские суда и строительные материалы. С этой целью английские и французские суда систематически в течение двух летних сезонов нападали на каждый финский портовый населенный пункт на морском побережье¹⁴.

В первый раз английские корабли столкнулись с вооруженным отпором с 19 по 20 мая 1854 г. Российскому артиллерийскому отряду, в состав которого входило много финляндских бойцов и которым руководил генерал Андерс Эдвард Рамсей из старого шведско-финского дворянского рода, удалось отбить атаку. Кораблям пришлось вернуться, не выполнив задачу; в бою с обеих сторон были погибшие.

Финской элите нужно было решить, какую позицию занять. Первым на этот вызов откликнулся самый популярный журналист Финляндии Сакариас Топелиус. В своем большом стихотворении «Первая капля крови» Топелиус писал, что Финляндия сражается против интервентов, пришедших на ее землю¹⁵.

Стихотворение Топелиуса было адресованным финнам сигналом о том, что им следует ощущать эту войну как свою.

В разгар Крымской войны, 7 июня 1854 г., в порту Халкокари финского города Коккола¹⁶, расположенного на западном побережье, состоялась битва, которая завершилась убедительной победой русско-финского оружия. Попытка двух английских военных кораблей высадить десант, чтобы уничтожить суда и склады древесины самой значительной гавани Средней Остроботнии, закончилась для них полным поражением. Как минимум двадцать англичан погибло, и одна десантная лодка со всем экипажем была захвачена в плен. Военнопленные вместе с захваченной пушкой и флагом были торжественно провезены вдоль всего побережья Финляндии и доставлены в Петербург. Решающую роль в этой победе сыграли коккольские ополченцы со своей изобретательной военной стратегией.

При поверхностном взгляде сражение при Халкокари может показаться незначительным — ведь число военных потерь не достигало до 50 человек. Но ведущий специалист по английским морским сражениям Эндрю Ламберт обратил внимание на то, что иерархия значимости сражений в Крымской войне была искажена в результате преувеличенного внимания к числу их жертв, что повлекло за собой перенесение центра тяжести на события в Крыму и, соответственно, инспирировало и само название войны. По мнению Ламберта, главным театром военных действий в Крымской войне было не Черное, а Балтийское море. Ведь Россия в любом случае пережила бы падение Крыма, а вот как насчет падения столицы?¹⁷

Но психологическое значение победы при Халкокари было еще больше. Успех самостоятельных военных действий финнов поднял их веру в себя и решительность¹⁸. А кроме того, наконец-то для русской прессы нашлось что-то вдохновляющее. Вспомним, что за все время войны, кроме сражения при Халкокари, было только два других события, столь же победных и пригодных для демонстрации успехов: Синопская морская битва в ноябре 1853 г. и захват Карса в 1855 г. В этих двух последних случаях — самих по себе более масштабных, чем Халкокари, — русские войска все же сражались не со своим главным и могучим противником — Англией, а били еще более консервативного и технологически отсталого, чем Россия, союзника Англии — Турцию. А для Англии, сверхдержавы своего времени, Халкокари был самым унижительным и печальным провалом за всю Крымскую войну¹⁹.

Полуофициальный рупор российского правительства, газета «Московские ведомости» поместила в номере от 12 июня 1854 г. длинный рассказ о Халкокари. Эту статью целиком перепечатал также «Русский инвалид»²⁰.

Главный русский морской военный журнал «Морской сборник» дает ясное представление о значении, которое русская пресса придавала сражению при Халкокари. Рассказ о сражении занимает в журнале целых 13 страниц²¹. За весь 1854 г. в этом журнале ни один рассказ о сражении не был столь длинным.

Это ясно показывает, что из всех военных морских событий этого года бой при Халкокари был главным.

Идеологическое значение Халкокари дополнительно усилилось еще благодаря тому, что в 1855 г. коккольцам удалось вторично отразить нападение англичан. После войны на героев Халкокари начал изливаться поток почестей и наград.

С военной точки зрения самым важным событием войны была успешная оборона Свеаборгской крепости в июне 1855 г. Мощные стены старой шведской цитадели выдержали массированную бомбардировку, хотя в ней горели деревянные здания и конструкции.

Другие события и битвы в менее зрелищной форме укрепляли картину, которая была создана на основании Халкокари: финляндцы, включая и финских шведов, однозначно идентифицируют себя с русской стороной в этом конфликте, и разделяют предлагавшуюся этой стороной идеологию: Россия воюет в защиту единой христианской веры²².

Финские лютеранские священники охотно распространяли представление о страшном магометанском турецком противнике, который действует в интересах дьявола, нападая на весь христианский мир²³.

Русские более всего боялись, что англичанам удастся высадить морской десант в Финляндии, который поддержали бы финские шведы и частично этнические финны — возможно, еще и в союзе с жаждущей реванша Швецией. В этом случае русские войска в Финляндии были бы нейтрализованы финскими коллаборантами и восставшими, что дало бы возможность англичанам нанести удар и с земли, и с моря по столице, Петербургу.

Немецкий исследователь Крымской войны Винфрид Баумгарт обратил внимание на то, что английский премьер-министр лорд Пальмерстон стремился как к *beau ideal* к решительному территориальному уменьшению России, при котором Финляндия была бы от нее отторгнута²⁴.

Итоги войны: от полуавтономии к настоящей автономии

Новый царь Александр II во время упомянутого выше визита в Финляндию в марте 1856 г.²⁵ говорил о своей благодарности в связи с ролью Финляндии в войне. Особенно интересно, что император и великий князь вернулся к использованию тех понятий и языковых формул, которые были приняты в период основания Великого княжества Финляндского в 1809 г. Он читал речь, как и его дед Александр I, по-французски, подчеркивая тем самым особое положение Финляндии, а некоторые фразы произносил также и по-шведски²⁶. В нем император тщательно избегал называть Финляндию частью России. Вместо этого он высказал мысль, что финнам нужно помнить, что они являются частью более широкого сообщества: «...оставаясь добрыми финнами, вы вместе с тем составляете часть того большого общества, главой которого является Император Российский»²⁷.

Тогда еще не сложилась концепция, рассматривавшая Финское государство как независимое образование, находившееся в персональной унии с Россией. Можно предположить, что Александр действовал по своей инициативе, отдавая себе отчет, что в Финляндии распространено мнение об ее отдельности от России.

Юрист Юрьё Коскинен, который в Финляндии считается создателем концепции финской истории, в первый год войны крайне осторожно, в лекции, прочитанной в связи со своим вступлением в должность учителя, подчеркивал высказывание Александра I на сейме в Порвоо в 1809 г. о том, что Финляндия «заняла место среди наций». Эту цитату в свою очередь процитировал в 1855 г. епископ Ф.Л. Шауман на торжествах по случаю коронации Александра II в Хельсинкском университете²⁸. Именно большая осторожность, с которой выражались эти амбициозные надежды, без сомнения, вдохновила молодого императора.

В этом смысле Александр II сам стал пионером известной финской теории унии, которую Лео Мехелин (1839–1914) позже изложил в понятиях международного права²⁹.

Сразу после войны Александр повернул финскую политику в сторону значительного расширения автономии и поддержки экономического развития княжества.

Продолжение последовало в 1863 г., когда был созван сейм. Эта уступка, кстати, была задумана Александром не сразу после войны. Он предполагал совершить этот шаг только после удачной реформы сверху — как задумывалось и для России. Еще был велик страх, что, помогая реформам, созданный парламент попытается взять на себя руководство государством, по примеру Французской революции.

Хорошим примером того, что Александр II и его окружение воспринимали Финляндию в годы Крымской войны как образец прекрасной и одновременно разумной для самих себя лояльности, являются слова военного министра Д. А. Милютин. В 1862 г. Милютин высказался так: «Думаю, что Польша могла бы достигнуть такого же, вполне благоприятного положения, если бы только вожаки польские обладали таким же здравым смыслом, таким же спокойным, сдержанным характером, какими отличаются финляндцы»³⁰.

Приращение масштабов и значения Крымской войны в Финляндии в XX в.

Итак, подводя итог рассуждениям о значении Крымской войны для Финляндии, мы приходим к заключению, что оно совсем не было локальным, а имело национальный и даже международный характер.

Мечта, возникшая в связи со сражением при Халкокари, основывалась на мысли о взаимном доверии финнов и русских. Оно, в свою очередь, было основательно поколеблено уже в периоды угнетения в 1899–1907 и 1907–1917 гг., потом во время русской революции и финской гражданской войны — не говоря

уже о Второй мировой войне. Уже русский историк правых националистических взглядов, бывший специалистом по Финляндии, Михаил Бородкин, известный как «пожиратель Финляндии» (Suomi-syöjä), интерпретировал Халкокари как «незначительную битву», и всю Крымскую войну в Финляндии — только как операции здесь русских войск³¹. Редкие проявления коллаборационизма во время Крымской войны обретают в его исследовании значительные масштабы. Память о самостоятельной инициативе финнов больше не была нужна, от них требовалась лишь слепая покорность. Со своей стороны, независимая Финляндия, в начале своего пути ощущавшая себя «форпостом Запада против Востока», не нуждалась в памяти о совместных сражениях с Россией против западных держав.

Последними «общефинскими рупорами», которые вынесли на широкое обсуждение память о сотрудничестве времен Крымской войны, стали сенатор Вяйно Валлин (Войномаа) со своей книгой, изданной в 1904 г., и генерал Хуго Шульман, издавший в 1905 г. сочинение о событиях Крымской войны в Финляндии³². Эти издания не случайно появились в 1904–1905 гг., в тот короткий период, когда частично восстановилось финско-русское взаимное доверие. Они представляли собой почти открытый ответ Бородкину.

Но с начала периода независимости описания событий Крымской войны удивительно напоминали работы Бородкина. В 1932 г. вышла в свет объемная книга для широкого финского читателя, где рассказывалось обо всех сражениях в истории Финляндии. Рассказ о Крымской войне занял в ней несколько предложений и закончился так: «Этот [англо-французский] флот немного докучал городам, расположенным на побережье Ботнического залива. Самым большим ущербом было сожжение Смоляного двора в Оулу»³³.

В Советском Союзе академик Евгений Тарле в 1944 г. издал монументальный труд о Крымской войне. В нем он ни одним словом не упомянул о тех разрушениях, которые были учинены англо-французским флотом на финском побережье, не говоря уже о борьбе против него финнов и русских³⁴.

В итоге глубокое недоверие между независимой Финской республикой и Советской Россией стало максимальным. В этом контексте выглядит весьма символичным, что власти Финляндии не разрешили в 1920-е гг. представителям Кокколы отправиться в Ленинград с целью поиска трофеев Халкокари в музеях.

Однако память о сотрудничестве времен Крымской войны осталась в памяти местного населения, особенно там, где произошло самое романтическое событие. Важным основанием для этого является тот факт, что английский баркас, захваченный в битве при Халкокари, до сих пор установлен в парке города Коккола. Этому уникальному военному трофею нет аналогов в мире.

Когда после краха Советского Союза закончилась во многом политически инспирированная советско-финская дружба, жители Кокколы вернулись к памяти о реальном историческом российско-финляндском оборонитель-

ном сотрудничестве. Тем не менее в памятные годы Крымской войны официальная Финляндия по-прежнему ограничивается местными локальными торжествами.

Однако если роль балтийского театра военных действий в Крымской войне вновь займет подобающее ему место в международных исследованиях этой войны, то, возможно, начнут понемногу изменяться и представления о Крымской войне и ее значении в Финляндии.

- ¹ Даже самое значительное по объему, насчитывающее 844 страницы исследование истории Великого княжества Финляндского включает в себя лишь несколько отрывочных замечаний о Крымской войне: Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1808–1917. Хельсинки, 2009.
- ² Эрик Рудбек (Erik Rudbeck) Б. О. Шауману (*Haltsonen S. Eero Salmelainen. Elämäkerrallisia piirteitä* [Eero Salmelainen: Биографические очерки]. Helsinki, 1931. (Отпечаток: Suomi V; 11). С. 39).
- ³ Текст речи Александра II приведен в издании: *Бородкин М.* История Финляндии. Время императора Александра II. СПб., 1908. С. 24–27.
- ⁴ Там же. С. 24–25.
- ⁵ Правда, существует одно-единственное исключение, но авторами этого труда являются британские исследователи; кроме того, эта работа не получила большой известности ни в России, ни в Финляндии: *Greenhill B., Giffard A.* The British assault on Finland 1854–1855: a forgotten naval war. London, 1988.
- ⁶ *Кауттала П.* 1) Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей / Гл. ред. В. Лапин. СПб., 2012. С. 195–213. 2) Как и почему забыли общую борьбу России и Финляндии в Крымской войне? // Финляндия и Россия: образы общего прошлого = Finland and Russia: Images of the shared past: сборник научных статей / Ред. И. Р. Такала, А. В. Толстикова. Петрозаводск, 2014. С. 21–39.
- ⁷ Это ясно показано в работе О. Юссила: *Юссила О.* Великое княжество Финляндское, 1809–1917.
- ⁸ Шведов подозревали в «скандинавизме», что означает стремление к созданию общескандинавского федеративного государства, которое включало бы в себя в том числе и Финляндию. Таким образом, и, следует отметить, не без оснований, в России думали, что влиятельные шведские круги на «большой родине» стремились вернуть Финляндию обратно в лоно Швеции. Финские политические движения в свою очередь подозревали в стремлении к социальному обновлению, т. е. в том, что они рассчитывали уменьшить социальную и политическую власть элиты (шведов).
- ⁹ Современники предлагали великолепные зарисовки духа этого времени: *Ramsay A.* Porvoo: WSOY, 1966. (1-е изд. на швед. языке: 1904). Ср. также: *Schauman A.* Kuudelta vuosikymmeneltä. Muistoja elämän varrelta [События шестидесяти лет. Воспоминания из течения жизни]. Ч. 2. Porvoo; Helsinki, 1967. С. 60–66. (1-е изд. на швед. языке: 1892–1894).
- ¹⁰ Большой передел (*storskifte*, по-фински *isojako*) — шведская земельная реформа, начавшаяся с закона 1757 г. После создания хутора крестьянин, как правило, строил дом посреди своего земельного владения.
- ¹¹ *Клинге М.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 174–176.

- ¹² Следствием этого стало, в частности, падение в 1854 г. мощной крепости и города Бомарзунд, расположенных на Аландских островах в Финляндии.
- ¹³ Baumgart W. Der Friede von Paris 1856. München, 1972; Handbuch der Geschichte Russlands. Bd. 2: 1613–1856. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht. 1. Hbbd. / Hrsg. K. Zernack. Stuttgart, 1983. S. 1189–1250; Lambert A. D. The Crimean war: British grand strategy, 1853–56. Manchester, 1990.
- ¹⁴ Greenhill B., Giffard A. The British assault on Finland 1854–1855; Lambert A. D. The Crimean war. Самое обширное исследование, посвященное Крымской войне в Финляндии: Auvinen E. Krimin sota, Venäjä ja suomalaiset. Siviilit rannikoiden puolustajina ja sen vaikutus sotatoimiin sekä Venäjän suomensuhteisiin. [Крымская война, Россия и финны. Гражданские как защитники побережья и влияние этого на ход войны, а также на связи с Россией]. Turun yliopiston julkaisu / Annales Universitatis Turkuensis Sarja. Ser. C osa. Tom. 393. Turku, 2015. (Докторская дис.; английское резюме: С. 4–8, резюме на русском: С. 9–13; URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-29-5881-8>). Ср. также: Turpeinen O. Oolannin sota: Itämainen sota Suomessa. [Аландская война: Восточная война в Финляндии]. Helsinki, 2003; Hirn M. Från Bomarsund till Sveaborg: kriget 1854–1855. [От Бомарзунда к Свеаборгу. Война 1854–1855]. Helsingfors, 2004.
- ¹⁵ Клинг М. Имперская Финляндия. С. 196. (Ср. также: URL: <http://protown.ru/information/hidden/3737.html>). Топелиус в то время был соискателем места профессора истории в Хельсинкском императорском университете. Он также выступал за расширение автономных прав Великого княжества, испытывал уважение к его шведскому прошлому, но без стремления к нему вернуться. Тогда самым авторитетным финским поэтом был Йохан Людвиг Рунеберг (Johan Ludvig Runeberg). Во время Крымской войны постаревший Рунеберг не писал ничего, что было бы связано с политикой. Но молчание и самоустранение пожилого поэта англичане постарались использовать в начале войны для ложных сообщений о его задержании россиянами.
- ¹⁶ По-шведски Karleby, что соответствует тогдашнему русскому названию Гамлакарлебу.
- ¹⁷ Lambert A. D. The Crimean war.
- ¹⁸ Wallin V. Itämainen sota Suomessa. 50-vuotiseksi muistoksi. [Восточная война в Финляндии — к пятидесятилетию]. Porvoo, 1904. Его автор — приват-доцент, будущий сенатор и министр Вейно Валлин (позже Войонмаа — Voionmaa).
- ¹⁹ Командир британского Балтийского флота, адмирал Чарльз Напьер (Charles Napier), называет это поражение «меланхолической катастрофой».
- ²⁰ Барановский. Письмо из Финляндии // Русский инвалид. 1854. 04.06. С. 1–2 (цитируется с. 1). Пока мы не можем определенно сказать, был ли этот Барановский тем самым Александром Николаевичем Барановским, который был столь важен для Александра II. Мы скорее склоняемся к версии, что это был Степан Барановский, профессор русского языка и литературы Хельсинкского университета. Автор уже несколько лет по поручению магистрата города Коккола занимается поиском реликвий времен Крымской войны, связанных с битвой при Халкокари. Известно, что взятые в этой битве трофеи (военный флаг Великобритании и пушка) были торжественно перевезены в Петербург в 1854 г. Автор будет благодарен за любую возможную помощь в этом проекте.
- ²¹ Морской сборник. 1854. № 9. Автор статьи — лейтенант Дрешер.
- ²² В то же время Финская гвардия, как в Финляндии называлось главное финское подразделение русской армии — Третий лейб-гвардии Финский стрелковый батальон, которая дислоцировалась в Лифляндии, даже не могла участвовать в защите родного края, подчиняясь приказам российского командования. В связи с транспортными сложностями это подразделение не могло принести пользу, при этом бездарно потеряв почти половину своих бойцов от болезней.
- ²³ Schauman A. Kuudelta vuosikymmeneltä. S. 90–92. Один из наиболее известных pietистских проповедников своего времени, пастор Фредрик Габриэл Хедберг (Fredrik Gabriel Hedberg), по просьбе архиепископа Эдварда Бергенхейма (Edvard Bergenheim) анонимно написал сочинение, в котором Турция представлена хищным зверем из Апокалипсиса.

- са, библейскими слугами которого являются Франция и Англия (Sana aikanansa sanottu: maanaukseksi, neuvoksi ja lohdutukseksi nyt uhkaavan sodan suhteen: kirjoitettu alkuvuodesta 1855 eräältä sanan palvelijalta Suomesta. [Слово, сказанное своевременно: для заклания, совета и утешения в связи с грозной войной: написанное в начале 1855 года одним служителем слова в Финляндии]. Helsinki, 1855). Это произведение было издано в десятках тысяч экземпляров как по-фински, так и по-шведски. Живую картину крестьянского восприятия событий дает в самом прославленном финском романе «Семь братьев» (вышел в 1870 г.) Алексис Киви. *Kivi A. Kootut teokset. I osa. Kertomuksia.* [Собрание сочинений. I часть. Повести]. Helsinki, 1944. 4-е р. S. 314.
- ²⁴ Baumgart W. Der Friede von Paris 1856. В Швеции же существовала сильная и постоянно укреплявшаяся оппозиция, которая стремилась к тому, чтобы страна активно подключилась к войне на стороне Англии и Франции с надеждой на возвращение Финляндии (*Hallendorff C. Konung Oscar I:s politik under Krimkriget.* [Политика короля Оскара I во время Крымской войны]. Stockholm, 1930).
- ²⁵ Текст речи Александра II приведен в издании: *Бородкин М.* История Финляндии. С. 24–27. Отметим, что ни Матти Клинге (*Klinge M.* Имперская Финляндия), ни Осмо Юссила (*Юссила О.* Великое княжество Финляндское) в своих фундаментальных трудах по истории Финляндии даже не замечают эту столь важную, первую в качестве императора поездку Александра II в Финляндию.
- ²⁶ *Schauman A. Kuudelta vuosikymmeneltä.* S. 127.
- ²⁷ Речь Александра II 24 марта (по действовавшему в Финляндии грегорианскому календарю) 1856 г. (цит. по: *Бородкин М.* История Финляндии. С. 25).
- ²⁸ *Юссила О.* Великое княжество Финляндское. С. 307.
- ²⁹ *Mechelin L.* Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finnland. Freiburg, 1889.
- ³⁰ *Коско Д. А.* Александр II и польский вопрос накануне январского восстания 1863–1864 гг. С. 69–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-ii-i-polskiy-vopros-nakanune-yanvarского-voostaniya-1863-1864-gg>.
- ³¹ *Бородкин М.* 1) История Финляндии; 2) Война 1854–1855 гг. на финском побережье: исторический очерк. СПб., 1904. Андрей Зайончковский в не менее монументальной работе о Крымской войне, вышедшей в 1908 г., в нескольких абзацах отмечает битвы в Витсунде и Халкокари, но пишет о них исключительно как об успехах русских, не упоминая об участии в них финнов (*Зайончковский А. М.* Восточная война: 1853–1856. СПб., 2002. (1-е изд.: 1908)).
- ³² *Wallin V.* Itämainen sota Suomessa; *Schulman H.* Händelserna i Finland under Krimkriget åren 1854 och 1855. [События в Финляндии в годы Крымской войны в 1854 и 1855]. Helsingfors, 1905.
- ³³ *Karimo A.* Kumpujen yöstä: suomalaisia vaihteita, tekoja ja oloja kivikaudesta nykyaikaan. 3.: Miekkan valta. [С ночных холмов: финские хроники, свершения и бытие от каменного века до наших дней. Ч. 3: Во власти меча]. Porvoo, 1934. S. 210. Правда, в военно-исторических изданиях все же уделялось внимание битвам периода Крымской войны и подвигам их финских участников, но эти разрозненные факты никак не связывались с общеполитическим фоном.
- ³⁴ *Тарле Е. В.* Крымская война. 1. М.; Л., 1944. С. 502–503.

References

AUVINEN E. *Krimin sota, Venäjä ja suomalaiset. Siviilit rannikoiden puolustajina ja sen vaikutus sotatoimiin sekä Venäjän suomensuhteisiin.* [Crimean War, Russia and the Finns. Civilians as coastal defenders and the impact of this on the course of the war, as well as on connections with Russia. In Fin.]: Doctoral diss. Turku, 2015. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:978-951-29-5881-8>

GREENHILL B., GIFFARD A. *The British assault on Finland 1854–1855: a forgotten naval war*. London, 1988.

HIRN M. *Från Bomarsund till Sveaborg: kriget 1854–1855*. [From Bomarsund to Sveaborg. The War 1854–1855. In Fin.]. Helsingfors, 2004.

JUSSILA O. *Velikoe knjažestvo Finljandskoe, 1808–1917*. [The Grand Duchy of Finland, 1808–1917. In Russ.]. Helsinki, 2009.

KAUPPALA P. *Aleksandr II i pod'em Finljandskoj avtonomii: otzvuki Krymskoj vojny*. [Alexander II and the rise of the autonomy of Finland: aftermath of the Crimean war. In Russ.] // Aleksandr II: tragedija reformatora. Ljudy v sudbah reform, reformy v sudbah ljudej: Sbornik statej / Ed. V. Lapin. Saint Petersburg, 2012. P. 195–213.

KAUPPALA P. *Kak i počemu zabyli obščuju borbu Rossii i Finljandii v Krymskoj vojne?* [How and why was Russia's and Finland's fighting on one side in the Crimean War forgotten? In Russ.] // Finljandija i Rossija: obrazy obščego prošlogo = Finland and Russia: Images of the shared past // Ed. I. R. Takala, A. V. Tolstikov. Petrozavodsk, 2014. P. 21–39.

LAMBERT A. D. *The Crimean war: British grand strategy, 1853–56*. Manchester, 1990.

TURPEINEN O. *Oolannin sota: Itämainen sota Suomessa*. [Åland War: Eastern War in Finland. In Fin.]. Helsinki, 2003.

ZAJONČKOVSKIJ A. M. *Vostočnaja vojna: 1853–1856*. [Eastern War: 1853–1856. In Russ.]. Saint Petersburg, 2002 (1st ed.: 1908).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пекка Кауппала. Крымская война в Финляндии и ее влияние на российско-финляндские отношения // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 72–83

Аннотация: Типичный взгляд на Крымскую войну состоит в том, что Финляндия была мирной окраиной воюющей империи. Напротив, Финляндия была активно вовлечена в войну, непосредственно на ее самом важном театре военных действий. Это было не Черное, а Балтийское море с находящейся под угрозой столицей империи Санкт-Петербургом. Финны охотно и успешно участвовали в войне. Победа в битве при Халкокари, порте города Коккола, вызвала особенное воодушевление в России и пробудила большую симпатию к финнам. Эта симпатия и сопутствующее ей военное и политическое доверие к финнам проявились в значительном расширении реальной автономии Великого Княжества Финляндского после окончания войны. Однако в начале XX в. началось активное занижение и умаление роли финнов в Крымской войне, прежде всего со стороны правых российских централистов. После обретения Финляндией независимости официальная позиция финского государства стала продолжением их идеологии. Причиной этого была идеология антироссийской и антикоммунистической мысли, в которой не было места общей русско-финской борьбе. Исключением является город Коккола, местная история которого хранит яркую память о битве при Халкокари.

Ключевые слова: Финляндия, Великое Княжество Финляндское, Россия, Крымская война, Остроботния, Коккола, Халкокари.

FOR CITATION

Pekka Kauppala. The Crimean War in Finland and its impact on Russian-Finnish relations // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 72–83

Abstract: The typical view concerning the Crimean War is that Finland was a peaceful borderland of a belligerent imperium. To the contrary, Finland was heavily involved in the war, directly in its most important theatre. This was not the Black Sea, but the Baltic Sea with the endangered capital of the imperium, St. Petersburg. The Finns took part in the war eagerly and successfully. Especially the victory in the battle of Halkokari, the port of the town of Kokkola, caused enthusiasm in Russia and awakened much sympathy toward the Finns. This sympathy and the accompanying military and political trust toward Finns manifested

as a significant enlargement of the real autonomy of the Grand Duchy of Finland after the end of the war. However, in the beginning of the 20th century, active understating and diminishing of the part played by the Finns during the Crimean war began, first by right-wing Russian centralists. After Finnish independence, the official stance of the Finnish state was a continuation to these diminishing ideologies. The reason behind this was the ideology of anti-Russian and anti-communist thought, where there was no place for common russo-finnish struggles. As an exception to this stands Kokkola, whose local history strictly holds on to the memory of the battle of Halkokari.

Key words: Finland, Grand Duchy of Finland, Russia, Crimean war, Ostrobotnia, Kokkola, Halkokari.

Автор: **Кауппала, Пекка** — доктор философии (ФРГ), приват-доцент (dosentti, Финляндия, 2004 г.). Историк, политолог. г. Эспоо (Финляндия).

Author: **Kauppala, Pekka** — Doctor of Philosophy (Germany), adjunct professor (dosentti, Finland 2004). Historian, political scientist. Espoo (Finland).

E-mail: pekka.kauppala@saunalahti.fi

Л. В. Мельникова

Россия и Франция в борьбе за Святые места Палестины и в Крымской войне: церковно-политическая и духовно-религиозная составляющая противостояния

Крымская война стала для России и Франции уже вторым крупным военным столкновением за первую половину XIX в. В начале 1850-х гг. еще живы были многие, помнившие войну православной России и «безбожной» Франции 1812–1814 гг. Теперь, спустя менее 40 лет, племянник Наполеона I, порвавшего в свое время отношения с папским престолом и отлученного от Церкви, выступил в роли борца за интересы католицизма в Святой Земле, что, натолкнувшись на сопротивление Николая I, вскоре вылилось в Восточный кризис, переросший в войну России с франко-англо-турецкой коалицией. Закономерно возникает вопрос: каково было реальное значение церковно-политических вопросов во внешней политике Франции времен Второй республики и Второй империи и как изменился характер духовно-религиозного противостояния двух стран в новой войне?

Крымская война, как известно, была вызвана усилением комплекса противоречий, существовавших между Россией, Францией и Великобританией, а также непосредственным столкновением их интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке. При этом церковно-политические вопросы играли значительную роль в ближневосточном направлении внешней политики всех трех великих держав.

Влияние России в этом важном для нее регионе традиционно опиралось на контакты с Восточными Патриархатами, на постоянную связь с Палестиной в виде потока русских паломников в Святую Землю и, главным образом, на позицию защитника интересов многомиллионного православного населения Османской империи, что было закреплено 7-й статьёй Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г.

Великобритания, заинтересованная в сохранении и расширении сферы своего экономического и политического проникновения в огромные турецкие владения, с конца 1830-х гг. стала проявлять повышенное внимание к Палестине. Претендуя на всестороннее преобладание в Османской империи, она стремилась не допустить усиления позиций России в зоне Черноморских проливов и в Ближневосточном регионе в целом.

Что касается Франции, озабоченной в то время укреплением своего положения на международной арене и созданием собственной колониальной империи, то сферой ее интересов на Ближнем Востоке стало возрождение имевшего место со времен Франциска I до Французской революции 1789 г. покровительства католическому духовенству Палестины. К этому направлению внешней политики будущий Наполеон III обратился прежде всего в связи с потребностями политики внутренней. Роль защитника католицизма и поборника французских интересов обеспечивала ему поддержку не только клерикальной партии, но и широких масс населения, которым льстила забота о вечных ценностях веры и о престиже Франции в Святой Земле. Все это свидетельствовало о том, что безбожие эпохи революции и наполеоновских войн во Франции кануло в лету и к середине XIX в. там наметился католический ренессанс. Стремясь также взять реванш за поражение в войне 1812–1814 гг., Франция хотела использовать Турцию как инструмент борьбы против России. Впрочем, в поиске возможных стратегических направлений внешней политики Франция не исключала и союза с Россией. Так, в начале 1853 г. Наполеон III через российского посла в Париже Н. Д. Киселева даже предлагал Николаю I немедленно заключить союзный договор — «une alliance de coeur et de politique» (союз сердца и политики), направленный на вытеснение с Ближнего Востока Великобритании, угрожая при этом в случае отказа «кинуться в объятия Англии», т. е. заключить с ней союз против России¹. Николай I не принял это предложение, и французский император исполнил свою угрозу.

Поскольку в XIX в. в христианской Европе политические противоречия были неотделимы от межконфессиональных, то внезапно обострившиеся в конце 1840-х — начале 1850-х гг. давние разногласия между католическим и православным духовенством в Святой Земле относительно контроля над Святыми местами, будучи поддержаны соответственно французской и российской дипломатиями, вскоре вылились в международный кризис. Спор о Святых местах, который в историографии часто недооценивают, считая лишь поводом к войне², на самом деле вскрыл суть и глубину имевшихся противоречий,

ибо он затрагивал вопрос не собственности и даже не покровительства той или иной конфессии, а политического влияния в регионе. Британский посол в Константинополе Ч. Стрэтфорд-Каннинг уже в самом начале должным образом оценил значение происходившего, сообщив в Лондон, что «настоящий диспут, вероятно, перерастет в борьбу за политическое влияние»³. Как метко подчеркнул А. М. Зайончковский, из-за этого спора «во всей своей сложности вставал Восточный вопрос, который, по выражению одного дипломата, в сущности, являлся вопросом между Западной Европой и Россией»⁴.

Спор о Святых местах, начавшийся в 1847 г. с похищения серебряной звезды, отмечающей место рождения Иисуса Христа в Пещере Рождества (Вертепе) базилики Рождества Христова в Вифлееме, и достигший своей кульминации в декабре 1852 г. после передачи католическому духовенству ключа от главного входа в этот храм, продолжался в течение нескольких лет. Это была своеобразная дипломатическая дуэль между Францией и Россией, осуществлявшаяся путем их давления на Порту с помощью разных средств политического арсенала. Здесь были: требование в мае 1850 г. французского посла в Константинополе генерала Ж. Опики восстановить католическое духовенство в его прежних правах на Святые места согласно договору между Францией и Портой 1740 г.; ответное требование российского посланника В. П. Титова соблюдать в вопросе о Святых местах *status quo*, сложившийся к середине XIX в. и закрепленный действовавшим в то время турецким законодательством; обмен личными письмами между Николаем I и султаном Абдул-Меджидом осенью 1851 г.; прибытие в Константинополь нового французского посла маркиза Ш. де Лавалетта, потребовавшего удовлетворения французских требований под угрозой применения силы; наконец, силовой нажим Николая I, направившего в османскую столицу чрезвычайного посла светлейшего князя А. С. Меншикова⁵. Великобритания сначала придерживалась в этом вопросе нейтралитета, однако осенью 1852 г. начала явно нарушать его в пользу Франции: в частности, именно ей принадлежала идея о частичном удовлетворении французских требований, например о передаче католикам ключа от главной двери Вифлеемского храма, что якобы могло вывести Порту из затруднительного положения. На самом деле не без вмешательства той же Великобритании (британского посла Ч. Стрэтфорда-Редклиффа) все сложилось с точностью до наоборот. Пророческими оказались слова российского поверенного в делах при Порте Оттоманской А. П. Озерова, написанные им еще в ноябре 1852 г.: «Но дело в том, что Вифлеемский ключ не будет ключом к миролюбивой развязке Палестинского вопроса»⁶.

С началом военных действий православная составляющая заняла одно из ведущих мест в идеологическом обосновании войны, проводимом Николаем I и Русской Церковью. Военный конфликт представлялся как борьба за Святые места, за интересы Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи. Так, 20 октября 1853 г. в манифесте «О войне

с Оттоманскою Портою» «законная заботливость Наша о защите на Востоке Православной веры, исповедуемой и народом Русским», была названа Николаем I главной причиной конфликта⁷. После вступления в войну Франции и Великобритании военное столкновение стало представляться как противостояние православной России и «неправославного Запада». Востребованным оказалось и обращение к памяти Отечественной войны 1812 г. Так, 9 февраля 1854 г. в новом манифесте «О прекращении политических сношений с Англией и Францией», выпущенном после введения английского и французского флотов в Черное море, Николай I заявил об отступничестве этих держав от христианства и призвал русский народ в случае необходимости быть готовым повторить подвиг 1812 г.: «Итак, против России, сражающейся за Православие, рядом с врагами Христианства становятся Англия и Франция! Но Россия не изменит Святому своему призванию; и если на пределы ее нападут враги, то Мы готовы встретить их с твердостью, завещанной Нам предками. Мы и ныне не тот ли самый народ Русский, о доблестях коего свидетельствуют достопамятные события 1812 года?»⁸ Те же мысли находили отражение и в проповедях церковных иерархов. 10 апреля 1854 г., в Великую субботу, когда англо-французский флот подверг Одессу 12-часовой бомбардировке, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), священнодействовавший в Спасо-Преображенском соборе под гром неприятельского обстрела, заверил прихожан, что, поскольку Россия сражается не за собственные выгоды, а «за веру православную, за Гроб Господень и за угнетенных собратий наших по вере», то Господь защитит ее «от всякого зла». «За Великую Субботою, — сказал архиерей, — всегда следует светлый день Воскресения: не замедлит и за настоящею, сугубо великою для нас, Субботою последовать сугубо великое Воскресение, то есть, вместе с воскресением Господа, и наше избавление от обышедших нас зол, а впоследствии и воскресение всего Православного Востока из гроба четырехвекового рабства мусульманского»⁹.

В российском обществе уже с марта 1854 г. идущее противостояние стало восприниматься как очередной этап борьбы Запада против России. Турция как противник отодвинулась на второй план, а в осмыслении происшедших событий и в проводимой военной пропаганде одно из ключевых мест заняла память о войне 1812 г., ибо одним из основных противников вновь была Франция, во главе которой находился племянник Наполеона I. В многочисленных стихотворениях, памфлетах и карикатурах, печатавшихся на страницах газет и журналов, звучал мотив неблагодарности и вероломства французов. Довольно часто использовалась и религиозная фразеология: французы и англичане представлялись как отступники от веры и даже сравнивались с иудеями, распявшими Христа. Наиболее же излюбленной темой для проведения ассоциативных параллелей с 1812 г. стала фигура Наполеона III, который сравнивался со своим знаменитым родственником. Это сравнение, уже само по себе не в пользу «маленького племянника большого дяди», как правило,

заканчивалось напоминанием о печальной участи Наполеона I в России. Классическим примером является пользовавшееся огромной популярностью стихотворение В. П. Алферьева «На нынешнюю войну», положенное на музыку и проиллюстрированное художником П. Боклевским карандашными карикатурами, которые вышли вместе с текстом В. П. Алферьева в виде отдельного альбома под одноименным названием¹⁰.

Католическая Церковь Франции, так же как и Русская Православная Церковь, не осталась в стороне от религиозного истолкования причин, целей и смысла Восточной войны. Более того, пошла в этом плане гораздо дальше. 29 марта 1854 г. (н. ст.) архиепископ Парижский Мари-Доминик-Огюст Сибур выступил с посланием, которое с одобрения Наполеона III было опубликовано практически во всех ведущих газетах страны. В этом документе прелат не только признал религиозный, священный характер начавшейся войны, но фактически назвал ее новым крестовым походом, правда, направленным на этот раз, вопреки традиции, не против ислама, а против Российской империи и Православия. Подчеркнув преемственность политики Наполеона III и древних французских королей, являвшихся покровителями католицизма в Святой Земле («Франция... приняла от рук Провидения прерванную нить судеб»), и противопоставив «западной цивилизации» «российское варварство», Сибур открыл своей пастве «истинную причину предпринимаемой экспедиции»: не допустить усиления в Святой Земле и на Ближнем Востоке позиций Православной Церкви, а главное — подорвать влияние и могущество православной Российской державы. «Остановить шествие северного Гиганта, — заявил архиепископ Парижский, — ограничить и обессилить его могущество, вот вопрос жизни и смерти для образованных народов, для Церкви Христовой и для истинного христианства». Предполагаемое завоевание русскими Константинополя он представил как признак наступления «кончины мира»¹¹.

Другие французские прелаты тоже выступили с подобными воззваниями, хотя и не настолько смелыми, как у Сибура. 16 (28) мая 1854 г. настоятель русской посольской церкви в Париже протоиерей Иосиф Васильев писал директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К. С. Сербиновичу: «Французское правительство хотело дать настоящей войне против России оттенок религиозный. Епископы издали пастырские грамоты, в которых, изложив мнимые опасности Римскому католицизму со стороны России, приглашали паству к молитвам за успех французского оружия. Архиепископ Парижский особенно был странен в своем взгляде и грубо неумерен в выражениях. По какой-то непонятной логике он представил настоящую войну как продолжение крестовых походов, а предполагаемое завоевание русскими Константинополя как знамение пришествия Антихриста»¹².

Одним из проявлений духовно-религиозной стороны противостояния стала, в частности, политическая и религиозная пропаганда, активно проводимая католическим духовенством (особенно польского происхождения)

среди российских военнопленных с целью заставить их изменить веру и перейти на службу противнику (что зафиксировано в воспоминаниях многих офицеров и солдат)¹³, а также настойчивый отказ инославных священников отпевать умерших в плену православных воинов. Последнее обстоятельство нашло отражение в письмах и записках настоятеля русской посольской церкви в Париже протоиерея Иосифа Васильева, который во время войны остался во Франции и по поручению российского МИДа оказывал духовное попечение и материальное вспомоществование российским военнопленным, содержавшимся на острове Экс и в Тулоне¹⁴. Так, уже после первого посещения пленных соотечественников на острове Экс в сентябре 1854 г. отец Иосиф в записке, адресованной военному министру Франции маршалу Ж.-Б. Ф. Вальяну, выразил сожаление о том, что «настоятель прихода на острове Экс, ссылаясь на приказания Его Преосвященства епископа г. Ла-Рошель [Клемана Виллекура], отказывается от посещения умирающих и от присутствия на тех похоронах, которые уже имели место»¹⁵. Несмотря на рекомендацию маршала Вальяна министру народного образования и вероисповеданий И. Фортюлю согласовать с епископом Ла-Рошельским свои действия, чтобы «избежать в будущем подобных инцидентов»¹⁶, ситуация в этом вопросе не изменилась. В мае 1855 г., вернувшись на «тюремный остров» после вынужденного трехмесячного отсутствия, Васильев узнал, что за это время там скончались два русских солдата, которых похоронили «в отдаленном углу кладбища» без христианского погребения. Местный католический священник по распоряжению того же епископа Ла-Рошельского по-прежнему отказывался совершать какие-либо молитвы над прахом православных.

Трехмесячный перерыв в посещении отцом Иосифом русских пленных также стал результатом обострения межконфессиональных противоречий во время войны. Римско-католическое духовенство спровоцировало вокруг пастырской деятельности Васильева конфликт: протоиерея обвинили в «возбуждении среди пленных политических страстей» и запретили ему доступ к местам их содержания. Конфликт был инициирован ложным доносом аббата польского происхождения иезуита Еловицкого, действиям которого на острове Экс явно мешало присутствие русского протоиерея. Еловицкий проводил религиозное окормление находившихся среди российских пленных поляков, следствием чего стал переход на службу во французский Иностраннный легион 183 человек, в том числе троих унтер-офицеров¹⁷. Чтобы оправдаться и выполнить возложенную на него миссию, Иосиф Васильев был вынужден вступить в переговоры с французскими властями (военным министром Франции маршалом Ж.-Б. Ф. Вальяном, а по некоторым данным — с самим Наполеоном III), в ходе которых с честью вышел из затруднительного положения. Немаловажную роль в этом вопросе сыграла также позиция российских властей и русской прессы: 13 января 1855 г. в выходившей в Петербурге франкоязычной газете *Journal de Saint-Petersbourg*, являвшейся официальным печатным органом

российского МИДа, была опубликована статья, повествующая о «нравственных притеснениях» русских пленных во Франции и о «кознях иностранного духовенства»¹⁸. В итоге Иосифу Васильеву вновь разрешили доступ к пленным соотечественникам.

Следует отметить также, что, в отличие от 1812 г., французские солдаты на территории России уже не грабили в массовом порядке православные храмы и монастыри, а часто относились к ним с уважением, хотя отдельные случаи вандализма по отношению к святыням все же встречались. В Балаклавском Георгиевском монастыре, оккупированном во время войны англо-французскими войсками, французы даже подружились с монахами и довольно часто присутствовали на богослужениях в храме¹⁹. В то же время можно утверждать, что в целом французские военные середины XIX в. были все же менее религиозны, чем русские, у которых вера в Бога являлась одной из важнейших составляющих менталитета. Французский историк Марк Луи де Болливье, исследовавший отражение Крымской кампании в свидетельствах российских и французских военных, констатирует, что в письмах и воспоминаниях французских солдат и офицеров, участников Крымской войны, очень редко встречаются проявления их религиозности; более того, присутствуют даже такие признания: «...русские более христиане, чем мы, они заставляют нас краснеть»²⁰.

Таким образом, Крымская война имела ярко выраженную церковно-политическую и духовно-религиозную составляющую. Среди большого комплекса причин, породивших войну, важное место занимает церковно-политический фактор. Спор о Святых местах Палестины, вылившийся в международный кризис, был проявлением соперничества России и Франции за политическое влияние в Турции. Николай I, осознававший Российскую империю как гаранта прав Вселенской Православной Церкви, не мог позволить западной (прежде всего французской) дипломатии вытеснить себя с позиции защитника православных интересов в Святой Земле и на Ближнем Востоке, так как от этого напрямую зависели вес и влияние России в этом важном для нее регионе. Православная составляющая занимала важное место в идеологическом обосновании столкновения. И Русская Православная Церковь, и Католическая Церковь Франции видели в Крымской войне главным образом религиозное начало. Русские церковные иерархи рассматривали военный конфликт как борьбу за Святые места, за интересы Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи, а также как противостояние православной России и «неправославного Запада». Французские прелаты признавали священный характер войны, представляя ее как крестовый поход католичества против православия. Во время войны обострились межконфессиональные отношения, что, в частности, отразилось на положении русского духовенства и русских пленных во Франции. Все это дает возможность ряду современных исследователей Крымской

войны 1853–1856 гг. считать ее не только военно-политической борьбой государств, но и духовно-религиозным противостоянием разных цивилизаций. Этого взгляда и в России, и во Франции придерживались также многие современники: как руководители и идеологи столкновения, так и представители широкой общественности.

- ¹ Цит. по: Орлов А. А. Рец. на: Л. В. Мельникова. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М.: Кучково поле, 2012. 392 с. // Российская история. 2015. № 4. С. 160.
- ² См., например: *Тарле Е. В.* Крымская война: в 2 т. Т. I. М.; Л., 1950. С. 135–136.
- ³ Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 364.
- ⁴ *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: в 2 т. Т. I. СПб., 1908. С. 383.
- ⁵ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* Святые места в центре Восточного вопроса: Церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история. 2008. № 6. С. 61–75; *Анисимов О. В.* Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., 2014.
- ⁶ *Poroff A., prot.* La question des Lieux Saints de Jerusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX-me siècle: 2 vol. Т. 2. St. Petersburg, 1911. No. 393. P. 350–353.
- ⁷ ПСЗ-II. Т. 28. СПб., 1854. № 27628.
- ⁸ ПСЗ-II. Т. 29. СПб., 1855. № 27916.
- ⁹ [*Иннокентий (Борисов), архиеп.*] Слово во время бомбардирования Одессы неприятельским флотом // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического: в 8 т. Т. 8. СПб.; М., 1874. С. 21–22.
- ¹⁰ *Боклевский П.* На нынешнюю войну. М.: лит. Мартынова, 1855.
- ¹¹ Mandement de Monseigneur l'archevêque de Paris, qui ordonne des prières publiques pour le succès de nos armées en Orient (29 mars 1854) // Le Constitutionnel, journal politique, littéraire, universel. 1854. No. 90, vendredi, 31 mars. P. 1; L'Union. 1854. No. 91, samedi, 1-er avril. P. 3; Journal des débats politiques et littéraires. 1854. Samedi, 1-er avril. P. 2.
- ¹² *Васильев И. В., прот.* Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего Синода и другим лицам с 1846 по 1867 г., изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями Л. К. Бродским. Пг., 1915. С. 163–164.
- ¹³ *Коровин-Павловский И.* Из воспоминаний севастопольца // Военный сборник. 1871. № 12. С. 319–320; Восемь месяцев в плену у французов. (После Альмского дела). Рассказ рядового Московского пехотного полка Павла Таторского // Современник. 1855. Т. 53, № 9–10. С. 171, 195.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* 1) Настоятели русских посольских церквей в Париже и Лондоне в годы Крымской войны // Российская история. 2012. № 4. С. 121–137; 2) Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. С. 213–235.
- ¹⁵ Цит. по: *Росс Н.* Русская церковь на берегах Сены. От зарождения храма до 1917 года. СПб., 2007. С. 142.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 138.
- ¹⁸ Journal de Saint-Petersbourg. 1855. 13 janvier.

- ¹⁹ Подробнее см.: Мельникова Л. В. 1) Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 95–112; 2) Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. С. 91–105.
- ²⁰ *Bollivier M. L. de. La campagne de Crimée à travers les témoignages des militaires russes et français: essai d'anthropologie historique. Thèse pour le grade de candidat des sciences. Moscou, 2020. P. 299.*

References

- ANISIMOV O. V. Rossiya i Napoleon III: bor'ba za Svyatyte mesta Palestiny. [Russia and Napoleon III: the struggle for the Holy Places of Palestine. In Russ.]. Moscow, 2014.
- BOLLIVIER M. L. de. La campagne de Crimée à travers les témoignages des militaires russes et français: essai d'anthropologie historique. Thèse pour le grade de candidat des sciences. [The Crimean campaign through the testimonies of Russian and French soldiers: essay in historical anthropology. Thesis for the degree of candidate of sciences. In Fr.]. Moscou, 2020.
- Istoriya vneshney politiki Rossii. Pervaya polovina XIX veka. (Ot voyn Rossii protiv Napoleona do Parizhskogo mira 1856 g.). [History of Russian foreign policy. First half of the nineteenth century. (From Russia's wars against Napoleon to the Peace of Paris in 1856). In Russ.]. Moscow, 1995.
- MEL'NIKOVA L. V. Balaklavskiy Georgiyevskiy monastyr' v gody Krymskoy voyny. [Balaklava St. George Monastery during the Crimean War. In Russ.] // Vestnik tserkovnoy istorii. 2011. No. 3–4 (23–24). P. 95–112.
- MEL'NIKOVA L. V. Nastoyateli russkikh posol'skikh tserkvey v Parizhe i Londone v gody Krymskoy voyny [Rectors of Russian embassy churches in Paris and London during the Crimean War. In Russ.] // Rossiyskaya istoriya. 2012. No. 4. P. 121–137.
- MEL'NIKOVA L. V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Krymskaya voyna 1853–1856 gg. [The Russian Orthodox Church and the Crimean War 1853–1856. In Russ.]. Moscow, 2012.
- MEL'NIKOVA L. V. Svyatyte mesta v tsentre Vostochnogo voprosa: Tserkovno-politicheskiy faktor kak odna iz prichin Krymskoy voyny. [Holy places in the center of the Eastern Question: The Church-Political Factor as one of the causes of the Crimean War. In Russ.] // Otechestvennaya istoriya. 2008. No. 6. P. 61–75.
- ORLOV A. A. Rets. na: L. V. Mel'nikova. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Krymskaya voyna 1853–1856 gg. M.: Kuchkovo pole, 2012. 392 s. [Review: L. V. Melnikova. The Russian Orthodox Church and the Crimean War 1853–1856. M.: Kuchkovo pole, 2012. 392 p. In Russ.] // Rossiyskaya istoriya. 2015. No. 4. P. 158–161.
- ROSS N. Russkaya tserkov' na beregu Seny. Ot zarozhdeniya khrama do 1917 goda [Russian Church on the banks of the Seine. From the birth of the temple to 1917. In Russ.]. St. Petersburg, 2007.
- TARLE Ye. V. Krymskaya voyna [Crimean War. In Russ.]: In 2 vols. T. I. Moscow; Leningrad, 1950.
- ZAYONCHKOVSKIY A. M. Vostochnaya voyna 1853–1856 gg. v svyazi s sovremennoy yey politicheskoy obstanovkoy [Eastern War 1853–1856 in connection with the contemporary political situation]: In 2 vols. T. I. St. Petersburg, 1908.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Л. В. Мельникова. Россия и Франция в борьбе за Святые места Палестины и в Крымской войне: церковно-политическая и духовно-религиозная составляющая противостояния // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 84–93

Аннотация: В статье анализируются сущность и значение церковно-политических вопросов во внешней политике России и Франции накануне войны (что нашло отражение в дипломатическом споре двух стран о Святых местах Палестины), а также духовно-религиозная составляющая вооруженного столкновения. Рассмотрены: религиозная подоплека идеологического обоснования войны в России и Франции (в частности, официальная позиция по отношению к войне Русской Православной и Французской Католической Церквей), роль в войне русского духовенства, отношение французского католического духовенства к российским военнопленным и др. Показано, что Восточная война уже многими современниками воспринималась не только как военно-политическое столкновение государств, но и как цивилизационный конфликт России и Западной Европы. Эта точка зрения имеет место и в современной историографии.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 гг., Россия, Франция, Святые места, Русская Православная Церковь, Католическая Церковь Франции, духовенство.

FOR CITATION

L. V. Melnikova. Russia and France in the struggle for the holy places of Palestine and in the Crimean War: church-political and spiritual-religious components of the confrontation // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 84–93

Abstract: The article analyzes the essence and significance of church-political issues in the foreign policy of Russia and France on the eve of the war (which was reflected in the diplomatic dispute between the two countries about the holy places of Palestine), as well as the spiritual and religious component of the armed conflict. The article examines: the religious background of the ideological justification for the war in Russia and France (in particular, the official position on the war of the Russian Orthodox and French Catholic Churches), the role of the Russian clergy in the war, the attitude of the French Catholic clergy to Russian prisoners of war, etc. It is shown that The Eastern War was already perceived by many contemporaries not only as a military-political clash of states, but also as a civilizational conflict between Russia and Western Europe. This point of view also occurs in modern historiography.

Key words: Crimean War 1853–1856, Russia, France, holy places, Russian Orthodox Church, French Catholic Church, clergy.

Автор: Мельникова, Любовь Владимировна — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Author: Melnikova, Liubov Vladimirovna — Dr in History, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: melnikova-lv@mail.ru

В. А. Шкерин

Речь С. Д. Нечаева «О выборе предметов в изящных искусствах вообще»: к биографии литератора-декабриста*

Называя Степана Дмитриевича Нечаева (1792–1860)¹ литератором-декабристом, мы фиксируем и объединяем два факта его биографии: он был плодовитым поэтом, автором афоризмов, статей, травелогов и состоял в тайном декабристском обществе «Союз благоденствия». Почему это простое обстоятельство необходимо оговорить в самом начале статьи?

Утвердившиеся в литературоведении термины «литературный декабризм» и «декабристская литература» обозначают особое направление в русской литературе 1810–1820-х гг. и соответствующую ему художественную общность, в которых помимо собственно декабристов важные роли отведены А. С. Пушкину (в тайных обществах не состоявшему) и А. С. Грибоедову (причастность которого к декабристской конспирации остается предметом дискуссии)². Утверждается, что «декабристская литература» представляла собой «направление, совсем противоположное карамзинизму»³, что наиболее значимыми для нее были такие жанры гражданской поэзии, как ода, трагедия, сатира и героический гимн, а в прозе — романтическая повесть⁴. Если же поэт-декабрист сочинял, например, любовную лирику, то этот факт трактуется как «странность», «исключение», как нечто уводившее в сторону от «декабристской поэтической линии»⁵.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649; <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

С этой точки зрения творческое наследие С. Д. Нечаева выглядит почти полностью чуждым «литературному декабризму». «Его литературную среду составляют московские карамзинисты с сильными “архаическими” симпатиями... сам он тяготеет к поэзии конца XVIII века, где своеобразно переплелись черты позднеклассической и сентиментальной поэтики, — так характеризовал этого литератора В. Э. Вацуру. — Культ чувствительности, сентиментального “дружества”, уединения сочетается у Нечаева с обращением к гедонистической лирике, галантным “стихам на случай” — и, с другой стороны, к дидактическому посланию аллегорического характера и даже оде»⁶. Позже маститый литературовед отметил неоднозначность литературной среды Нечаева: «Он делил свои симпатии между “классиками” и “романтиками”, находя у первых более “красоты и симметрии”, у вторых — более “прелести и истины”; он сохранял приятельские отношения с Бестужевым-Марлинским, Вяземским, Александром Тургеневым, но также с Каченовским, с которым вместе осудил “Кинжал” Пушкина...»⁷ И все-таки, по заключению Вацуры, сам Нечаев оставался «классиком», но «не периода расцвета, а периода стабилизации и увядания сентиментальной поэзии», что «наложило на его позицию особый отпечаток»⁸.

Неизвестно, кто и при каких обстоятельствах принял С. Д. Нечаева в Союз благоденствия, но датировать это событие следует 1818 г., так как в начале 1819 г. он уже сам пытался основать управу тайного общества в Туле⁹. С 1819 и до 1826 г. Нечаев публиковал в журнале «Вестник Европы» свои «Мысли и замечания». «В критической своей части его размышления сближаются с программой Союза благоденствия; он близок к ней и там, где ставит перед искусством задачи нравственного воспитания... — писал В. Э. Вацура. — Позитивная программа его, однако, — в самопознании и самоусовершенствовании на религиозной основе, и свободу нравственную он декларативно предпочитает свободе политической»¹⁰. «Зачем люди стремятся приобретать политическую свободу? Не довольно ли для них нравственной?» — риторически вопрошал Нечаев в предкризисном 1824 г.¹¹

Из-за несоответствия С. Д. Нечаева образу «первого русского революционера» составители сборников декабристской поэзии либо помещали его произведения в раздел «гражданской поэзии эпохи декабризма», в котором он оказывался единственным членом тайных обществ¹², либо ставили в один ряд с иными поэтами-декабристами, но открывал этот ряд А. С. Пушкин¹³.

Действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете (далее — ОЛРС) С. Д. Нечаев стал 30 октября 1820 г. К этому событию он шел постепенно. Еще в феврале 1817 г. профессор Московского университета А. Ф. Мерзляков представил в ОЛРС нечаевский перевод «Горациевой оды к Манлию Торквату», в апреле того же года В. Л. Пушкин прочел его стихотворение «Время любить», затем Нечаев передал ОЛРС «Собрание провинциальных слов Тульской губернии». Все эти произведения были в разное время опубликованы в «Трудах» ОЛРС¹⁴.

В ноябре 1820 г., вскоре после принятия в ОЛРС, С. Д. Нечаев выступил перед сочленами с речью, озаглавленной «О выборе предметов в изящных искусствах вообще». В 1822 г. речь также была опубликована в «Трудах» ОЛРС¹⁵, рукопись же ее хранится в фонде С. Д. Нечаева и его сына Ю. С. Нечаева-Мальцова в РГИА¹⁶. Разночтения между рукописным и опубликованным текстами минимальны (в частности, в архивном варианте речь называется несколько иначе — «Мысли о выборе предметов...» и т. д.).

Стремление нового члена к самопрезентации в ОЛРС — достаточная причина для такого публичного выступления. Однако важно и то, что в это время С. Д. Нечаев состоял членом Союза благоденствия. И, согласно первой части «Законоположения» тайного общества (также именуемой «Зеленой книгой»), был «обязан с дозволения Союза вступать во все правительством одобренные, о нравственности пекущиеся общества» и стараться «изыскивать средства изящным искусствам дать надлежащее направление, состоящее не в изнеживании чувств, но в укреплении, благородствовании и возвышении нравственного существа нашего»¹⁷. Такое ли направление призывал дать «изящным искусствам» Нечаев?

«Не подлежит никакому сомнению влияние искусств на образованность гражданских обществ, — говорилось в его речи. — Куда ни проникали сии утешители человеческого рода, повсюду нравы смягчались, вкусы становились благороднее, в удовольствие входило более замысловатости и утончения. Но не всегда и не везде способствовали они к утверждению нравственности, которая должна быть истинною целию и вождленным плодом образования народного. Действие их, часто подобное животворному бальзаму, превращается иногда в сладкую и тем опаснейшую отраву для сердца»¹⁸.

По сути, здесь воспроизведено то же противопоставление, что и в «Зеленой книге»: искусства должны способствовать «утверждению нравственности» / «возвышению нравственного существа», но могут и составлять «опаснейшую отраву для сердца» / вызывать «изнеживание чувств».

«Откуда сия разительная противоположность?» — вопрошал Нечаев. Ответ он искал через дифференциацию понятия изящного: «В изящном находим мы вообще или *высокое* или *прелестное*¹⁹. *Высокое* поражает, волнует, пленяет благороднейшую натуру человека — дух его бессмертный. Священный ужас, восторг, благоговение, — вот ощущения, по коим отличите предмет возвышенный! *Прелестное* напротив оказывает власть свою над низшею натурою, над нашею чувственностью, которая для наслаждения своего ищет впечатлений более приятных, нежели сильных. Утехи мечтательности, воспаление страсти, очарование и нега чувств сопутствуют *прелестному*... Столь великая разность в действии сих двух родов *изящного* не позволяет думать, чтоб оба, и *высокое* и *прелестное*, могли быть соединены в каком-либо предмете: по крайней мере, одно будет в нем столько господствовать, что другое останется едва ли приметным достоинством»²⁰.

«Эпитет “высокий” — один из наиболее распространенных компонентов декабристского словаря...» — отмечал литературовед Л. Г. Фризман²¹. О том же писал В. Г. Базанов, приводя ряд примеров из стихотворных произведений К. Ф. Рыльева («Высоких дум кипящую отвагу»), В. Ф. Раевского («Страстей высоких юный жрец»), Ф. Н. Глинки («Души высокую свободу»), В. К. Кюхельбекера («Святые таинства высокого искусства»), а также А. С. Пушкина («Души высокие порывы», «И дум высокое стремленье») и А. С. Грибоедова («К искусствам творческим, высоким и прекрасным»)²².

Разумеется, о высоком рассуждали не только представители литературного декабризма. Так, деятельный член ОЛРС профессор А. Ф. Мерзляков цитировал одного из своих учителей — профессора П. А. Сохацкого (умершего в 1809 г.): «...сколь превосходны действия высокого вкуса, столь вреден и пагубен сей вкус мелкий и разнеженный. Мало доброй надежды там, где он получит господство, ибо всякой привыкает к красивым безделкам, приписывает высокую цену самым бесполезным вещам, только лишь бы они прельщали фантазию, и, что всего хуже, самый гнусный порок считают похвальным, если представлен будет пленительно и замысловато. Оттого дух теряет всю свою крепость и отвращается от всего великого, важного и высокого, потому что оно не столь трогает изнеженное мечтание»²³.

В 1813 г. будущий сенатор и тайный советник А. П. Гевлич защитил написанную в русле кантианской эстетики докторскую диссертацию «Об изящном» и пятью годами позже издал ее отдельной книгой. Отметив «разномыслие» современных ему исследователей в трактовке понятия «изящного», Гевлич приступал «к его разделению»: «Вся сфера изящного... делится на *высокое* или *великое*, *изящное* в тесном смысле или *прекрасное* и на *прелестное* или *грацию*»²⁴. Прекрасное для автора — «середина всей сферы» или, другими словами, норма: «Высокое поражает, ужасает, выводит из себя; прекрасное нравится, приносит чистое удовольствие, располагает человека к истине, к добру; прелестное, собственно сказать, привлекает, нежит»²⁵. Нечто подобное находим и у самого И. Канта: «Представляя возвышенное в природе, душа ощущает себя *взволнованной*, тогда как при эстетическом суждении о прекрасном она находится в состоянии *спокойного* созерцания. Эту взволнованность можно (особенно в ее первые минуты) сравнить с потрясением...»²⁶

Действие высокого Гевлич и Нечаев описывали с помощью одних и тех же или близких эпитетов: «поражает», «ужасает», «священный ужас» и т. д. На этом сходство заканчивается. По версии Гевлича, человек приходит «к истине, к добру», испытывая «чистое удовольствие» от «прекрасного». По мнению членов Союза благоденствия (и в их числе Нечаева), «утверждение нравственности» достигается через потрясение «высоким». «Сферу изящного» декабристы делили не натрое, а надвое — на противоборствовавшие «высокое» и «изящное», исключая срединное «прекрасное». «В словесности допускается только истинно изящное и отвергается все худое и посредственное», — поучала «Зеленая

книга», разъясняя, что «истинно изящное есть все то, что возбуждает в нас высокие и к добру увлекающие чувства»²⁷.

Для доказательства превосходства «высокого» над «прелестным» С. Д. Нечаев как человек позднего российского Просвещения обращался к античным образцам: «Республика Ликургова в то только время удивляла мир своими Леонидами, когда строго изгоняла из среды своей лстящие одной чувствительности искусства»²⁸. «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (книга из школьной программы XVIII–XIX вв.) сообщали о приглашении Ликургом в Спарту Фалета Критского, чьи «песни были призывом к повиновению и согласию», как и о том, что Ликург «переписал и собрал» поэмы Гомера, «найдя, что в них... заключено много чрезвычайно ценного для воспитателя и государственного мужа»²⁹. Общеизвестность этих сведений для образованного россиянина той поры подтверждал В. К. Кюхельбекер, писавший, что Ликург и Солон, «как известно, занимались собиранием рапсодий, составивших впоследствии “Илиаду” и “Одиссею”»³⁰. Древние Спарта и Рим, по Нечаеву, «утратили владычество, необычайною доблестию приобретенное, как скоро изящные искусства, не укрепляя, не возвышая более духа величественными предметами, повергли граждан... в порочную изнеженность рабским угождением низкому вкусу. Так, <...> падение царств непосредственно следует за порчею нравственности, расслабление сил душевных, неразлучное с сею развращенностью, проистекает большею частию от злоупотребления изящных искусств, включая в их число и Словесность»³¹.

От примеров из древней истории С. Д. Нечаев переходил к описанию воздействия разных родов «изящного» на воспитание юношества (декларируемое как одна из важнейших задач Союза благоденствия). Вначале он характеризовал индивида, на формирование которого повлияли «сочинения, прославляющие чувственные удовольствия»: «Подлый раб страстей своих, он будет жестокой тиран близким, — и горе обществу, питающему в недрах своих много членов, столь опасных неисцелимым своим повреждением»³². Ему противопоставлялся человек, «которому изящные искусства завещали... страсть к высокому»: «В твердой душе его хранится чистый идеал красоты неземной, который, подобно компасу в бурном океане жизни, поведет его верною стезею доблести, покажет в нем свету ангела-утешителя и защитника человечества»³³. Высокая нравственность рассматривалась как базис общественного блага. Неудивительно, что «Зеленая книга» называла нравственность «главным предметом воспитания»³⁴.

«Не близкое подражание природе, не красивость выражения соделывают имя писателя или художника любезным для современников, священным для потомства», — утверждал С. Д. Нечаев, а лишь «одна нравственная польза определяет истинное достоинство в произведениях искусства»³⁵. Подобные же мысли содержались и в «Зеленой книге»: «...сила и прелесть стихотворений не состоит ни в созвучии слов, ни в высокопарности мыслей, но «в непритвор-

ном изложении чувств высоких и к добру увлекающих» и, с другой стороны, «описание предмета или изложение чувства, не возбуждающего, но ослабляющего высокие помышления, как бы прелестно не было, всегда недостойно дара поэзии»³⁶.

Какие темы в изящных искусствах предпочтительны для нравственного воспитания? Докладчик назвал только две. Первая — отечественная история. Нечаев полагал, что общественный интерес «постепенно охлаждается к тем произведениям Словесности и вообще искусств изящных», чей сюжет почерпнут из «истории баснословной» (т. е. античной) или взят из жизни «современных, но чуждых нам народов». «Гораздо сильнее действие предмета, взятого из преданий отечественных, из событий непосредственно до нас касающихся, из особенных мнений, царствующих в каждом веке и народе, — настаивал он. — Сей-то тайне дарования обязаны, может быть, решительным успехом творения Ломоносова, Хераскова, Державина. В наше время подобный выбор предметов наиболее доставляет славы Дмитриеву, Озерову и Жуковскому. По той же причине произведения Фалконета и Мартоса имеют в очах наших достойную цену»³⁷.

Будучи владельцем части Куликова поля, С. Д. Нечаев стал первым исследователем и популяризатором места знаменитой битвы 1380 г. Уже с 1816 г. он был связан с Обществом истории и древностей российских при Московском университете: вначале на правах члена-соревнователя, с февраля 1825 г. — как его действительный член, а с мая 1851 г. — как почетный³⁸. Он же выступил инициатором установки памятника на месте Мамаева побоища: «Если благодарное потомство, благоговей к принесенной здесь жертве за свободу отечества, почитит достойным памятником столь знаменательное место, то можно полагать за верное, что одна из сих высот избрана будет пьедесталом для сей святыни»³⁹. И как раз в 1820 г. Нечаев вел переписку по поводу создания монумента князю Дмитрию Донскому со скульптором И. П. Мартосом, уже прославленным открытием памятника Минину и Пожарскому в Москве⁴⁰. Не случайно Мартос упомянут (как и автор трагедии «Димитрий Донской» драматург и поэт В. А. Озеров) в нечаевской речи.

Другой выигрышной для нравственного воспитания темой С. Д. Нечаев называл христианство: «Признавая особенную занимательность и великую пользу предметов отечественных, я весьма далек, однако, от того, чтоб дать им преимущество над предметами Святой нашей Религии. В таинственных бытописаниях Еврейского народа, в Священных книгах Христианства должно искать истинно *высокого*, пред коим все человеческое падает долу»⁴¹. И в этом Нечаев также не противоречил «Зеленой книге», учившей, что «человек не иначе, как с помощью веры, может преодолеть свои страсти, противостоять неприятным обстоятельствам и таким образом шествовать по пути добродетели», что «укрепление молодого человека в правилах веры и приверженности к оной есть сильнейшее средство к образованию его нравственности»⁴².

Словами о вере и религии докладчик завершал свою речь, риторически посетовав, что «предмет сей далеко превосходит мои силы», а также воззвал к снисхождению слушателей — «сделал, что мог»⁴³.

Руководствовался ли С. Д. Нечаев сформулированными в этой речи принципами — служить высокому, избегать прелестного — в своем дальнейшем литературном творчестве? В 1824 г. он опубликовал «Застольную песнь греков» — единственное стихотворение, полностью соответствующее критериям литературного декабризма. Утверждается, что в стихах русских поэтов, посвященных Греческой революции 1820-х гг. (Нечаева в том числе), «обязательно присутствуют античные имена и образы»⁴⁴. Но Нечаев в этом случае обошелся без Эллады и Леонида, упомянув единожды греков в заглавии, а богиню чистоты и справедливости Астрею — в самом тексте, и более не вуалируя именами-символами, что пишет о своей отчизне:

Исчезнут мрачны препинанья,
Замолкнет грустный звук цепей,
И совершатся ожидания
Отчизны истинных друзей.
Свободы песнь благословенна
Промчится по родным полям,
С землей забытой примиренна,
Астрея⁴⁵ возвратится к нам.
Тогда мы братский круг составим
И, разогнав тиранства тень,
Отчизны светлый день прославим,
Как славим ныне дружбы день!⁴⁶

До и после этой вспышки свободолюбивого таланта, так же как до и после произнесения и публикации программной речи в ОЛРС, большая часть стихотворений С. Д. Нечаева — это сентиментальная, альбомная лирика, в которой обильно использованы вариации эпитета «прелестное»: «Когда бы Лиды взор прелестной», «К прелестным сим местам», «Там дивны прелести Востока», «Прелестны юности мечты» и т. п. Член Союза благоденствия московский литератор Петр Муханов писал в 1825 г. в «Мыслях и замечания в духе Лабрюйера», ничьих имен не называя, но, возможно, имея в виду и своего знакомого Нечаева: «Часто порыв к высокому принимают за чувство высокое, но порывы сии похожи на французские духи: их запах вылетает, и остается ни к чему не годная жидкость»⁴⁷.

Последние прижизненные публикации стихов С. Д. Нечаева и последние «Мысли и замечания» датированы 1826 г. Тогда же вышли его «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России», публикацию которых издатель Н. А. Полевой предварил напрасной надеждой на продолжение⁴⁸. В дальней-

шем Нечаев лишь изредка публиковал заметки о находках древних артефактов, об археологии. В 1858 г., после десятилетнего перерыва в занятиях, возродилось ОЛРС⁴⁹. Нечаева как давнего члена общества неоднократно приглашали к участию в заседаниях, но он отказывался «по болезненному состоянию». Наконец, 9 февраля 1859 г. он письменно просил председателя А. С. Хомякова «о благосклонном увольнении... от всех по званию Действительного Члена обязанностей», прощаясь с обществом пожеланием «прочного преуспеяния»⁵⁰. Через полтора года С. Д. Нечаева не стало.

Но вернемся к речи «О выборе предметов в изящных искусствах вообще». И первая часть «Законоположения Союза благоденствия», и эта речь отрицали самоценность искусства и видели его назначение в служении «общему благу», укреплению нравственности и добродетели, воспитанию юношества. Нечаевская речь даже более категорична в противопоставлении высокого и прелестного: в «Зеленой книге» второе понятие не имело столь однозначно-отрицательной коннотации. Конечно, в публичном выступлении не могло быть прямых отсылок к уставному документу тайного общества, но знакомство автора с текстом «Зеленой книги» несомненно. Похожие идеи высказывались в то время и в подцензурных публикациях авторов, с тайным обществом не связанных. Однако именно на этапе Союза благоденствия (1818–1821) движение декабристов рассчитывало достичь кардинальных политических перемен через воздействие на общественное мнение и потому прямо указывало находившимся в его составе литераторам, какие идеи поддерживать и пропагандировать. Историк-декабристовед В. С. Парсамов, отвергающий «научный миф о декабристской литературе», тем не менее считает правомерным говорить о литературной политике Союза благоденствия⁵¹. В это же время петербургское Вольное общество любителей российской словесности, хоть и не стало, как полагал В. Г. Базанов, «литературным плацдармом декабристов»⁵², но с лета 1819 г. работало под председательством члена Коренной думы Союза благоденствия Ф. Н. Глинки. В московском ОЛРС декабристы подобным влиянием не располагали. В свете сказанного и учитывая, что С. Д. Нечаев излагал членам ОЛРС идеи и эстетические принципы, которыми в своем творчестве руководствовался крайне редко, логично рассматривать его речь 1820 г. не как индивидуальное выступление, а как пропагандистскую акцию Союза благоденствия.

¹ О нем см.: *Мухина С. Л.* Безвестные декабристы (П. Д. Черевин, С. Д. Нечаев) // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 231–251; *Глаголева О. Е.* Основатель народных училищ Степан Дмитриевич Нечаев // Гордость земли Тульской (Замечательные люди нашего края). Тула, 1991. Т. II. С. 337–342; *Шкерин В. А.* От тайного общества до Святейшего Синода: Декабрист С. Д. Нечаев. Екатеринбург, 2005; *Грачева И. В.* «Путь трудной чести и добра...»: Жизнь и творчество С. Д. Нечаева. Рязань, 2009.

- ² *Базанов В.* Очерки декабристской литературы: публицистика, проза, критика. М., 1953. С. 4; *Макогоненко Г. П.* О романтическом герое декабристской поэзии // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 6–24; *Ложкова Т. А.* Система жанров в лирике декабристов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. С. 16–19 и др.
- ³ *Базанов В.* Очерки... С. 5.
- ⁴ История русской литературы: в 4 т. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализму / Ред. Е. Н. Купреянова. Л., 1981. С. 150–188.
- ⁵ *Ложкова Т. А.* Средства выражения лирической рефлексии в поэзии К. Ф. Рыльева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2005. № 11 (51). С. 77–83.
- ⁶ Поэты 1820–1830-х годов / Вступ. ст. и общ. ред. Л. Я. Гинзбург; биогр. справки, сост. и примеч. В. Э. Вацуро. Л., 1972. Т. 1. С. 97–98.
- ⁷ *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 215–216.
- ⁸ Там же. С. 216.
- ⁹ Отголоски 14-го декабря в Московском университете. Сообщил М. Гершензон // Русская старина. 1910. Февраль. С. 336.
- ¹⁰ *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. С. 216.
- ¹¹ С. Н. Мысли и замечания // Вестник Европы. 1824. № 6. С. 144.
- ¹² Декабристы: Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика / Сост. Вл. Орлов. М.; Л., 1951. С. 269, 636.
- ¹³ Струн вещей пламенные звуки... Стихотворения поэтов-декабристов / Сост. Вл. Муравьев. Свердловск, 1987. С. 250–256.
- ¹⁴ Словарь членов Общества любителей Российской Словесности при Московском Университете: 1811–1911. М., 1911. С. 205.
- ¹⁵ *Нечаев С.* О выборе предметов в изящных искусствах вообще // Сочинения в прозе и стихах: Труды Общества Любителей Российской Словесности при Императорском Московском университете. М., 1822. Ч. 1. С. 26–36.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 96.
- ¹⁷ Законоположение Союза Благоденствия // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. М., 1951. Т. 1. С. 267, 271.
- ¹⁸ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 27.
- ¹⁹ Здесь и далее курсив авторов.
- ²⁰ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 27–29.
- ²¹ *Фризман Л. Г.* Декабристы и русская литература. М., 1988. С. 41.
- ²² *Базанов В.* Очерки... С. 218.
- ²³ *Мерзляков А. Ф.* О вернейшем способе разбирать и судить сочинения, особливо стихотворные по их существенным достоинствам // Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980. С. 200.
- ²⁴ *Гевлич А.* Об изящном. СПб., 1818. С. 24.
- ²⁵ Там же. С. 29–30.
- ²⁶ *Кант И.* Критика способности суждения. М., 1994. С. 128.
- ²⁷ Законоположение... С. 244, 270.
- ²⁸ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 29.
- ²⁹ *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 50.
- ³⁰ *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 135.
- ³¹ РГИА. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 96. Л. 2 об. В печатной версии слова «включая в их число и Словесность» отсутствуют. См.: *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 29–30.
- ³² *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 30, 31.
- ³³ Там же. С. 31–32.
- ³⁴ Законоположение... С. 268.
- ³⁵ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 32.
- ³⁶ Законоположение... С. 270.
- ³⁷ *Нечаев С.* О выборе предметов... С. 33, 34.

- ³⁸ РГАДА. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 3129. Л. 2. Л. 7, 10.
- ³⁹ С. Н. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. 1821. № 14. С. 128.
- ⁴⁰ Проект памятника на Куликовом поле: Из бумаг С. Д. Нечаева // Старина и новизна. СПб., 1905. Кн. 9. С. 1–6.
- ⁴¹ Нечаев С. О выборе предметов... С. 34–35.
- ⁴² Законоположение... С. 265, 268.
- ⁴³ Нечаев С. О выборе предметов... С. 36.
- ⁴⁴ Архитова А. В. Литературное дело декабристов. Л., 1987. С. 44.
- ⁴⁵ Упоминание покинувшей грешных людей небесной девы Астреи — очевидный намек на российские события 1822 г., когда, подчиняясь высочайшему рескрипту, в числе иных масонских мастерских объявила о прекращении своей деятельности и Великая ложа «Астрея». О членстве С. Д. Нечаева в ложах см.: Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 373, 1027, 1033.
- ⁴⁶ С. Н. Застольная песнь греков // Мнемозина. Кн. 3. 1824. С. 58–59.
- ⁴⁷ Муханов П. А. Сочинения и письмо. Иркутск, 1991. С. 143.
- ⁴⁸ Нечаев. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. № 1. С. 26–41.
- ⁴⁹ Гиляров-Платонов Н. П. Возрождение Общества любителей российской словесности в 1858 году // Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 139–152.
- ⁵⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 19 — 19 об.
- ⁵¹ Парсамов В. С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М., 2016. С. 117–148.
- ⁵² Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 364.

References

- АРHIPOBA A. V. *Literaturnoe delo dekabristov* [The Literary Work of the Decembrists. In Russ.]. Leningrad, 1987.
- BAZANOV V. *Ocherki dekabristskoj literatury: publicistika, proza, kritika* [Essays on Decembrist Literature: Journalism, Prose, Criticism. In Russ.]. Moscow, 1953.
- BAZANOV V. *Uchenaja respublika* [Scientific Republic. In Russ.]. Moscow; Leningrad, 1964.
- FRIZMAN L. G. *Dekabristy i russkaja literatura* [Decembrists and Russian Literature. In Russ.]. Moscow, 1988.
- GLAGOLEVA O. E. *Osnovatel' narodnyh uchilishh Stepan Dmitrievich Nechaev* [The Founder of Public Schools Stepan Dmitrievich Nechaev. In Russ.] // *Gordost' zemli Tul'skoj (Zamechatel'nye ljudi nashego kraja)*. Tula, 1991. Vol. II. P. 337–342.
- GRACHEVA I. V. "Put' trudnoj chesti i dobra...": *Zhizn' i tvorchestvo S. D. Nechaeva* ["The Path of Difficult Honor and Goodness...": The Life and Work of S. D. Nechaev. In Russ.]. Rjazan', 2009.
- LOZHKOVA T. A. *Sredstva vyrazhenija liricheskoj refleksii v poezii K. F. Ryleeva* [Means of Expressing Lyrical Reflection in K. F. Ryleev's Poetry] // *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Lingvistika. 2005. No. 11 (51). P. 77–83.
- LOZHKOVA T. A. *Sistema zhanrov v lirike dekabristov* [The System of Genres in the Lyrics of the Decembrists. In Russ.]. Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Yekaterinburg, 2006.
- MAKOGONENKO G. P. *O romanticheskom geroe dekabristskoj poezii* [About the Romantic Hero of Decembrist Poetry] // *Literaturnoe nasledie dekabristov / Otv. red. V. G. Bazanov, V. Je. Vacuro*. Leningrad, 1975. S. 6–24.
- MERZLJAKOV A. F. *O vernejšem sposobe razbirat' i sudit' sochinenija, osoblivo stihotvornye po ih sushhestvennym dostoinstvam* [About the Surest Way to Analyze and Judge Compositions, Especially Poetic According to their Essential Merits. In Russ.] // *Literaturnaja kritika 1800–1820-h godov*. Moscow, 1980. S. 188–209.

- MUHANOV P. A. *Sochinenija i pis'ma* [Essays and Letters. In Russ.]. Irkutsk, 1991.
- MUHINA S. L. *Bezvestnye dekabristy (P. D. Cherevin, S. D. Nechaev)* [Unknown Decembrists (P. D. Cherevin, S. D. Nechaev). In Russ.] // *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1975. Vol. 96. P. 231–251.
- PARSAMOV V. S. *Dekabristy i russkoe obshhestvo 1814–1825 gg.* [The Decembrists and Russian Society 1814–1825. In Russ.]. Moscow, 2016.
- PLUTARH. *Sravnitel'nye zhizneopisanija: v 2 t.* [Comparative Biographies: in 2 vols. In Russ.]. Moscow, 1994. Vol. 1.
- Poety 1820–1830-h godov* [Poets of the 1820s and 1830s. In Russ.] / Vstup. st. i obshh. red. L. Ja. Ginzburg; biogr. spravki, sost. i primech. V. Je. Vacuro. Leningrad, 1972. Vol. I.
- SERKOV A. I. *Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg.: Jenciklopedicheskij slovar'* [Russian Freemasonry. 1731–2000: Encyclopedic Dictionary. In Russ.]. Moscow, 2001.
- SHKERIN V. A. *От тайного обшhestva do Svjatejshego Sinoda: Dekabrist S. D. Nechaev* [From the Secret Society to the Holy Synod: Decembrist S. D. Nechaev. In Russ.]. Yekaterinburg, 2005.
- VACURO V. Je. *Lirika pushkinskoj pory: "Jelegicheskaja shkola"* [Lyrics of Pushkin's Time: "The Elegiac School". In Russ.]. St. Petersburg, 1994.
- Zakonopolozhenie Sojuza Blagodenstvija* [The Law of the Welfare Union. In Russ.] // *Izbrannye social'no-politicheskie i filosofskie proizvedenija dekabristov: v 3 t.* Moscow, 1951. Vol. 1. P. 239–276.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. А. Шкерин. Речь С. Д. Нечаева «О выборе предметов в изящных искусствах вообще»: к биографии литератора-декабриста // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 94–105

Аннотация: Утвердившиеся в литературоведении термины «литературный декабризм» и «декабристская литература» обозначают гражданское направление в русском романтизме 1810–1820-х гг. Помимо собственно литераторов-декабристов важная роль в этом направлении отводится А. С. Пушкину, никогда не состоявшему в тайных обществах. В качестве альтернативы мы рассматриваем случай литератора С. Д. Нечаева. Он был членом декабристского тайного общества Союз благоденствия, но в истории русской литературы остался как автор сентиментальных альбомных стихотворений и нравоучительных афоризмов. Его единственным стихотворением, исполненным подлинно гражданского пафоса, стала «Застольная песнь греков» (1823). Однако и для С. Д. Нечаева членство в тайном обществе не было пустой формальностью. В конце октября 1820 г. он также стал членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. А уже в ноябре С. Д. Нечаев выступил перед любителями российской словесности с речью «О выборе предметов в изящных искусствах вообще». Докладчик пропагандировал идеи и эстетические принципы, которых не придерживался в своем творчестве, но которые были закреплены в уставном документе Союза благоденствия. Так, он отрицал собственную ценность искусства и видел его назначение в служении общему благу, укреплению нравственности и добродетели, воспитанию юношества. В настоящей статье обосновывается предложение рассматривать речь С. Д. Нечаева 1820 г. не как его индивидуальное выступление, а как пропагандистскую акцию Союза благоденствия.

Ключевые слова: движение декабристов, Союз благоденствия, русская литература, Общество любителей российской словесности при Московском университете, С. Д. Нечаев, первая четверть XIX в.

FOR CITATION

**V. A. Shkerin. Speech by S. D. Nechaev “On the choice of objects in fine arts in general”:
to the biography of the Decembrist writer // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 94–105**

Abstract: The terms “literary Decembrism” and “Decembrist literature”, which have become established in literary criticism, denote the civil trend in Russian romanticism of the 1810s–1820s. In addition to the Decembrist writers themselves, an important role in this direction is assigned to A.S. Pushkin, who has never been a member of secret societies. As an alternative, we consider the case of the writer S. D. Nechaev. He was a member of the Decembrist secret society Union of Prosperity, but remained in the history of Russian literature as the author of sentimental album poems and moralizing aphorisms. His only poem filled with truly civic pathos was “The Drinking Song of the Greeks” (1823). However, for S. D. Nechaev, membership in a secret society was not an empty formality. At the end of October 1820, he also became a member of the Society of Lovers of Russian Literature at Moscow University. And already in November, S. D. Nechaev spoke to “lovers of Russian literature” with a speech “On the choice of objects in the fine arts in general”. The speaker promoted ideas and aesthetic principles that he did not adhere to in his own work, but which were enshrined in the statutory document of the Union of Prosperity. So he denied his own value of art and saw its purpose in serving the “common good”, strengthening morality and virtue, and educating youth. This article substantiates the proposal to consider the speech of S. D. Nechaev in 1820 not as his individual speech, but as a propaganda action of the Union of Prosperity.

Key words: Decembrists movement, Union of Prosperity, Russian literature, Society of Lovers of Russian Literature at Moscow University, S. D. Nechaev, the first quarter of the 19th century.

Автор: Шкерин, Владимир Анатольевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Author: Shkerin, Vladimir Anatol'evich — Dr. of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

И. Н. Стрекалов

«Милая Сверчкизация!»: история дружбы Льва Троцкого и Дмитрия Сверчкова — членов исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 года

В последнее время в исторической науке резко возрос интерес к истории русской революции. В частности, это связано со 100-летием Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Первая русская революция 1905–1907 гг. также попадает в поле зрения историков в связи с тем, что она явилась важным этапом в цепи рассматриваемых событий. Традиционно в течение последних десятилетий внимание приковано к личности Л. Д. Троцкого: различные авторы приписывают ему ведущую роль чуть ли не во всей истории русской революции, начиная с того, что считают именно его фактическим лидером Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г.¹ В тени личности Троцкого, однако, остались люди, которые также сыграли свою роль в истории революции, а впоследствии и вовсе занимали значимые места в культурной или общественно-политической жизни советского периода.

В частности, к ним относился Дмитрий Федорович Сверчков (1882–1938), писатель, драматург, общественный и государственный деятель, член Исполкома Санкт-Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г. Однако в 1938 г. Сверчков был расстрелян по приговору Верховного Суда СССР как член «правой» оппозиции, а возможно, и из-за своих неустойчивых политических взглядов: сначала он был близок к большевикам, потом примкнул к меньшевикам.

В тени истории остался весьма интересный факт: Сверчков долгое время являлся другом Льва Троцкого. Впоследствии, как известно, имя Троцкого было вычеркнуто из официальной истории в связи с его политическими и идеологическими разногласиями со сталинским руководством СССР, а о расстрелянном Сверчкове никто не упоминал. Сверчков, тем не менее, в отличие от Троцкого был реабилитирован в 1956 г., с началом правления Н. С. Хрущева, правда, во всех исследованиях и публикациях его имя упоминалось лишь вскользь.

Историография жизни и деятельности Д. Ф. Сверчкова крайне невелика. В 1920-е гг. Дмитрий Федорович составил автобиографию, которая была опубликована в словаре «Деятели революционного движения в России», напечатанном издательством «Гранат»². Занимаясь общественной и политической деятельностью после 1917 г., он также написал мемуары под названием «Заря революции», посвященные его жизни с детства по революционные события 1905–1907 гг.; эта книга четырежды переиздавалась в 1920-х гг. После расстрела Сверчкова в 1938 г. его имя долго не появлялось в литературе: этому не сразу поспособствовала и его реабилитация в 1956 г. Только в 1972 г. была опубликована небольшая биографическая статья, включившая в себя сведения о деятельности Сверчкова по написанию сценариев к нескольким фильмам 1920-х гг.³ В 1977 г. вышел в свет сборник воспоминаний, статей и очерков о председателе ВЧК Ф. Э. Дзержинском, в котором среди прочих свидетельств был опубликован рассказ Д. Ф. Сверчкова «На транспорте». В краткой справке перед текстом Сверчков назывался «членом Коммунистической партии», выполнявшим «ответственную работу наркома»⁴.

Современные исследователи лишь вскользь уделяют внимание личности Д. Ф. Сверчкова, прежде всего они сосредоточены на идее сделать его публикации доступными и известными академическому сообществу. В частности, это касается работ Сверчкова по истории Гражданской войны 1917–1920 гг. на Северном Кавказе. По мнению А. Р. Казанчи, воспоминания Сверчкова ценны тем, что в них описана обстановка на Кубани после Февральской революции 1917 г., даны сведения о деятельности образованного там Временного исполнительного комитета, исследована позиция казаков по итогам Февральской и Октябрьской революций, отражены отношения Кубани ко всем другим областям России той эпохи. Казанчи отмечает, цитируя Д. Ф. Сверчкова в эпиграфе к статье: «Этот мыслитель, безусловно, понимал со всей глубиной и остротой проблемы, стоявшие перед Россией в то смутное время, время Гражданской войны, 1917–1920 гг.»⁵. Автор данной статьи в свое время обратил внимание на литературное наследие Д. Ф. Сверчкова, связанное с его осмыслением опыта революционных событий 1905 г. и Петербургского Совета рабочих депутатов⁶.

Таким образом, анализ публикаций, исследований и воспоминаний, связанных с деятельностью Д. Ф. Сверчкова, показывает, что в литературе уделяется мало внимания его личности. Хотя в ряде исследований упоминается несколько произведений Дмитрия Сверчкова, многие сюжеты биографии этого

человека, бок о бок находившегося рядом с Л. Д. Троцким в осенние революционные дни 1905 г. в Петербургском Совете рабочих депутатов и сохранившего с ним тесную дружбу в последующие годы, остаются неизученными. Целью данной статьи является рассмотрение истории взаимоотношений Д. Ф. Сверчкова и Л. Д. Троцкого, бывших членами исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов, в контексте революционных событий 1905 г. и дальнейшего хода истории, восстановление ряда этапных событий в биографии Д. Ф. Сверчкова в параллели с биографией Л. Д. Троцкого. В работе используются архивные документы: к ним относятся, в частности, переписка Л. Д. Троцкого и Д. Ф. Сверчкова, хранящаяся в личном фонде Троцкого в Российском государственном архиве социально-политической истории (далее — РГАСПИ), а также архивно-следственное дело Д. Ф. Сверчкова, которое находится на хранении в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (далее — ЦА ФСБ). Отдельные документы (служебного и личного характера) находятся в архивных учреждениях г. Санкт-Петербурга (Архив Дома Плеханова, Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб)). Они в совокупности позволяют изнутри, глазами самого Сверчкова увидеть историю его взаимоотношений с Троцким, которая началась с крепкой дружбы двух революционеров и закончилась полным политическим размежеванием по разные стороны идеологических барьеров на рубеже 1920–1930-х гг.

Лев Троцкий и Дмитрий Сверчков познакомились, состоя членами исполнительного комитета в Петербургском Совете рабочих депутатов — выборной революционной организации рабочих, созданной в октябре 1905 г. на волне всеобщей стачки и почтово-телеграфной и железнодорожной забастовок. В те осенние дни бастовала вся рабочая Россия. 23-летний Сверчков, племянник народовольца и известного литератора, основателя журнала «Былое» В. Я. Богучарского, социал-демократ по убеждениям, был избран в Совет от Союза конторщиков. Троцкий приехал в российскую столицу из Финляндии, узнав о начале широких революционных выступлений в начале октября в Петербурге. На одном из первых заседаний Совета рабочих депутатов 17 октября они и встретились. Сверчков вспоминал о первом выступлении Троцкого в Совете: «...впервые появилась на трибуне... фигура молодого человека с львиной гривой, умными и острыми глазами, нервными движениями и сильной, увлекательной речью»⁷. В перерыве после выступления к нему подходили знакомиться. Так и узнали друг друга ближе Сверчков и Троцкий. Они явно оказались близкими по убеждениям людьми. Первый всячески подчеркивал в воспоминаниях роль второго как лидера в Совете, испытывая, видимо, исключительную субъективную неприязнь к занимавшему должность председателя Совета Г. С. Хрусталева-Носарю. Троцкий, по его словам, строчил одну за другой резолюции Совета, произносил яркие речи на заседаниях. 26 ноября, вслед за арестом Хрусталева-Носаря, Сверчков, Троцкий и еще один их

общий товарищ, социал-демократ Петр Злыднев, возглавили президиум Совета. Но уже через неделю, 3 декабря, в помещении Вольного экономического общества Совет рабочих депутатов, накануне фактически призвавший население готовиться к вооруженному восстанию, был арестован прямо на заседании в полном составе присутствовавших.

Суд над Советом состоялся в сентябре 1906 г. Получив исключительную моральную поддержку от митинговавших все лето питерских рабочих, депутаты Совета, заявив на суде, что победа обязательно в недалеком будущем будет за ними, отправились в январе 1907 г. в ссылку на поселение в Обдорск с остановкой в Березове. Сверчкову было разрешено остаться в Березове, чтобы дожидаться из Тобольска отправившуюся вслед за ним жену, а Троцкий «заболел». Именно тогда у будущего видного революционера зародился план побега из ссылки. Эсер, доктор А. Фейт, ехавший вместе с ними, как вспоминал Сверчков, «долго рассказывал, что и где именно у Л. Д. Троцкого должно болеть, как он должен держаться при ходьбе, что должен говорить врачам и т. д.»⁸. Сам же Троцкий уговаривал Сверчкова бежать с первым весенним пароходом. После того как Лев Давидович успешно совершил побег, поднялся шум, и Сверчков, уже воссоединившись с женой и ребенком, был быстро отправлен в Обдорск. На месте он, будучи на службе у купца, увлекся фотографией, делал снимки мест ссылки и членов Петербургского Совета. Троцкий, посмеиваясь, писал ему и Злыдневу из Вартенберга в августе 1907 г., собираясь выпустить брошюру о событиях 1905 г.: «Пришлите мне ваши две рожи для моей немецкой книжки: я снесу вас обоим немцу-парикмахеру, он вас обреет и причешет, а потом выведу вас перед немецкой публикой»⁹. Однако Лев Давыдович даже не подозревал, что его друг уже бежал из ссылки пароходом, о котором он ему говорил, а затем по суше разными путями.

Сверчкову, как и Троцкому, удалось бежать не просто из ссылки, но за границу, где они получили возможность встретиться. В послереволюционный период произошел раскол среди социал-демократов, разные ее представители стали искать выход из поражения революции. Сверчков вспоминал, как в Париже они проводили «длинные вечера в беседах, строя планы на будущее»¹⁰, как Троцкий убеждал его отказаться от мысли создать какую-либо новую революционную партию взамен существующей и призывал не терять надежды на то, что дела в РСДРП еще пойдут лучше. В марте 1908 г. Троцкий, критикуя друга, писал ему: «Надо соблюдать историческую перспективу»¹¹. Но дружественный тон все равно сохранялся при всех идейных разногласиях. Летом того же года, например, он в письме обращался к Дмитрию так: «Милая Сверчкизация! Знаешь ли, я потерял твой адрес и не могу теперь тебе писать; сообщи, пожалуйста, поскорее адрес. Ей-Богу, не буду терять»¹².

В конце 1909 г. в Париже состоялся Пленум ЦК РСДРП, на котором было решено перенести центр работы из-за границы в Россию. Сверчков был снабжен московским паспортом и нелегально прибыл на родину. Однако благодаря

известному провокатору Роману Малиновскому, депутату социал-демократической фракции Государственной думы, на первом же докладе перед местными товарищами Сверчков был арестован полицией. Он попал за побег из Обдорска в Таганскую тюрьму, где у него развился туберкулез. По состоянию здоровья его определили в Бутырскую тюремную больницу. Его бабушка, 81-летняя Елизавета Федоровна Сверчкова, вдова генерал-майора, просила власти в июне 1911 г. перевести его в другую тюрьму, смягчить его участь: «...снизойдите к нравственному мучению внука моего; ему теперь 29 лет, женат и имеет двух детей; по молодости лет увлекся и теперь испытывает результат этого увлечения»¹³. Жена Сверчкова, по его воспоминаниям, задействовала даже известную театральную актрису Марию Ермолову, с которой давно была знакома. Приговор Сверчкову вынесли мягкий: подсудимому назначили место жительства в Геленджике.

Троцкий при этом отнюдь не забыл о товарище по Петербургскому Совету, писал ему в мае 1912 г.: «Очень обидно, что тебя не отпускают за границу, тем более что в Геленджике медицина — как ты знаешь — не стоит на высоте, напиши, пожалуйста, обо всем — как устроился, как лечение и каковы планы»¹⁴. О тех письмах, что Троцкий писал Сверчкову, последний с добротой вспоминал много лет спустя: «Получение его писем... было для меня праздником, и я долго перечитывал их»¹⁵. Прожив на Черноморье 4 года, Сверчков смог восстановить свое здоровье.

Сверчков и Троцкий все это время помнили о тех, с кем были в Совете рабочих депутатов в 1905 г. Богдан Кнунянц и Петр Злыднев, подорвав здоровье в ссылке, один за другим ушли из жизни. В письме Сверчкову от 8 июня 1914 г. Троцкий писал: «О Злыдневе у меня никаких сведений, кроме газетных, не было. <...> вспомнил наше совместное житье-бытье. ...И в № 2 “Борьбы” идет моя статья “Памяти П. А. Злыднева”. Хочу еще для № 3 дать характеристику Богдана, это у меня на совести, я о нем ничего не написал еще, а грешно забывать его. Надо о нем напомнить — и себе, и другим»¹⁶.

Вскоре события стали развиваться стремительно. Началась мировая война. На фоне военных поражений и кризиса снабжения тыла начался рост революционного движения в России. Февральская революция привела к свержению монархии. Сверчков был амнистирован Временным правительством весной 1917 г. Тогда же в Россию вернулся из Америки Троцкий, возглавив вскоре Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. В октябре большевики пришли к власти в Петрограде.

Сверчков все это время находился на юге России. К этому его понуждало и состояние здоровья, время от времени напомиравшее о себе больными легкими. Там же, в южных краях, его застали и революция, и Гражданская война. Он стал членом Кубанского краевого правительства. Как Дмитрий Федорович относился к революционным событиям 1917 г.? Когда 3–4 июля прошли массовые демонстрации в Петрограде против Временного правительства, в которых

участвовали и большевики, Сверчков в письме Розалии Плехановой, супруге видного марксиста и меньшевика Г. В. Плеханова, выражал надежду, что большевизм «будет вырван с корнем». При этом, отмечал автор письма, не столь важно, находится ли В. И. Ленин «на службе у немцев», поскольку «все равно его политика такова, какую может вести только немецкий шпион»¹⁷. Эта позиция Сверчкова очень важна для понимания того, чью сторону он занял в ходе Гражданской войны — это были отнюдь не большевики, а представители Белого движения. Более того, он занимал ответственные должности в то время: в белогвардейской газете «Утро Юга» 17 сентября 1919 г. была опубликована краткая заметка «Назначение Д. Ф. Сверчкова», в которой отмечалось, что он назначен на должность заведующего отделом труда при ведомстве торговли и промышленности¹⁸. Троцкий, как известно, проявил себя в деле строительства Рабоче-крестьянской Красной армии, занимая пост народного комиссара по военным и морским делам в Совете Народных Комиссаров РСФСР.

Гражданская война закончилась. Сверчков только в 1920 г. вступил в ряды РКП(б). Вступление в партию ускорило его карьерный рост. В 1922–1923 гг. он занимал пост уполномоченного народного комиссара путей сообщения Северо-Западных железных дорог. В личном деле Сверчкова по этой должности сохранились, однако, нелестные характеристики. Отмечали, что у него идеологическая «устойчивость удовлетворительная, колебания были в период дискуссии о профсоюзах от методов централизма к методам демократизации», «фактическим руководителем дела он не является», «работников выбирает неудачно», «принимается за дело горячо, но очень быстро остывает»¹⁹. Это и объясняет столь короткий срок пребывания Сверчкова в данной административной должности.

Переписка и дружба старых революционеров — Троцкого и Сверчкова — продолжилась. У них была мысль организовать деятельное общество из членов Совета 1905 г. в связи с очередным юбилеем событий, но ничего не вышло: старые друзья хотели скорее получать льготы и привилегии за былые заслуги, нежели работать на благо страны. 23 ноября 1925 г. Троцкий писал Сверчкову: «...совершенно, опять-таки, естественно, если некоторые пришедшие в забвение элементы пользуются юбилейной оказией для того, чтобы напомнить о себе»²⁰. Адресат поддержал друга и выступил с письмом в адрес ЦК ВКП(б) в декабре того же года, заметив, что с таким составом общества невозможно «предъявлять какие-то претензии к нынешним органам власти, основанные исключительно на воспоминаниях о былом величии, являющиеся по существу нелепыми»²¹. Может быть, в этих словах скрывалось желание Троцкого создать оппозиционную организацию в ходе партийной борьбы 1920-х гг.

Менялся политический курс внутри ВКП(б), постепенно власть в руки взял И. В. Сталин. Именно здесь наступил переломный момент в дружбе двух товарищей. Они, пройдя все три революции, неожиданно разошлись по разные стороны баррикад: Троцкий, исключенный из партии в 1927, а в 1929 г. высланный

за пределы СССР, отчаянно критиковал сталинский строй. Сверчков же, напротив, пошел за «генеральной линией» ВКП(б), по-прежнему занимая ответственные должности: в Наркомате путей сообщения, в Государственном литературном музее; являлся членом таких организаций, как РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и Всероскомдрам (Всероссийское общество драматургов и композиторов). Он писал пьесы («Но не побеждены!» (1905 год)), либретто, рассказы, романы («Александрит», «Разгоновы»), принимал деятельное участие в жизни зарождающегося советского искусства.

Так, 23 сентября 1929 г., в Театре им. Вс. Мейерхольда, на заседании худполитсовета, повесткой дня было обозначено обсуждение пьесы Владимира Маяковского «Баня», а среди участников присутствовали такие писатели, как Валентин Катаев, Юрий Олеша и Михаил Зощенко. Был и сам Мейерхольд. А председательствовал... Сверчков! В конце, когда Мейерхольд выступил с большой положительной речью, Сверчков заявил, что пьесу «конечно, нужно приветствовать»²². «Баня» была поставлена.

В 1930 г. в советский прокат вышел фильм Ноя Галкина «Две силы» о событиях 1905 г., где среди актеров значился Александр Антонов, снявшийся в легендарном «Броненосце “Потемкине”», а в числе сценаристов назван Д. Ф. Сверчков.

По всей видимости, со Вс. Мейерхольдом у Сверчкова были достаточно хорошие отношения. В письме 10 февраля 1934 г. Дмитрий Федорович поздравляет его с днем рождения и пишет: «Встречи с Вами и много месяцев моей работы в художественно-политическом совете Вашего театра по Вашему приглашению мне дали очень большую, новую зарядку для ознакомления с театральным искусством»²³.

Троцкий, в те годы уже находившийся в эмиграции, весьма ехидно отозвался о Сверчкове в автобиографии «Моя жизнь», изданной в 1930 г. в Берлине, вспоминая о периоде после революции 1905–1907 гг.: «Сверчков, который был в те годы меньшевиком, а сейчас является сталинцем...»²⁴ Очевидно, это было констатацией завершения многолетней дружбы Троцкого и Сверчкова.

В 1930-е гг. в судьбе Сверчкова имели место поразительные зигзаги: его исключили из партии и восстановили членство в ней, он стал членом коллегии Верховного Суда СССР — и в 1937 г., в год Большого террора, был арестован. Писатель Варлам Шаламов вспоминал, что Сверчков был знаком с поэтом-акмеистом Владимиром Нарбутом, исключенным из рядов ВКП(б) в 1928 г.; тем не менее Сверчков поддерживал Нарбута, особенно когда являлся членом коллегии Верховного Суда СССР²⁵. Тогда у них был кружок научной поэзии, куда входили и Нарбут, и Сверчков, и Шаламов. Однако их всех постигла трагическая участь.

11 августа 1937 г., Дмитрий Федорович Сверчков, будучи заместителем директора Литинститута им. Горького, был арестован. В следственном деле Сверчкова сохранилось его письмо — очевидно, последнее, в адрес Л. Д. Троцкого —

от 8 июня 1928 г. В нем литератор подыскивал слова примирения с Троцким, оказавшимся, в отличие от него самого, поддержавшего «генеральную линию», по ту сторону баррикад по итогам антипартийной борьбы: «Мне давно хочется написать тебе, но я не знал и не знаю, как ты отнесешься к этому и захочется ли тебе ответить мне хотя бы двумя строчками. ...Я остался, каким был всегда, ни перед кем не заискиваю...»²⁶ Судя по всему, Троцкий оставил это письмо без ответа, не пожелав простить политическое предательство бывшему товарищу.

В 1937 г. сотрудники НКВД, обнаружившие текст письма почти десятилетней давности в бумагах Сверчкова, увидели в нем основание для обвинения Дмитрия Федоровича в дружбе с «предателем народа». На допросе 29 марта 1938 г. Сверчков утверждал, что троцкистом никогда не был. Дружил с Троцким, но не был троцкистом по убеждениям. Старший лейтенант госбезопасности Гаврилов ему не верил: утверждал, что Сверчков писал «любезное» письмо «матерому врагу», чтобы последний, в свою очередь, писал в ответ другу «весточки»²⁷. 21 апреля 1938 г. Сверчков был приговорен к расстрелу за участие в контрреволюционной террористической организации правых; приговор привели в исполнение в тот же день. Реабилитирован Д. Ф. Сверчков посмертно в 1956 г.

История взаимоотношений Л. Д. Троцкого и Д. Ф. Сверчкова, изученная сквозь призму различных опубликованных и архивных источников, наглядно показывает, как поворотные моменты отечественной истории первой трети XX столетия влияли на судьбы отдельных ее личностей и сохранение памяти о них, как масштабные события круто меняли жизненный уклад и отношения простых людей. Она же показывает новые грани жизни и деятельности Д. Ф. Сверчкова, достаточно основательно забытого в силу определенных причин, но чьи дела и труды могут вызвать интерес у историков, которые занимаются изучением событий русской революции начала XX в.

¹ Например, см.: *Старцев В. И.* Л. Д. Троцкий (Страницы политической биографии). М., 1989. С. 12; *Васецкий Н. А.* Троцкий. Опыт политической биографии. М., 1992. С. 33; *Чернявский Г.* Лев Троцкий. М., 2012. С. 81. (ЖЗЛ); *Емельянов Ю. В.* Троцкий. Мифы и личность. М., 2018. С. 200–201.

² Сверчков Дмитрий Федорович // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 663.

³ Сверчков Дмитрий Федорович // Сценаристы советского художественного кино. 1917–1967: Справочник. М., 1972. С. 326.

⁴ О Ф. Э. Дзержинском. Воспоминания, статьи, очерки современников / Авт.-сост. И. Е. Поликаренко. М., 1977. С. 191.

⁵ *Казанчи А. Р.* Гражданская война на Северном Кавказе глазами очевидца (По материалам Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК)) // Россия глазами мемуаристов: Анализ неизвестных и малоизвестных воспоминаний: Материалы 36-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004. С. 216.

- ⁶ *Стрекалов И. Н.* «И помните, что мы разбиты, но не побеждены!»: пьеса Д. Ф. Сверчкова о Петербургском Совете рабочих депутатов 1905 г. в его литературном творчестве // Клио. 2019. № 2. С. 125–129.
- ⁷ *Сверчков Д. Ф.* На заре революции. 3-е изд. Л., 1925. С. 126–127.
- ⁸ Там же. С. 227.
- ⁹ *Свалов А. Н.* Из маленького богемского городка. Письмо Л. Д. Троцкого Д. Ф. Сверчкову. 1907 г. // Исторический архив. 2002. № 3. С. 214.
- ¹⁰ *Сверчков Д. Ф.* На заре революции. С. 262.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 443. Л. 4 об.
- ¹² Там же. Д. 440. Л. 1.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 124. Оп. 49. Д. 361. Л. 2.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 446. Л. 3 — 3 об.
- ¹⁵ *Сверчков Д. Ф.* На заре революции. С. 302.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 454. Л. 1 об.
- ¹⁷ Архив Дома Плеханова. Ф. 1094. Оп. 2. Д. 240. Л. 1 об.
- ¹⁸ Назначение Д. Ф. Сверчкова // Утро Юга. 1919. № 206. 17 сентября.
- ¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1–63. Д. 501276. Л. 6 об., 8 об., 10 об.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 531. Л. 2.
- ²¹ Там же. Д. 539. Л. 8.
- ²² *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1959. С. 664.
- ²³ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 998. Оп. 1. Д. 2350. Л. 3.
- ²⁴ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1. Берлин, 1930. С. 253.
- ²⁵ *Шаламов В.* Несколько моих жизней. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2009. С. 44.
- ²⁶ ЦА ФСБ. АСД Д. Ф. Сверчкова. Ф. Р-9900. Л. 74.
- ²⁷ Там же. Л. 30.

References

- CHERNYAVSKY G. *Lev Trotskiy* [Leon Trotsky. In Russ.]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012.
- Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar "Granat"* [People of the revolutionary movement of Russia. Encyclopedic dictionary "Granat". In Russ.]. Moscow: Kniga, 1989.
- EMEL'YANOV Y. *Trotskiy. Mify i lichnost'* [Trotsky. Myths and personality. In Russ.]. Moscow: Veche, 2018.
- KAZANCHI A. *Grazhdanskaya voyna na Severnom Kavkaze glazami ochevidtsa (Po materialam Tsentra dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraia (TsDNIKK))* [The Civil War in the Northern Caucasus by witness' eyes (based on the materials of The Center of Documentation of the Newest History of Krasnodarskiy district). In Russ.] // Rossiya glazami memuaristov: Analiz neizvestnykh i maloizvestnykh vospominaniy. Materialy 36-y Vserossiyskoy zaochnoy nauchnoy konferentsii. Saint Petersburg: Nestor, 2004. P. 216–218.
- МАЯКОВСКИЙ В. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 12* [The Complete Works. Vol. 12. In Russ.]. Moscow: Goslitizdat, 1959.
- O F. E. Dzerzhinskoy. Vospominaniya. Stati. Ocherki sovremennikov* [About F. E. Dzerzhinsky. Memories, Articles. Contemporaries' essays. In Russ.]. Moscow: Politizdat, 1977.
- ШАЛАМОВ В. *Neskolko moikh zhizney. Vospominaniya. Zapisnyye knizhki. Perepiska. Sledstvennyye dela* [Some of my lives, Memories. Notes. Letters. Criminal papers. In Russ.]. Moscow: Eksmo, 2009.
- STARTSEV V. *L. D. Trotskiy (Stranitsy politicheskoy biografii)*. [L. D. Trotsky (Pages of the political biography). In Russ.]. Moscow: Znanie, 1989.
- STREKALOV I. *"I pomnite, chto my razbity, no ne pobezhdeny!": p'esa D. F. Sverchkova o Peterburgskom Sovete rabochih deputatov 1905 g. v ego literaturnom tvorchestve* ["Remember, we are broken, but not defeated!":

D.F. Sverchkov's play about The Petersburg Soviet of Worker's Deputies 1905 in his literary creativity. In Russ.] // Klio. 2019. No. 2. P. 125–129.

Stsenaristy sovetskogo khudozhestvennogo kino. 1917–1967. Spravochnik. [Screenwriters of the Soviet fiction cinema. 1917–1967. A guide. In Russ.]. Moscow: Iskusstvo, 1973.

SVALOV A. *Iz malen'kogo bogemskogo gorodka. Pis'mo L. D. Trotskogo D. F. Sverchkovu. 1907 g.* [From the small Bohemian town. The letter by L. D. Trotsky to D. F. Sverchkov. 1907. In Russ.] // Istoricheskii arhiv. 2002. No. 3. P. 210–216.

SVERCHKOV D. *Na zare revolyucii. 3-e izd.* [At the dawn of the Revolution. 3rd ed. In Russ.]. Leningrad: Gosizdat, 1925.

TROTSKY L. *Moya zhizn': Opyt avtobiografii. T. 1* [My life: the experience of the autobiography. Vol. 1. In Russ.]. Berlin: Granit, 1930.

VASETSKY N. *Trotskiy. Opyt politicheskoi biografii* [Trotsky. The experience of the political biography. In Russ.]. Moscow: Respublica, 1992.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. Н. Стрекалов. «Милая Сверчкизация!»: история дружбы Льва Троцкого и Дмитрия Сверчкова — членов исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 года // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 106–115

Аннотация: В статье рассматривается история взаимоотношений членов исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г. Л. Д. Троцкого (1879–1940) и Д. Ф. Сверчкова (1882–1938). На основе архивных документов и опубликованных работ показан их жизненный путь, взаимные контакты в дореволюционный период и отношения в период после революционных событий 1917 г. Автор статьи прослеживает судьбу друга Троцкого, революционера и писателя Дмитрия Сверчкова, известного в 1920–1930-е гг., но «забытого» исследователями и публицистами после расстрела по обвинению в контрреволюционной деятельности в 1938 г.

Ключевые слова: Лев Троцкий, Дмитрий Сверчков, Петербургский Совет рабочих депутатов, Первая русская революция, рабочий класс, литература, кино, 1905 г.

FOR CITATION

I. N. Strekalov. “Milaya Sverchkizatsiya!”: The story of Leon Trotsky and Dmitry Sverchkov's friendship since being the members of the executive committee of the St. Petersburg Soviet of Workers' Deputies 1905 // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 106–115

Abstract: The article discusses the history of the relationship between members of the Executive Committee of St. Petersburg Soviet of Workers' Deputies 1905 L. D. Trotsky (1879–1940) and D. F. Sverchkov (1882–1938). Their life path, mutual contacts in the pre-revolutionary period and relations in the period after the revolutionary events of 1917 are shown, based on archival documents and published works. The author of the article traces the fate of Trotsky's friend, revolutionary and writer Dmitry Sverchkov, known in the 1920s and 1930s, but forgotten by researchers and publicists after being shot on charges of counter-revolutionary activity in 1938.

Key words: Leon Trotsky, Dmitry Sverchkov, Petersburg Soviet of Workers' Deputies, First Russian Revolution, working class, literature, cinema, 1905.

Автор: Стрекалов, Илья Николаевич — к. и. н., независимый исследователь.

Author: Strekalov, Ilya Nikolaevich — PhD in History, independent researcher.

E-mail: strekalov4@gmail.com

Мацумура Такэси

Путятин и «открытие» Японии¹

В Японии есть люди, благосклонно настроенные к России даже в ядре правительственной партии и в период, когда российско-японские отношения являются крайне сложными. После публикации Потсдамской декларации (26 июля 1945 г.) несколько политиков из японского правительства пытались прибегнуть к посредничеству СССР в переговорах с США и Англией о прекращении огня¹. На первый взгляд такая благосклонность или ожидания японцев от России кажутся очень странными, так как между Россией и Японией в прошлом были войны, а ныне существует проблема принадлежности южных Курильских островов. Тем не менее многие японцы любят и доверяют России и русским даже сегодня. За подобной благосклонностью стоят усилия многих русских и японцев по установлению дружеских отношений между двумя народами из поколения в поколение. В этой статье мы осветим историю российско-японских переговоров до дипломатической миссии Путятина и «открытия» Японии.

Сакоку

В целом считается, что Япония была в положении *сакоку*, т. е. в самоизоляции, в период Эдо (1603–1868 гг.), и в этом периоде запрещались все контакты с иностранцами. Однако в последнее время историки пересмотрели такое суж-

¹ Начало этой статьи было положено комментарием автора на Международной научной конференции «Россия на изломе эпох: к 170-летию начала Крымской войны. 1853–1856 гг.» (в Санкт-Петербурге, 23–24 октября 2023 г.). Данный комментарий развился в статью по совету ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН, доктора исторических наук Татьяны Васильевны Андреевой. Автор выражает сердечную благодарность доктору Андреевой и участникам этой конференции. Также в этой статье все даты вплоть до конца XIX в. указаны по русскому календарю.

дение. В настоящее время они полагают, что сегунат Эдо ограничивал внешние отношения четырьмя «окнами», иными словами, существовали: 1) «окно» Мацумаэ: Эдзо (Хоккайдо) с айнами; 2) «окно» Цусима с Корейским королевством; 3) «окно» Кагосима с государством Рюкю; и 4) «окно» Нагасаки со всем миром за исключением Испании, Португалии и Англии².

Кроме того, сегунат Эдо установил дипломатические отношения только с корейским и с рюкюским государствами. Следовательно, Япония имела с другими государствами и регионами, включая Китай и Нидерланды, исключительно торговые отношения³.

Целью такого ограничения было предупреждение возврата в ситуацию с пиратами *вокоу* XV–XVI вв. *Вокоу* были пиратами, состоящими главным образом из китайцев, но включающими и другие этнические группы, в том числе португальцев. Тогда они, игнорируя границы государств, свободно передвигались и торговали не только в Японии, но также и во всей Восточной Азии. И в Японии, и в Китае не только правительства, но и народ хотели разрешить эту проблему. По этой причине и сегунат Эдо, и китайские империи установили политику ограничения внешних отношений. Такая политика в Японии называется *сакоку*⁴.

Вокоу заключали некоторые соглашения с региональными феодалами в Японии. Лидеры *вокоу* были и агентами торговли, и лидерами соответствующих этнических групп. В случае португальцев такую роль играли миссионеры-иезуиты⁵. Князь Бунго Ёсисигэ Отомо, оказывавший покровительство иезуитам, взамен получил от них технику производства пушек⁶.

По этой причине разрешение проблемы *вокоу* естественным образом сопровождалось запретом въезда христианских миссионеров, а также ограничением контактов с иностранцами. Японское общество считало миссионерскую работу испанцев и португальцев подготовкой к колонизации. Такой запрет христианства и контроль сегуната над внешней торговлей установились в эру Канъэй (1624–1645 гг.)⁷.

Следовательно, Япония в период Эдо не всегда была закрыта. Унесенные в море японцы могли возвращаться из-за границы в Японию, и унесенные в море иностранцы также могли возвращаться на свою родину. Конечно, иностранцы без особого разрешения не могли свободно путешествовать по Японии. Но иностранцам такие путешествия были запрещены и до вступления в силу англо-японского договора о торговле и мореплавании (1899 г.). То есть после приезда Мэттью Перри (1853 г.) в ограничении контактов иностранцев с японцами ничего не изменилось. Кроме того, новое японское императорское правительство после Реставрации Мэйдзи (1868) также ограничило контакты японцев с иностранцами и в зарубежных странах и позволяло японцам путешествия за границу только для торговли и обучения. Очевидно, это было продолжением политики *сакоку*. По этой причине прибытие Перри нельзя назвать поворотным пунктом от *сакоку* к «открытию» страны⁸. В принципе, в период Эдо европейские страны могли торговать с Японией.

В дополнение нужно сказать, что первый сегун династии Токугава, Иэясу, старался установить отношения со всеми странами. Однако Япония не смогла установить дипломатические отношения с Китаем. Кроме того, дипломатические отношения с европейскими странами постепенно распадались в XVII в. Англия не добилась успеха в торговле с Японией и самостоятельно отказалась от отношений с Японией (1623 г.). Сегунат полностью разорвал отношения с Испанией (1624 г.) и Португалией (1639 г.), чтобы избежать отправки миссионеров. Наконец, были разорваны и дипломатические отношения с Нидерландами, когда нидерландцы задержали японское судно на Тайване (1628 г.)⁹. Таким образом, после эры Канъэй сегунат позволял торговлю с иностранными странами, но не имел дипломатических отношений с ними, за исключением корейского и рюкюского государств.

Прибытие Адама Эриковича Лаксмана

Первым государством, которое после эры Канъэй отправило посланника в Японию для установления дипломатических отношений, стала Россия. Это происходило на фоне продвижения русских в Сибири. В XVII в. они искали мех каланов на северном побережье Тихого океана. Однако в Охотске, который был их базой для охоты на каланов, продовольствия было недостаточно. По этой причине они пытались закупать продовольствие в Японии. Русский мореплаватель Шпанберг закупил воду и продовольствие в японском княжестве Сендай в 1739 г. В 1771 г. ссыльный Бенёвский бежал с Камчатки, прибыл в Японию и сообщил, что Россия намерена захватить японскую территорию. Японцы начинали беспокоиться, что Россия могла бы присоединить Эдзо¹⁰.

Однако некоторые японцы априори были очень дружелюбно настроены по отношению к России даже на такой ранней стадии. Например, врач княжества Сендай Кудо Хэйсукэ в 1781 и 1783 гг. издал «Акаэдзо фусэцуко» («Исследование слухов о красных людях Эдзо», 2 тома), где утверждал, что у России нет намерения вторгаться в Японию. Меркантильный князь Сагара Танума Окицугу, который фактически правил Японией с 1767 до 1786 г., рассматривал возможность торговли с русскими в Эдзо. Разумеется, другие японцы считали Россию опасной захватнической страной. Например, экономист Хаяси Сихэй, также из княжества Сендай, издал «Кайкоку хэйдан» («Беседы о военном деле морского государства», 1786 г.) и утверждал, что Россия пытается не торговать с Японией, а вторгнуться на ее территорию¹¹.

В такой ситуации в октябре 1792 г. в Немуро на Эдзо прибыл первый русский посланец Адам Эрикович Лаксман. Его сопровождали унесенные в море японские купцы, в числе которых был Дайкокуя Кодаю. Тогда Эдзо входило во владение княжества Мацумаэ. Чиновники этого княжества и русские дружелюбно обменялись подарками¹².

В то время роль центральной фигуры сегуната играл великий политик и писатель, князь Сиракава Мацудайра Саданобу. Саданобу отказался устанавливать дипломатические отношения с Россией, заявив, что Япония по традиции не имеет дипломатических отношений с зарубежными странами. Однако он думал, что, если сегунат откажется торговать с Россией, то русские могут в гневе напасть на Японию, и что сегунат не должен полностью отказываться в требованиях Лаксману, так как он добросовестно привез в Японию унесенных в море. По этой причине Саданобу дал Лаксману разрешение на торговлю и сообщил ему, что если тот хочет торговать с Японией, то он может с этим разрешением вести торговлю в Нагасаки. До того времени сегунат не запрещал торговые отношения с зарубежными странами, за исключением Испании, Португалии и Англии. В действительности даже после эры Канъэй торговые корабли Тайланда заходили в Нагасаки. Поэтому если бы Лаксман сразу отправился в Нагасаки, между Россией и Японией могли бы быть установлены торговые отношения¹³. Между прочим, Саданобу лгал Лаксману, что по традиционному национальному закону Япония не имеет никаких отношений с зарубежными странами, а японская армия нападает на иностранные суда, когда они прибывают в Японию¹⁴. Эта ложь впоследствии и в Японии, и за ее пределами воспринималась как правда.

В соответствии с одним японским текстом, во время пребывания Лаксмана в Японии один русский пел о том, что «черные волосы японок очень красивы». Такое описание указывает на то, что в то время японцы признавали возможность любви между русскими и японками. В то время несколько японцев нарисовало внешний вид русских. На этих картинах лица русских не сильно разнятся с лицами японцев. Они значительно отличаются от портретов Перри, так как японские художники часто изображали Перри в виде монстра. Японцы считали русских такими же людьми, как и японцев, а американцев — монстрами. Также унесенный в море Дайкокуя Кодаю привез разнообразную информацию о России. Благодаря ей японцы считали Россию одной из развитых стран¹⁵.

Прибытие Николая Петровича Резанова

Николай Петрович Резанов прибыл в Нагасаки в 1804 г. У него было разрешение на торговлю, которое Мацудайра Саданобу выдал Лаксману. Как и Лаксман, Резанов прибыл в Японию, чтобы привезти унесенных в море японцев и установить дипломатические отношения. Когда японские чиновники потребовали от Резанова разоружить его корабли, он согласился на это, как делали и нидерландцы. Он 6 месяцев ждал ответа сегуната в Нагасаки¹⁶.

Однако в то время Мацудайра Саданобу уже лишился своего положения, и его разрешение стало недействительным. Тем не менее сегунат, распространяя его ложь, утверждал, что Япония не устанавливает новых торговых отношений

с зарубежными странами¹⁷. Таким образом, Резанов не смог установить никаких отношений с Японией. Он покинул Японию мирно, не пытаясь применить силу. Такое отношение Резанова было высоко оценено. Сегунат в 1806 г. приказал, чтобы, если российские корабли появятся снова, на них не нападали и всегда отвечали им спокойно¹⁸.

Однако Резанов, не зная о таком приказе сегуната, приказал своему подчиненному Хвостову атаковать японские базы на Курильских островах. Хвостов напал на эти базы, похитил местных жителей и, между прочим, конфисковал одну пушку в 1806–1807 гг. Эта пушка была одной из пушек производства Отомо Ёсисигэ¹⁹.

Это было именно таким нападением в гневе, которого боялся Мацудайра Саданобу²⁰. В ответ на это сегунат в декабре 1807 г. приказал нападать на все русские корабли, появляющиеся вблизи Японии. Поскольку английский корабль «Фазтон» атаковал Нагасаки в 1808 г. независимо от Хвостова, сегунат был настроен крайне нервно²¹.

В июне 1811 г. японские чиновники захватили Головнина, капитана русского шлюпа «Диана», который обследовал Курильские острова. Конечно, он не имел никакого отношения к нападению Хвостова. В ответ на это вице-капитан «Дианы» Рикордо напал на торговое судно, которое просто случайно проходило мимо, и захватил в плен японского торговца Такадая Кахэй в июне 1812 г. Разумеется, он не имел никакого отношения к захвату Головнина. Японские чиновники сразу узнали, что Головнин не имел никакого отношения к нападению Хвостова. Тем не менее они не могли освободить его без каких-либо объяснений по поводу нападения Хвостова. Такадая и Рикордо побеседовали и были убеждены, что освобождение Головнина будет осуществлено, если русские предоставят документ, в котором будет указано, что нападение Хвостова было его самовольным действием и что российское правительство не имело к этому никакого отношения. Рикордо освободил всех японских пленных и попросил через одного из них, Такадая, передать от японцев в письменном виде условия освобождения Головнина. Такадая получил эту запись от японских чиновников, и передал Рикордо. Тот подготовил документы в соответствии с требованием японцев и мужественно сам передал их японским чиновникам. Действия Рикордо и Такадая свидетельствуют об их глубоком взаимном доверии, благодаря которому были освобождены Головнин и Такадая²².

Прибытие Мэтью Колбрайта Перри

Опиумная война (1840–1842 гг.) оказала огромное влияние на Японию. Проанализировав эту войну, сегунат подтвердил, что не имеет возможности победить европейские страны. По этой причине сегунат старался разрешать конфликты с такими странами не войной, а путем переговоров. Во-первых,

сегунат приказал снабжать прибывавшие иностранные корабли дровами и водой в 1842 г. В действительности одно американское китобойное судно, которое привезло унесенных в море японцев, пополнило запасы воды и продуктов в Японии в 1845 г. Унесенные в море с другого, тоже американского китобойного судна вернулись из Японии в США в 1849 г.²³

В то время американцы хотели использовать Японию в качестве базы снабжения китобойных судов. В 1850 г. американский коммодор Перри считал уместным ради этого продемонстрировать силу. С этой целью он предложил направить миссию, состоявшую из военных, а не дипломатов. Сегунат ждал флот Перри, готовясь к мирным дипломатическим переговорам. Он ожидал, что флот Перри прибудет в Урага рядом с Эдо, а не в Нагасаки²⁴.

Флот Перри прибыл в Урага, как и предсказал сегунат, 26 июня 1853 г. Японские чиновники сначала передали ему приказ об изгнании на французском языке, но Перри проигнорировал его. Затем они по-нидерландски просили его прибыть в Нагасаки, но Перри это тоже не принял. Напротив, Перри пригрозил японцам, что он отправится напрямую в Эдо вооруженным, если ему откажут в получении дипломатических документов в Урага. Дневник Перри был наполнен свидетельствами недоверия к азиатам. Он упорно угрожал японцам насилием, чтобы вести выгодные ему переговоры, и, если возможно, заключить торговый договор. Президент США запретил Перри наносить удар первым, однако японцы не знали об этом²⁵.

Тем не менее Перри не был достаточно подготовлен к дипломатическим переговорам. Собственно говоря, у него не было достаточного дипломатического опыта. Перри принес проект договора для переговоров с японцами. Этот проект был копией китайской версии Вансяского договора, заключенного между США и Китаем в 1844 г. Забавно, что в американской делегации почти никто не смог прочитать проект, так как у Перри только два переводчика китайского языка могли читать по-китайски. Кроме них, у него был только один переводчик с нидерландского. Напротив, японским полномочным представителем был *дайгаку но ками* (министр внешних дел) Хаяси Фукусай, который прекрасно знал о том, как шли дипломатические переговоры с Кореей. У него было несколько десятков переводчиков с китайского и четыре переводчика с нидерландского. Кроме того, все члены японской делегации могли прочитать проект договора, так как тогда все образованные японцы могли читать по-китайски. Следовательно, между способностями к переговорам японской и американской сторон была большая разница²⁶.

Перри и Хаяси Фукусай начали переговоры 24 февраля 1854 г. Перри раскритиковал японцев за то, что они не отсылают обратно унесенных в море. Кроме того, Перри пригрозил японцам, что США могут напасть на Японию, если Япония не будет отсылать обратно унесенных в море, и заявил, что американская армия захватила столицу Мексики в 1847 г. Против этих хулиганских необоснованных утверждений Хаяси Фукусай нужно было только предъявить

тот факт, что Япония уже осуществляет репатриацию унесенных в море. Услышав эти слова, Перри замолчал и, немного подумав, в конце концов отказался от своего требования торгового договора²⁷.

Заключенный таким образом Канагавский договор 1854 г. между Японией и США не содержал положений о торговле и был гораздо более выгоден азиатской стороне, чем Вансяский договор. Перри развернул дипломатию канонерок²⁸. Однако он смог обеспечить только защиту унесенных в море и снабжение углем и водой, которые осуществлялись и до этого.

Прибытие Ефима Васильевича Путятина

Русский вице-адмирал Путятин прибыл, согласно японскому закону, в Нагасаки в июле 1853 г. Его основной задачей было установление российско-японского торгового договора и демаркация границ между Россией и Японией. Путятин затребовал получение дипломатических документов в Нагасаки. Но *Нагасаки бугё* (губернатор Нагасаки), не имея такого права, сразу сообщил об этом сегунату. Путятину нужно было ждать ответа сегуната в Нагасаки до декабря 1853 г.²⁹

Между тем подчиненные *Нагасаки бугё* нередко посещали русские корабли и обнаружили, что русские не были враждебно настроены. Японские чиновники предоставили *Нагасаки бугё* запись о том, что Россия расположена к Японии и, если случится война между Японией и США, может помочь ей³⁰. Тогда еще не был заключен Канагавский договор между Японией и США, и японцы боялись войны с Америкой.

Не только эти чиновники низкого положения, но и смелый лидер сегуната, князь Фукуяма Абэ Масахиро, *нисиномару русуяку* (заместитель командира второго укрепления замка Эдо) Цуцуи Масанори, а также *кандзё бугё* (заместитель министра финансов) Кавадзи Тосиакира предложили просить Россию оказать военную помощь в случае нападения США. К этому времени часть японцев уже априори доверяла русским и ждала их. Однако это предложение отверг жесткий ксенофоб князь Мито, советник сегуната по морской обороне Токугава Нариакира. Тем не менее в конце концов сегунат назначил полномочными представителями для переговоров с Путятиным именно Цуцуи Масанори и Кавадзи Тосиакира³¹.

Россия и Япония начали переговоры 31 декабря 1853 г. Русские высоко ценили доброту Цуцуи и ум Кавадзи. Цуцуи тоже высоко оценил честность и вежливость Путятин. Также Кавадзи описал Путятин как необыкновенного человека³².

Путятин приостановил переговоры 24 января 1854 г., отправившись в Шанхай собрать сведения о Крымской войне. После этого Путятин узнал о заключении Канагавского договора и о прибытии своего нового флагмана в Приморье. Удивительно, что этот фрегат назывался «Диана». Эта новая «Диана» прибыла

в Симода в ноябре 1854 г. Путятин возобновил переговоры с Цуцуи и Кавадзи 10 декабря 1854 г.³³

Однако 11 декабря 1854 г. на Японию обрушилось землетрясение. Землетрясения в регионе Токай, включая Симода, случаются очень часто, однако это было особенно сильным. 90 % домов Симода были разрушены. Экипаж «Дианы» спас трех японцев. «Диана» тоже была сильно повреждена³⁴.

Крымская война уже началась. По этой причине русские и японцы обсудили сложившуюся ситуацию и решили отремонтировать «Диану» в бухте Хеда, которую было бы трудно найти английским и французским кораблям. Японские рыболовные суда буксировали «Диану» в бухту Хеда, но по пути она затонула. Настала очередь японцев спасать русских. Таким образом, русские и японцы подписали Симодский трактат 1855 г. о дружбе и демаркации границ между двумя странами в очень дружественной атмосфере. Путятин не смог заключить торговый договор, но заложил фундамент дружбы между Японией и Россией. После заключения договора Путятин и его подчиненные построили шхуну западного стиля «Хеда» в бухте Хеда с помощью японцев и вернулись на ней на родину. Тогда японцы переняли технику строительства судов западного образца от русских и начали строить схожие суда. Они назывались судами типа Кимидзава и являлись стандартными шхунами конца периода Эдо³⁵.

После этого Масанори Цуцуи мирно скончался в 1859 г. Кавадзи Тосиакира покончил с собой как мученик сегуната в 1868 г., когда императорская армия Мэйдзи приблизилась к Эдо. Путятин в 1859 г. получил титул графа, и на его гербе было изображение японского самурая. Отношения между Путятиным и Японией продолжились и после реставрации Мэйдзи, и в 1881 г. он был награжден Большим кордоном ордена Восходящего солнца от японского императорского правительства. Причина этого в том, что он помогал почти всем японским студентам, которые учились в России³⁶. Японская пушка, конфискованная Хвостовым, ныне хранится в Кунсткамере в Санкт-Петербурге. На ней выгравирована печать португальского стиля Отомо Ёсисигэ, свидетельствующая о ситуации с *вокою*³⁷.

Заключение

Опираясь на вышеупомянутую историю российско-японских переговоров, мы можем утверждать следующее.

Мы не знаем причины этого, но часть японцев априори была очень благожелательно настроена по отношению к русским даже перед прибытием Лаксмана. Во время визита Лаксмана, инцидента Головнина и прибытия Путятина русские и японцы считали друг друга одинаковыми людьми, и это взаимное доверие решало многие проблемы. Мы можем сравнить Путятина и Перри, которые прибыли в Японию в один и тот же 1853 г. Перри прибыл в Симода, проигнорировав закон сегуната. Путятин прибыл в Нагасаки в соответствии с законом

сегуната. Перри не доверял японцам. Путятин доверял. Перри считал японцев варварами и пытался заключить переговоры с выгодой путем запугивания. Путятин всегда относился к японцам как к равноправным цивилизованным людям и вел переговоры с взаимным уважением. С одной стороны, японцы считали русских соседями. С другой стороны, русские уважали японцев и их культуру. Автору кажется, что у русских отсутствует способность к расовой дискриминации или унижению людей совершенно другой цивилизации³⁸. Отношения между русскими и японцами будут оставаться дружественными и в долгосрочной перспективе, даже когда они временно будут осложняться.

¹ *Chizawa Yasuaki*. Sengo Nichibeï Kankei toshitenô Taiheiyô Sensou Shuketu // *Military History Studies Annual*. 2023. No. 26. P. 3, 7; *Shouji Jun'ichiro*. Sensou Shuketu wo meguru Nihon no Senryaku: Tai So Kousaku wo Chusin toshite // Miyake Masaki, Shouji Jun'ichiro, Ishidou Tomoyuki, Yamamoto Humihito (eds.). *Kensho: Taiheiyô Sensou to sono Senryaku*. 2 Sensou to Gaikou, Doumeirensyaku. Tokyo, 2013. P. 135, 137.

² *Arano Yasunori*. Kindaiteki Sekai no Seijuku // Arano Yasunori, Ishii Masatosi, Murai Shosuke (eds.). *Kindaiteki Sekai no Seijuku (Nihon no Taigai Kankei 6)*. Tokyo, 2010. P. 19–23; *Kamishiraishi Minoru*. 19 Seiki Nihon no Taigaikankei: Kaikoku toiu Gensou no Kokuhuku. Tokyo, 2021. P. 23, 26; *Щенкин В. В.* «Изучение сведений о Камчатке» (1783 г.) — первое в Японии сочинение о России // *История и культура традиционной Японии*. 8. СПб., 2015. С. 300.

³ *Haga Shouji*. Washin Jouyaku Ki no Bakuhu Gaikou nituite // Inoue Katuo (ed.). *Kaikoku (Bakumatsu Ishin Ronshu 2)*. Tokyo, 2001. P. 10.

⁴ *Arano Yasunori*. Nagasakiguchi no Keisei // Katou Eiichi, Kitajima Manji, Fukaya Kastumi (eds.). *Bakuhansai Kokka to Iiki, Ikoku*. Tokyo, 1989. P. 394; *Arano Yasunori*. Kindaiteki Sekai no Seijuku. P. 34; *Kamishiraishi Minoru*. 19 Seiki Nihon no Taigaikankei. P. 1, 26, 83; *Щенкин В. В., Карташев К. М.* «Ритуал и закон»: прием экспедиции Адама Лаксмана в Японии // *Япония*. 2017. № 46. С. 300.

⁵ *Arano Yasunori*. Nagasakiguchi no Keisei. P. 391.

⁶ *Oka Mihoko*. Umi to Kenryoku: Senkyoushi Houkoku ni miru Kinai-Kyushu Idou Ruto no Bunseki wo Tegakari ni // *Kokuritu Rekishi Minzoku Hakubutukan Kenkyu Hukoku*. 2021. Vol. 223, March. P. 392–393.

⁷ *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi: Egakareta Sougo Imeji, Nyoushou. Kyoto, 2008. P. 30; *Kamishiraishi Minoru*, 19 Seiki Nihon no Taigaikankei. Tokyo, 2021. P. 30; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku: Meiji Ishin heno Taidou. Tokyo, 2018. P. 81.

⁸ *Kamishiraishi Minoru*, 19 Seiki Nihon no Taigaikankei. P. 26–27.

⁹ *Kamiya Nobuyuki*. Taimin Seisaku to Ryukyu Shihai: Ikoku kara “Ikoku” he // Katou Eiichi, Kitajima Manji, Fukaya Kastumi (eds.). *Bakuhansai Kokka to Iiki, Ikoku*. Tokyo, 1989. P. 271; *Kato Eiichi*. “Kougi” to “Oranda”: Oranda Higashi Indo Gaisha no Gaikou Senryaku // Katou Eiichi, Kitajima Manji, Fukaya Kastumi (eds.). *Bakuhansai Kokka to Iiki, Ikoku*. P. 323; *Nakamura Tadashi*. Higashi Ajia to Sakoku Nihon: Karahune Boueki wo Chusin ni // Katou Eiichi, Kitajima Manji, Fukaya Kastumi (eds.). *Bakuhansai Kokka to Iiki, Ikoku*. P. 345, 347, 349. Англия пыталась возобновить торговлю с Японией в 1763 г., но сегунат не разрешил, поскольку английская королева в то время была принцессой Португалии, из-за чего сегунат считал английского короля родственником португальского. *Inuduka Takaaki*. 19 Seiki Shoki Nihonjin no Eikokuzou: Nichiei Koushoushi no Shikaku noite // Inoue Katuo (ed.). *Kaikoku (Bakumatsu Ishin Ronshu 2)*. Tokyo, 2001. P. 41–42.

- ¹⁰ *Arano Yasunori*. Kindaiteki Sekai no Seijuku. P. 32; *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 9, 10, 43; *Kizaki Ryouhei*. Nyourumin to Rosia: Kita no Kurohune ni yureta Bakumatu Nihon. Tokyo, 1991. P. 42; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. Tokyo, 2003. P. 9; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. Tokyo, 2018. P. 79; *Петров А. Ю.* Петровская эпоха и освоение северной части Тихого Океана. Рязань, 2022. P. 126; *Yamazoe Hiroshi*. Edojidai Chuki ni Haitaishita Nihonngata “Kindaiteki” Kokusai Chitujokan: Kanseiki kara Bakumatsu ni kaketeno Tairosia Seisaku wotujite // International Politics. 2004. No. 139. P. 15; *Yamazoe Hiroshi*. Yurasia Teikoku Rosia no Kyoukaimondai to Bakumatu Nihon // Tomoda Masahiro (ed.). Bakumatsu Ishinki no Nihon to Sekai: Gaikou Keiken to Sougo Ninshiki. Tokyo, 2019. P. 61. Часть исследователей думает, что сообщение Бенёвского японцам является подделкой нидерландцев, которые хотели монополизировать торговлю с Японией. *Аров В. Н.* Лиша чинов... сослать на Камчатку // Вестник Краунц Гуманитарные Науки. 2003. № 2. С. 65.
- ¹¹ *Arano Yasunori*. Kindaiteki Sekai no Seijuku. P. 28; *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 10–11; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 3, 6; *Щенкин В. В., Карташев К. М.* «Ритуал и закон». P. 299.
- ¹² *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 68, 69; *Kamishiraishi Minoru*. Bakumatsu no Kaibou Senryaku: Ikokusen wo Kakuriseyo. Tokyo, 2011. P. 29–31; *Kamishiraishi Minoru*. 19 Seiki Nihon no Taigaikankei. P. 35; *Kizaki Ryouhei*. Nyourumin to Rosia. P. 65; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 79; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin: Nihonjin ga Ichiban Sukina Rosiajin. Tokyo, 2010. P. 25; *Yamazoe Hiroshi*. Yurasia Teikoku Rosia no Kyoukaimondai to Bakumatu Nihon. P. 62.
- ¹³ *Arano Yasunori*. Kindaiteki Sekai no Seijuku. P. 30; *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 74, 172; *Kamishiraishi Minoru*. Bakumatsu no Kaibou Senryaku. P. 11, 26; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 81; *Щенкин В. В., Карташев К. М.* «Ритуал и закон». С. 176; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 25; *Yamazoe Hiroshi*. Edojidai Chuki ni Haitaishita Nihonngata “Kindaiteki” Kokusai Chitujokan. P. 19.
- ¹⁴ *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 80, 81; *Щенкин В. В., Карташев К. М.* «Ритуал и закон». С. 176, 178; *Yamazoe Hiroshi*. Edojidai Chuki ni Haitaishita Nihonngata “Kindaiteki” Kokusai Chitujokan. P. 18–19.
- ¹⁵ *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 10, 13–14, 17, 22, 23.
- ¹⁶ *Arano Yasunori*. Nagasakiguchi no Keisei. P. 385; *Harada Hiroji*. Nagasaki to Koushu // Arano Yasunori, Ishii Masatosi, Murai Shosuke (eds.). Kindaiteki Sekai no Seijuku. P. 212; *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 200; *Kamishiraishi Minoru*. Bakumatsu no Kaibou Senryaku. P. 59; *Kamishiraishi Minoru*. 19 Seiki Nihon no Taigaikankei. P. 93; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 85; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 25.
- ¹⁷ *Yamazoe Hiroshi*. Yurasia Teikoku Rosia no Kyoukaimondai to Bakumatu Nihon. P. 63.
- ¹⁸ *Kamishiraishi Minoru*. Bakumatsu no Kaibou Senryaku. P. 59, 60; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 85; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 25; *Tomoda Masahiro*. Sendai Hanju Otsuki Bankei no Taigaikan // Tomoda Masahiro (ed.). Bakumatsu Ishinki no Nihon to Sekai: Gaikou Keiken to Sougo Ninshiki. Tokyo, 2019. P. 105.
- ¹⁹ *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 176; *Kamishiraishi Minoru*. Bakumatsu no Kaibou Senryaku. P. 64; *Kizaki Ryouhei*. Nyourumin to Rosia. P. 110–115; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 14; *Oka Mihoko*. Umi to Kenryoku. P. 392–393; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 26; *Yamazoe Hiroshi*. Yurasia Teikoku Rosia no Kyoukaimondai to Bakumatu Nihon. P. 63; *Синицын А. Ю.* О судьбе коллекции японских предметов собрания Кунсткамеры — МАЭ РАН, связанных с «экспедицией» Хвостова-Давыдова (1805–1807 гг.) // Радовский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. P. 153.
- ²⁰ *Щенкин В. В., Карташев К. М.* «Ритуал и закон». P. 179; *Yamazoe Hiroshi*. Edojidai Chuki ni Haitaishita Nihonngata “Kindaiteki” Kokusai Chitujokan. P. 19; *Yamazoe Hiroshi*. Yurasia Teikoku Rosia no Kyoukaimondai to Bakumatu Nihon. P. 63.

- ²¹ *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 176; *Kizaki Ryouhei*. Hyourumin to Rosia. P. 118; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. 2003. P. 15.
- ²² *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 176; *Kizaki Ryouhei*. Hyourumin to Rosia. P. 122, 129; *Кожевникова И. П.* Знаменательная встреча Василия Головнина и Такадая Кажэй: Давняя страница русско-японских отношений // *Acta Slavica Iaponica*. 1997. № 15. P. 121–123; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 15, 16; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 87; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 26; *Yamazoe Hiroshi*. Yurasia Teikoku Rosia no Kyoukaimondai to Bakumatu Nihon. P. 63.
- ²³ *Kato Yuzo*. Shijou Hastu no Nichibei Koushou: Nichibei Washin Jouyaku wo megutte // *Pacific and American studies*. 2005. No. 5. P. 12; *Kamishiraishi Minoru*. 19 Seiki Nihon no Taigaikankei. P. 44–45; *Kizaki Ryouhei*. Hyourumin to Rosia. P. 177–178; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 88.
- ²⁴ *Kamishiraishi Minoru*. Bakumatsu no Kaibou Senryaku. P. 4; *Kato Yuzo*. Shijou Hastu no Nichibei Koushou. P. 13; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 173; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 88, 95, 96–97.
- ²⁵ *Kato Yuzo*. Shijou Hastu no Nichibei Koushou. P. 11; *Kamishiraishi Minoru*. Bakumatsu no Kaibou Senryaku. P. 2; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 109, 112, 113, 114; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 174.
- ²⁶ *Kamishiraishi Minoru*. Bakumatsu no Kaibou Senryaku. P. 2, 4, 46; *Kamishiraishi Minoru*. 19 Seiki Nihon no Taigaikankei. P. 46; *Kato Yuzo*. Shijou Hastu no Nichibei Koushou. P. 13; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 110.
- ²⁷ *Ishii Takashi*. Meiji Ishin no Kokusaiteki Kankyo, Zouteiban. Vol. 1. Tokyo, 1973. P. 89, 90; *Kato Yuzo*. Shijou Hastu no Nichibei Koushou. P. 14, 15; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 174.
- ²⁸ *Arano Yasumori*. Kindaiteki Sekai no Seijuku. P. 38; *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 183; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 77.
- ²⁹ *Arano Yasumori*. Kindaiteki Sekai no Seijuku. P. 38; *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 135, 150, 183; *Okuda Haruki*. Bakumatu Seiji to Kaikoku. P. 286–287; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 49–50; *Tomoda Masahiro*. Kenkyushi to Honsho no Nerai // *Tomoda Masahiro* (ed.). *Bakumatsu Ishinki no Nihon to Sekai: Gaikou Keiken to Sougo Nnshiki*. P. 6; *Yamazoe Hiroshi*. Yurasia Teikoku Rosia no Kyoukaimondai to Bakumatu Nihon. P. 68.
- ³⁰ *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 50, 51.
- ³¹ *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 138; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 52, 60.
- ³² *Sawada Kazuhiko*. Goncharoff “Nihon Tokouki” Saidoku: Naigai no Shiryou tonon Hikaku de // *The Hitotsubashi Review*. 1995. T. 114, no. 3. P. 573; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 64–66; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 159.
- ³³ *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 156, 224; *Sawada Kazuhiko*. Goncharoff “Nihon Tokouki” Saidoku. P. 576; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 71, 81, 85.
- ³⁴ *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 225; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 17, 18–19.
- ³⁵ *Ikuta Michiko*. Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi. P. 154; *Kizaki Ryouhei*. Hyourumin to Rosia. P. 150, 188–189; *Mitani Hiroshi*. Perry Raikou. P. 225, 231, 238; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 88, 91, 96–97.
- ³⁶ *Sawada Kazuhiko*. Goncharoff “Nihon Tokouki” Saidoku. P. 572; *Shiraishi Masaaki*. Putyatin. P. 103, 105, 133.
- ³⁷ *Oka Mihoko*. Umi to Kenryoku. P. 392–393.
- ³⁸ Автор не имеет намерения оскорбить русских.

References

ARANO YASUNORI. *Nagasaki no Keisei*. [The Formation of Nagasaki Entrance. In Jap.] // Katou Eiichi, Kitajima Manji, Fukaya Kastumi (eds.). Bakuhansei Kokka to Iiki, Ikoku [Shogunate State and Foreign Regions, Foreign Countries. In Jap.]. Tokyo, 1989. P. 384–428.

ARANO YASUNORI. *Kindaiteki Sekai no Seijuku*. [The Maturing of the Modern World. In Jap.] // Arano Yasunori, Ishii Masatosi, Murai Shosuke (eds.). Kindaiteki Sekai no Seijuku (Nihon no Taigai Kankei 6) [The Maturing of the Modern World (Foreign Relations of Japan 6). In Jap.]. Tokyo, 2010. P. 1–42.

AROV V. N. “*Lisha chinov... soslat’ v kamchatku*”. [“To Be Reduced to the Ranks... To Be Banished to Kamchatka”. In Russ.] // Vestnik Kraunts. Gumanitarnye Nauki [Journal Krauns, Humanity Studies. In Russ.]. 2003. No. 2. P. 53–68.

CHIZIWA YASUAKI. *Sengo Nichibei Kankei toshiteno Taiheiyou Sensou Shuuketu*. [The End of the Pacific War as a prehistory of the Japan – United States Relations after the War. In Jap.] // Military History Studies Annual. 2023. No. 26. P. 1–24.

HAGA SHOUJI. *Washin Jouyaku Ki no Bakuhu Gaikou nituite*. [On the Shogunate Diplomacy in the Period of Japan – US Treaty of Peace and Amity. In Jap.] // Inoue Katuo (ed.). Kaikoku (Bakumatsu Ishin Ronshu 2) [The Opening of Japan (2 Works on the End of Edo and Meiji Restoration). In Jap.]. Tokyo, 2001. P. 3–38.

HARADA HIROJI. *Nagasaki to Koushu*. [Nagasaki and Canton. In Jap.] // Arano Yasunori, Ishii Masatosi, Murai Shosuke (eds.). Kindaiteki Sekai no Seijuku (Nihon no Taigai Kankei 6. In Jap.). P. 202–216.

INUDUKA TAKAAKI. *19 Seiki Shoki Nihonjin no Eikokuzou: Nichiei Koushoushi no Shikaku noite*. [An image of England of Japanese in the early 19th century: From the viewpoint of Japan – England relations history. In Jap.] // Inoue Katuo (ed.). Kaikoku (Bakumatsu Ishin Ronshu 2. In Jap.). P. 38–83.

IKUTA MICHIKO. *Gaikou Girei karamita Bakumatu Nichiro Bunka Kouryushi: Egakareta Sougo Imeji, Hyoushou*. [A history of cultural exchange between Japan and Russia in the end of Edo Period. In Jap.]. Kyoto, 2008.

ISHII TAKASHI. *Meiji Ishin no Kokusaiteki Kankyo*. [Meiji Restoration in the International circumstances. In Jap.]. Zouteiban. Vol. 1. Tokyo, 1973.

KAMISHIRAIISHI MINORU. *Bakumatsu no Kaibou Senryaku: Ikokusen wo Kakuriseyo*. [The Strategy of Costal Defense in the End of Edo Period: Isolate the Foreign Ships. In Jap.]. Tokyo, 2011.

KAMISHIRAIISHI MINORU. *19 Seiki Nihon no Taigaikankei: Kaikoku toiu Gensou no Kokuhuku*. [The Foreign Relations of Japan at the End of 19th century: The Overcoming of Kaikoku Illusion. In Jap.]. Tokyo, 2021.

KAMIYANOBUYUKI. *Taimin Seisaku to Ryukyu Shihai: Ikoiku kara “Ikoiku” he*. [The Foreign Policy toward Ming dynasty and Ryukyu Domination: From a Foreign Country to “Foreign country”. In Jap.] // Katou Eiichi, Kitajima Manji, Fukaya Kastumi (eds.). Bakuhansei Kokka to Iiki, Ikoku. Tokyo, 1989. P. 247–289.

KATO EIICHI. “*Kougi*” to “*Oranda*”: *Oranda Higashi Indo Gaisha no Gaikou Senryaku*. [“Shogunate” and “Nederland”: The Diplomatic Strategy of Dutch East India Company. In Jap.] // Katou Eiichi, Kitajima Manji, Fukaya Kastumi (eds.). Bakuhansei Kokka to Iiki, Ikoku. Tokyo, 1989. P. 293–336.

KATO YUZO. *Shijou Hastu no Nichibei Koushou: Nichibei Washin Jouyaku wo megutte*. [The First Negotiation between Japan and U.S.A: Japan – US Treaty of Peace and Amity. In Jap.] // Pacific and American Studies. 2005. No. 5. P. 9–18.

KIZAKI RYOUHEI. *Hyourumin to Rosia: Kita no Kurohume ni yureta Bakumatu Nihon*. [The castaways and Russia: The Northern Black Ships upset Japan at the End of Edo Period. In Jap.]. Tokyo, 1991.

KOZHEVNIKOVA I.P. *Znamenatelinaia vstrecha Vasiliia Golonoznina i Takadaia Kakhei: Davnaia stranitsa russk-iaponskikh otnoshenii*. [The significant meeting of Vasily Golovnin and Takadai Kahei: A long-standing page of Russian Japanese relations. In Russ.] // Acta Slavica Iaponica. 1997. No. 15. P. 114–129.

MITANI HIROSHI. *Perry Raikou*. [Perry’s Arrival. In Jap.]. Tokyo, 2003.

NAKAMURA TADASHI. *Higashi Ajia to Sakoku Nihon: Karahune Boueki wo Chusin ni*. [East Asia and Sakoku Japan: Focusing on the Trade of Chinese Ships. In Jap.] // Katou Eiichi, Kitajima Manji, Fukaya Kastumi (eds.). Bakuhansei Kokka to Iiki, Ikoku. Tokyo, 1989. P. 337–381.

OKA MIHOKO. *Umi to Kenryoku: Senkyoushi Houkoku ni miru Kinai-Kyushu Idou Ruto no Bunseki wo Tegakari ni*. [The Sea and Local Powers: An Analysis of the Kyushu-Kinai Route based on Missionaries’ Reports. In Jap.] // Kokuritu Rekishi Minzoku Hakubutukan Kenkyu Hukoku [Bulletin of the National Museum of Japanese History]. 2021. Vol. 223, March. P. 387–406.

OKUDA HARUKI. *Bakumatu Seiji to Kaikoku: Meiji Ishin heno Taidou*. [The Politics in the End of Edo Period: The Quickening to Meiji Restoration. In Jap.]. Tokyo, 2018.

PETROV A. YU. *Petrovskaia epokha i osvoenie severnoi chasti tikhogo okeana*. [Peter's Epoch and Peter the Great's Era and the development of the North Pacific Ocean. In Russ.]. Ryazan', 2022.

SAWADA KAZUHIKO. *Goncharoff "Nihon Tokouki" Saidoku: Naigai no Shiryou tonu Hikaku de*. [Rereading Goncharoff's *Frigate "Pallada"*: In Comparison with Domestic and Foreign materials. In Jap.] // *The Hitotsubashi Review*. 1995. T. 114, no. 3. P. 572–584.

SHIRAISHI MASAOKI. *Putyatin: Nihonjin ga Ichiban Sukina Rosiajin*. [Putyatin: The Russian loved Most by Japanese. In Jap.]. Tokyo, 2010.

SHCHEPKIN V. V. *"Izuchenie svedenii o Kamchatke" (1783 g.) – Pervoe v Iaponii sochinenie o Rossii*. [“A Study of Information about Kamchatka” (1783): The First Study about Russia in Japan. In Russ.] // *History and Culture of Traditional Japan*. 8. St. Petersburg, 2015. P. 297–309.

SHCHEPKIN V., KARTASHOV K. *"Ritual i zakon": Priem ekspeditsii Adama Laksmana v Iaponii*. [“Ritual and law”: Reception of Adam Laxman's expedition in Japan. In Russ.] // *Yearbook Japan*. 2017. No. 46. P. 169–180.

SHOUJI JUN'ICHIRO. *Sensou Shuketu wo meguru Nihon no Senryaku: Tai So Kousaku wo Chusin toshite*. [The Strategy of Japan about the ceasefire: focusing on the effort toward USSR. In Jap.] // Miyake Masaki, Shouji Jun'ichiro, Ishidu Tomoyuki, Yamamoto Humihito (eds.). *Kensho: Taiheiyou Sensou to sono Senryaku*. 2. *Sensou to Gaikou, Doumeirensyaku [A Validation of the Pacific War and its Strategy. 2 The War and the Diplomacy, the Alliance Strategy.]*. Tokyo, 2013. P. 124–138.

SINITSYN A. YU. *O sud'be kolleksii iaponskikh predmetov sobraniia kunstamera – MAE RAN, cviazannykh s "ekspeditsiei" Khoostova-Davydova (1805–1807)*. [On the fate of the collection of Japanese objects of the collection of the Kunstamera – MAE RAS associated with the “Expedition” of Khvostov-Davydov (1805–1807). In Russ.] // *Radovskii sbornik. Nauchinye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2009 g.* [Radlovsky collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2009. In Russ.]. St. Petersburg, 2010. P. 162–168.

TOMODA MASAHIRO. *Kenkyushi to Honsho no Nerai*. [A research history and the aim of this book. In Jap.] // Tomoda Masahiro (ed.). *Bakumatsu Ishinki no Nihon to Sekai: Gaikou Keiken to Sougo Ninshiki [Japan and the world at the end of Edo Period and Meiji Restoration: The experiences in diplomacy and the mutual recognitions. In Jap.]*. Tokyo, 2019. P. 1–24.

TOMODA MASAHIRO. *Sendai Hanju Ootsuki Bankei no Taigaikan*. [The View to the Outside of a Confucian Ootsuki Bankei of Sendai Domain. In Jap.] // Tomoda Masahiro (ed.). *Bakumatsu Ishinki no Nihon to Sekai: Gaikou Keiken to Sougo Ninshiki*. Tokyo, 2019. P. 90–128.

YAMAZOE HIROSHI. *Edojidai Chuki ni Haitaishita Nihonngata "Kindaiteki" Kokusai Chitujokan: Kanseiki kara Bakumatsu ni kaketenou Tairosia Seisaku wotujite* [A Japanese style of view to “Modern” International Order: In the politics toward Russia from Kansei Period to the end of Edo Period. In Jap.] // *International Politics*. 2004. No. 139. P. 13–28.

YAMAZOE HIROSHI. *Yurasia Teikoku Rosia no Kyoukaimondai to Bakumatsu Nihon* [The border disputes of Russia, A Euro-Asia Empire and Japan at the End of Edo Period. In Jap.] // Tomoda Masahiro (ed.). *Bakumatsu Ishinki no Nihon to Sekai: Gaikou Keiken to Sougo Ninshiki*. Tokyo, 2019. P. 54–88.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Такэси Мацумура. Пуятин и «открытие» Японии // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 2. С. 116–129

Аннотация: В период Эдо (1603–1868 гг.) сегунат ограничивал внешние отношения четырьмя «окнами», т. е. Мацумаэ, Цусима, Кагосима и Нагасаки. Целью такого ограничения было предупреждение возврата в ситуацию пиратов *вокоу* (XV–XVI вв.), когда состоящие из различных этнических групп пираты, игнорируя границы государств, торговали и грабили в береговых районах Восточной Азии. В то время китайские империи также установили политику ограничения внешних отношений. Однако европейские страны в принципе могли торговать с Японией в период Эдо. Следовательно, когда русские прибыли в Японию в XVIII в., торговые отношения между Россией и Японией могли быть установлены. Более того, часть японцев априори была очень благожелательно настроена по отношению к русским даже перед прибытием Лаксмана. Во время прибытия Лаксмана русские вели себя очень искренне, поэтому японцы так же искренне ответили им. На данном этапе русские и японцы считали друг друга

одинаковыми людьми. На момент прибытия Резанова сегунат нарушил свое обещание и не позволил российско-японскую торговлю. Однако при инциденте Головнина Рикордо и Такадая Кахэй считали друг друга цивилизованными людьми, которые могли договориться. Это взаимное доверие решило проблему. При прибытии Путятин русские и японцы тоже действовали очень доброжелательно и сумели заключить договор. Путятин соответствовал образу вежливых и дружелюбных русских, который создали Лаксман и Резанов. Такое поведение Путятин значительно отличалось от агрессивного поведения американца Перри, и многие японцы высоко ценили Россию и русских. С одной стороны, японцы считали русских соседями, такими же как китайцы и корейцы. С другой стороны, русские уважали японцев и их культуру. Такие отношения между русскими и японцами будут оставаться дружественными и в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: российско-японские отношения, *сакоку*, история Японии, Адам Эрикович Лаксман, Николай Петрович Резанов, Василий Михайлович Головнин, Дайкокуя Кодая, Мэтью Колбрайт Перри, Ефим Васильевич Путятин.

FOR CITATION

Takeshi Matsumura. Putyatin and the opening of Japan // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 116–129

Abstract: During the Edo period (1603–1868), the shogunate limited foreign relations to four “windows”, i. e. Matsumae, Tsushima, Kagoshima and Nagasaki. The purpose of such a restriction was to prevent the return to the situation of the *wokou* pirates (15th–16th centuries), where pirates consisting of various ethnic groups, ignoring the borders of states, traded and plundered in the coastal areas of East Asia. At that time, the Chinese empires also established a similar policy. However, European countries could in principle trade with Japan during the Edo period. Consequently, when the Russians arrived in Japan in the 18th century, trade relations could be established between Russia and Japan. Moreover, some Japanese a priori were very sympathetic to the Russians even before Laxman’s arrival. At the time of Laxman’s arrival, the Russians behaved very sincerely, so the Japanese responded to them just as sincerely. At this stage, Russians and Japanese considered each other to be the same civilized people. At the time of Rezanov’s arrival, the shogunate broke its promise and did not allow Russian-Japanese trade. However, in the Golovnin incident, Ricordo and Takadaya Kahei considered each other civilized man who could come to an agreement. This mutual trust solved the problem. Upon Putyatin’s arrival, the Russians and Japanese also acted friendly and managed to conclude an agreement. Putyatin corresponded to the image of polite and friendly Russians created by Laxman and Rezanov. This behavior of Putyatin was significantly different from the aggressive behavior of the American Perry, and many Japanese highly appreciated Russia and the Russians. On the one hand, the Japanese considered the Russians to be the neighbors. On the other hand, the Russians respected the Japanese and their culture. Such relations between the Russians and the Japanese will remain friendly in the long term.

Key words: Russian-Japanese relations, *sakoku*, the history of Japan, Adam Ericovich Laxman, Nikolai Petrovich Rezanov, Vasily Mikhailovich Golovnin, Daikokuya Kodayu, Matthew Colbright Perry, Efim Vasilyevich Putyatin.

Автор: Такэси, Мацумура — д. э. н., профессор факультета экономических наук университета Дайто Бунка, Итабаси-ку, Токио, Япония.

Author: Takeshi, Matsumura — Doctor of Economics, Professor of the Daito Bunka University Faculty of Economics, Itabashi-ku, Tokyo, Japan.

E-mail: t059397@st.daito.ac.jp

ORCID 0000-0002-6050-7634

М. Н. Барышников

Болгария в судоходных операциях Русского общества пароходства и торговли

Учрежденное в 1856 г. Русское общество пароходства и торговли (далее — РОПиТ) сыграло ключевую роль в развитии отечественного морского судоходства. Результатами функционирования компании стало создание разветвленной структуры каботажного и международного сообщения, включавшей регулярные рейсы в порты Черного и Средиземного морей¹. В статье ставится цель определить место болгарского направления в товарном и пассажирском сообщении в черноморском и средиземноморском регионах, выявить подоплеку институциональных, экономических и социокультурных предпосылок и последствий развития этого направления в начале XX в. Исследование проведено с использованием архивных материалов, представленных в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА) и показывающих результативность перевозок применительно к их региональным направлениям и динамизму операций в рассматриваемый период.

5 апреля 1896 г., после нескольких дней обсуждения в правительственных кругах, император Николай II повелел обязать РОПиТ содержать регулярные (один раз в две недели) пароходные рейсы по Черноморско-Болгарской линии между Одессой и Константинополем с промежуточными заходами в Варну и Бургас. Кроме того, пароходству предоставлялось право осуществлять коммерческие (несрочные) рейсы. Одновременно по предложению российского дипломатического агента в Болгарии Н. В. Чарькова правлению РОПиТ было рекомендовано назначать своими агентами в Варну и Бургас лиц с российским

подданством, православных и ранее не проживавших в Болгарии². 23 мая, спустя месяц подготовительных работ, в свой первый рейс отправился пароход «Император Александр II». До конца года по линии было сделано 17 срочных и 3 несрочных рейса. Общая выручка составила 29 тыс. руб., и это при том, что за содержание линии компании была назначена ежегодная правительственная субсидия («помильная» выплата) в 39 тыс. руб.³

Значимость сообщения с Болгарией рассматривалась в это время не столько в плане грузовых, сколько пассажирских перевозок в российские и восточно-средиземноморские порты. Важная роль отводилась доставке православных паломников в святые места Ближнего Востока. Вывозимые из Болгарии в Константинополь богомольцы имели возможность пересаживаться на две другие линии, связывавшие Одессу с Александрией — прямую и круговую (с заходом в Афон и Яффу)⁴. Длительность плавания по Черноморско-Болгарской линии составляла чуть более трех суток: из Одессы пароходы отплывали в четверг утром и прибывали в Варну утром в пятницу и далее в Константинополь утром в воскресенье; отплывали во вторник вечером и прибывали в Варну в среду вечером и далее в Одессу в четверг вечером⁵. Со времени открытия линии активную работу по привлечению паломников на суда РОПиТ развернул в Варне агент И. С. Ястребов. В том же 1896 г. от него последовало предложение предоставлять богомольцам 50 % скидки на приобретаемые билеты в оба конца (как это практиковалось в российских портах)⁶.

Итоги 1897 г. позволили оценить потенциал первых транспортных операций. По линии было перевезено 5787 человек, среди которых преобладали торговцы овощами и фруктами, а также паломники. Наибольшую численность пассажиров показал март, накануне Пасхи — 613 человек, и май, после праздника — 578. Вторым по значимости периодом стал сентябрь, когда увеличилось число въезжавших в Россию «огородников» — 523 человека⁷. Таким образом, за три месяца услугами РОПиТ воспользовались почти 30 % общего числа перевезенных. Значительную группу составили также пассажиры, воспользовавшиеся судами пароходства в декабре, накануне Рождества Христова. Вместе с тем выручка от транспортировки пассажиров составила в 1897 г. 14,2 тыс. руб., что оказалось ниже 1886 г. (17,6 тыс. руб.)⁸. Такой результат вызвал озабоченность в среде правительственных чиновников. В 1898 г. в столичных властных структурах начались консультации по поводу мер, необходимых для повышения результативности функционирования черноморско-болгарской линии. Министерство иностранных дел предложило увеличить число срочных рейсов до одного в неделю. Однако такой вариант не устроил Министерство финансов, поскольку предполагал рост субсидий до 80 тыс. руб.⁹

На фоне зашедших в тупик межведомственных консультаций ситуация на черноморско-болгарской линии приобретала все более противоречивый характер. В 1899 г. количество пассажиров сократилось до 3386, в том числе из Варны было вывезено 1110 (включая 197 паломников в Одессу на пароходе

«Александр II»¹⁰), Бургаса — 955. Стремясь выправить положение, правление РОПиТ решило активнее использовать на этом направлении еще три судна — «Императрицу Марию», «Азов» и «Ростов». В 1900 г. численность перевезенных выросла до 5478 человек, в том числе из Варны было вывезено 2851, Бургаса — 1025. В 1901 г. общий показатель достиг 6070 пассажиров (из них более половины — 3285, прибыли в Одессу), в том числе по вывезенным из Варны — 3730, Бургаса — 907¹¹. В числе перевозимых, помимо торговцев фруктами и овощами, были болгарские студенты, направляющиеся на учебу в Россию, и македонцы, ехавшие на поиски сезонной работы¹². Сложным оставалось положение с грузопотоками. Если по вывозу из России в Болгарию в 1900–1901 гг. последовал рост с 7699 до 14841 т, то в обратном направлении наблюдалось снижение со скромных 835 до 754 т¹³. Изменения в объемах пассажироперевозок внимательно отслеживались в придворных и правительственных кругах Петербурга. При этом геополитические и религиозные (паломнические) цели развития черноморско-болгарской линии явно доминировали над хозяйственными. Главным оставался вопрос о рентабельности таких перевозок. Летом 1901 г. член Совета по делам торгового мореплавания великий князь Александр Михайлович в ходе своего посещения Варны и Бургаса предложил российскому и болгарскому правительствам обсудить пути упрочения и развития связей между двумя странами. В частности, было заявлено о желательности объединения работы двух компаний — РОПиТ и Болгарского торгового пароходного общества (Българско търговско пароходно дружество, далее — БТПД). Вслед за этим начались переговоры с БТПД о совместных судоходных операциях в Черном море. Российскую сторону представлял вице-консул в Варне К. А. Чернавский, болгарскую — И. Д. Рашев. При этом председатель правления РОПиТ Н. И. Жеванов оказался поставлен перед фактом — соглашения необходимо было достичь под руководством правительственного чиновника независимо от коммерческих интересов компании. Подобный подход вызвал недовольство членов правления и, как результат, их нежелание участвовать в переговорах. 8 апреля 1902 г. последовала гневная телеграмма великого князя руководителям РОПиТ: «Прошу мне сообщить, вошли ли вы в соглашение с Болгарским пароходным обществом или это дело отложено в долгий ящик. Я ожидал, что мои указания будут исполнены, если же Общество не желает входить в соглашение, то прошу прямо это высказать»¹⁴.

Вмешательство сверху возымело действие. В апреле — июне 1902 г. шла подготовка к встрече представителей двух пароходных фирм. 1 июля на состоявшихся в Одессе переговорах двух делегаций (от РОПиТ — заведующий коммерческой частью барон Э. Штейгер и заведующий отделением прямых заморских сообщений А. Смирнов; от БТПД — члены совета Н. Николаев и Г. Пасарев) стала очевидной невозможность заключить какое-либо соглашение. Среди причин выделим две основные, определявшие финансовые обстоятельства. Во-первых, РОПиТ оказалось коммерчески не заинтересовано

в принятии на баланс двух болгарских пароходов («Болгария» и «Борис»), имевших возможность осуществлять рейсы между Одессой, Варной, Бургасом и Константинополем. Расходы по эксплуатации этих судов вряд ли могли быть компенсированы выручкой черноморско-болгарской линии. Во-вторых, неприятие идеи великого князя Александра Михайловича продемонстрировало Министерство финансов, для которого реализация предложенного проекта означала все то же увеличение субсидий РОПиТ. 1 августа 1902 г. в Одессу последовало из Петербурга письмо, в котором распорядительный директор извещался о том, что правление компании «не находит возможным» принять заявленные условия совместной эксплуатации линии Одесса — Варна — Бургас — Константинополь¹⁵.

Как бы то ни было, в плане увеличения объема транспортных операций расчеты правления РОПиТ оказались в целом верны. По итогам 1902 г. черноморско-болгарская линия не испытала спада: было доставлено 6329 пассажиров, из которых 3034 вывезено из Варны, 881 — из Бургаса. В Одессу прибыли 2742 пассажира, в Константинополь — 677. Из общего количества абсолютное большинство составили палубные (3-го класса) пассажиры, приобретавшие самые дешевые билеты, — 5899 чел. 113 пассажиров купили билеты в каюты 1-го класса, 317 — 2-го класса¹⁶. Отметим, что последующие годы, сопровождавшиеся кризисной ситуацией в экономике Российской империи, войной с Японией и революционными потрясениями, не только не снизили объемы перевозок по черноморско-болгарской линии, но, напротив, обусловили подъем транспортной активности на ближневосточном направлении. Увеличение числа желающих посетить святые места обернулось ростом пассажиропотока в 1903 г. до 7317, в 1905 г. — 8220, 1907 г. — 10 073 чел.¹⁷ Примечательно, что данная тенденция прослеживалась на фоне общего снижения грузоперевозок между Россией и Болгарией с 16 216 до 5160 т¹⁸. За эти же годы при сохранении размера выручки от транспортировки пассажиров наблюдалось заметное сокращение соответствующего показателя по грузам — с 92,6 до 72,1 тыс. руб.¹⁹ В условиях отсутствия прочных экономических связей с Болгарией²⁰ правление РОПиТ решило сделать ставку на преимущественное развитие пассажироперевозок, прежде всего в Восточное Средиземноморье. Была выдвинута идея о преобразовании черноморско-болгарской линии в болгарско-македонскую. Новое направление предназначалось для «облегчения и упрочения православного паломнического движения» через Афон в Яффу и далее в святые места Палестины²¹.

При обсуждении планов развития ближневосточного направления операций учитывалась возможность вовлечения в паломническое движение большего числа болгарских и греческих богомольцев. Результатом консультаций крупнейших акционеров и членов правления РОПиТ стало решение не только сохранить черноморско-болгарскую линию, но и ввести в 1908 г. новую — болгарско-македонско-сирийскую. Одним рейсом в две недели Одесса связывалась

с Порт-Саидом, с промежуточными заходами судов в Варну, Бургас, Константинополь, Смирну, Афон, Салоники, Хиос, Мерсину, Александретту, Триполи, Бейрут, Хайфу и Яффу. Для паломников, желавших сократить путь в Египет, предоставлялась возможность пересечь в Константинополе на еженедельный рейс прямой линии из Одессы в Александрию. Уже первый год функционирования новой линии, совпавший с обретением Болгарией независимости, показал обнадеживающие результаты. В 1908 г. пассажиропоток составил 27 400 тыс. чел., в том числе перевезенных 3-м классом — 23 590, 2-м классом — 2576, 1-м классом — 1234 человека. По этим показателям линия вышла на первое место среди семи заграничных судоходных направлений РОПиТ. На второе место переместилась александрийская прямая линия (25 132 пассажира), на третье — александрийская круговая (19 609 пассажиров)²². Ожидаемо наибольшее количество пассажиров было доставлено по болгарско-македонско-сирийской линии в канун Пасхи: если в феврале их число увеличилось до 3506, то в марте — до 4282. С учетом апреля этот период составил 37,7% всех перевезенных в 1908 г.²³ Значительную часть пассажиров компания зафиксировала также в конце года, накануне Рождества Христова²⁴. На линии действовали 11 пароходов, среди которых крупнейшими являлись «Корнилов» (перевезено 5155 чел.), «Лазарев» (4703), «Царица» (4528), «Россия» (4357) и «Цесаревич» (3843)²⁵.

Заметным выглядел в 1907–1908 гг. рост грузопотока по обеим линиям — с 20 227 до 58 500 т. Вместе с тем общий товарооборот между Болгарией и Россией составил в 1908 г. скромные 6405 т (с Турцией — 368 746, с Грецией — 138 947, с Египтом — 116 270 т)²⁶. Данные по Варне демонстрировали по крупным партиям товаров следующие перевозки: по ввозу — масла минеральные, кожи сырые, древесина, резиновые изделия (галоши), рыба соленая, икра красная, чай, соль, подсолнечное масло, сахар, конфеты; по вывозу — розовое масло, «шерстяные шкуры» и необработанный табак в листах. В 1909 г. из пришедших в Варну судов 476 были турецкими, 177 — греческими, 115 — австрийскими, 86 — российскими²⁷. На пароходах РОПиТ из этого порта было вывезено 1746 т грузов, из Бургаса — 2440 т²⁸.

К началу 1910-х гг. болгарское направление пассажироперевозок сохраняло статус одного из ключевых в структуре черноморских и ближневосточных рейсов. В целом трансграничные операции осуществлялись по восьми взаимосвязанным линиям, пересекавшимся в Константинополе: болгарско-македонско-сирийской (в 1910 г. перевезен 38 671 чел.), александрийской прямой (35 578), александрийской круговой (28 291), анатолийской (18 561), аравийской (7816), персидской (4232), черноморско-болгарской (3832) и севастопольско-константинопольской (2884). При необходимости пассажиры одной заграничной линии могли заранее приобретать билеты (для паломников с существенной скидкой в случае следования в оба конца) для пересадки в столице Османской империи на пароход другой линии. Таким образом, пассажиры из Болгарии

могли следовать как в любой российский порт (используя внутрироссийские линии между Одессой и Батумом), так и порты ближнего (на черноморском побережье Турции) и дальнего зарубежья, включая Грецию, Палестину и Египет. В этих условиях болгарские рейсы все больше приобретали значимость международного транзитного направления. В 1910 г. в Варну было ввезено 6770 чел., при этом по болгарско-македонско-сирийской линии в Одессу прибыли 6927, в Константинополь — 5013, в Салоники — 4743, в Яффу — 4490, в Бейрут — 2748, в Смирну — 2716, на Афон — 1618, на Родос — 1604, в Мерсину — 1374, в Порт-Саид — 1299, в Хайфу — 692²⁹. Стоимостное значение транспортировки грузов и пассажиров по линии подтверждало сложившуюся к этому времени пропорцию — 53 % первых и 47 % вторых³⁰.

Быстрое восстановление судоходного сообщения с зарубежными странами сыграло свою роль в проведении в декабре 1909 — январе 1910 г. на пароходе «Император Николай II» выставки достижений русской промышленности³¹. Организованная членом правления А. Е. Молчановым при участии владельцев крупных российских фирм, плавучая экспозиция была представлена в ряде портовых городов Болгарии, Турции, Греции и Египта³². Как полагал вице-консул в Филиппополе А. М. Петров, выставка имела не столько деловое, сколько «моральное значение», продемонстрировав уровень развития российской промышленности³³. Между тем по итогам 1910 г. последовало заметное увеличение грузоперевозок из России в Болгарию до 31 746 т, в том числе керосина до 19 897, рельс и железа — 4685, гидравлической извести — 2314, цемента — 1565, нефти — 1254, угля и кокса — 829 т. В обратном направлении было доставлено 412,7 т грузов, из которых дубильные вещества составили 412,5 т. Крупнейшим для РОПиТ по масштабу транспортных операций оставался порт Варны. За период с 1906 по 1911 г. суда компании ввезли сюда 5897 т грузов, вывезли 12 744 т³⁴.

Весной 1911 г. на фоне быстрого развития заграничных транспортных операций правление РОПиТ завершило переговоры с чиновниками и депутатами III Государственной думы об условиях заключения нового договора о государственно-частном партнерстве. 31 мая император Николай II подписал закон «О содержании срочных пароходных сообщений под Русским флагом в Черном и Средиземном морях».

Соглашение прерывало прежнюю прямую связь Болгарии с Эгейским морем и Восточным Средиземноморьем, выдвигая на первый план пассажирские и грузовые потоки между Западным и Восточным Причерноморьем. Одновременно подтверждалась значимость транспортного сообщения между Россией и Ближним Востоком, реализовывать которое предполагалось тремя из пяти срочных линий. В данном случае имело место стремление, с одной стороны, создать прямой транспортный коридор, который связал бы Балканы с российским Закавказьем и Персией через Варну и Батум, с другой стороны — увеличить количество паломнических рейсов в порты Леванта. В любом случае

три ближневосточных направления, как полагали владельцы компании и правительственные чиновники, могли использоваться паломниками из Болгарии и других балканских стран для поездок в Святую землю. РОПиТ сохранило также право осуществлять дополнительные, не субсидируемые государством рейсы по этим и другим линиям при условии, если подобная коммерческая деятельность не будет наносить ущерба регулярному сообщению. Договор, институционализировавший деятельность компании на предстоящие 15 лет, еще более укреплял ее позиции в сфере морских перевозок. В отличие от других российских пароходных фирм, РОПиТ продолжало следовать стратегии, ориентированной на взаимосвязанное развитие внутренних и международных перевозок. Рейсами компании были соединены в единую транспортную сеть все крупные причерноморские города России, Османской империи и Болгарии, которые, в свою очередь, получили возможность транспортного сообщения с портами дальнего зарубежья, включая Персидский залив и Балтийское море. Значительные средства, направляемые на обновление флота, позволили к этому времени увеличить количество пароходов до 71, включая 11 с водоизмещением более 7 тыс. т³⁵. Результаты деятельности РОПиТ нашли отражение в котировке его 500-рублевых акций на Петербургской бирже. С 1908 по 1911 г. их максимальная стоимость выросла с 330 до 870 руб.³⁶

Развитие российско-болгарских отношений в период Балканских войн (1912–1913 гг.) представляло собой один из ключевых элементов в контексте общей ситуации в регионе, а также в Европе в целом³⁷. Несмотря на сложности с перевозками, возникшие с началом Первой Балканской войны, правление РОПиТ стремилось сохранить объемы транспортных операций на приемлемом (с точки зрения геополитических и коммерческих интересов) уровне. В 1912 г. услугами александрийской прямой линии воспользовался 41 171 чел., македонско-александрийской — 37 061, александрийской круговой — 25 923, болгарско-анатолийской — 24 889, анатолийской — 20 602. Перспективными выглядели объемы выручки, полученный за транспортировку грузов и пассажиров между западным и восточным побережьем Черного моря. По болгарско-анатолийской линии соответствующие показатели достигли 151,5 и 102 тыс. руб., в то время как по анатолийской линии (между Батумом и Константинополем) — 73,4 и 78,3 тыс. руб.³⁸ Как полагали акционеры и члены правления, возможности по наращиванию грузо- и пассажиропотока между Россией, балканскими странами и Персией через прямое судоходное сообщение по Черному морю могли стать в перспективе особенно значимыми для компании. В свою очередь для российского правительства важную роль играло возможное сближение Болгарии и Греции с точки зрения продвижения русских интересов в Эгейском и восточно-средиземноморском регионах. Еще в начале ноября 1911 г. в Петербурге под руководством товарища министра торговли и промышленности П. Л. Барка Особым совещанием об улучшении условий экспорта и торговли на Ближнем Востоке были рассмотрены соответствующие меры. Спустя

год, когда в ходе Первой Балканской войны греческие войска заняли Салоники, Барк обратился в правление РОПиТ с запросом о возможном сотрудничестве в деле налаживания болгарско-греческого судоходного сообщения. Ответным письмом руководство компании проинформировало правительство о готовности открыть, помимо существующего болгарско-анатолийского направления, новую линию — болгарско-македонскую. Ее рейсами предполагалось связать Одессу с Варной, Бургасом, Константинополем, Дарданеллами и Салониками³⁹. Однако последовавшая вскоре Вторая Балканская война не позволил РОПиТ открыть прямое морское сообщение между Болгарией и Грецией.

С осени 1912 г. вопрос о развитии российско-болгарского судоходного сообщения обретает заметную остроту. Министерство торговли и промышленности (далее МТиП) предложило увеличить число рейсов в болгарские порты до 1 раза в неделю (ранее 1 раз в две недели). Со своей стороны член правления РОПиТ А. Е. Молчанов полагал более выгодным включить болгарское направление в рейсы до Александрии с заходом в Яффу. Собственное мнение высказал российский консул в Трапезунде, считавший необходимым сохранить болгарские рейсы в составе анатолийской линии, продолжив ее до Новороссийска. В 1913 г. дискуссии приняли еще больший размах. Начальник отдела торгового мореплавания МТиП С. П. Веселаго предложил максимально переориентировать «потребности» Болгарии в срочных морских рейсах на РОПиТ, снизив тем самым зависимость балканской страны от австрийских судов. В связи с этим Веселаго поддержал идею агента МТиП в Марселе о введении новой судоходной линии между Одессой и французским портом с промежуточными заходами в Варну и Бургас. Последовавшее затем особое мнение агента МТиП в Софии, согласно которому, следовало сделать отправным пунктом не Одессу, а Мариуполь или Батум, еще более разогрело страсти в среде заинтересованных сторон. Биржевый комитет Ростова-на-Дону заявил о своем приоритете при отправке пароходов, Таганрогский и Феодосийский — о своих⁴⁰.

К концу 1913 г. на фоне роста русофобских настроений в правящих кругах Болгарии⁴¹ в МТиП оформились два основных подхода к определению перспектив развития российско-болгарского морского сообщения. Чиновник особых поручений И. К. Окулич отстаивал точку зрения, согласно которой, требовалось продолжать усилия (в первую очередь по политическим причинам) по объединению в общую сеть российских портов с болгарскими, сербскими, черногорскими, албанскими, итальянскими и французскими. Иной позиции придерживается С. П. Веселаго. Теперь он считал более значимым сосредоточиться на судоходных операциях в Восточном Средиземноморье. «Если посмотреть, — пояснял он, — на это дело с точки зрения “здорового эгоизма” со стороны России, а переживаемые нами события на Балканском полуострове вполне подтверждают, казалось бы, правильность такого отношения, то нельзя не признать, что в вопросе об установлении, при пособии из казны, новых срочных линий, нужно исходить из русских интересов, из интересов нашего сельского

хозяйства и развивающейся промышленности». Веселаго считал «неоспоримым» политический элемент в морских перевозках, но полагал, что поддержка судами РОПиТ болгарского, сербского и черногорского экспорта в Италию и Францию не имеет в виду в «своей основе жизненные интересы нашей торговли»⁴². Напротив, «интересы нашего экспорта и приспособления его к новым экономическим условиям Балканского полуострова тесно связаны с вопросом о поддержании нашего политического влияния в славянских государствах, влияния, которое в современную эпоху прочнее всего зиждется на твердо установившейся совокупности коммерческих и финансовых связей»⁴³.

Взаимодействие коммерческих и политических целей было положено, как отмечал С. П. Веселаго, в основу срочных линий РОПиТ. Они покрывали «густой сетью воды Ближнего Востока»⁴⁴. К началу 1914 г. пароходы компании 10 рейсами в месяц соединяли Константинополь с Одессой и 4 — с Батумом. Смирну и Александрию суда посещали 2 раза в неделю, Бейрут, Яффу и другие порты Леванта — 1 раз в неделю. Вместе с тем Варна, Бургас и Салоники имели регулярное сообщение с Россией только два раза в месяц. Под руководством А. Е. Молчанова, избранного председателем правления, РОПиТ удалось существенно повысить эффективность своих операций. По итогам 1913 г. рентабельность уставного капитала выросла до 17,9%, активов — до 4,9%⁴⁵. Несмотря на то что полноценным для судоходства явился в этом году только период с августа по декабрь (после завершения Второй Балканской войны), пароходство смогло существенно увеличить пассажиро- и грузоперевозки как по регулярным, так и несрочным коммерческим линиям. 74 судами было доставлено в российские и иностранные порты 1,425 млн чел., в том числе перевезено по заграничным линиям — 263,7 тыс. Пассажиропоток по срочной болгарско-анатолийской линии вырос до 34 269 чел. Почти половина из них (16 532) воспользовалась пароходом «Император Александр II». Выручка за доставку пассажиров составила 151,8 тыс. руб., грузов — 184,6 тыс. руб. Уже традиционно наибольшее число пассажиров воспользовались услугами РОПиТ накануне и вслед за Пасхой, а также в осенние месяцы, когда возросло количество вывозимых из Болгарии торговцев фруктами и овощами, и в декабре, в преддверии Рождества Христова. По несрочной черноморско-болгарской линии было перевезено 46 466 человек. Почти все они являлись болгарскими военнослужащими, доставленными в Варну после завершения Первой Балканской войны. Эта операция РОПиТ, включавшая транспортировку боевого снаряжения, была оплачена болгарским правительством в размере 209,5 тыс. руб.⁴⁶

В 1914 г. рейсы по болгарско-анатолийской линии должны были осуществлять четыре парохода, входивших в число крупнейших в пароходстве, в том числе два новых — «Царь Михаил Федорович» и «Цесаревич Алексей Николаевич». Еще четыре новых парохода («Император Петр I», «Императрица Екатерина II», «Император Николай I» и «Император Александр III») предназначались для доставки пассажиров в порты Леванта⁴⁷. В целом достигнутый

в деятельности компании баланс государственных, общественных и коммерческих интересов определял к началу 1914 г. приемлемую результативность суходоходных операций. Можно сделать вывод о том, что масштаб транспортного сообщения между Россией и Болгарией подтверждал положительную корреляцию между долгосрочным государственно-частным взаимодействием и эффективностью морских перевозок в их трансграничном содержании. В этом смысле экономическая и религиозная близость России и Болгарии положительно влияла на развитие пассажирских и грузовых перевозок и, как следствие, на долгосрочное транспортное сообщение. Перспективы развития болгарского направления судоходства связывались владельцами РОПиТ с двумя транспортными коридорами — балкано-персидским (между Одессой, болгарскими портами и Батумом) и паломническим (между Одессой, Варной, Бургасом и портами Леванта). Оба направления, как представлялось членам правления, сулили и компании, и болгарской стороне стабильный рост пассажирского и грузового потока. Однако начало Первой мировой войны не позволило реализоваться этим прогнозам.

- ¹ *Иловыйский С. И.* Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1907.
- ² РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1263. Л. 17.
- ³ *Иловыйский С. И.* Исторический очерк пятидесятилетия Русского общества пароходства и торговли. С. 286.
- ⁴ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1296. Л. 226–227, 235.
- ⁵ Там же. Л. 1–2, 37–38
- ⁶ Там же. Д. 1263. Л. 86.
- ⁷ Там же. Д. 1316. Л. 2–90.
- ⁸ Объяснительная записка к отчету Русского общества пароходства и торговли за 1897 г. СПб., 1898. С. 2.
- ⁹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1526. Л. 4.
- ¹⁰ Русское судоходство. 1899. № 207 (июнь). С. 105.
- ¹¹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2794. Л. 44–48; Д. 2795. Л. 38–42; Д. 2796. Л. 45–50.
- ¹² *Дьяченко Н.* Торговля России с Болгарией. Донесение секретаря дипломатического агентства в Софии: Сборник консульских донесений. Вып. V. СПб., 1907. С. 394.
- ¹³ РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1341. Л. 27.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1526. Л. 1–2.
- ¹⁵ Там же. Л. 32.
- ¹⁶ Там же. Д. 2674. Л. 39–40; Ф. 678. Оп. 1. Д. 1385. Л. 4.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1385. Л. 104, 280; Д. 1386. Л. 4.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1341. Л. 27.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2585. Л. 8, 12.
- ²⁰ *Рыбаченок И. С.* Политика России на Балканах на рубеже XIX–XX веков: цели, задачи и методы // Труды Института российской истории РАН. 2010. № 9. С. 402.
- ²¹ РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2585. Л. 11.
- ²² РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1386. Л. 116.

- 23 РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1856. Л. 1–56.
- 24 Путеводитель Русского общества пароходства и торговли. Одесса, 1909. С. 325.
- 25 РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2819. Л. 100.
- 26 РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1341. Л. 24–25, 27.
- 27 Там же. Л. 29.
- 28 Там же. Д. 1342. Л. 110–111.
- 29 РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2865. Л. 25–49.
- 30 РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1386. Л. 268.
- 31 Горбунова Н. М. Российская плавающая выставка в Восточном Средиземноморье в начале XX века // Восточный архив. 2013. № 2. С. 22–27.
- 32 РГИА. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1442. Л. 207–208.
- 33 Петров А. К вопросу о развитии нашей торговли с Болгарией. Донесение вице-консула в Филиппополе: Сборник консульских донесений. Вып. II. СПб., 1910. С. 143.
- 34 РГИА. Ф. 95. Оп. 14. Д. 146. Л. 50–51.
- 35 РГИА. Ф. 588. Оп. 2. Д. 379. Л. 5.
- 36 РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2195. Л. 8.
- 37 Искендеров П. А. Россия и Болгария в контексте Балканских войн 1912–1913 гг. // Болгария и Россия (XVIII–XXI вв.): Стереотипы: возникновение, бытование, разрушение: Сборник статей. М., 2019. С. 160.
- 38 РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2820. Л. 165–168.
- 39 Там же. Д. 2078. Л. 27–28.
- 40 РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1341. Л. 83–104.
- 41 Косик В. И. Болгария: от независимости к Балканским войнам // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914 гг.) / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2017. С. 282.
- 42 РГИА. Ф. 95. Оп. 14. Д. 146. Л. 126–127.
- 43 Там же. Л. 119.
- 44 Там же. Л. 126.
- 45 РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 2558. Л. 93–94.
- 46 Там же. Д. 2688. Л. 30–47; Д. 2115. Л. 78.
- 47 Там же. Д. 2193. Л. 26.

References

- GORBUNOVA N. M. *Rossiiskaya plavuchaya vystavka v Vostochnom Sredizemnomor'e v nachale XX veka* [Russian Floating Exhibition in the Eastern Mediterranean at the beginning of the twentieth century. In Russ.] // Vostochnyi arkhiv. 2013. No. 2. P. 22–27.
- ISKENDEROV P. A. *Rossiya i Bolgariya v kontekste Balkanskikh vojn 1912–1913 gg.* [Russia and Bulgaria in the context of the Balkan Wars of 1912–1913. In Russ.] // Bolgariya i Rossiya (XVIII–XXI vv.): Stereotipy: vzniknovenie, bytovanie, razrushenie: Sbornik statei. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2019. P. 160–181.
- KOSIK V. I. *Bolgariya: ot nezavisimosti k Balkanskim voynam* [Bulgaria: from Independence to the Balkan Wars. In Russ.] // Istoriya Balkan. Na perelome epokh (1878–1914 gg.) / Otv. red. K. V. Nikiforov. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2017. P. 270–294.
- RYBACHENOK I. S. *Politika Rossii na Balkanakh na rubezhe XIX–XX vekov: tseli, zadachi i metody* [Russia's Policy in the Balkans at the turn of the 19th–20th centuries: goals, objectives and methods. In Russ.] // Trudy Instituta rossiiskoi istorii. Vyp. 9 / Rossiiskaya akademiya nauk, Institut rossiiskoi istorii; otv. red. A. N. Sakharov, red.-koord. E. N. Rudaya. Moscow; Tula: Grif i K, 2010. P. 393–424.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. Н. Барышников. Болгария в судоходных операциях Русского общества пароходства и торговли // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 130–141

Аннотация: Рассматривается влияние Русского общества пароходства и торговли, крупнейшей судоходной фирмы в империи, на развитие морского сообщения между Россией и Болгарией в начале XX в. При использовании данных о грузовом и пассажирском сообщении России с Болгарией выявлена положительная корреляция между долгосрочным взаимодействием государства и бизнеса и эффективностью судоходных операций. В частности, анализируется, как объем судоходства изменился в регионах Черного, Эгейского и Средиземного морей в период с 1897 по 1914 г. в результате геополитических изменений, которые расширили доступ к транспортным услугам. В статье представлены доказательства того, что религиозная близость между Россией и Болгарией положительно влияла на развитие пассажирских перевозок и, как следствие, на долгосрочное транспортное сообщение. Этот вывод основан на сопоставлении данных о морских перевозках в конце XIX в. с данными о транспортных операциях начала XX в. Полученные результаты дополняют имеющиеся представления об изменениях в трансграничном пассажирском и грузовом сообщении в Черном и Средиземном морях и переход от приоритета двусторонних связей к взаимосвязанному международным морским перевозкам.

Ключевые слова: Российская империя, Болгария, Русское общество пароходства и торговли, пассажироперевозки, паломничество.

FOR CITATION

M. N. Baryshnikov. Bulgaria in the shipping operations of the Russian steam navigation and trading company // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 130–141

Abstract: The article considers the impact of the Russian Steam Navigation and Trading Company, the largest shipping firm in the empire, on the development of maritime communication between Russia and Bulgaria at the beginning of the twentieth century. Using data cargo and passenger traffic between Russia and Bulgaria, the author marks out a positive correlation between long-term interaction between the state and business and efficiency of shipping operations. Specifically, the article analyzes how shipping scope changed in the Black, the Aegean and the Mediterranean seas regions between 1897 and 1914 as a result of geopolitical changes that expanded access to transport services. This article presents evidence that religious proximity between Russia and Bulgaria positively affects the development of passenger traffic and the resulting long-term transport links. This conclusion is based on combining data on sea shipping at the end of the 19th century with transport operations data of the early twentieth century. The results shed new light on the changes in cross-border passenger and freight traffic in the Black and the Mediterranean seas and the transition from a priority of bilateral relations to interconnected international sea voyages.

Key words: Russian empire, Bulgaria, Russian steam navigation and trading company, sea transportation, pilgrimage.

Автор: Барышников, Михаил Николаевич — д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Author: Baryshnikov, Mikhail Nikolaevich — Doctor of History, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of History, The Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: barmini@list.ru.

ORCID 0000-0002-0636-8864

Д. И. Раскин

Развитие систем пенсионного обеспечения в контексте процесса модернизации восточноевропейских империй (Россия, Австро-Венгрия, Германия)*

Классическая концепция модернизации включает в качестве одного из основных признаков наличие развитой специализированной бюрократии¹. Формирование института бюрократии (как и института регулярных армий) было достаточно длительным процессом. В разных европейских странах этот процесс занял различное время и имел свои специфические особенности. Например, в России образованная и более или менее специализированная бюрократия сложилась, считая от петровских реформ, более чем за полтора столетия². В Австрии, если брать за точку отсчета реформы Марии Терезии, аналогичный процесс занял около ста лет³.

Но в целом в большинстве европейских стран развитие бюрократических систем шло в одном направлении.

Необходимым условием успешного функционирования бюрократии было пенсионное обеспечение государственных служащих, сначала военных, а затем и гражданских. По мере реформирования государственного и социального устройства пенсионное обеспечение начинает распространяться сначала на негосударственную службу (местное самоуправление, негосударственные образовательные учреждения и т. д.), а затем (при переходе к новейшему времени)

* Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 22-28-00060.

и на наемный труд. Динамика и степень завершенности этих процессов в различных странах отражает степень модернизации данных обществ.

Восточноевропейские империи — Россия, Австро-Венгрия, Германия (при всех различиях между ними) имеют между собой много общего. Хотя единая Германская империя была создана лишь в 1871 г., имперское пенсионное законодательство воспроизводило прусское, так что рассмотрение прусской пенсионной системы в едином контексте с общегерманской представляется вполне обоснованным.

Это страны догоняющей модернизации, инструментом которой на первых порах было полицейское («регулярное») государство. Они имели развитую бюрократию, единые системы государственной службы (в том числе системы гражданских чинов), прошли долгий путь от более или менее просвещенного абсолютизма к конституционной, точнее сказать, дуалистической монархии.

В исторической литературе сравнительное рассмотрение эволюции пенсионных систем трех империй отсутствует.

В юридических исследованиях, посвященных вопросам социального обеспечения, в ряде случаев присутствуют ссылки на исторический опыт формирования пенсионных систем в различных странах⁴.

Из историко-правовых исследований, посвященных истории пенсионного обеспечения в России, лишь в диссертации Д. А. Квасова приводятся данные по истории систем пенсионного обеспечения в основных западноевропейских странах, но в основном с целью доказательства наибольшей (по сравнению с другими странами) полноты пенсионного законодательства Российской империи⁵.

Среди исторических исследований необходимо выделить работу И. В. Лоховой, посвященную социальной политике Германии и Австрии в последней трети XIX — начале XX в. Она содержит ценный материал по истории социального страхования (в том числе пенсий по старости и инвалидности) рабочих и служащих в этих странах⁶.

Таким образом, тема настоящего исследования принадлежит к числу почти неизученных.

Сам термин «пенсия» (*pension*) впервые появляется во Франции еще в XV в., но вплоть до XVIII в. он означал регулярное денежное вознаграждение иностранных государственных деятелей (по сути дела форму подкупа) или заслуженных сановников и придворных (в порядке монаршей милости).

Но пенсионное обеспечение (в современном понимании) возникает гораздо позже. В связи с появлением регулярных армий возникает необходимость такого стимула для военнослужащих, как обеспечение их в случае инвалидности и в старости. Эту функцию начинают выполнять благотворительные учреждения. В XVII в. во Франции, Англии и других странах появляются такие специальные государственные учреждения, как дома инвалидов. В России Петр I пытался перенять этот образец, но по тогдашним российским условиям признание

потерявших трудоспособность и не имеющих средств военных было возложено на монастыри. При Елизавете Петровне устройство богаделен и инвалидов домов было переложено на государство (с уплатой стоимости содержания отставных из монастырских доходов)⁷.

Содержание увечных и престарелых военнослужащих и их семейств было актом государственной благотворительности и распространялось лишь на лиц, не имевших собственных средств к существованию. Это было в то время обще-европейской нормой.

В частности, в Пруссии в 1789 г. был (со значительным отставанием от других европейских государств) открыт Инвалидный дом. Вскоре (в 1792 г.) была учреждена Королевская Прусская офицерская вдовья касса, в которую каждый офицер делал ежегодные взносы. При этом при учреждении кассе был пожалован капитал 350 тыс. талеров, а далее выдавались ежегодные субсидии (10 тыс. талеров) из доходов государственной лотереи. После прекращения пособия в 1824 г. касса стала убыточной, так что в 1831 г. пособие было возобновлено, но уже в половинном размере⁸.

Но пенсии прусским офицерам за службу и по случаю ран и увечий еще долго не были законодательно установлены.

В Австрии с начала XVIII в. существовали учреждения для призрения военных инвалидов и их вдов и сирот. К концу XVIII в. было законодательно признано право на пенсию по причине ран, увечий и преклонного возраста за всеми офицерами⁹.

В России в 1764 г. указом Екатерины II для неимущих офицеров было установлено инвалидное содержание (пенсия) в размере от 33 до 120 руб. в год (в зависимости от чина)¹⁰. Этим же указом устанавливалось содержание и для их вдов и сирот. Лишь при Александре I в 1803 г. для генералов и офицеров было установлено награждение за беспорочную службу, независимо от их материальной обеспеченности, за 20 лет — инвалидным содержанием, за 30 лет — половинным по чину жалованьем, а за 40 — полным жалованьем по чину¹¹. В 1807 г. для офицеров, уволенных по причине ран и увечий, были установлены пожизненные пенсии в размере полного оклада жалованья, а для нижних чинов учреждались инвалидные дома¹².

Наиболее последовательно формирование пенсионного обеспечения осуществлялось во Франции. Право на пенсию было установлено в зависимости от служебного стажа (30 лет). 3 августа 1790 г. был принят закон о военных пенсиях, а 22 августа 1790 г. — закон, устанавливавший пенсии для гражданских чиновников, причем был провозглашен принцип, что пенсия — не милость, а долг государства. Право на пенсию зависело от служебного стажа (30 лет)¹³. Французское законодательство о пенсиях гражданским чиновникам менялось в 1806, 1831 и 1858 гг. Если закон 1790 г. не предполагал отчислений из жалованья, то в дальнейшем такие отчисления были введены. Законодательство о военных пенсиях менялось еще чаще — в 1793, 1799, 1803, 1822 гг. и, наконец, в 1831 г. и т. д.¹⁴

Справедливости ради отметим, что в России Екатериной II еще в 1764 г. было установлено не зависящее от материального положения право гражданских чиновников на пенсию за 35-летнюю службу в размере $\frac{1}{2}$ оклада жалованья¹⁵. Это было существенным шагом вперед по сравнению с пенсионными системами европейских государств. Отсутствие «ценза бедности» для гражданских чиновников объяснялось просто. Если офицеры были (за редким исключением) дворяне и имели поместья (хотя бы и самые небольшие), то большинство гражданских чиновников — вчерашних подьячих, переименованных в результате петровских реформ в классные чины по Табели о рангах, даже если они получали дворянство по чину, имениями владели редко.

Влияние французского пенсионного законодательства сказалось в Европе далеко не сразу и не всегда очевидно. Но Пенсионный устав Баварского королевства 1805 г., в основе которого лежал принцип служебного стажа, явно носил следы французского влияния. Этот устав внимательно изучался в России при разработке Пенсионного устава 1827 г.¹⁶

Введение и кодификация пенсионного законодательства в России, Пруссии Австрии, пришедшиеся на 1820-е гг., были обусловлены необходимостью упорядочения военной и гражданской службы.

Для гражданской службы (системы которой в восточноевропейских империях отличались сходством) важным условием стабильности была уверенность чиновников в своем обеспечении в старости, так как, по выражению гр. Д. Н. Киселева, «распространение этого убеждения между сословием чиновников, чрез которых обращается вся машина государственного управления, необходимо и в нравственном отношении, дабы устранить для чиновников необходимость помышлять об обеспечении своей старости средствами предосудительными»¹⁷. Пенсионные уставы были призваны в той или иной степени эту уверенность обеспечить.

Для военной службы все более актуальной становилась необходимость обеспечения в старости и в случае инвалидности офицеров, живущих одним жалованьем, а также их вдов и сирот.

Пенсионное законодательство должно было стать завершением формирования государственной имперской машины.

Все пенсионные уставы России, Пруссии и Австрии базировались на принципе выплаты в качестве пенсии определенной доли оклада содержания в зависимости от служебного стажа. При этом в России и Австрии предусматривалась возможность получения за максимальный стаж полной пенсии в размере оклада, в Пруссии — лишь определенной части, приближавшейся к полному окладу.

В 1820 г. в Австрии был принят закон, по которому офицеры за 10 лет службы должны были получать пенсию в размере $\frac{1}{3}$ полного оклада, за 25 лет — $\frac{1}{2}$, за 40 лет — $\frac{2}{3}$, а за службу более 40 лет — пенсию в размере оклада. Полные оклады рассчитывались исходя из жалованья по чину¹⁸. С 1855 г. для полной

пенсии стаж службы был определен в 40 лет (для генералов — 50 лет). Особая табель устанавливала сложную систему надбавок за каждые 5 лет службы. Эти пенсии оказались недостаточными, поэтому в 1875 г. был принят новый закон, по которому за 10 лет службы полагалась пенсия в размере $\frac{1}{3}$ жалованья, за 15 — $\frac{2}{3}$, за каждый год сверх этого срока следовала надбавка в размере 2,5% оклада, причем за 40 лет службы полагался полный оклад. Другие виды довольствия в расчет не принимались¹⁹.

Получившие раны и увечья имели право на особую прибавку к выслуженной ими пенсии. Вдовы убитых имели право на пенсии независимо от срока службы их мужей. Вдовам и сиротам умерших офицеров полагались пособия. Пособия на воспитание были положены сиротам убитых на войне и круглым сиротам²⁰.

Вслед за законодательством о военных пенсиях следовало законодательство о пенсиях гражданских чиновников. В 1866 г. пенсии для них были установлены в размере $\frac{1}{3}$ оклада жалования за служебный стаж от 10 до 15 лет, за службу от 15 до 20 лет — в размере $\frac{2}{3}$ оклада, от 20 до 25 лет — $\frac{4}{8}$, от 25 до 30 — $\frac{5}{8}$, от 30 до 35 — $\frac{6}{8}$, от 35 до 40 — $\frac{7}{8}$, а за службу более 40 лет — в размере полного оклада²¹.

Кроме того, в Австрии существовали пенсии, назначавшиеся лично императором²².

В 1825 г. был принят закон о пенсиях офицерам в Пруссии. По этому закону право на пенсию начиналось с 15 лет службы, а за больший стаж была установлена сложная система надбавок. В 1871 г. был принят общеимперский пенсионный устав, в соответствии с которым при выходе в отставку после 10 лет службы (по медицинским показаниям и при достижении 60-летнего возраста) устанавливалась пенсия в размере $\frac{1}{4}$ содержания, а за каждый год сверх этого срока прибавка в размере $\frac{1}{60}$. За 50 лет службы назначалась пенсия в размере $\frac{3}{4}$ содержания, что составляло максимум возможной офицерской пенсии. Содержание было повышено в 1872 и в 1879 гг. за счет включения в пенсионный расчет квартирных денег²³.

Обеспечение вдов и сирот осуществлялось из Вдовьей кассы, в которую отчислялся определенный процент из жалованья офицеров²⁴.

В том же 1825 г. в Пруссии был издан закон о пенсиях гражданским чиновникам. По нему за службу от 15 до 20 лет полагалась пенсия в размере $\frac{1}{4}$ оклада жалования, а за каждые 5 лет сверх этого срока назначалась надбавка в размере $\frac{1}{16}$. Высшим пределом был 50-летний стаж службы, за который назначалась пенсия в размере $\frac{10}{16}$ содержания²⁵. В 1872 г. на основе прусского пенсионного законодательства был принят общеимперский закон. По этому закону при увольнении по выслуге 10 лет назначалась пенсия в размере $\frac{15}{60}$ содержания, а за каждый год сверх этого срока она увеличивалась на $\frac{1}{60}$ содержания. Максимальная пенсия составляла $\frac{45}{60}$ (т. е. $\frac{3}{4}$) жалованья²⁶.

В России в 1816 г. Александр I повелел разработать общее положение о пенсиях как по военной, так и по гражданской службе. Но разработка этого положения затянулась до 1827 г., когда был принят Пенсионный устав²⁷.

Этот устав предусматривал право на пенсию для офицеров и генералов за 20–30 лет службы в размере $\frac{1}{3}$ жалованья, за 30–35 — $\frac{2}{3}$ и за службу более 35 лет в размере полного жалованья. Для выходящих в отставку по причине ран и увечий и расстроенного на службе здоровья предусматривались сокращенные сроки выслуги.

Для гражданских чиновников были установлены аналогичные сроки выслуги²⁸.

Указом 6 ноября 1852 г. вместо трех сроков выслуги было установлено два: 25 лет для половинной пенсии и 35 лет для полной²⁹.

При разработке Пенсионного устава было признано (в отличие от соответствующего германского и австрийского законодательства) нецелесообразным «обнадеживанием больших пенсионеров» держать в службе более 40 лет людей «дряхлых и обветшалых в образе мыслей»³⁰.

Главным недостатком российской пенсионной системы сравнительно с пенсионным законодательством других европейских государств было то, что устав 1827 г. предусматривал пенсии гражданским чиновникам исходя не из размеров получаемого ими на службе жалованья, а по девяти пенсионным разрядам. Если первоначально размеры пенсий по этим разрядам более или менее соответствовали усредненным окладам жалованья по соответствующим должностям, то в дальнейшем, по мере увеличения жалованья чиновников, эти размеры стали намного отставать от реальных окладов. А Пенсионный устав при этом не менялся вплоть до 1917 г. У офицеров такое отставание размеров пенсий от служебного содержания также имело место, так как при назначении пенсий учитывались лишь оклады по чину и должности, а рост содержания военнослужащих происходил главным образом за счет столовых, квартирных и других выплат и надбавок. В результате «коэффициент замещения» пенсий военных и гражданских служащих уменьшался, а размеры пенсий становись все более недостаточными³¹.

И в России, и в Пруссии, и в Австрии пенсионные расходы ложились тяжким бременем на государственный бюджет. В 1867 г., по подсчетам учрежденной Александром II Комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава, расходы на выплату пенсий и пособий составляли в Пруссии 5,44 %, в Австрии — 2,42 %, а в России 3,94 % от общей суммы государственных доходов³². Отчисления от жалованья офицеров и чиновников для выплаты пенсий вдовам и сиротам (например, во Вдовью кассу в Пруссии) не решали проблемы.

В то же время все попытки заменить систему выплаты пенсий из государственного бюджета эмеритурой (своего рода накопительной системой) не имели успеха. В лучшем случае пенсии из эмеритальных касс могли дополнять государственные пенсии (как это имело место в Российской империи). При этом создание эмеритальных касс требовало значительных вложений государственных средств для образования первоначального капитала.

Характерно, что к началу XX в. из всех европейских государств «эмеритальные начала» практиковались лишь в Швеции и Бельгии, причем в Швеции для семейств и отчасти для самих служащих, а в Бельгии только для семейств³³.

Пенсионные системы в восточноевропейских монархиях отчасти дополнялись государственными и частными благотворительными организациями: Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников³⁴, Александровский комитет о раненых, Скобелевский комитет, Алексеевский главный комитет³⁵ в России, Общество попечения о больных и раненых воинах в Германии, Австрийское патриотическое общество в Австрии³⁶ и др.

Так в восточноевропейских империях сложилась система пенсионного обеспечения государственных служащих, военных и гражданских, необходимая для более или менее успешного функционирования государственной машины.

При этом необходимо отметить, что системы пенсионного обеспечения государственных служащих (военных и гражданских) в большинстве европейских стран развивались примерно по одному и тому же пути и имели между собой много общего. В этом смысле восточноевропейские империи ненамного отличались от конституционных монархий и республик Западной Европы.

Эти системы предусматривали выплату пенсий государственным служащим из казны (при минимальном участии будущих пенсионеров), зависимость размеров пенсии от служебного стажа и размеров получаемого на службе жалованья, льготы для утративших на службе трудоспособность, обеспечение (в разных странах в различной степени) вдов и сирот.

Системы пенсионного обеспечения в европейских странах (в том числе в России, Германии и Австрии) распространялись лишь на офицерский корпус и гражданское чиновничество.

Постепенно пенсионным обеспечением были охвачены служащие органов местного самоуправления, преподаватели учебных заведений и другие категории служащих.

Для пореформенной России характерно создание эмеритальных (пенсионных касс) для служащих земских учреждений, не включенных в систему государственной службы, а также пенсионные кассы народных учителей и учительниц. Эти кассы расширяли круг лиц, охваченных пенсионным обеспечением. Но для их создания требовалось выделение средств из казны или земства. Например, Пенсионная касса народных учителей и учительниц, созданная в 1900 г., была подчинена Министерству народного просвещения и содержалась за счет отчислений из казны, доходов с капиталов и имущества, принадлежащих казне, вычетов из жалованья участников кассы, а также добровольных пожертвований³⁷.

Аналогичные процессы происходили в Германии и Австрии.

Логика процесса завершения модернизации европейских государств требовала распространения социальных гарантий на наемных работников — рабочих и служащих. Решение социальных вопросов стало необходимым условием стабильности и дальнейшего прогресса развитых стран.

Здесь первопроходцем оказалась Германия, сравнительно недавно вошедшая в круг передовых европейских стран.

Социальные реформы 1880-х гг. в Германской империи заслуженно связываются с именем канцлера О. фон Бисмарка.

По его инициативе 15 июня 1883 г. принимается закон о медицинском страховании рабочих и служащих, а в 1884 г. закон о страховании от несчастных случаев. В первый в дальнейшем (в 1892, 1900 и 1908 гг.), а во второй — в 1900 г. были внесены изменения, расширявшие сферу их действия³⁸.

И наконец, в 1889 г. был принят закон о пенсиях для рабочих и служащих, позволявший лицам, вносившим выплаты в пенсионный фонд не менее 30 лет и достигшим семидесятилетнего возраста, получать пенсию по старости, а потерявшим трудоспособность и вносившим страховые платежи не менее 5 лет — пенсию по инвалидности³⁹.

В Австро-Венгрии под влиянием германского опыта также были приняты аналогичные законы. Закон 1883 г. стимулировал деятельность страховых касс на промышленных предприятиях. В 1887 г. император утвердил закон об обязательном страховании рабочих на случай производственных травм. Но закон о пенсиях по старости, несмотря на активное обсуждение в парламенте, так и не был принят, хотя пенсионные кассы, создаваемые по частной инициативе, в Австрии существовали⁴⁰.

В России соответствующее социальное законодательство появляется лишь в 1912 г. Это были законы «Об утверждении присутствий по делам страхования рабочих», «Об учреждении Совета по делам страхования рабочих», «Об обеспечении рабочих на случай болезни», «О страховании рабочих от несчастных случаев»⁴¹. До введения для рабочих пенсий по старости дело так и не дошло.

И в Австро-Венгрии, и в России дальнейшему развитию социального законодательства помешала война.

Последовательность социальных реформ — страхование на случай болезни, страхование от несчастных случаев и лишь затем страховые пенсии по старости и утрате трудоспособности — имела свою логику. Пенсионное законодательство большинства европейских стран, распространявшееся на государственных служащих, предусматривало выплату пособий и досрочное получение пенсий в случае болезни и утраты трудоспособности. А медицинское обслуживание военных, а во многих случаях и гражданских чиновников предусматривалось условиями их службы. Для рабочих дело обстояло иначе. Поэтому наиболее очевидными и первоочередными шагами на пути социального обеспечения рабочих и служащих было именно страхование на случай болезни и несчастных случаев.

Переход к системе всеобщего социального страхования в большинстве стран ознаменовал переход к новой социально-политической реальности. Но восточноевропейские империи ко времени распространения этой реальности уже прекратили свое существование.

- ¹ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 38–41.
- ² *Раскин Д. И.* 1) Специализация высшей российской бюрократии XIX — начала XX в.: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 29–42; 2) Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века: образование и профессиональная квалификация // Научный диалог. 2021. № 4. С. 410–422.
- ³ *Heindl W.* Josephinische Mandarine: Bürokratie und Beamte in Österreich, Vol. 2. 1848–1914. Vienna: Böhlau, 2013. (Studien zu Politik und Verwaltung; Bd. 107). S. 35–41.
- ⁴ Например: *Лушикова М. В., Лушиков А. М.* Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М.: Юстицинформ, 2009. С. 107–132, 159–172.
- ⁵ *Квасов Д. А.* Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих Российской империи XIX — начала XX в.: дис. ... канд. юр. наук. М., 2005. С. 151–156.
- ⁶ *Лохова И. В.* Социальная политика Германии и Австрии в последней трети XIX — начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2016.
- ⁷ *Раскин Д. И.* Предпосылки российской системы пенсионного обеспечения в законодательстве Петра Великого // «Не чародей, а гений...» Личность Петра Великого на фоне эпохи. Материалы XV Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2022 года. СПб.: Европейский дом, 2023. С. 155–156.
- ⁸ *Соловьев Н. И.* Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. СПб., 1893. С. 54, 106–108.
- ⁹ Там же. С. 55.
- ¹⁰ ПСЗ. Т. 16. № 12060. 26.02.1764.
- ¹¹ ПСЗ. Т. 27. № 20770. 21.05.1803.
- ¹² ПСЗ. Т. 29. № 22621. 16.09.1807.
- ¹³ *Jurisprudence generale; Repertoire methodique et alphabetique de legislation de doctrine et de jurisprudence en matiere de droit civil, commercial, criminel, administratif, de droit des gens et de droit public: P–P.* Vol. 35. Paris: Bureau de la jurisprudence générale, 1855. P. 743.
- ¹⁴ *Соловьев Н. И.* Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. С. 132–137.
- ¹⁵ ПСЗ. Т. 16. № 12175. 07.06.1764.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 208. Л. 131–158.
- ¹⁷ *Раскин Д. И., Солнышкин А. А.* Судьба Пенсионного устава 1827 г. в Российской империи // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1714.
- ¹⁸ *Соловьев Н. И.* Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. С. 121.
- ¹⁹ Там же. С. 126.
- ²⁰ Там же. С. 128–131.
- ²¹ *Reichs-Gezetz-Blatt für das Keiserthum Ösrerrech.* Jr. 1866. LXI Stück. No. 157.
- ²² Труды высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. СПб.: тип. В. М. Майкова, 1871. С. 65.
- ²³ *Соловьев Н. И.* Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. С. 99, 101, 103.
- ²⁴ Там же. С. 108–109.
- ²⁵ Там же. С. 99.
- ²⁶ Главные положения о послеслужебном обеспечении гражданских чиновников и их семейств в Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Италии, Франции и Швеции. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. С. 48.
- ²⁷ *Раскин Д. И.* Пенсионная реформа Николая I // Былые годы. 2020. Т. 58. Вып. 4. С. 2487–2490.
- ²⁸ ПСЗ-2. Т. 2. № 1592.
- ²⁹ ПСЗ-2. Т. 27. № 26747.
- ³⁰ *Раскин Д. И.* Пенсионная реформа Николая I. С. 2489.

- ³¹ Раскин Д. И., Никитин Ф. Н. Материальное положение российских чиновников в отставке (XIX — начало XX в.) // Былые годы. 2023. № 18 (3). С. 1181–1184.
- ³² Труды высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. С. 51.
- ³³ Главные положения... С. 4.
- ³⁴ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н. П. Ерошкин, отв. сост. Д. И. Раскин. СПб.: Наука, 1998. С. 150–151.
- ³⁵ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство / Отв. ред. и отв. сост. Д. И. Раскин. СПб.: Наука, 2004. С. 64–67, 159–160.
- ³⁶ Соловьев Н. И. Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. С. 323.
- ³⁷ Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917: в 4 т. Т. 3. Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д. И. Раскин. СПб.: Наука, 2002. С. 135.
- ³⁸ Лохова И. В. Социальная политика Германии и Австрии в последней трети XIX — начале XX в. С. 70–79.
- ³⁹ Там же. С. 79–81.
- ⁴⁰ Там же. С. 156–189.
- ⁴¹ ПСЗ-3. Т. 32. № 37444, 37445, 37446, 37447. 23.06.1912.

References

- KVASOV D. A. *Stanovlenie i razvitie pensionnogo zakonodatel'stva o gosudarstvennykh sluzhashchih Rossijskoj imperii XIX — nachala XX v.* [Formation and development of pension legislation on civil servants of the Russian Empire 19th — early 20th century. In Russ.]: dis. ... kand. jur. nauk. Moscow, 2005.
- ЛОХОВА И. В. *Social'naja politika germanii i Avstrii v poslednej treti XIX — nachale XX v.* [Social policy of Germany and Austria in the last third of the 19th — early 20th centuries. In Russ.]: dis... d-ra ist. nauk. Vladikavkaz, 2016.
- MIRONOV B. N. *Rossijskaja imperija: Ot tradicii k modernu* [Russian Empire: from tradition to modernity. In Russ.]: в 3 т. Т. 3. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2015.
- RASKIN D. I. *Specializacija vysshej rossijskoj bjurokratii XIX — nachala XX v.: obrazovanie, professional'nyj opyt, prodvizhenie po sluzhbe* [Specialization of the highest Russian bureaucracy of the 19th — early 20th centuries: education, professional experience, career advancement. In Russ.]: // Iz glubiny vremen. Vyp. 3. Saint Petersburg, 1994. P. 29–42.
- RASKIN D. I. *Formirovanie vysshej bjurokraticheskoi jeliti v Rossijskoj imperii XIX — nachala XX veka: obrazovanie i professional'naja kvalifikacija* [Establishment of highest bureaucratic elite in Russian Empire in 19th — early 20th centuries: Education and professional qualifications. In Russ.]: // Nauchnyj dialog, 2021. No. 4. P. 410–422.
- RASKIN D. I. *Predposylki rossijskoj sistemy pensionnogo obespechenija v zakonodatel'stve Petra Velikogo* [Prerequisites for the Russian pension system in the legislation of Peter the Great. In Russ.]: // “Ne charodej, a genij...” Lichnost' Petra Velikogo na fone jepohi. Materialy XV Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Sankt-Peterburg, 9–11 ijunja 2022 goda. Saint Petersburg: Evropejskij dom, 2023. P. 155–160.
- RASKIN D. I. *Pensionnaja reforma Nikolaja I* [Pension reform of Nicholas I. In Russ.]: // Bylye gody. 2020. Vol. 58. No. 4. P. 2485–2494.
- RASKIN D. I., NIKITIN F. N. *Material'noe polozhenie rossijskikh chinovnikov v otstavke (XIX — nachalo XX v.)* [The financial situation of retired Russian officials (19th — early 20th centuries). In Russ.]: // Bylye gody. 2023. No. 18 (3). P. 1179–1186.
- RASKIN D. I., SOLNYSHKIN A. A. *Sud'ba Pensionnogo ustava 1827 g. v Rossijskoj imperii* [The fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire. In Russ.]: // Bylye gody. 2022. No. 17 (4). P. 1712–1720.

Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917: v 4 t. T. 1. Vysshie gosudarstvennye uchrezhdenija [Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917: in 4 vols. Vol. 1. Higher government institutions. In Russ.] / Otv. red. N. P. Eroshkin, otv. sost. D. I. Raskin. Saint Petersburg: Nauka, 1998.

Vysshie i central'nye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917: v 4 t. T. 2. Central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija [Higher and central institutions of Russia. 1801–1917: in 4 vols. Vol. 2. Central government agencies. In Russ.] / Otv. red. i otv. sost. D. I. Raskin. Saint Petersburg: Nauka, 2002.

Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917: v 4 t. T. 4. Central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija. Ministerstvo inostrannyh del. Voennoe ministerstvo. Morskoe ministerstvo [Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917: in 4 vols. Vol. 4. Central government institutions. Ministry of Foreign Affairs. War Ministry. Naval Ministry. In Russ.] / Otv. red. i otv. sost. D. I. Raskin. Saint Petersburg: Nauka, 2004.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. И. Раскин. Развитие систем пенсионного обеспечения в контексте процесса модернизации восточноевропейских империй (Россия, Австро-Венгрия, Германия) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 142–152

Аннотация: Статья посвящена истории зарождения и развития пенсионных систем в трех европейских империях — России, Австрии и Германии. Хотя Германская империя была создана лишь в 1870 г., но в основу ее общеимперского законодательства было положено прусское. Поэтому в статье рассматривается история пенсионного законодательства в Пруссии. Показано, что создание систем пенсионного обеспечения было частью политики модернизации этих государств. Пенсионное обеспечение государственных служащих было необходимым условием формирования и стабильного функционирования бюрократии. В основу пенсионного законодательства России, Австрии и Пруссии были положены общие принципы: вознаграждение за долговременную службу, зависимость размеров пенсии от служебного стажа и жалования, сокращенные сроки выхода на пенсию для утративших на службе трудоспособность, обеспечение вдов и сирот. Анализируются закономерности перехода от пенсионного обеспечения государственных служащих к социальному (в том числе пенсионному) страхованию.

Ключевые слова: Россия, Австрия, Германия, пенсионное обеспечение, модернизация, социальное страхование.

FOR CITATION

D. I. Raskin. The development of the pension system in the context of the modernization process of the Eastern European Empires (Russia, Austria-Hungary, Germany) // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 142–152

Abstract: The article scrutinizes the history of the origin and development of pension systems in three European empires — Russia, Austria and Germany. Although the German Empire was created only in 1870, its general imperial legislation was based on Prussian legislation. Therefore, the article examines the history of pension legislation in Prussia. The article shows that the creation of pension systems was part of the modernization policy of these states. Pension provision for civil servants was a necessary condition for the formation and stable functioning of the bureaucracy. The article shows that the pension legislation of Russia, Austria and Prussia was based on general principles: remuneration for long-term service, the dependence of pension amounts on length of service and salary, shortened retirement periods for those who lost their ability to work in the service, provision for widows and orphans. The article analyzes the patterns of transition from pension provision for civil servants to social (including pension) insurance.

Key words: Russia, Austria, Germany, pensions, modernization, social insurance.

Автор: **Раскин, Давид Иосифович** — д. и. н., проф. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: **Raskin, David Iosifovich** — Dr of Sciences (in History), Professor at the Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: d.raskin@spbu.ru

Е. Л. Назарова

Российско-Литовская и Российско-Латвийская исторические комиссии: история или политика

Проблема изучения истории стран и народов Балтии как отдельного исследовательского направления в Институте всеобщей истории РАН встала после распада СССР и восстановления независимых государств Балтии. Важной формой межгосударственного сотрудничества стали Российско-Литовская / Литовско-Российская и Российско-Латвийская / Латвийско-Российская комиссии историков, которые должны были облегчить поиски материалов в архивах и библиотеках другой страны и в ходе совместных обсуждений прийти к наиболее обоснованным выводам по спорным вопросам, актуальным как для России, так и для стран Балтии.

Появление комиссий давало надежды на длительное обоюдывыгодное сотрудничество, но их работа продолжалась короткий срок, и они прекратили свою деятельность исключительно по политическим причинам в 2014 и 2022 гг. Сами комиссии сейчас уже стали событиями истории, отражавшими взаимоотношения ученых в контексте межгосударственной политики. Относясь к комиссиям с таких позиций, рассмотрим, что стало побудительными мотивами к их созданию и что происходило вокруг уже работавших комиссий.

Любая международная научная структура априори имеет не только научное, но и некое политическое значение. В случае же работы Российско-Литовской

и Российско-Латвийской комиссий балтийские историки планировали не только подтвердить на исторических материалах наличие «50-летней советской оккупации» Балтии, но и решить экономическую задачу: обосновать право Литвы и Латвии на компенсации за материальный ущерб от России как правопреемницы СССР. Комиссии изначально планировались не только как научные структуры, но и как отдельное направление в отношениях Литвы и Латвии с РФ.

Документально известно, что за полвека «оккупации» Литовская и Латвийская ССР оказались среди наиболее экономически развитых регионов СССР. Выход стран Балтии из единого общесоюзного пространства весьма негативно сказался на их экономике. В силу этого требование от России «возмещения за оккупацию» могло бы стать одним из вариантов пополнения бюджетов этих стран. В Литве закон «О возмещении ущерба, причиненного оккупацией СССР» после длительного обсуждения внутри страны и попыток добиться согласия на переговорах с российскими делегациями был принят в июне 2000 г. МИД Литвы обязал внести вопрос о возмещении ущерба в повестку дня сессии Российско-Литовской межправительственной комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому, гуманитарному и культурному сотрудничеству¹. В Латвии такой подсчет по разным аспектам проводился до последнего времени, при этом выдвигались все бóльшие требования². Положение «Об оккупации» в странах Балтии было возведено в ранг закона, с уголовным наказанием за его отрицание³. Примером применения наказания за «отрицание оккупации» в Литве стало «дело Палецкиса»: политик, депутат литовского Сейма Альгирдас Палецкис был обвинен в 2011 г. и уже в течение многих лет находится в заключении⁴. В 2019 г. в Риге за то же самое был арестован учитель филолог Алексей Палей, в 2023 г. приговоренный к условному сроку⁵.

В момент появления упомянутого выше распоряжения МИД Литвы от 2000 г. двусторонней исторической комиссии не было, но предполагалось, что историки должны действовать в том же направлении — поднимать на встречах с российскими коллегами вопрос о «компенсации за оккупацию». Контакты между российскими и литовскими историками первоначально получили форму договора между Институтом всеобщей истории РАН и Институтом истории Литвы, а не комиссии. В «Протоколе о намерениях», подписанном в Москве в июне 2001 г., предполагалось совместное изучение важных для обеих стран проблем с древнейших времен до XX в., обмен публикациями и др. Правда, литовские историки планировали сделать приоритетным изучение послевоенной истории Литовской ССР как «периода оккупации» с соответствующей оценкой деятельности «коллаборантов». Однако после вопроса российских коллег, можно ли считать коллаборантами литовских ученых, работавших в советских научных структурах и вузах в рамках советской идеологии, литовцы больше не настаивали на том, чтобы взять данную тему для совместного изучения.

Впоследствии литовские историки предложили изменить формат совместной работы с договора на двустороннюю комиссию историков, что должно

было отражать бóльшую государственную значимость такого сотрудничества и более свободный доступ к архивам. Первое заседание комиссии состоялось 3–6 октября 2006 г. Возглавили комиссию сопредседатели: с российской стороны директор ИВИ РАН академик А. О. Чубарьян, с литовской — директор ИИ Литвы доктор истории А. Никжентайтис. При рассмотрении тематического плана работы для совместной разработки были намечены сложные проблемы российско-литовской истории. Предполагалось обсудить также материалы для школьных учебников обеих стран и составить рекомендации для авторов и издательств⁶.

Еще на стадии создания комиссии началась работа особой группы по выявлению в архивах и подготовке к публикации документов «СССР и Литва в годы Второй мировой войны». Хотя как российские, так и литовские члены комиссии заявляли о необходимости избегать политизации истории, на практике политизация в оценках событий проявилась уже после выхода в свет первого из двух томов документов. Этот том вышел в свет уже к первому заседанию комиссии. Документы значительно расширяли представление о советско-литовских отношениях⁷.

Дискуссионным и привлечшим основное внимание в обществе России и Литвы оказался не столько подбор документов, сколько политическая характеристика событий. Ч. Лауринавичюс, вспоминая ход подготовки издания, отметил, что при работе над томом членам рабочей группы приходилось не только искать консенсус при возникавших разногласиях в оценках некоторых событий истории, но и преодолевать исходившее со стороны (и в Литве, и в России) «довольно сильное давление, определенные препятствия и влияния, которые не соответствуют академическим принципам»⁸.

Литовские члены комиссии оказались под ударом критики и своих, и латвийских коллег из-за выбора хронологических рамок тома, который кончался 3 августа 1940 г., а не 15 июня — вводом советских войск в Литву. В разгоревшейся дискуссии противники такой датировки тома обращали внимание на следующее: «...если независимая Литовская Республика существовала до 3 августа 1940 г., то кто же в ночь с 11 на 12 июля 1940 г. произвел первые массовые аресты, в ходе которых было заключено в тюрьму около 3000 деятелей культуры, учителей и политических деятелей?». Так что период «оккупации» Литвы следует считать с ввода советских войск, но «отличительные ориентиры оккупации с 15 июня» в названии тома никак не отмечены⁹. При этом основной удар в данной дискуссии пришелся на директора ИИ Литвы и сопредседателя комиссии А. Никжентайтиса.

В еще большей степени историков и общественность разных стран привлекло высказанное в вводной статье к первому тому мнение Н. С. Лебедевой, что занятие советскими войсками большей части Литвы 15–16 июня 1940 г. стало «началом процесса оккупации и последующей аннексии» стран Балтии¹⁰. Хотя, согласно тексту статьи, оккупация Литвы продолжалась с момента введения

войск до принятия Литвы в состав СССР на правах союзной республики со всеми предоставленными правами по конституции СССР, слова Н. С. Лебедевой в Литве и Латвии были восприняты как признание русскими историками факта многолетней оккупации¹¹. Вопрос о том, как оценивать ее слова, российские журналисты задали сопредседателю комиссии академику А. О. Чубарьяну. Он уточнил, что это личное мнение конкретного историка, а он сам и «большинство российских историков придерживаются мнения, что оккупации не было». Что касается «аннексии» Литвы, то речь должна идти об инкорпорации республики в СССР. Этот термин в своих решениях использовало и правительство Великобритании сразу после событий 1939–1940 гг.¹²

Второй том издания под названием «Литва в политике СССР и в международных отношениях (август 1940 — сентябрь 1945)» вышел в 2012 г. и не вызвал такого интереса, как первый. В вводной статье Ч. Лауринавичюс обозначил период после включения Литвы в СССР как «инкорпорацию»¹³. Слухи о противоречиях между членами комиссии в ходе подготовки тома получили подтверждение в интервью Ч. Лауринавичюса газете *Lietuvos žinios* (4 января 2011 г.), упомянувшего об этих разногласиях¹⁴.

А. О. Чубарьян также не скрывал, что между российскими и литовскими членами рабочей группы были разногласия в понимании и трактовках некоторых документов, но в тех случаях, когда не достигался консенсус, российские члены комиссии писали отдельно комментарий¹⁵. Коротко говоря, комментарии к документам отражают точки зрения обеих сторон и показывают, что вести совместную работу можно и при отсутствии полного согласия между членами комиссии. Это же отметил и А. Никжентайтис¹⁶.

Общее замечание к подбору материалов в томе высказал директор фонда «Историческая память» А. Дюков, заметивший, что в сборнике отсутствуют документы о деятельности литовцев по уничтожению евреев, о бесчинствах литовских фашистов в других регионах СССР¹⁷. То, что документы, включенные в сборник, отражают далеко не все актуальные для того периода проблемы истории Литвы в годы фашистской оккупации и в первые годы инкорпорации республики в СССР, отметил в своей рецензии П. Иванов. Но при этом он признал, что оба тома — это колоссальное событие в освещении истории Второй мировой войны. Издание документов свидетельствует о состоявшемся диалоге между историками двух стран и дает надежду на его плодотворное продолжение, поскольку «для российско-литовских отношений в их прошлом и настоящем нет ничего опаснее молчания»¹⁸.

Опубликованные в двухтомнике документы не показывали картину советской оккупации так, чтобы на этом основании можно было требовать материальную компенсацию за «оккупацию» от России. Желая выяснить особенности инкорпорации с точки зрения ущерба для Литвы, литовские историки планировали издать в рамках комиссии сборник документов за период с 1945 по 1964 г., т. е. до конца правления Н. С. Хрущева. Однако налаженная работа комиссии

была прервана в 2014 г. по инициативе литовской стороны в связи с возвращением Россией Крыма и изменением международной ситуации. На вопрос о судьбе комиссии А. Никжентайтис ответил, что в «атмосфере начавшейся войны историки ничего не могут сделать и любая работа просто невозможна. <...> В наших контактах с русскими мы видим, как сужаются возможности наших коллег быть просто историками»¹⁹.

Однако в 2018 г. комиссия возобновила работу. Причиной послужило желание литовских историков найти подлинник Декларации о независимости 16 февраля 1918 г. Литовские члены комиссии высказывали озабоченность тем, что неизвестен подлинник Декларации, принятой Тарибой в условиях германской оккупации. Принятие Декларации вызвало резкое недовольство у германских властей, и Тариба вынуждена была провозгласить республику в состоянии «вечного союза» с Германией, реально признав Литву германским протекторатом²⁰. Законность же Декларации 16 февраля как основополагающего акта для создания независимой республики в Литве без оригинала документа оказывалась весьма шаткой. Сохранялась надежда, что документ находится в российских архивах²¹.

Возобновление работы комиссии было отмечено и в российской, и в литовской прессе. Приводились слова посла Литовской Республики в РФ Р. Мотузаса, что возобновление работы «свидетельствует о необходимости конструктивных контактов между учеными двух стран», которые «будут играть на одной шахматной доске, а не на разных»²². Его мысль продолжил новый сопредседатель комиссии и новый директор Института истории Литвы Р. Микнис, подчеркнувший, что, «несмотря на определенные сложности во взаимоотношениях Вильнюса и Москвы, научное сотрудничество историков обеих стран имеет большое значение не только для них самих», но и для соседей в Германии и Польше, «Вильнюс очень ждал эту встречу»²³. Таким образом, литовские историки в тот момент предпочли историю политике.

Учитывая особый интерес литовских историков к периоду создания независимой Литовской Республики и приближающееся столетие признания Советской Россией независимости Литвы (в 2020 г.), на заседании было решено образовать рабочую группу для выявления в архивах двух стран документов по истории советско-литовских отношений за период 1917–1920 гг. В ноябре 2020 г. в литовском посольстве в Москве состоялся круглый стол с участием российских, литовских и польских историков на тему «Мирный договор 1920 года между Советской Россией и Литвой». Выступивший на открытии посол Э. Баярунас подчеркнул, что подписание мирного договора в 1920 г. — это событие, которое «оставляет положительные воспоминания», прошлое же следует принимать «таким, каким оно было — с позитивными и негативными акцентами»²⁴. Сборник вышел в свет весной 2021 г., но оригинал Декларации так и не был найден. На презентации сборника в посольстве Литвы в мае 2021 г. Э. Баярунас высказал пожелание «дальше развивать конструктивное

сотрудничество и активно продолжать поиски исторических документов, важных для Литвы»²⁵.

Участие в заседаниях Российско-Литовской комиссии послов Литовской Республики в Москве подчеркивало политическую значимость исторического исследования для Литовского государства. А слова Э. Баярунаса в значительной мере повторяли смысл приводимого ранее мнения А. О. Чубарьяна, что историки могут и должны договариваться в общих интересах, несмотря на отсутствие консенсуса по ряду вопросов. Тогда же были намечены для обсуждения темы по изменению политической карты Восточной Европы в 1920–1921 гг. на фоне признания Советской Россией независимости всех стран Балтии и Польши и установления дипломатических отношений. Однако в следующем году работа комиссии была прекращена по решению литовской стороны в связи с началом СВО.

Впервые вопрос о необходимости создания комиссии латвийских и российских историков для изучения наиболее сложных аспектов совместного прошлого обсуждался в латвийском парламенте еще в 1997 г. Идею поддержали президент Латвии Г. Улманис и председатель парламента А. Чепанис. Это начинание с оптимизмом воспринял А. О. Чубарьян. Он подчеркнул, что «сотрудничество историков двух стран может помешать укоренению негативных стереотипов в сознании подрастающего поколения»²⁶.

Однако эти намерения не нашли поддержки у ведущих латышских историков. В 1998 г. в Латвии по инициативе президента Г. Улманиса была создана Латвийская комиссия историков, определившая своей первостепенной задачей доказать «преступления против человечности, совершенные на территории Латвии в период двух оккупаций 1940–1956 гг.» (позднее хронологические рамки были расширены до 1991 г.), поставив тем самым знак равенства между политикой СССР и фашистской Германии. Планировалось включить выводы комиссии в школьные учебники²⁷. Первоначально приглашение войти в состав комиссии в качестве одного из иностранных членов принял А. О. Чубарьян, но в 2006 г. он вышел из комиссии, считая, что его мнение никак не учитывается²⁸.

Развитие контактов между историками России и Латвии по широкому спектру проблем совместной истории получило выражение в ряде мероприятий в конце XX — начале XXI в., проведенных совместно учеными Института всеобщей истории РАН и Латвийского университета. Темой научных встреч было становление современной латышской нации и отношение между русским и латышским народами в XIX — первой половине XX в. Мероприятия проводились с участием посольства Латвийской Республики в РФ²⁹. Указанная тема была взята и за основу работы в рамках Договора о сотрудничестве, заключенного в 2003 г. между Институтом всеобщей истории РАН и Латвийским

университетом³⁰. Поскольку первостепенным для изучения в Латвии считался период с 1940 г., в конце 2005 г. российский посол в Риге В. И. Колужный обратился к президенту В. Вике-Фрейберге с предложением создать двустороннюю комиссию историков, «чтобы, наконец, освободить реальную политику от груза прошлого». Ведущие специалисты, занимающиеся изучением истории XX в. А. Странга, И. Фелдманис, А. Зунда снова посчитали создание такой комиссии нецелесообразным, сославшись на то, что русские историки хотят доказать, что «не было оккупации, аннексии и колонизации». Предложение посла было названо «самой настоящей политикой в наилучшем смысле этого слова»³¹.

Существование полувековой «оккупации» для значительной части общества страны, в том числе историков, после восстановления независимости Латвии было фактом, не подлежащим сомнению и обязательным для упоминания. Сошлемся на книгу по истории Латвии 1180–1290 гг. латышского историка И. Штернса, жившего в США. Рассказывая об исследованиях латышскими археологами в 1950–1980-х гг. многочисленных археологических памятников того периода, на основании чего были написаны монографии, позволившие представить историю Латвии в период средневековья, он назвал их исследованиями «из времени русской оккупации»³². Так, стало быть, «оккупация» пошла на пользу историческому познанию?

Отношение к двусторонней комиссии историков изменилось в Латвии после выхода в свет первого тома документов Российско-Литовской комиссии. Упоминание в вводной статье об «оккупации» в июне 1940 г. было расценено в Латвии как сенсация и признание русскими историками факта «оккупации» Литвы, что давало надежду латвийским ученым на аналогичную «победу»³³. О пользе создания Латвийско-Российской комиссии историков с того времени часто упоминалось в латышской прессе.

В декабре 2007 г. на встрече министров иностранных дел С.Л. Лаврова и М. Риекстиньша последним был поднят вопрос об облегчении латвийским ученым доступа к российским архивам, чтобы «историки наших стран могли в будущем вместе издать сборник документов с изложением совместной истории наших государств на протяжении XX в.»³⁴. Целесообразным становилось создание двусторонней комиссии историков. Вопрос о такой комиссии был поднят во время работы Российско-Латвийского круглого стола в мае 2008 г. Руководитель латвийской делегации А. Зунда высказался о необходимости в издании сборника о депортациях 1941 и 1949 гг. и посоветовал, что Россия не хочет признать «оккупацию», хотя это «общеизвестный факт»³⁵. Решение о создании двусторонней комиссии историков было принято на встрече президентов В. Затлерса и Д. А. Медведева в Москве 21 декабря 2010 г. По словам Д. А. Медведева, «комиссия должна будет внимательно проанализировать события прошлого и получить доступ к неоткрытым архивам, потому что историческую дискуссию надо вести на академическом поле, а не превращать в повод для политических свар»³⁶.

О заинтересованности Латвии в облегчении доступа латвийских историков в российские архивы МО, ФСБ и МИД, где могут быть важные для истории Латвии 1940 г. документы, высказались министр иностранных дел А. Ронис и А. Зунда (тогда — советник президента по вопросам истории). А по словам Э. Ринкевичса (тогда — глава канцелярии президента Латвии), архивы нужны для прояснения судеб депортированных, «хотя в целом это и так известно»³⁷. То есть документы должны были подтвердить то, что в Латвии уже было законодательно закреплено без достаточных конкретных доказательств.

Учитывая основную задачу, которую ставили перед собой латвийские историки, приветствовавший создание двусторонней комиссии акад. А. О. Чубарьян в интервью «Российской газете» подчеркнул, что важно не дать комиссии превратиться в элемент политических спекуляций, чтобы история не стала заложницей современной политики³⁸. Уже 8 января 2011 г. президент В. Затлерс предложил главе Латвийской исторической комиссии И. Фелдманису стать сопредседателем с латвийской стороны в двусторонней комиссии историков. А при том что членами Латвийской исторической комиссии были также А. Зунда (сменивший в 2012 г. И. Фелдманиса на посту сопредседателя Российско-Латвийской комиссии), Д. Блейере, Д. Клявиня, И. Шнейдере, то латвийская сторона двусторонней комиссии изначально рассматривалась как делегированная для работы с российскими историками часть Латвийской исторической комиссии, в которой на первом месте стоял вопрос «об оккупации».

Вопрос о том, нужна ли двусторонняя комиссия, журналисты задали директору Института истории Латвии Г. Земитису, зарубежным латвийским ученым историкам А. Эзергайлису (США), К. Кангерису (Швеция) и политологу Ю. Дрейфелдсу (Канада). Все они согласились с ее созданием, поскольку открывался доступ в российские архивы, хотя и сомневались, что в России признают оккупацию. Г. Земитис заметил, что в трактовке фактов русские историки «не всегда свободны от политического давления», хотя «признание факта оккупации — не предмет дискуссии историков»³⁹, видимо, считая, что этот факт настолько очевиден, что не требует обсуждения. В июне 2011 г. газета *Latvijas Avīze* без каких-либо доказательств написала, что из предполагаемых российских членов комиссии только двое «последовательно отвергают теорию оккупации»⁴⁰. Таким образом, латвийское общество приучалось к мысли, что предстоящая работа латышских историков в двусторонней комиссии позволит подтвердить документами из архивов и без того очевидную «оккупацию» Латвии.

Но были и сомневавшиеся. Не полностью воспринимали положение об «оккупации» члены партии «Saskaņa» (Согласие). Новый президент А. Берзиньш в интервью сказал, что доказывать, была или нет оккупация, должны историки, чем вызвал непонимание интервьюера: как так, ведь оккупацию признал парламент, а в Риге существует Музей оккупации⁴¹. А мэр Риги Н. В. Ушаков считал, что присоединение Латвии в 1940 г. хотя и «было недемократичным», но существование «оккупации» следует оставить для изучения историкам⁴².

В России скептически отнесся к созданию двусторонней комиссии А. Р. Дюков, хотя и допускал, что положительный результат может быть получен, если работа членов комиссии будет основываться на взаимопонимании и носить научный, а не политический характер. Он посоветовал российским членам комиссии обнаружить документы о деятельности латвийского легиона СС. А историк В. В. Симиндей предположил, что в Латвии предметом обсуждения в комиссии пытаются сделать не малоизученные факты совместной истории, а безоговорочное принятие российскими властями и научным сообществом «оккупационной» риторики в адрес СССР⁴³.

Накануне первой встречи комиссии в Москве латвийские СМИ намекали, что в России в последний момент откажутся от нее, не желая обсуждать неприятные для них темы, писали, что встреча не состоится, так как российская сторона «не проявляла никакой активности»: не назвала всех своих членов комиссии и не прислала замечания на поданный Латвией проект положения о комиссии⁴⁴. О том, что о Латвийско-Российской комиссии историков знала значительная часть латвийского общества, свидетельствовал проведенный агентством TNS Latvija опрос среди экономически активного населения от 18 до 55 лет (число и национальность респондентов не указывались). На вопрос, будет ли эта комиссия значима для Латвии, только 20 % опрошенных не имели определенной точки зрения, а 45 % ответили, что комиссия будет иметь положительное (12 %) или скорее положительное (33 %) значение⁴⁵.

Перед отъездом в Москву И. Фелдманис заявил, что работа комиссии будет охватывать «более широкий период, чем тот, о котором речь шла прежде». Начать нужно с периода 1920–1930-х гг. Но сотрудничество историков Латвии и России будет способствовать тому, что «Российское государство скорее признает факт оккупации Латвии»⁴⁶.

На первом заседании комиссии в Москве 14 ноября 2011 г. российские историки предложили заняться проблемами формирования исторических условий для создания латвийской государственности, что логично подводило бы и к провозглашению Латвийской Республики, и к установлению советско-латвийских межгосударственных отношений. Но в конечном итоге было принято предложение латвийской стороны провести «углубленное исследование вопросов истории Латвийской Республики и Советского государства в XX в.» и подготовить «академическое и объективное освещение малоизученных и дискуссионных проблем, касающихся истории России и Латвии в широком международном контексте»⁴⁷. Было решено начать работу над сборником документов «Отношения между СССР и Латвийской Республикой в межвоенный период» и утверждена концепция сборника. Рабочая группа приступила к сбору материалов в архивах Москвы и Риги. По заключению всех членов комиссии, «встреча прошла в конструктивной обстановке и позволила надеяться на многолетнее и плодотворное сотрудничество»⁴⁸.

Не желая, чтобы в Латвии сочли выбор темы для обсуждения отступлением от обещанного доказательства «оккупации», И. Фелдманис в интервью газете *Diena* заявил, что в вопросе об оккупации 1940 г. «мы, естественно не готовы ни в чем уступать. Наша позиция настолько сильна, аргументирована, закреплена в исторической литературе — в том числе и в западной исторической литературе — что тут нечего обсуждать»⁴⁹. А. Зунда же пообещал, что вопрос об «оккупации с 1940 по 1990 г.» станет следующим этапом изучения комиссией⁵⁰.

В свою очередь А. О. Чубарьян подчеркнул, что задача комиссии заключается в деполитизации истории⁵¹, а А. В. Шубин высказал общую для российских членов комиссии точку зрения, что перед историками не стоит задача доказать присутствие или отсутствие оккупации, главная задача комиссии — понять, что происходило на самом деле; можно ли назвать происходившее оккупацией — это вопрос терминологического обсуждения. Когда обсудим термины, можно оценить их применимость к конкретным историческим ситуациям, причем дискутировать можно только о 1940 г. Говорить же о «советской оккупации», когда Латвия уже стала равноправной частью СССР, а все жители Латвии — советскими гражданами, бессмысленно и безосновательно⁵².

Во время второго заседания (Рига, ноябрь 2012 г.) полную поддержку работе комиссии выразил президент А. Берзиньш, подчеркнув в беседе с сопредседателями комиссии, что основное условие в изучении истории — это выяснение исторической правды, в том числе и о судьбах репрессированных жителей Латвии⁵³. А. О. Чубарьян, выразив президенту благодарность за интерес к историческим исследованиям, добавил, что исторические факты не следует политизировать или идеологизировать. При этом А. Зунда отметил, что «лучше сотрудничать, чем сидеть в противоположных окопах и отстреливаться из амбразуры»⁵⁴. Тем не менее в мае 2013 г. на международной конференции по безопасности в рамках ОБСЕ в Риге Зунда заявил, что ценным вкладом ОБСЕ в развитие латвийско-российского диалога и достижение примирения по историческим вопросам стала бы объективная международная оценка двух тоталитарных режимов XX в. и совершенных ими преступлений, было бы полезно организовать второй Нюрнбергский процесс для оценки последствий коммунистического режима⁵⁵. Комментируя его слова, А. О. Чубарьян ответил, что «мы никогда на такое не пойдем»⁵⁶.

Хотя и на следующей встрече в конце 2013 г. в Москве вопросы истории 1939–1941 гг. также не обсуждались (несмотря на обещание А. Зунды), тема «оккупации» так или иначе витала над работой комиссии. В 2014 г., после вхождения Крыма в состав РФ, А. Зунда от имени латвийских членов комиссии заявил, что совместная работа может быть заморожена, если продолжатся действия России в отношении Украины. В сентябре латвийская сторона известила российских партнеров и средства массовой информации о прекращении работы комиссии⁵⁷. Однако летом 2015 г. А. Зунда высказался в интервью о необходимости продолжать сотрудничество, а затем попросил А. О. Чубарьяна о встрече

и приехал в Москву для обсуждения совместных вопросов. В Москве, несмотря на странности такой перемены, ситуация, по словам А. О. Чубарьяна, вызвала «осторожный оптимизм». На встрече сопредседателей было решено передать латвийской стороне копии документов, выявленных латышскими историками в российских архивах, и провести заседание в Риге в 2016 г.⁵⁸ В ноябре 2015 г. документы были переданы в присутствии представителей посольства Латвийской Республики в РФ⁵⁹. Однако документы из архивов Риги российским коллегам предоставлены не были. Неожиданно для российских членов комиссии в российских СМИ появились материалы о том, что историки и конкретно академик А. О. Чубарьян повели себя безответственно, передав Латвии большое количество важных документов. Передача документов была воспринята как стремление российских историков возобновить работу комиссии, хотя в Риге от этого отказались, обвинив Россию в «агрессии»⁶⁰.

Страсти несколько утихли после разъяснения А. О. Чубарьяна, что документы подбирались латвийскими коллегами в рамках существующих архивных правил и как часть работы комиссии. Передача ксерокопий с документов была заранее согласована и стала выполнением договоренностей российской стороной. Всего было передано 44 документа — 200 листов, а не фантастическое число в 2500 листов, о чем упоминалось в СМИ⁶¹.

Непоследовательность действий А. Зунды можно объяснить тем, что он как сопредседатель комиссии был ответственен за судьбу сборника. В одностороннем порядке без согласия российских членов комиссии издать сборник было нельзя. Кроме того, не получила обещанного документального подтверждения «оккупация», о чем столько говорили в Латвии. В результате впустую были потрачены немалые деньги, выделяемые из бюджета на работу комиссии (только на 2011 г. было выделено 5620 евро⁶²). Так что с него в какой-то момент могли за все спросить.

В желании восстановить работу комиссии А. Зунда не был одинок. В августе 2015 г. в газете *Neatkarīgas Rīta Avīze* появилась статья, в которой журналист М. Краутманис (вовсе не настроенный пророссийски) писал, что прекращение на неопределенное время работы двусторонней комиссии историков, якобы направленное против России, на самом деле похоже на санкции Латвии против своих же историков. Латвийские ученые пострадали от прекращения работы комиссии как морально, так и материально. Хотя на конструктивное сотрудничество можно было бы рассчитывать, пока комиссию возглавляет акад. А. О. Чубарьян, который «смотрит на историю без идеологических штампов и может не подчиняться давлению кремлевских идеологов»⁶³.

Тем не менее некоторые коллеги по комиссии сочли стремление А. Зунды восстановить работу вопреки их общему решению предательством и заявили об отставке. Свою позицию они изложили в телепередаче «Ничего личного» на TV3 в марте 2016 г.: им «представляется аморальным продолжать сотрудничество, как будто ничего не произошло». В передаче было заявлено, что

латвийские историки работают над темами самостоятельно и без какого-либо политического влияния, российские же члены комиссии несамостоятельны в принятии решений, находятся под давлением политической линии страны. А. О. Чубарьяну была дана «лестная оценка» «помощника планам президента Путина по внедрению единственно верного взгляда на историю и роль России в ней»⁶⁴. Иными словами, если историк поддерживает законодательно закрепленное положение о «50-летней оккупации» и согласен с политикой Евросоюза, то он — самостоятельный, независимый исследователь, а если он придерживается противоположного мнения, то он несвободен в своих выводах, находится под давлением политической линии Путина. При таком подходе прийти к консенсусу в комиссии вряд было бы возможно.

Новая попытка восстановить работу комиссии была связана с планами президента (в 2012–2020) Латвийской академии наук О. Спаритиса. По его инициативе латвийская часть двусторонней комиссии историков была передана из подчинения канцелярии президента Латвии в Академию наук. В сентябре 2017 г. по приглашению О. Спаритиса А. О. Чубарьян встречался в Риге с новыми латвийскими членами двусторонней комиссии; было решено провести заседание в следующем году⁶⁵. Проведение заседания в Риге осенью 2018 г. О. Спаритис подтвердил также в феврале 2018 г. во время поездки в Москву в связи с его планами создать представительство РАН в Латвии⁶⁶.

Однако затем возникла ситуация, которую А. О. Чубарьян назвал «беспрецедентной». В Риге вдруг оказалось, что никакого решения о возобновлении работы комиссии не было. А летом О. Спаритис сообщил, что Латвийско-Российская комиссия историков окончательно прекращает работу. Хотя комиссию деполитизировали, передав ее из ведения президента Латвии в ведение ЛАН, никто из латвийских членов комиссии не проявил должной активности в продолжении работы. Возобновлению работы мешало ухудшение отношений между двумя странами. Директор Института истории Латвии Г. Земитис, которому президент ЛАН поручил разработать основы и направления работы комиссии, сообщил, что в Латвии нет достаточного количества специалистов, чтобы заниматься историей 1920–1940-х гг. Кроме того, восстановление работы комиссии — «это не только академический, но и моральный аспект». Реальная причина прекращения работы комиссии, а также невозможность реализации планов сотрудничества академий наук двух стран заключалась в словах О. Спаритиса, что существование такой комиссии не соответствует рекомендациям латвийских учреждений, координирующих внешнеполитическую и научно-просветительскую работу⁶⁷. Таким образом, латвийской стороной было выражено «независимое от политического давления мнение» о необходимости прекращения работы двусторонней комиссии.

При незавершенности работы над сборником и невозможности в одностороннем порядке использовать для публикации собранные документы идея о двусторонней комиссии не была забыта. В начале 2020 г. посол Латвийской

Республики в РФ М. Риекстиньш высказал мнение, что работу комиссии историков стоило бы возобновить. При этом он обвинил российских историков в повторении «мифов, которые сильно напоминают интерпретацию истории периода застоя прошлого века» и в том, что российские историки не желают «становиться свободными» вместе с латышскими коллегами⁶⁸. На что А. О. Чубарьян ответил: «...к сожалению, мы лишены возможности искать истину из-за нежелания латвийских коллег вести диалог»⁶⁹.

Прекращение работы Российско-Латвийской комиссии вызвало разочарование у российских историков, поскольку было желание закончить работу над совместным изданием. Что касается других членов научного сообщества в России, упоминание о возможном возобновлении работы комиссии было воспринято без особых надежд. Например, В. В. Симиндей заметил, что завершение работы над сборником было бы хорошим, но маловероятным вариантом. Кризис работы комиссии он объяснил тем, что для российской стороны участие в двусторонней комиссии предполагало деполитизацию исторических исследований, в Латвии же история является инструментом политических манипуляций. В отличие от Латвии, в России нет одной официально закрепленной на юридическом уровне позиции по вопросам российско-латвийских отношений в прошлом. В Латвии же есть официальная позиция, с которой согласны латвийские историки. Так что какого-то оптимизма в будущем не стоит ожидать⁷⁰. Примерно такие же оценки дает и политолог А. Носович, считающий, что работа обеих комиссий свелась к требованиям, а не к исследованиям, тем более что на фоне принятого литовским сеймом в 2011 г. закона об уголовном преследовании за отрицание «оккупации» работа Российско-Литовской комиссии историков не могла не сойти на нет. Латвийские официальные историки восприняли создание межгосударственной комиссии как проявление Россией слабости и намеревались надавить на российских коллег. Обе комиссии только подтвердили, что большинству внешних наблюдателей и так давно было понятно: история в странах Балтии — это область не науки, а исключительно идеологии и пропаганды⁷¹. О том, что для России совместная работа российских и латвийских историков абсолютно не приоритетна и малополезна и именно Латвия заинтересована в работе этой комиссии, заметил в интервью корреспонденту портала RuBaltic.Ru политолог М. В. Демури⁷². По замечанию историка В. В. Воротникова, деидеологизации официальных трактовок исторических сюжетов в ходе работы двух комиссий не произошло⁷³.

То, что и Польше положительный итог работы двух комиссий виделся исключительно в признании российскими историками советской полувековой «оккупации» стран Балтии, следует, например, из статьи историка П. Летко. По его мнению, позиция российской стороны, принципиально не признающей оккупацию, отражает российскую историческую политику, направленную на формирование видения прошлого, соответствующего текущей государственной политике России⁷⁴. Очевидно, польского коллегу интересовала не на-

учная дискуссия, а подтверждение того же, чего от российских историков ждали в Латвии и Литве.

Думается, однако, что необходимо было создать комиссии и начать в них работу, чтобы подтвердить изначально политические, а не научные намерения балтийских историков. Неверно говорить, что в работе комиссий не было достижений и в историческом исследовании. Небольшие, но существенные положительные итоги научного общения на сессиях комиссий нашли отражение в публикациях. А назвать мышью, рожденной горой⁷⁵, три сборника, изданные Российско-Литовской комиссией, дающие большие возможности для изучения истории взаимоотношений Советского государства и Литвы с 1917 по 1945 г., можно лишь, не заметив в пылу полемики содержание этих изданий.

Коротко говоря, хотя в ходе работы Российско-Литовской и Российско-Латвийской комиссий историков произошло некое отступление от первоначальных планов наших балтийских коллег свести все к проблеме «оккупации», все же не удалось избежать превращения истории в заложницу политики. Остается лишь сожалеть, что не получилось реализовать научные замыслы совместного исследования, важного для понимания истории всего Восточноевропейского региона в переломную эпоху первой половины XX в. Причем в большей степени заложниками политики своих государств оказались именно историки Латвии и Литвы, потерявшие возможность исполнить обещания, данные своим согражданам.

¹ См.: Александров М. В. Вопрос о «компенсации за оккупацию» в российско-литовских отношениях // Livejournal. 2013. 03.09. URL: <https://m-alexandrov.livejournal.com/21061.html?>* (дата обращения 10.09.2023); Сейм Литвы принял резолюцию с требованием к РФ компенсации за «советскую оккупацию» // ТАСС. 2021. 15 июня. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11654031> (дата обращения 10.09.2023).

² См.: В Латвии обещают до конца года закончить подсчет убытков от «советской оккупации» // EurAsia Daily. 2022. 1 сентября. URL: <https://easily.com/ru/news/2022/09/01/v-latvii-obeshchayut-do-konca-goda-zakonchit-podschyot-ubytkov-ot-sovetskoj-okkupacii> (дата обращения 10.09.2023).

³ В Литве уголовное наказание за отрицание преступлений СССР в Литве ввели в 2010 г. (За отрицание преступлений СССР в Литве ввели уголовную ответственность // ForPost: Новости Севастополя. 2010. 16 июня. URL: <https://sevastopol.su/news/za-otricanie-prestupleniy-sssrg-v-litve-vveli-ugolovnyu-otvetstvennost> (дата обращения 10.09.2023); в Латвии законопроект об отрицании советской оккупации введен в 2014 г. (Сейм Латвии утвердил законопроект об ответственности за отрицание «советской оккупации» // ТАСС. 2014. 15 мая. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1188052> (дата обращения 10.09.2023)).

⁴ См.: Стеклов О. «Дело Палецкиса» — испытание для Литвы, России и ООН // Регнум. 2021. 8 октября. URL: <https://regnum.ru/article/3392455> (дата обращения 10.09.2023); Против литовского политического узника Альгирдаса Палецкиса возбуждено новое уголовное дело // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников проживающих

- за рубежом. 2023. 25 октября. URL: https://pravfond.ru/press-tsentr/protiv-litovskogo-politicheskogo-uznika-algirdasa-paletsiska-vozbuzhdeno-novoe-ugolovnoe-delo/?sphrase_id=4334 (дата обращения 10.09.2023); и др.
- 5 За что в Латвии судят филолога // Русский мир.ru: Блог на «Дзене». 2021. 13 июля. URL: <https://dzen.ru/a/YO2QL1N7SCEWvkTv?experiment=948519> (дата обращения 10.09.2023); Суд в Латвии приговорил к условному сроку за пост в соцсети учителя русского языка и литературы Александра Филея // Baltija.eu. 2023. 7 ноября. URL: <https://baltija.eu/2023/11/07/sud-v-latvii-priovoril-k-uslovnomu-sroku-za-post-v-soczseti-uchitelya-russkogo-yazyka-i-literatury-aleksandra-fileya/> (дата обращения 10.09.2023).
 - 6 Материалы 2-й сессии Российско-литовской комиссии (доклады и дискуссия) см.: Россия и Балтия. Вып. 7: Памятные даты и историческая память / Отв. ред. акад. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. С. 245–336.
 - 7 СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская республика (март 1939 — 3 августа 1940 г.) / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. А. Лебедева. Вильнюс: ЛП, 2006; *Манкевич М.* СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2009. № 12. С. 116–118.
 - 8 Lietuvos ir Rusijos istorikai priešinasi istorijos politizavimui // Alfa. 2008. 18 сентября. URL: <https://www.alfa.lt/straipsnis/198180/lietuvos-ir-rusijos-istorikai-priesinasi-istorijos-politizavimui/> (дата обращения 10.09.2023).
 - 9 *Valiušaitis V.* Landsbergio ir Nikžentaicio ginčas-vaisingas. URL: <http://www.balsas.lt/paujiena/193964/landsbergio-ir-nikzentaicio-gincas-vaisingas/rubrika> (дата обращения 10.09.2023; ресурс доступен через VPN).
 - 10 СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 54.
 - 11 Латвийские СМИ: успехом российско-литовской комиссии во главе с Чубарьяном стало признание оккупации Прибалтики // Регнум. 2011. 17 января. URL: <https://regnum.ru/article/1364961> (дата обращения: 10.09.2023).
 - 12 Там же; *Новоселова Е.* Александр Чубарьян: Главное, чтобы история России и Латвии не стала заложницей современной политики // Российская газета. 2010. 21 декабря. URL: <https://rg.ru/2010/12/21/ros-latv.html> (дата обращения 10.09.2023); см. также: Интервью А. О. Чубарьяна газете «Экспресс-неделя» // Экспресс-неделя. 2013. 8 марта. URL: <https://www.nedelia.lt/rusworld/21981-aleksandr-chubaryan-v-nauchnom-mire-ne-gazgovarivayut-na-yazyke-ultimatumov.html> (дата обращения 10.09.2023).
 - 13 СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 2: Литва в политике СССР и в международных отношениях (август 1940 — сентябрь 1945 гг.): сборник документов / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н.А. Лебедева. Вильнюс: ЛП, 2012. С. 32.
 - 14 Слова Ч. Лауринавичюса приводятся в статье «Александр Чубарьян: Главное, чтобы история...».
 - 15 Интервью А. О. Чубарьяна газете «Экспресс-неделя».
 - 16 Слова Ч. Лауренавичюса приводятся в статье «Александр Чубарьян: Главное, чтобы история...».
 - 17 *Дюков А.* «СССР и Литва». Том второй // Livejournal. 2013. 04.10. URL: <https://a-dyukov.livejournal.com/1301672.html?> (дата обращения: 10.09.2023).
 - 18 *Иванов П.* СССР — Литва: сложная правда общей истории // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5). С. 151–158.
 - 19 См.: *Sustojo bendras...* URL: <https://m.kauno.diena.lt/naujienos/lietuva/salies-pulsas/sustojo-bendras-lietuvos-ir-rusijos-istoriku-darbas-675951> (дата обращения 20.09.2023).
 - 20 См. о Декларации: *Кукушкина И. А.* Значение Декларации независимости Литвы 16 февраля 1918 г.: что об этом говорят источники // Россия и Балтия. Вып. 9: Источники и миф в истории. М.: Весь Мир, 2020. С. 50–62.
 - 21 Ar 100-mečio proga pavyks iš Rusijos parsigabenti Vasario 16-osios aktą? // Valstietis. lt. 2017. 15 марта. URL: <https://www.valstietis.lt/svetur/ar-100-mečio-proga-pavyks-is-rusijos-parsigabenti-vasario-16-osios-akta/25891> (дата обращения 20.09.2023); Литовская

- государственность: взгляд сквозь века // Литовский курьер. 2015. 12 февраля. URL: <https://www.kurier.lt/litovskaya-gosudarstvennost-vzglyad-skvoz-veka/> (дата обращения 20.09.2023).
- ²² Торин А. Совместная комиссия историков России и Литвы возобновляет работу // Международная жизнь. 2018. 20 апреля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19743> (дата обращения 20.09.2023); Bendra Lietuvos ir Rusijos istorikų komisija Maskvoje paminėjo Lietuvos valstybės atkūrimo 100-metį // Сайт Посольства Литовской Республики в Российской Федерации. 2018. 18 апреля. URL: <https://un.mfa.lt/ru/lt/naujienos/bendra-lietuvos-ir-rusijos-istoriku-komisija-maskvoje-paminejo-lietuvos-valstybes-atkurimo-100-meti> (дата обращения 20.09.2023); Вопреки сплетням и мифам: как историки из Литвы и РФ встретились в Москве // Sputnik. Литва. 2018. 18 апреля. URL: <https://lt.sputniknews.ru/20180418/istoriki-lithuania-russia-vstrecha-moscow-5763753.html> (дата обращения 20.09.2023).
- ²³ Торин А. Совместная комиссия историков России и Литвы возобновляет работу; см. также: Вопреки сплетням и мифам... Статьи по докладом на этой встрече в 2018 г. опубликованы в электронном научно-образовательном журнале «История» (2019. Вып. 7 (81). Т. 10: Вопросы истории международных отношений в Скандинавско-Балтийском регионе в XIX–XXI вв. URL: <https://history.jes.su/issue.2019.3.7.7-81/> (дата обращения 20.09.2023)).
- ²⁴ Maskvoje vyko diskusija, skirta Sovietų Rusijos – Lietuvos taikos sutarties šimtmečiui paminėti // Сайт Посольства Литовской Республики в Российской Федерации. 2020. 26 ноября. URL: <https://urm.lt/default/lt/naujienos/maskvoje-vyko-diskusija-skirta-sovietu-rusijoslietuvos-taikos-sutarties-simtmečiui-pamineti> (дата обращения 20.09.2023).
- ²⁵ Литва – Россия. 1917–1920: сборник документов / Сост. Ч. Лауринавичюс, А. Каспаравичюс, З. Буткус, И.А. Кукушкина, А.В. Шубин. Вильнюс: ИИ Литвы, 2020; см. также: В Москве состоялась презентация сборника документов Совместной российско-литовской комиссии «Литва – Россия. 1917–1920» // Сайт Посольства Литовской Республики в Российской Федерации. 2021. 12 мая. URL: <https://ru.mfa.lt/ru/ru/news/v-moskbe-sostoaalas-j-prezentatsiaa-svornika-dokumentob-sobmestnoj-rossijsko-litobskoj-komissii-litbarossiaa-19171920-> (дата обращения 20.09.2023).
- ²⁶ Виктор Гуцин: Российско-латвийская комиссия историков в повестке дня – признание «оккупации» // Регнум. 2011. 16 января. URL: <https://regnum.ru/article/1364857> (дата обращения 20.09.2023).
- ²⁷ См.: The Commission of the Historians of Latvia // Crimes against Humanity. Latvian Site. URL: <http://lpra.vip.lv/komisija.htm> (дата обращения 12.11.2023); Vēsturnieku komisija savā atskatā // Latvijas vēstnesis. 2001. 07.12, nr. 178. URL: <https://www.vestnesis.lv/ta/id/56278> (дата обращения 12.11.2023).
- ²⁸ Виктор Гуцин: Российско-латвийская комиссия историков...
- ²⁹ См. об этом: Комаров А. А., Михайлова Ю. Л. О развитии научных связей Института всеобщей истории РАН с историками Латвии // Янтарный мост: [журнал]. URL: <https://www.amberbridge.org/О-развитии-научных-связей-Института-всеобщей-истории-РАН-с-историками-Латвии/> (дата обращения 20.09.2023).
- ³⁰ В рамках договора были изданы два сборника статей: Интеллигенция в многонациональной империи: русские, латыши, немцы. XIX – начало XX в. / Науч. рук. проекта акад. А. О. Чубарьян, проф. Г. Страубе. М.: ИВИ РАН, 2009; Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX века / Отв. ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015; а также отдельные статьи в серии «Россия и Балтия» и в электронном научно-образовательном журнале *Istorija*.
- ³¹ Информация публиковалась в газетах *Latvijas Avīze* и «Вести сегодня». См.: Не видят смысла в российско-латвийской комиссии историков // ИноСМИ. 2005. 20 декабря. URL: <https://inosmi.ru/20051220/224430.html> (дата обращения 20.09.2023).
- ³² *Šterns I.* Latvijas vesture. Krustkari. 1180–1290. Rīga: LVI apgāds, 2002.

- ³³ См. интервью И. Фелдманиса газете *Diena*. Цит. по: Инесис Фелдманис: Российские историки признают «советскую оккупацию» Латвии // Регнум. 2011. 2 декабря. URL: <https://regnum.ru/article/1474224> (дата обращения 20.09.2023); Латвийские СМИ: успехом российско-литовской комиссии...; Valda šonedēļ... // *Australijas Latvietis*. 2006. № 2809, 16.08.
- ³⁴ Эксклюзивное интервью министра иностранных дел Латвии // Российская газета. 2007. 19 декабря. URL: <https://rg.ru/2007/12/19/latvia.html> (дата обращения 20.09.2023).
- ³⁵ *Latvijas vēsturnieki brauc uz Maskavu* // *Ritums*. 2008. No. 650, 01.06.
- ³⁶ Россия и Латвия вместе разберутся с прошлым // Российская газета. 2010. 21 декабря, № 288. С. 2.
- ³⁷ *Latvijas – Krievijas vēsturnieku komisijās līdzpriekšnieks būs Inesis Feldmanis* // *Latvijas Amerikā*. 2011. No. 1, 08.01.
- ³⁸ Александр Чубарьян: Главное, чтобы история...
- ³⁹ *Kompromisi ar vēsturi?*
- ⁴⁰ Официальная Россия на пути признания «оккупации» Латвии: Москва подчинилась историкам из Риги // *Rufact.org*. 2011. 29 июня. URL: <https://www.rufact.org/blog/2011/jun/29/official-russia-on-the-recognition-of-the-and-quot/> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁴¹ Интервью для газеты *Latvijas Avižes* брал Марис Антоневицс. См.: *Latvijas preses apskats* // *Australijas Latvietis*. 2011. № 3049, 17.08.
- ⁴² Затлерс удивлен, что мэр Риги не признает факт оккупации страны СССР // РИА Новости. 2009. 21 октября. URL: <https://ria.ru/20091021/189972413.html> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁴³ Прошлое помират с настоящим; также: Споры с Латвией в прошедшем времени // *Известия*. 2011. 29.06, № 114. С. 4; Владимир Симиндей: «В архивных делах с Латвией нужно соблюдать элементарную осторожность и паритет» // Регнум. 2010. 18 августа. URL: <https://regnum.ru/article/1316298?ysclid=luqzkn95vh860638553> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁴⁴ *Krievijas pusē entuziazms noplacis* // *Latvija Amerikā*. 2011. No. 40, 15.10.
- ⁴⁵ 45 % iedzīvotāju uzskata, ka Latvijas-Krievijas vēsturnieku komisija būs nozīmīga Latvijai // *Finanses.info*. URL: <https://www.finanses.info/45-iedzivotaju-uzskata-ka-latvijas-krievijas-vesturnieku-komisija-bus-nozimiga-latvijai/> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁴⁶ *Valsts prezidents ieinteresēts vēsturnieku darbā*. URL: <https://gulags.wordpress.com/2011/11/06/valsts-prezidents-ieinteresets-vesturnieku-darba/> (дата обращения 20.09.2023); Историк Фелдманис: некоторые ведущие политики России уже признали оккупацию Латвии // *ИноСМИ*. 2012. 10 августа. URL: <https://inosmi.ru/20120810/196383505.html> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁴⁷ Российский экземпляр коммунике хранится в ИВИ РАН; см. также: *Maskavā sarunas “ar perspektīvu”*. URL: http://la.lv/index.php?option=com_content&view=article&id=333735:maskav-sarunas-lar-perspektivur&Itemid=177 (дата обращения 20.09.2023).
- ⁴⁸ *Maskavā sarunas “ar perspektīvu”*; Интервью академика РАН Александра Чубарьяна // Сайт Российской академии наук. 2011. 22 ноября. URL: <https://www.ras.ru/digest/shownews.aspx?id=4cc828ee-e7f9-4f1f-b834-412935c6ceb> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁴⁹ Инесис Фелдманис: Российские историки...
- ⁵⁰ *Сусликова М.* Антоний Зунда: Латвия вошла в состав СССР под давлением // *Взгляд: деловая газета*. 2011. 16 ноября. URL: <https://m.vz.ru/politics/2011/11/16/539114.html> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁵¹ Интервью академика РАН Александра Чубарьяна.
- ⁵² *Сусликова М.* Александр Шубин: В Латвии хотят брать быка за рога // *Взгляд: деловая газета*. 2011. 15 ноября. URL: <https://vz.ru/politics/2011/11/15/538542.html?ysclid=lur0ar4u7t833725216> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁵³ Участники латвийско-российской комиссии историков провели встречу с президентом Берзиньшем // Регнум. 2012. 27 ноября. URL: <https://regnum.ru/news/1597889> (дата обращения 20.09.2023).

- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Vēstures profesors A. Zunda šodien konferencē norādīja, ka lietderīgi būtu sarīkot 2. Nirnbergas procesu // Bonis.lv. URL: <https://bonis.lv/2013/05/31/vestures-profesors-a-zunda-sodien-konference-noradija-ka-lietderigi-butu-sarikot-2-nirnbergas-procesu/> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁵⁶ Носович А. Академик Чубарьян: «Латвия хочет второй Нюрнберг? Безобразие!» // Rubaltic.ru. 2013. 7 июня. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/akademik-chubaryan-latviya-khochet-vtoroy-nyurnberg-bezobrazie070613/> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁵⁷ Представители Латвии обещают заморозить деятельность совместной с Россией комиссии историков // Комсомольская правда. 2014. 13 августа. URL: <https://www.kp.ru/online/news/1817111/> (дата обращения 20.09.2023); Darbību ir pārtraukusi Latvijas – Krievijas vēsturnieku komisija // Latvijas Sabiedriskie Mediji. 2014. 28 сентября. URL: <https://lr1.lsm.lv/lv/raksts/siis-dienas-aciim/darbiibu-ir-partraukusi-latvijas--krievijas-vesturnieku-komisija.a43241/> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁵⁸ Новоселова Е. Красно-белое колесо // Российская газета. 2015. 27 октября, № 242. С. 12.
- ⁵⁹ Vēsturnieku komisija neērtā situācijā // La.lv. 2015. 13 novembris. URL: <https://www.la.lv/vesturnieku-komisija-neerta-situacija> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁶⁰ Российский академик самовольно передал Латвии тысячи копий важнейших документов международного значения // Голос Балтии. 2015. 17 ноября. URL: <https://balticvoice.ru/society/6604> (дата обращения 20.09.2023); Позор да и только: зачем нужна Российско-Латвийская комиссия историков? // Livejournal. Блог аналитического портала «RuBALTIC.Ru». URL: <https://rubaltic.livejournal.com/492047.html> (дата обращения 20.09.2023); Латвия обманом выманила у России 2,5 тыс. секретных документов // Совершенно секретно. 2015. 17 ноября. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/latviya-obmanom-vumanila-u-rossii-2-5-tys-sekretnykh-dokumentov/> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁶¹ Академик Чубарьян: скандал вокруг передачи архивных документов Латвии основан на мифах // ТАСС-Наука. 2015. 20 ноября. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/2456798>; также: <https://diletant.media/news/26810049/> (дата обращения 20.09.2023); Александр Чубарьян об архивном скандале // Царьград-ТВ. 2015. 20 ноября. URL: <http://tsargrad.tv/article/aleksandr-chubarjan-rutinnoe-serdce-arhivnogo-skandala> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁶² Латвия выделит средства для латвийско-российской комиссии историков // Регнум. 2011. 6 января. URL: <https://regnum.ru/news/1362655> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁶³ Цит. по: Надо постараться восстановить комиссию историков // ИноСМИ. 2015. 28 мая. URL: <https://inosmi.ru/20150528/228281290.html> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁶⁴ Latvijas vēsturnieku komisijas vadītājs grib atjaunot sadarbību ar Krieviju // TVnet.lv. 2016. 20 marts. URL: <https://www.tvnet.lv/4984334/latvijas-vesturnieku-komisijas-vaditajs-grib-atjaunot-sadarbibu-ar-krieviju> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁶⁵ В Риге возобновила работу... URL: <https://interkomitet.ru/blog/2017/09/14/v-rige-vozobnovila-rabotu-rossijsko-latvijskaya-komissiya-istorikov/>; также: https://lv.baltnews.com/riga_news/20170915/1020883511.html
- ⁶⁶ В Латвии может появиться представительство Российской академии наук // Сайт РАН. 2018. 2 марта. URL: <https://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=94d74540-18b5-45aca1a7-9d5845d5d8d8> (дата обращения 20.09.2023). См. также: Мухайлова Ю. Л. Визит президента Академии наук Латвии академика О. Спаритиса в Москву // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 248–249.
- ⁶⁷ Александр Чубарьян: Исторической науке нужна перезагрузка // Российская газета. 2020. 15 сентября. URL: <https://rg.ru/2020/09/15/aleksandr-chubarjan-istoricheskoy-nauke-nuzhna-perezagruzka.html> (дата обращения 20.09.2023); Работа латвийско-российской комиссии историков прекращена окончательно // Newsland.com. 2018. 3 июня. URL: <https://newsland.com/post/6361088-rabota-latviisko-rossiiskoi-komissii-istorikov-prekrashchena-okonchatelno> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁶⁸ Александр Чубарьян: Исторической науке нужна перезагрузка; также: Посол Латвии в России призвал возобновить работу латвийско-российской комиссии историков //

- ТАСС. 2020. 31 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7652915> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁶⁹ Александр Чубарьян: Исторической науке нужна перезагрузка.
- ⁷⁰ Симиндей В. Исторический кризис // ИМНОclub.lv. 2017. 22 сентября. URL: https://lv.imhocclub.com/ru/material/istoricheskij_krizis (дата обращения 20.09.2023).
- ⁷¹ Носович А. А. История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. М.: Алгоритм, 2015. Цит. по отрывку из книги, размещенному на сайте: <https://www.livelib.ru/book/153895/readpart-istoriya-upadka-pochemu-u-pribaltiki-ne-poluchilos-aleksandr-nosovich/~24>
- ⁷² Александрова В. [Михаил Демури:] «Латвия и историческая наука — вещи несовместимые» // Rubaltic.ru. 2018. 23 января. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/23012018-latviya-i-istoricheskaya-nauka-veshchi-nesovmestimye/> (дата обращения 20.09.2023); Демури М. В. Россия, Латвия, сложные вопросы истории: дежавю // Регнум. 2018. 26 января. URL: <https://regnum.ru/article/2372904> (дата обращения 20.09.2023).
- ⁷³ Мегел М. Е., Фостова С. А. Всероссийский Круглый стол «Путь к исторической правде. Россия и Балтия» // Россия и Балтия. Вып. 11: Проблемы истории XX века / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Весь Мир, 2021. С. 333–334.
- ⁷⁴ Letko P. Powstanie i działalność Rosyjsko-Litewskiej i Rosyjsko-Łotewskiej Komisji Historyków (2006–2020) jako forma realizacji polityki historycznej / The Establishment and Operations of the Russian-Lithuanian and Russian-Latvian History Committees (2006–2020) as an Instrument of Historical Policy // Echa Przeszłości. 2022. XXIII (1), Yuly. S. 219–238.
- ⁷⁵ Носович А. А. История упадка.

References

Intelligencija v mnogonacionalnoj imperii: russkije, latyshy, nemci. XIX — nachalo XX vv. [Intellectuals in a multinational empire: Russians, Latvians, Germans. XIX — early XX centuries. In Russ.]. Moscow: IVI RAN, 2009.

Istorija. 2019. Vyp. 7 (81), t. 10: Voprosy istorii mezhdunarodnykh otnoshenij v Skandinavо-Baltijskom regione v XIX–XXI vv. [Istorija. 2019. Issue. 7 (81), vol. 10: Problems of the History of International Relations in the Scandinavian-Baltic Region in the 19th–21st Centuries. In Russ.] URL: <http://history.jes.su/> (date of access 20.09.2023).

IVANOV P. SSSR — Litva: slozhnaja pravda obschej istorii [USSR-Lithuania: The complex truth of the common history. In Russ.] // Zhurnal rossijskikh i vostochnojevropejskikh issledovanij. 2014. No. 1 (5). S. 151–158.

KOMAROV A. A., MIKHAILOVA YU. L. O razvitii nauchnykh svjazej Instituta vseobschej istorii RAN s istorikami Latvii. [On the development of scientific contacts between the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences and Historians of Latvia. In Russ.] URL: <https://www.amberbridge.org/> (date of access 20.09.2023).

KUKUSHKINA I. A. Znacheniye Deklaracii nezavisimosti Litvy 16 fevralja 1918 g.: chto ob etom govoryat istochniki [The significance of the Act of independence of Lithuania on February 16, 1918: Information of the Sources. In Russ.] // Rossiya i Baltija. T. 9: Istochnik i mif v istorii / Отв. ред. akad. А. О. Чубарьян. Moscow: Ves' Mir, 2020. S. 50–62.

MANKEVICH M. SSSR i Litva v gody Vtoroj mirovoj voiny: sbornik dokumentov [USSR and Lithuania during the World War II: Collection of Documents. In Russ.] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Gumanitarnyje i obschestvennyje nauki. 2009. No. 12. S. 116–118.

Materialy 2-i sessii Rossijsko-litovskoj komissii (doklady i diskussija) [Materials of the 2nd Session of the Russian-Lithuanian Commission (reports and discussion). In Russ.] // Rossiya i Baltija. Vyp. 7: Pamjatnyje daty i istoricheskaya pamjat' / Отв.ред. akad. А. О. Чубарьян. Moscow: Nauka, 2014. S. 245–336.

MEGEM M. E., FOSTOVA S. A. Vserossijskij kruglyj stol "Putj k istoricheskoj pravde. Rossija i Baltija" [All-Russian Roundtable "The Way to the Historical Truth. Russia and the Baltics". In Russ.] // *Rossija i Baltija*. Vyp. 11: Problemy istorii XX veka / Otv red. A. O. Chubarjan. Moscow: Ves' Mir, 2021. S. 333–334.

MIKHAILOVA YU. L. Vizit prezidenta Akademii nauk Latvii akademika O. Sparitisa v Moskvu [Visit of the President of the Latvian Academy of Sciences, Academician O. Sparitis to Moscow. In Russ.] // *Novaja i Novejšhaja istorija*. 2018. No. 4. S. 248–249.

Rossija i Latvija v potoke istorii. 2-ja polovina XXI — 1-ja polovina XX veka [Russia and Latvia in the Stream of History. The Second Part of the 19th Century — the First Part of the 20th Century. In Russ.] / Otv. red. E. L. Nazarova. Moscow: IVI RAN, 2015.

SSSR i Litva v gody Vtoroj mirovoj voiny: sbornik dokumentov. T. 1. SSSR i Litovskaja Respublika. Mart 1939 — 3 avgusta 1940 g. [USSR and Lithuania during the World War II. Collection of Documents. Vol. 1. USSR and Republic of Lithuania. The March 1939 — August 3, 1940. In Russ.] / Sost. A. Kasparavichus, Ch. Laurinavichus, N. S. Lebedeva. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006.

SSSR i Litva v gody Vtoroj mirovoj voiny. Sbornik documntov. T. 2: Litva v politike SSSR I v mezhdunarodnykh otnoshenijakh (avgust 1940 — sentjabrj 1945 gg.) [USSR and Lithuania during the World War II. Collection of Documents. Vol. 2: Lithuania in the USSR Policy and in International Relations (August 1940 — September 1945). In Russ.] / Sost. A. Kasparavichus, Ch. Laurinavichus, N. A. Lebedeva. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2012.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. Л. Назарова. Российско-Литовская и Российско-Латвийская исторические комиссии: история или политика // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 153–173

Аннотация: В статье рассматривается история, причины и цели создания Российско-Литовской и Российско-Латвийской исторических комиссий, а также отношение к ним в России, странах Балтии и Польше. Желание историков Литвы и Латвии создать двусторонние комиссии с российскими учеными основывалось на стремлении найти документы, которые подтвердили бы правомерность принятых в этих государствах законов о советской «оккупации», в которой Литва и Латвия якобы находились с 1940 по 1991 г. Предполагалось найти подтверждение «оккупации» в российских архивах и убедить российских историков признать «оккупацию». Российско-Литовская комиссия историков была создана в 2006 г., Российско-Латвийская комиссия начала работать в 2011 г. На практике на заседаниях комиссий рассматривались вопросы, не связанные с «оккупацией». В изданных в рамках работы Российско-Литовской комиссии два тома документов о советско-литовских отношениях с 1939 по 1945 г. убедительных подтверждений «оккупации» не было найдено, а в случаях неоднозначного понимания некоторых документов российские и литовские члены комиссии написали свои комментарии, достигнув таким образом консенсуса. Хотя латвийские историки неоднократно повторяли, что не откажутся от темы «оккупации», совместный проект в Российско-Латвийской комиссии был связан с подготовкой сборника документов по межвоенному периоду. Работа обеих комиссий была окончательно прекращена по инициативе литовских и латвийских историков по политическим мотивам после начала СВО в 2022 г. Таким образом, работа историков в политических интересах Литвы и Латвии была остановлена из-за общей политической позиции Евросоюза в отношении событий на Украине.

Ключевые слова: Российско-Литовская комиссия историков, Российско-Латвийская комиссия историков, российско-литовские межгосударственные отношения, российско-латвийские межгосударственные отношения, проблема советской «оккупации» в политике стран Балтии, академик А. О. Чубарьян.

FOR CITATION

E. L. Nazarova. Russian-Lithuanian and Russian-Latvian Historical Commissions: History or politics // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 153–173

Abstract: The article deals with the history, reasons and purposes of the establishment of the Russian-Lithuanian and Russian-Latvian Historical Commissions, as well as the attitude towards them in Russia, the Baltic States and Poland. The intention of Lithuanian and Latvian historians to establish two-side historical commissions with Russian scholars was based on their wish to find documents to confirm the legitimacy of the laws adopted in these states on the Soviet “occupation” of Lithuania and Latvia from 1940 to 1991. The aim was to find evidences of the “occupation” in Russian archives and to convince Russian historians to recognize the “occupation”. The Russian-Lithuanian Commission of Historians was established in 2006; the Russian-Latvian Commission began its work in 2011. In practice, commissions discussed the issues unrelated to “occupation” at their meetings. Two volumes of documents on the Soviet-Lithuanian relations from 1939 to 1945 published as part of the work of the Russian-Lithuanian Commission did not contain convincing evidence of “occupation”, and in cases of ambiguous understanding of some documents, Russian and Lithuanian members of the Commission wrote their comments, thus reaching a consensus. Although the Latvian historians had repeatedly stated that they would not give up the theme of “occupation”, the joint research project in the Russian-Latvian Commission was related to the preparation of a collection of documents on the interwar period. The work of both commissions was finally terminated at the initiative of Lithuanian and Latvian historians for political reasons after the beginning of the SMO in 2022. Thus, a historical work that was supposed to satisfy the political interests of Lithuania and Latvia was stopped because of the common political position of the European Union concerning the events in the Ukraine.

Key words: Russian-Lithuanian Historical Commissions, Russian-Latvian Historical Commissions, Russian-Lithuanian interstate relations, Russian-Latvian interstate relations, the problem of the Soviet “occupation” in the Baltic States’ policy, academician A. O. Chubaryan.

Автор: Назарова, Евгения Львовна — к.и.н., старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Author: Nazarova, Evgeniya L'vovna — Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of the General History of the RAS.

E-mail: ezis08@gmail.com

**П. А. Аваков, С. В. Куликов,
А. П. Павлов, К. В. Петров**

Труды О. Ю. Куца по истории донского казачества (памяти ученого)

11 сентября 2023 г. на 53-м году безвременно ушел из жизни петербургский историк, известный специалист по истории донского казачества XVII в. Олег Юрьевич Куц.

О. Ю. Куц родился 25 декабря 1970 г. в г. Харькове в семье инженера аварийно-спасательной службы ВМФ. Его отец — Юрий Михайлович Куц — после рождения Олега жил во Владивостоке, где прошло детство будущего ученого. Мать Олега — Валентина Сергеевна, урожденная Козлова, работала конструктором в конструкторских бюро и отделах во Владивостоке. В 1978 г. Олег поступил в первый класс средней школы № 51 г. Владивостока, где проучился два года. В 1980 г., в связи с переводом отца на новое место службы, он перешел в третий класс школы № 293 г. Ленинграда, в 1983 г. — в 8-летнюю школу № 429 г. Ломоносова, а после восьмого класса — в находившуюся в том же городе среднюю школу № 426, которую окончил в 1988 г. Школьные каникулы Олег проводил в Харькове у своих родственников и, вероятно, именно там у него зародился интерес к истории южнорусского региона.

В 1988–1993 гг. Олег Юрьевич обучался на факультете социальных наук Российского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, который окончил со специальностью «учитель истории и обществоведения». Будучи студентом, он серьезно увлекся историей России XVII — начала XVIII в. Дипломную работу О. Ю. Куц защитил по теме: «Булавинский бунт: политический и социальный облик» под руководством профессора Юрия Ге-

оргиевича Алексеева. По окончании Герценовского института Ю. Г. Алексеев посоветовал Олегу Юрьевичу поступить в аспирантуру Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук (ныне — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук)¹.

30 декабря 1993 г. О. Ю. Куц был зачислен в четырехлетнюю аспирантуру. Ученый совет института утвердил тему его исследования: «Донское казачество в 40–70-е гг. XVII в.: социальный состав, войсковая организация, территориальное расселение», научным руководителем стал А. П. Павлов. 23 декабря 1998 г. Олег Юрьевич окончил аспирантуру, представив 25 февраля 1999 г. на заседании отдела древней истории России СПбФИРИ РАН доклад «О связях населения южнорусских городов с донскими казаками (по материалам второй четверти XVII в.)».

Во время подготовки диссертации проявились отличительные черты творчества О. Ю. Куца — страстная увлеченность темой своего исследования. Он мог часами делиться с собеседниками своими наблюдениями по истории казачьих походов, казачьего быта. Атаманы и казаки прошлого были для него живыми людьми.

Первая научная статья О. Ю. Куца была посвящена проблеме выдачи беглых из донского казачьего сообщества в XVII в. и опубликована в 1999 г.² 26 декабря 2000 г. на заседании диссертационного совета СПбФИРИ РАН О. Ю. Куц защитил кандидатскую диссертацию «Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667 гг.)»³, выполненная под научным руководством А. П. Павлова. Оппонентами на защите выступили С. А. Козлов и К. В. Петров. Кандидатская диссертация легла в основу первой монографии О. Ю. Куца, изданной в 2009 г. под тем же заглавием⁴. В ней на основе широкой источниковой базы автор всесторонне исследовал внутреннюю жизнь донского казачества рассматриваемого 30-летнего периода. На материале относительно короткого временного отрезка автором были подробно изучены социальная организация, правовое положение, военная и хозяйственная деятельность донских казаков, специфика их самосознания и психологии, а также структура Войска Донского и способы его пополнения.

Ряд специальных работ историк посвятил изучению фактических обстоятельств военной деятельности донцов во второй четверти XVII в.⁵, жизнедеятельности их предводителей⁶, а также происхождению региональной группы так называемых донских татар⁷. Большое внимание при анализе отношений между Войском Донским и московским правительством было уделено делопроизводственным источникам⁸. О. Ю. Куц сделал важное наблюдение о существовании специального временного сыскного приказа, функцией которого являлось выстраивание отношений с донским казачеством в один из наиболее драматичных периодов истории России XVII в.⁹ Ряд статей автора был посвящен донской торговле и социальным отношениям на южной окраине государства в XVII в.¹⁰

В 2014 г. вышла вторая монография О. Ю. Куца «Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история»¹¹, ставшая логическим продолжением его первой книги. «Азовской эпопеей» автор, вслед за Б. В. Луниным, обозначил комплекс событий 1637–1642 гг., включающий взятие донскими казаками (при поддержке запорожских казаков и русских торговых людей) османской крепости Азов, ее оборону в ходе «осадного сидения» и последующее оставление. Однако хронологические рамки книги намного шире. Историк исследовал также последствия недолгого обладания донцами Азовом, освещая события, происходившие на Дону вплоть до 1650 г.

Труды О. Ю. Куца представляются достаточно новаторскими по сравнению с существующей в исторической науке литературой по данной теме. Характерной чертой его творчества является широкий спектр использованных документальных, в том числе архивных источников и глубина их анализа. Прежде всего, в работах О. Ю. Куца опровергается представление о казачьем населении Дона как о состоящем в основном из беглых холопов, крестьян и тех, кто скрывался от наказания за совершенные преступления. Наряду с М. Ю. Зенченко историк оспаривал ставшее после работ А. А. Новосельского традиционным мнение о бегстве на Дон как способе избежать ужасов крепостничества. О. Ю. Куц пришел к выводу, что такое бегство являлось второстепенным фактором протекавших на Дону демографических процессов (притока населения). Исследователь раскрывает происхождение донских казаков изучаемого периода: социальное — от холопов до детей боярских, этническое — русские и татары, как крещеные, так и некрещеные. В основной же своей массе донцы той эпохи являлись выходцами из южнорусских уездов.

Из работ О. Ю. Куца с очевидностью следует, что степная территория между пограничными южнорусскими городами и Доном была объектом постоянного хозяйственного освоения населением обоих регионов — практически вся степь состояла из промысловых угодий («ухожей»). Однако использование этих угодий было сопряжено с опасностями со стороны крымских татар, ногайцев и запорожских казаков («черкасов»). До сих пор считалось, что экономические связи донцов и жителей порубежных уездов носили эпизодический характер. Одновременно в течение всего XVII в. между двумя соседними регионами существовали весьма тесные отношения. В эти взаимоотношения было вовлечено практически все население южнорусского пограничья от крестьян до детей боярских. Связи с Доном не ограничивались торговлей. Зачастую жители приграничных городов участвовали в военных походах казаков и могли на протяжении многих лет проживать на Дону. Можно уверенно говорить о том, что значительная часть «постоянных» жителей Дона не только имели родственников «на Руси», но и поддерживали контакты с ними.

Как показал исследователь, попытки ограничения связей с Доном предпринимались московским правительством редко и носили ситуативный и кратко-

срочный характер (сыски 1628 и 1631 гг., блокада 1630 г.). Но даже в этих условиях мероприятиям центральной власти оказывалось сильное сопротивление как со стороны населения, так и со стороны местной администрации. Политика Москвы в данном вопросе была в значительной степени прагматичной. Отсутствие действенных средств и способов воздействия на население привела к легализации отношений с Доном в 1638 г. В равной мере реализм отличал правительственную политику в отношении выдачи с Дона беглых. Формальные претензии государства к казакам зависели от объективной возможности их реализации. Однако с 1638 г. центральная власть не предъявляла претензий к лично свободным (не совершавшим преступлений) лицам, приезжавшим с Дона в российские города. По существу Войско Донское представляло собой объединение военизированных общин (городков/станций), пронизанных скорее вертикальными, чем горизонтальными связями. Значительные размеры контролируемой им территории и специфический образ жизни донцов обусловил появление особых форм их существования. В частности, большое влияние на народных собраниях («кругах») имели не старые по возрасту казаки, а наиболее опытные, способные к решению сложных и срочных задач, в том числе в походных условиях. Поэтому под «казачьей верхушкой» исследователь понимает атаманов, действующих и бывших, «старых и лучших казаков». Но далеко не всегда «верхушка» могла оказывать влияние на решение казачьих «кругов»; в каждом случае принимаемое решение было обусловлено текущей ситуацией.

О. Ю. Куц оспорил мнение Н. А. Мининкова о примерно 20-тысячной численности донцов в 1621 г. и пришел к выводу, что во второй четверти XVII в. их количество колебалось в пределах 5–10 тыс. человек. О. Ю. Куц показал, что характерный для вольного казачества образ жизни был возможен только там, где для него не существовало правовых ограничений, — в частности на Дону, вне непосредственных границ Российского государства и его прямого контроля. Отличительная черта такого «казакования» — способность рисковать жизнью ради быстрого и фантастического по своим размерам обогащения.

Традиционно в историографии принято считать, что причиной, вызвавшей восстание Степана Разина и предшествовавший ему поход атамана Василия Уса (Родионова), стала политика царского правительства. В советской историографии происходившие в начале 1670-х гг. события связывались с классовой борьбой в России против феодального гнета и крепостничества. Между тем из работ О. Ю. Куца следует, что в условиях внешнеполитической активности России в отношении Крымского ханства османским правительством были предприняты беспрецедентные меры по укреплению Азова и других своих пограничных крепостей. Выход в Черное море для казаков был закрыт, а все их попытки преодолеть возникший барьер оказались малоуспешными. Традиционный образ жизни казаков, смысл их существования в обстановке постоянного риска не был ничем оправдан. Таким образом, изменения геополитической ситуации привели к трансформации традиционных отношений на Дону,

а в итоге — к внутренним социальным конфликтам в казачьей среде. Данное обстоятельство стало одной из важнейших причин выступления С. Т. Разина.

О. Ю. Куцу принадлежит наиболее основательное и скрупулезное исследование «Азовской эпопеи» донских казаков 1637–1641 гг. и их последующей борьбы за выживание в 1642–1650 гг. Проследив внутренние процессы, протекавшие на Дону в эти годы, и зафиксировав их основные закономерности, историк смог вычленить глубинные, подспудные интересы казачьего сообщества, показать последствия во многом рокового для донцов решения остаться в захваченном Азове и оборонять его от османской армии. Отличительной чертой истории донского казачества данного периода стало их тесное сотрудничество с царским правительством, нехарактерное для более раннего времени. Историк пришел к убедительному выводу, что заинтересованность ослабленного османско-крымским натиском 1640-х гг. казачества в поддержке Москвы и сохранении своего льготного положения заложила важнейшую политическую традицию Войска Донского.

О. Ю. Куц рассматривал донское казачество как самобытное сообщество, приспособившееся к выживанию в экстремальной обстановке, и выработавшее для этого собственные методы, правила и традиции. Историк никогда не был на Дону, но прекрасно знал историческую географию региона и ориентировался в местной топонимии XVII в. Олег Юрьевич поддерживал регулярные контакты с ростовскими коллегами, чья исследовательская тематика в той или иной степени была близка ему. Так, он состоял в переписке с профессором Ростовского государственного университета (ныне — Южный федеральный университет) В. Н. Королевым, памяти которого посвятил свою научно-популярную работу об Азовском осажденном сидении 1641 г.¹² (хотя они ни разу не виделись и были знакомы лишь заочно). Символично, что последняя прижизненная публикация О. Ю. Куца (написанная им в соавторстве с Н. А. Мининковым) вышла в ростовском издании¹³. Будучи увлеченным человеком и добросовестным ученым, всегда стремившимся «докопаться до истины», О. Ю. Куц мог битый час дискутировать с одним из ростовских коллег о географическом положении Нижних и Верхних Раздоров, топографии османского Азова и этническом происхождении войскового атамана Михаила Татарина (Иванова). Работы петербургского историка были хорошо известны в Ростовской и Волгоградской областях, где проживают тысячи потомков героев его исследований. Бывали случаи, когда они отправляли к нему в Петербург «ходоков» в надежде достать его книги, изданные небольшими тиражами, не доходившие до региональных книжных прилавков и стремительно раскупавшиеся в интернет-магазинах. Вместе с тем, несмотря на профессиональное и читательское признание, труды О. Ю. Куца, к сожалению, пока еще не получили должного историографического осмысления в казаковедческой литературе¹⁴. Несомненно, это дело ближайшего будущего.

В творческих планах О. Ю. Куца было написание третьей монографии, посвященной социально-политической и военной истории донского казачества

1650–1660-х гг. — до начала восстания под предводительством С. Т. Разина. Этот труд должен был завершить своеобразную «казачью трилогию». Намечались новые подходы к исследованию обозначенной темы. Так, историк придерживался оригинального взгляда на антиправительственное движение казаков конца 60-х — начала 70-х гг. XVII в. Вопреки общему мнению, он считал проявившееся в ходе него массовое бунтарство не «родовым признаком» казачества, якобы имманентно присущей ему чертой, а наоборот — отклонением от принятой на Дону нормы жизни. Главную причину выступления Степана Разина ученый видел в изменении геополитической ситуации в южном пограничье, а не в классовой борьбе. Длительная болезнь и последовавшая кончина Олега Юрьевича не позволили завершить задуманное исследование.

О. Ю. Куц прожил недолгую, но насыщенную жизнь, успев сделать довольно много за отпущенное ему время. Его имя есть и останется в золотом фонде казачеведения и в сердцах друзей и коллег.

Список научных трудов О. Ю. Куца

1. К вопросу о выдаче беглых из донского казачьего сообщества (по материалам второй трети XVII в.) // Клио. 1999. № 2 (8). С. 188–193.
2. О значении термина «Войско» у донских казаков в 1637–1667 гг. // Казачество: прошлое и настоящее / Отв. ред. М. М. Загоруйко. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 62–94.
3. О связях населения южнорусских городов с донскими казаками (по материалам второй четверти XVII в.) // Очерки феодальной России / Ред. С. Н. Кистерев. М.: УРСС, 2000. Вып. 4. С. 132–157.
4. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбФ ИРИ, 2000. 25 с.
5. Цены на ясырь на Дону в конце 20 — начале 30-х гг. XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: Сборник материалов междунар. научн. конф. (СПб., 17–20 сент. 2001 г.) / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 50–56.
6. Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых как источник по изучению нравов русского общества середины XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сборник статей, посвященных 75-летию Ю. Г. Алексеева / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Дм. Буланин, 2002. С. 437–463.
7. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637–1667 гг.) // Очерки феодальной России / Ред. С. Н. Кистерев. М.: УРСС, 2004. Вып. 8. С. 122–164.
8. Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий // Очерки феодальной России / Ред. С. Н. Кистерев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. Вып. 10. С. 111–177.

9. Рецензия на книгу: *Панков А.И.* «Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века)» (Белгород: Константа, 2004. 352 с. 1000 экз.) // *Клио*. 2006. № 3 (34). С. 242–246.
10. Татары на казачьем Дону (по материалам 1630–1660-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Ю. Г. Алексева / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 398–416.
11. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дм. Буланин, 2009. 456 с.
12. К вопросу о местонахождении турецкого земляного вала в ходе борьбы за Азов летом — осенью 1641 г. // *Очерки феодальной России* / Ред. С. Н. Кистерев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. Вып. 14. С. 390–401.
13. Был ли поход донских казаков на море в 1645 г.? // *Русское средневековье: Сборник статей в честь Ю. Г. Алексева* / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М.: Квадрига, 2011. С. 650–652.
14. Адахунская катастрофа донского морского войска 1638 г. // *Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени* / Гл. ред. А. В. Малов. М.: Русские витязи, 2014. Вып. 3. С. 73–89.
15. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: Старая Басманная, 2014. 596 с.
16. Походы с Дона весной 1641 г. и особенности актов документации о донских казаках // *Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.)* / Отв. ред. Д. В. Сень и др. Ростов н/Д.: Foundation, 2015. С. 26–34.
17. Торговля лошадьми как составляющая часть «донской торговли» (по материалам второй четверти XVII в.) // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сентября 2013)* / Ред.-сост. А. И. Раздорский. Коломна: Моск. гос. обл. соц.-гуманитар. ин-т, 2015. Т. 1. С. 94–108.
18. Московско-донские отношения 1631–1632 гг. и приказное ведомство боярина С. В. Головина и дьяка М. Данилова // *Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева* / Редкол.: М. М. Кром и др. М.: Древлехранилище, 2016. С. 252–259.
19. Азовское осадное сидение 1641: Оборона донскими казаками крепости Азов. М.: Русские витязи, 2016. 60 с. (Сер. Ратное дело).
20. Отказ казачьего Дона от присяги в 1632 г.: особенности делопроизводительной документации [Электронный ресурс] // *История военного дела: исследования и источники*. 2017. Т. 9. С. 177–190. URL: <http://www.milhist.info/2017/06/07/kouts> (дата обращения 07.10.2023).

21. Донское казачество в борьбе за Азов // История донского казачества: в 3 т. / Отв. ред. А. И. Агафонов. Ростов н/Д.: Омега Паблишер, 2020. Т. 1. С. 167–181 (в соавт. с Н. А. Мининковым).

-
- ¹ Архив СПБНИИ РАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 417. Л. 12.
- ² Куц О. Ю. К вопросу о выдаче беглых из донского казачьего сообщества (по материалам второй трети XVII в.) // Клио. 1999. № 2 (8). С. 188–193.
- ³ Куц О. Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина, 1637–1667 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- ⁴ Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009.
- ⁵ Куц О. Ю. 1) О значении термина «Войско» у донских казаков в 1637–1667 гг. // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 62–94; 2) Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий // Очерки феодальной России. М., 2006. Вып. 10. С. 111–177; 3) К вопросу о местонахождении турецкого земляного вала в ходе борьбы за Азов летом – осенью 1641 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2010. Вып. 14. С. 390–401; 4) Был ли поход донских казаков на море в 1645 г.? // Русское средневековье: Сборник статей в честь Ю. Г. Алексеева. М., 2011. С. 650–652; 5) Адахунская катастрофа донского морского войска 1638 г. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3. С. 73–89.
- ⁶ Куц О. Ю. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637–1667 гг.) // Очерки феодальной России. М., 2004. Вып. 8. С. 122–164.
- ⁷ Куц О. Ю. Татары на казачьем Дону (по материалам 1630–1660-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Ю. Г. Алексеева / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006. С. 398–416.
- ⁸ Куц О. Ю. Походы с Дона весной 1641 г. и особенности актовой документации о донских казаках // Архивы и архивное дело на Юге России: история, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов н/Д., 2015. С. 26–34; Куц О. Ю. Отказ казачьего Дона от присяги в 1632 г.: особенности делопроизводственной документации [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Т. 9. С. 177–190. URL: <http://www.milhist.info/2017/06/07/kouts> (дата обращения 07.06.2017).
- ⁹ Куц О. Ю. Московско-донские отношения 1631–1632 гг. и приказное ведомство боярина С. В. Головина и дьяка М. Данилова // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.: Древлехранилище, 2016. С. 252–259.
- ¹⁰ Куц О. Ю. 1) Цены на ясырь на Дону в конце 20 – начале 30-х гг. XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: Сборник материалов международной научной конференции (СПб., 17–20 сент. 2001 г.) / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: СПбГУ, 2001. С. 50–56; 2) Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых как источник по изучению нравов русского общества середины XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сборник статей, посвященных 75-летию Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 437–463; 3) Торговля лошадьми как составляющая часть «донской торговли» (по материалам второй четверти XVII в.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Третьей международной научной конференции (г. Коломна, 24–26 сент. 2013). Коломна: МГОСГУ, 2015. Т. 1. С. 94–108.

- ¹¹ Куц О. Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: Старая Басманная, 2014.
- ¹² Куц О. Ю. Азовское осадное сидение 1641: Оборона донскими казаками крепости Азов. М.: Русские витязи, 2016. (Сер. Ратное дело). С. 1.
- ¹³ Куц О. Ю., Мишиков Н. А. Донское казачество в борьбе за Азов // История донского казачества: в 3 т. / Отв. ред. А. И. Агафонов. Ростов н/Д.: Омега Паблшер, 2020. Т. 1. С. 167–181.
- ¹⁴ См., например: Агафонов А. И., Сень Д. В., Трут В. П. Актуальные проблемы изучения истории донского казачества // История донского казачества: в 3 т. Ростов н/Д., 2020. Т. 1. С. 18.

References

AGAFONOV A. I., SEN' D. V., TRUT V. P. Aktual'nye problemy izucheniya istorii donskogo kazachestva [Actual Problems in studying the history of the Don Cossacks. In Russ.] // Istoriya donskogo kazachestva: v 3 t. / Res. ed. A. I. Agafonov. Rostov on Don: Omega Publisher, 2020. Vol. 1. P. 10–12.

KUTZ O. YU. Adahunskaya katastrofa donskogo morskogo vojska 1638 g. [Adahun catastrophe of the Don Naval of 1638. In Russ.] // Edinorog: Materialy po voennoj istorii Vostochnoj Evropy epohi Srednih vekov i rannego Novogo vremeni / Chief ed. A. V. Malov. Moscow: Russkie vityazi, 2014. Iss. 3. P. 73–89.

KUTZ O. YU. Azovskaya oborona 1641 g.: istochniki i hod sobytij [The Azov defense of 1641: Sources and course of Events. In Russ.] // Oчерки feodal'noj Rossii / Res. ed. S. N. Kisterev. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arheo, 2006. Iss. 10. P. 111–177.

KUTZ O. YU. Azovskoe osadnoe sidenie 1641: Oborona donskimi kazakami kreposti Azov [The Azovskoe Osadnoe Sidenie in 1641: Defense of the Azov fortress by the Don Cossacks. In Russ.]. Moscow: Russkie vitjazi, 2016.

KUTZ O. YU. Biograficheskie svedeniya o donskih atamanah, vojskovyh esaulah i vojskovyh d'yakah vtoroj treti XVII v. (1637–1667 gg.) [Biographical information about the Don Atamans, Host Esauls and Host Clerks of the Second Third of the 17th Century (1637–1667). In Russ.] // Oчерки feodal'noj Rossii / Res. ed. S. N. Kisterev. Moscow: URSS, 2004. Iss. 8. P. 122–164.

KUTZ O. YU. Byl li pohod donskih kazakov na more v 1645 g.? [Was there a Campaign of the Don Cossacks to the Sea in 1645? In Russ.] // Russkoe srednevekov'e: Sbornik statej v chest' Yu. G. Alekseeva / Res. ed. A. Yu. Dvornichenko. Moscow: Kvadriga, 2011. P. 650–652.

KUTZ O. YU. Ceny na yasyr' na Donu v konce 20 – nachale 30-h gg. XVII v. [Prices for Slaves on the Don in the Late 20s – Early 30s of 17th Century. In Russ.] // Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (St. Petersburg, 17–20 sentyabrya 2001 g.) / Ed. comp. A. P. Pavlov. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2001. P. 50–56.

KUTZ O. YU. Delo o "krest'yanstve" brat'ev Fomy i Kaliny Sevast'yanovyh kak istochnik po izucheniyu нравов russkogo obshchestva serediny XVII v. [The Case of the peasantry of the brothers Foma and Kalina Sevastyanov as a source for studying the mores of Russian Society in the Mid 17th Century. In Russ.] // Rossijskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.: Sbornik statej, posvyashchennyh 75-letiyu Yu. G. Alekseeva / Res. ed. A. P. Pavlov. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2002. P. 437–463.

KUTZ O. YU. Donskoe kazachestvo ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina, 1637–1667 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk [Don Cossacks from the capture of Azov to the Rebellion of S. Razin, 1637–1667: Thesis of Candidate of Historical Sciences degree. In Russ.]. St. Petersburg, 2000.

KUTZ O. YU. Donskoe kazachestvo v period ot vzjatija Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667) [Don Cossacks in the period from the Capture of Azov to the Rebellion of S. Razin (1637–1667). In Russ.]. St. Petersburg: Dm. Bulanin, 2009.

KUTZ O. YU. Donskoe kazachestvo vremeni Azovskoj epopei i 40-h gg. XVII v.: politicheskaja i voennaja istorija [Don Cossacks during the Azov epic and the 40s of the 17th century: political and military history. In Russ.]. Moscow: Staraja Basmannaja, 2014.

KUTZ O. YU. K voprosu o mestonahozhdenii tureckogo zemlyanogo vala v hode bor'by za Azov letom – osen'yu 1641 g. [On the question of the location of the Turkish earthen rampart during the struggle for Azov

in the Summer – Autumn of 1641. In Russ.] // *Ocherki feodal'noj Rossii / Res.* ed. S.N. Kisterev. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arheo, 2010. Iss. 14. P. 390–401.

KUTZ O. YU. K voprosu o vydache beglyh iz donskogo kazach'ego soobshchestva (po materialam vtoroj treti XVII v.) [On the issue of extraditing Fugitives from the Don Cossack Community (based on materials from the Second Third of the 17th Century). In Russ.] // *Klio.* 1999. No. 2 (8). P. 188–193.

KUTZ O. YU. Moskovsko-donskie otnosheniya 1631–1632 gg. i prikaznoe vedomstvo bojarina S. V. Golovina i d'jaka M. Danilova [Moscow-Don Relations 1631–1632 and the Prikaz Department of Boyar S. V. Golovin and Clerk M. Danilov. In Russ.] // *Grani russkogo Srednevekov'ja: sbornik statej k 90-letiju Jurija Georgievicha Alekseeva / Ed. M.M. Krom et al.* Moscow: Drevlehranilische, 2016. P. 252–259.

KUTZ O. YU. O znachenii termina “Vojsko” u donskih kazakov v 1637–1667 gg. [On the meaning of the term *Host* among the Don Cossacks in 1637–1667. In Russ.] // *Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee / Res.* ed. M. M. Zagorul'ko. Volgograd: Volgograd State University Press, 2000. P. 62–94.

KUTZ O. YU. Otkaz kazach'ego Dona ot prisyagi v 1632 g.: osobennosti deloproizvodstvennoj dokumentacii [Rejection of the Cossack Don to swear allegiance: features of office documentation. In Russ.] // *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki.* 2017. Vol. 9. P. 177–190. URL: <http://www.milhist.info/2017/06/07/kouts> (date of access 07.06.2017).

KUTZ O. YU. Pohody s Dona vesnoj 1641 g. i osobennosti aktovoj dokumentacii o donskih kazakah [Campaigns from the Don in the spring of 1641 and features of the official documentation about the Don Cossacks. In Russ.] // *Arhivy i arhivnoe delo na Yuge Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy razvitiya: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Rostov-na-Donu, 16–17 oktyabrya 2015 g.) / Res.* ed. D. V. Sen' et al. Rostov on Don: Foundation, 2015. P. 26–34.

KUTZ O. YU. Tatory na kazach'em Donu (po materialam 1630–1660-h gg.) [Tatars on the Cossack Don (based on materials from the 1630s–1660s). In Russ.] // *Issledovaniya po istorii srednevekovoj Rusi: K 80-letiyu Yu. G. Alekseeva / Res.* ed. A. Yu. Dvornichenko. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arheo, 2006. P. 398–416.

KUTZ O. YU. Torgovlya loshad'mi kak sostavlyayushchaya chast' “donskoj trgovli” (po materialam vtoroj chetverti XVII v.) [Horse trading as an integral part of the Don trade (based on materials from the Second Quarter of the 17th Century). In Russ.] // *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: Sbornik materialov Tret'ej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Kolomna, 24–26 sentyabrya 2013) / Ed. comp. A. I. Razdorskiy.* Kolomna: Moscow State Regional Social and Humanitarian Institute, 2015. Vol. 1. P. 94–108.

KUTZ O. YU., MININKOV N. A. Donskoe kazachestvo v bor'be za Azov [Don Cossacks in the fight for Azov. In Russ.] // *Istoriya donskogo kazachestva: v 3 t. / Res.* ed. A. I. Agafonov. Rostov on Don: Omega Publisher, 2020. Vol. 1. P. 167–181.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. А. Аваков, С. В. Куликов, А. П. Павлов, К. В. Петров. Труды О. Ю. Куца по истории донского казачества (памяти ученого) // *Петербургский исторический журнал.* 2024. № 2. С. 174–184

Аннотация: Статья посвящена анализу трудов О. Ю. Куца по истории донского казачества XVII в. В монографиях и публикациях историка, отличающихся фундированностью, исследуются вопросы формирования казачьего сообщества, особенности его социальной организации и взаимоотношения с Российским государством. Большое внимание уделено военно-административному устройству Войска Донского и региональной торговле. Исследования О. Ю. Куца показывают, что пополнение рядов донского казачества происходило за счет свободного населения южных уездов России, принадлежавшего к разным социальным группам (от холопов до детей боярских), с участием тюркского элемента. Вопреки распространенному в историографии мнению, бегство крепостных крестьян на Дон носило эпизодический характер. По наблюдениям историка, военно-промысловая деятельность казаков в районе Азова и на Черном море служила важным сдерживающим фактором набеговой активности Крымского ханства. Историк пришел к выводу, что обладание Азовом в 1637–1641 гг. сыграло роковую роль в истории Войска Донского, способствовало его ослаблению и сближению с Российским государством.

Ключевые слова: О. Ю. Куц, донское казачество, XVII в., историография, Войско Донское, торговля, Степан Разин, Азов, Крымское ханство.

FOR CITATION

P. A. Avakov, S. V. Kulikov, A. P. Pavlov, K. V. Petrov. On the contribution of O. Yu. Kuts to the study of the history of the Don Cossacks (in memory of the scientist) // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 174–184

Abstract: The article is devoted to an analysis of the works of O. Yu. Kuts on the history of the Don Cossacks of the 17th Century. The historian's monographs and publications, which are distinguished by their extensiveness, explore issues of the formation of the Cossack community, the features of its social organization and relations with the Russian State. Much attention is paid to the military-administrative structure of the Don Host and regional trade. Research by O. Yu. Kuts shows that the ranks of the Don Cossacks were replenished by the free population of the southern Counties of Russia, who belonged to different social groups (from serfs to boyar children), with the participation of the Turkic element. Contrary to popular opinion in historiography, the flight of serfs to the Don was episodic. According to the observations of the historian, the military and industrial activity of the Cossacks in the Azov Region and on the Black Sea served as an important deterrent to the raiding activity of the Crimean Khanate. The researcher came to the conclusion that the possession of Azov in 1637–1641 played a fatal role in the history of the Don Host, contributed to its weakening and rapprochement with the Russian State.

Key words: O. Yu. Kutz, Don Cossacks, 17th Century, historiography, Don Host, trade, Stepan Razin, Azov, Crimean Khanate.

Автор: **Аваков, Петр Ашотович** — к. и. н., старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук.

Author: **Avakov, Petr Ashotovich** — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: pavakov@mail.ru

Автор: **Куликов, Сергей Викторович** — к. и. н., старший научный сотрудник отдела новой истории России, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Author: **Kulikov, Sergey Viktorovich** — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History of Russia at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

Автор: **Павлов, Андрей Павлович** — д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела древней истории России, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, проф. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: **Pavlov, Andrej Pavlovich** — Doctor of Sciences in History, Leading Researcher at the Department of Ancient History of Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Institute of History of St. Petersburg State University

E-mail: pavlov_ap@mail.ru

Автор: **Петров, Константин Васильевич** — к. и. н., к. ю. н., доц., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина.

Author: **Petrov, Konstantin Vasil'evich** — Candidate of Historical Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Leningrad State University named after A. S. Pushkin.

E-mail: 1petrov_kv@mail.ru

К. В. Доник

**«Автобиографическая собственноручная
заметка князя А. С. Меншикова» 1856 г.
из бумаг Н. К. Шильдера о Крымской войне***

Среди большого количества материалов о Крымской войне, собранных Н. К. Шильдером для исследовательской и археографической работы, сохранились копии с различных документов, связанных с именем князя Александра Сергеевича Меншикова (1787–1869) и представляющих определенный интерес для реконструкции его документального автобиографического наследия. Как известно, бумаги Н. К. Шильдера были переданы в Императорскую Публичную библиотеку после его смерти в 1902 г. Они были рассредоточены по картонам с сохранением тематических подборок выписок и описаны археографом В. В. Майковым¹. Н. К. Шильдер, понимая историческую ценность документов, связанных с жизнью и деятельностью князя Меншикова, целенаправленно копировал их тексты, в том числе и те, которые на данный момент неизвестны в подлинниках. В недавнем исследовании нами было установлено, что текст дневника князя Меншикова был скопирован по инициативе Н. К. Шильдера — частично самим историком, частично при помощи переписчика². В исследовании работы Шильдера с архивными бумагами, связанными с Меншиковым, отдельное внимание следует уделить текстам, которые Шильдер называл «записками» и «заметками». Одна из таких «записок», датированная 1819 г., сохра-

* Статья подготовлена на основе материалов доклада на международной научной конференции «Россия на изломе эпох: к 170-летию начала Крымской войны. 1853–1856 гг.». 23–24 октября 2023 г., Санкт-Петербург.

нилась в ГА РФ³; она содержит скопированные историком размышления князя Меншикова о тайных обществах, которые он записал якобы сразу после разговора с императором Александром I во время плавания из Архангельска в Новодвинск. Учитывая, что сюжет взаимосвязей князя Меншикова с ранними преддекабристскими организациями остается малоизученным, «записка» 1819 г. требует отдельной статьи и публикации. Однако в данном случае для нас остается важным вопрос о происхождении такой «записки»: являлась ли она отдельной автодокументальной записью, принадлежащей к комплексу аналогичных «записок» Меншикова, или была составлена независимо от него и носила характер «заметки для себя»? Возможно, «записка» 1819 г. являлась частью большого дневника, поденных «записок», тексты которых не сохранились? Эти вопросы порождаются не только тем обстоятельством, что мы не располагаем сведениями о подлиннике, но и тем, что Шильдер иногда присваивал выпискам заголовки, влияющие на восприятие текста-выписки сегодня. В данном случае представляется, что обращение к личному фонду Шильдера, хранящемуся в ОР РНБ, может дать дополнительный материал для размышления.

В данной статье мы приведем и проанализируем текст так называемой «Автобиографической собственноручной заметки князя А. С. Меншикова» 1856 г.⁴, известной только по списку Шильдера и сохранившейся без каких-либо замечаний относительно источника копирования (подлинника). Он хранится в личном фонде Шильдера, в папке под названием «Севастопольская оборона» и точно датируется 30 марта 1856 г. Причина, по которой мы обращаемся к изучению данного документа, — критический анализ скопированных Шильдером материалов, относящихся к биографии Меншикова. Исследование бумаг князя Меншикова в РГА ВМФ и других архивохранилищах на данный момент показывает, что единственной формой именно автобиографических записей в его случае являлся дневник. К какому типу документов в таком случае стоит относить скопированные Шильдером «записки» и «заметки»?

Текст «заметки» на французском языке с приложенным переводом содержит повествование от первого лица, посвященное объяснению отказа князя Меншикова от дальнейшего исполнения служебных и придворных обязанностей. Как известно, в 1855 г. Меншиков просил освобождения не только от должности главнокомандующего морскими и сухопутными силами в Крыму, но и от всех занимаемых должностей после крайне неудачного командования, критики и ухудшения состояния здоровья. Что думал о своем месте в окружении нового самодержца один из самых крупных сановников эпохи Николая I? Дневник князя Меншикова за 1856 г., вероятно, не сохранился, а следовательно, текст неизвестного происхождения, скопированный Шильдером, становится единственным источником, позволяющим приблизиться к ответу на этот вопрос.

В весьма резкой манере князь пишет об отсутствии смысла оставаться при дворе нового императора без фактической власти. «Высокопоставленный человек», по мнению князя, мог занимать только должность, удовлетворяющую его самолюбие и сопряженную с реальным влиянием на ход дел: «А не таково положение наших министров, исключая министров иностранных дел и военного. Прочие же находятся в полном незнании того, что происходит, и, чтобы знать это, принуждены подобно шпионам толкаться в дипломатических кружках и среди царедворцев, чтобы всегда знать последние новости и нескромную откровенность свыше».

Столь откровенное для скупого на оценки придворной и политической жизни Меншикова высказывание, вероятно, обратило на себя внимание Шильдера в качестве ценного личного свидетельства о реальном влиянии Меншикова как морского министра на принятие решений накануне и во время Крымской войны. Текст «заметки» также является единственным источником, поясняющим причины краткого пребывания Меншикова на последней военно-административной должности Кронштадтского военного генерал-губернатора, которую якобы «не кому было доверить». В конце Меншиков завуалированно пишет об отсутствии заинтересованности у нового монарха в продолжении его службы, что и проявилось в игнорировании его фигуры при назначении в ряд важных учреждений. По всей видимости, для князя Меншикова его позиции в системе власти после отставки со всех постов считались тем «утраченным положением», о котором он упоминает в тексте.

Каково происхождение так называемой «автобиографической заметки»? Чтобы ответить на этот вопрос, имеющихся в архиве Н. К. Шильдера данных недостаточно. Однако, опираясь на некоторые наблюдения за археографической манерой работы историка и учитывая специфические элементы текста (повествование в настоящем времени, не обладающее ретроспективным мемуарным характером и датировка), можно выдвинуть предположение, что «заметка» на самом деле являлась либо фрагментом письма к весьма близкому лицу с подробным объяснением всех обстоятельств, либо частью несохранившегося дневника (если мы придерживаемся версии, что Шильдер работал с более полным дневником³). Таким образом, представляется, что «автобиографическая заметка» князя Меншикова из бумаг Шильдера на самом деле, вероятно, является выпиской из источника личного происхождения.

Определение данного текста как «заметки» в значении отдельной автономной записи принадлежит Шильдеру, и, как представляется, носит весьма условный характер. Термином «заметка» Шильдер мог обозначить и произвольно осуществленную выписку в своем архиве. Нам встречался иной пример работы Шильдера с дневником князя Меншикова: помимо копии РГА ВМФ — ГА РФ, в личном фонде историка в ОР РНБ встречаются выписки из дневника князя за период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Они составляют часть картона с тематической подборкой выписок и сделаны произвольно: с пропусками

текста подлинного дневника и выборкой тех событий, которые были важны для исследователя. Именно эти выписки были озаглавлены Шильдером «запиской» (так!) князя Меншикова⁶. Установление такого факта в архивной работе Шильдера, конечно, не является прямым доказательством «дневникового» происхождения «автобиографической заметки» 1856 г., однако является дополнительным аргументом в пользу аналитического восприятия заголовков на выписках Шильдера, особенно если они указывают на автодокументальный характер текста.

Автобиографическая собственноручная заметка князя А. С. Меншикова 1856 года

Сообщил Н. Шильдер // *Л. 10*

Je ne suis plus d'âge à occuper une position qui exigerait une grande activité physique, mes forces n'y repondraient point. Un emploi sédentaire sans aucun part officielle dans les affaires de quelque importance n'accomoderait pas mon amour propre.

Un avantage social de rang dans une cérémonie de palais et le rôle de position déchue à la cour serait ne pas se respecter soi-même. L'éloignement devient une nécessité, ainsi que la repulsion de tout offre qui ne pourrait satisfaire mon amour propre.

Quelques personnes me disent je ne pourrai pas rester sans occupation après avoir passé 50 ans dans les affaires. Elles se trompent, car les affaires ne retiennent un homme haut placé que quand elles lui donnent une part d'influence sur la marche du gouvernement. Or telle ne pas la position de nos ministres, si c'est ne celui des affaires étrangères et de la guerre. Les autres sont dans l'ignorance complète de ce qui se passe et pour l'apprendre se trouvent obligés // *Л. 11* de flaner quasi un espion dans les cercles diplomatiques et auprès de la camarille d'Impériale, pour se tenir au courant des nouvelles ou des hautes indiscretions.

Certainement les égards du souverain accompagnés d'une demande d'avis sur des objets d'importance peuvent retenir à la cour.

Ce cas n'est pas le mien. Je n'ai été appelé ni au comité pour la défense de la Baltique, ni à faire partie de comité de régence pendant l'excursion Impériale à Nicolaev, ni à la consulte pour l'acceptation de la paix, et si on m'a propose à prendre le commandement de la défense de la Cronstadt, ce n'est que à la troisième proposition qu'en a fait le Grand Amiral parce qu'on n'avait littéralement personne à qui l'on aie pu confier.

Le 30 mars 1856 // *Л. 11 об.*

[Перевод Н. К. Шильдера]

Я уже не в таких летах, чтоб занять положение, требующее сильной физической деятельности, моих сил не хватило б на это. Занятия сидячие, без всякого официального участия в делах какой бы то ни было важности, не удовлетворили бы моего самолюбия. Пользоваться общественным преимуществом участия в придворных церемониях и ролью человека, утратившего свое влиятельное

положение, — значило бы не уважать себя. Удаление становится необходимостью точно так же, как отклонение всякого предложения, не могущего удовлетворить мое самолюбие.

Некоторые лица говорят, что мне невозможно будет оставаться без занятий, пробыв у дел 50 лет. Они ошибаются, потому что дела удерживают высокопоставленного человека только в том случае, если они дают ему влияние на ход правления. // *Л. 12* А не таково положение наших министров, исключая министров иностранных дел и военного. Прочие же находятся в полном незнании того, что происходит, и, чтобы знать это, принуждены, подобно шпионам, толкаться в дипломатических кружках и среди царедворцев, чтобы всегда знать последние новости и нескромную откровенность свыше.

Конечно, внимание государя, сопровождаемое требованием совета по поводу важных дел, могут удержать при дворе. Но последнее не выпало мне на долю. Меня не призвали ни в комитет по обороне Балтийского моря, ни в совет регентства, учрежденного на время императорской поездки в Николаев, меня не приглашали в совещание по поводу принятия мира и, если и предложили руководить обороной Кронштадта, то лишь только после третьего предложения об этом, сделанного генерал-адмиралом, потому что буквально не было лица, которому могли бы доверить это.

30 марта 1856 г. // *Л. 12 об.*

ОР РНБ. Ф. 859. К. 3. № 8. Л. 10 – 12 об.

¹ *Майков В. В.* Опись бумаг Н. К. Шильдера, поступивших в 1903 году в Публичную библиотеку. СПб., 1910.

² *Доник К. В.* Князь А. С. Меншиков и морское ведомство: реформы флотской администрации в начале царствования Николая I: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2023. С. 19.

³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 645 а.

⁴ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 3. № 8. Л. 10–12.

⁵ *Доник К. В.* Князь А. С. Меншиков и морское ведомство. С. 20.

⁶ ОР РНБ. Ф. 859. Картон 15. № 8. Л. 64.

References

DONIK K.V. *Knjaz' A.S. Menshikov i morskoe vedomstvo: reformy flotskoj administracii v nachale carstvovanija Nikolaja I*. [Prince A. S. Menshikov and the naval department: reforms of the naval administration at the beginning of the reign of Nicholas I. In Russ.]. PhD thesis. St. Petersburg, 2023.

МАЙКОВ В. В. *Opis' bumag N.K. Shil'dera, postupivshih v 1903 godu v Publichnuju biblioteku*. [Description of N. K. Schilder's papers received in 1903 by the Public Library. In Russ.]. St. Petersburg, 1910.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

К. В. Доник. «Автобиографическая собственноручная заметка князя А. С. Меншикова» 1856 г. из бумаг Н. К. Шильдера о Крымской войне // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 185–190

Аннотация: В статье анализируется один из примеров археографической работы Н. К. Шильдера с документами светлейшего князя А. С. Меншикова — так называемой «Автобиографической собственноручной заметкой», сохранившейся в личном фонде Шильдера в ОР РНБ. Учитывая тот факт, что Шильдер копировал многие относящиеся к Меншикову материалы, подлинники которых не сохранились, собирал его автографы, изучение бумаг историка является необходимым этапом на пути реконструкции полноты автодокументальных записей князя Меншикова. «Автобиографическая заметка» посвящена оценке Меншиковым своего положения после отставки и аргументации удаления от государственной службы. Текст впервые вводится в научный оборот, осуществлена его публикация вместе с переводом.

Ключевые слова: Меншиков, Шильдер, Крымская война, Николай I, архивы.

FOR CITATION

K. V. Donik. “Autobiographical autographic note of Prince A. S. Menshikov” 1856 from the archive fund of N. K. Schilder about the Crimean War // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 185–190

Abstract: The article deals with one of the examples of Nicolay Schilder’s archaeographic work with the documents of Prince A. S. Menshikov — “Autobiographical autographic note”, preserved in Schilder’s personal fund in the Department of Manuscripts of the National Library of Russia. Considering the fact that Schilder copied many materials related to Menshikov (the originals of which have not survived) and collected the prince’s own handwritten notes, the study of the historian’s papers is a necessary stage in the process of reconstructing the completeness of Prince Menshikov’s auto-documentary complex. “Autobiographical note” reflects Menshikov’s assessment of his position after resignation and the argumentation for his refuse from further public service. The text of the “note” is introduced into the scientific field for the first time. The article includes its publication along with a translation and historical commentary.

Key words: Menshikov, Schilder, Crimean War, Nicholas I, archives.

Автор: **Доник, Ксения Владимировна** — к. и. н., библиотекарь Отдела рукописей, Российская национальная библиотека.

Author: **Donik, Ksenia Vladimirovna** — PhD, librarian of Department of the Manuscripts, Russian National Library.

E-mail: ksenia.donik@mail.ru

С. В. Куликов

Император Николай II и министр внутренних дел И. Н. Дурново. К предыстории царского выступления 17 января 1895 г.

Обстоятельства политического дебюта императора Николая II, состоявшегося в Николаевском зале Зимнего дворца 17 января 1895 г., когда он, выступая перед представителями земского, городского и дворянского самоуправлений, назвал «бессмысленными мечтаниями» участие земцев «в делах внутреннего управления», хорошо известны. Однако предыстория этого события, ключевого для начала последнего царствования, изучена недостаточно, в том числе и по причине того, что исследователи подробно не анализировали текст публикуемого ниже документа — всеподданнейшего доклада министра внутренних дел И. Н. Дурново от 11 января того же года¹.

Доклад посвящен адресу Тверского губернского земского собрания, который прежде всего и дал повод инкриминировать некоторым лидерам земского движения стремление к водворению в России конституционного режима. Важно подчеркнуть, что, с точки зрения Дурново, адрес оказывался недостойным высочайшего внимания не столько в силу содержавшегося в нем «домогательства», нацеленного на «ограничение самодержавной власти», сколько вследствие того, что тем самым тверские земцы вышли за границы своей компетенции и нарушили действующий закон, а именно конкретные статьи Положения 12 июня 1890 г. о губернских и уездных земских учреждениях. Не меньшее

значение Дурново уделил и учету исторического опыта взаимоотношений центрального правительства и «мятежных» тверских земства и дворянства, деятельность которых еще с 1860-х гг. отличалась оппозиционностью.

Время составления копии всеподданнейшего доклада — не ранее 1900 г., так как именно в этом году в Департамент общих дел МВД поступил на службу С. Н. Палеолог, участвовавший в создании копии.

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел. По Департаменту общих дел

На подлинном Собственною Его Величества рукою написано: «Я чрезвычайно удивлен и недоволен этою неуместною выходкою 35 гласных губернского земского собрания. Хорошо тоже смотрят уездные предводители».

Верно: за вице-директора Лысогорский².

На подлинном Собственноручною Его Величества рукою написано: «Согласен». А далее рукою министра написано: «Собственною Его Величества рукою написано: “Согласен”. “Я чрезвычайно удивлен и недоволен этою неуместною выходкою 35 гласных губ[ернского] зем[ского] собрания. Хорошо тоже смотрят уездные предводители”». В С[анкт-]Петербурге 11 января 1895 г. Ив[ан] Дурново³».

Верно: за вице-директора Лысогорский.

Тверской губернатор сообщил мне адрес местного губернского земского собрания на Имя Вашего Императорского Величества, принятый большинством голосов в заседании 8 минувшего декабря.

Означенный адрес подписан из 59-ти гласных губернского земского собрания только 35-ю, причем из неподписавших 24-х лиц 15-ть гласных, во главе с председателем собрания, действительным статским советником Василием Трубниковым⁴, подали особое мнение, в коем заявили своей протест против редакции адреса.

Действительно, текст адреса не только отстывает от принятых в обращениях к верховной власти выражений верноподданнической преданности, но и включает в себе домогательство о предоставлении представителям всех сословий участия в общегосударственном управлении и, следовательно, направленное к ограничению самодержавной власти.

В адресе этом высказывается, между прочим, ожидание, что с восшествием Вашего Величества на всероссийский престол общественные учреждения получат «возможность и право (здесь и далее подчеркнуто в документе. — С. К.) выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского». «Мы верим, — сказано далее в адресе, — что в общении с представителями всех сословий русского народа, равно преданных престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдет новый

источник силы и залог в исполнении великодушных предназначений Вашего Императорского Величества»⁵.

Приведенные выражения, так же, как и общий смысл адреса, указывают, что сей последний нельзя принять за одно из разрешенных законом ходатайств земства; по пункту 14 ст[атьи] 63 Полож[ения] о земск[их] учр[еждениях] губернскому земскому собранию предоставлено ходатайствовать перед правительством лишь о местных пользах и нуждах⁶, к каковым не может относиться возбужденный вопрос об изменении формы правления.

Ввиду сего считая себя не в праве повергать на Всемиловейшее благовоззрение Вашего Императорского Величества адрес Тверского губернского земского собрания, всеподданнейшим долгом поставляю доложить Вашему Величеству, что настоящее проявление названным земством незаконного образа действий составляет продолжение принятого сословными и общественными учреждениями Тверской губернии с давних пор неблагонамеренного направления.

Вскоре по освобождении крестьян от крепостной зависимости, Тверское дворянство в чрезвычайном собрании своем возбуждало вопрос «о созвании выборных всей Земли Русской без различия сословий», ввиду «несостоятельности правительства удовлетворить общественным потребностям»⁷.

Одновременно с этим новоторжским уездным предводителем дворянства Алексеем Бакуниным⁸ было подано в Тверское губернское присутствие, от себя и 13-ти лиц, служивших по мировым учреждениям Тверской губернии, заявление о том, что если правительство не согласится с предложением упомянутого чрезвычайного дворянского собрания, «то обществу предстоит неизбежное бедствие»⁹.

По поводу обращения в ноябре 1878 г. в Бозе почившего императора Александра II¹⁰ к собравшимся в Москве после войны 1877–[18]78 гг.¹¹ представителям сословий о развитии России мирным и законным путем¹², гласные Тверского земства предположили подать всеподданнейшее ходатайство о даровании русскому народу истинного самоуправления, неприкосновенности личности, независимости суда и свободы печати.

В проекте прошения по сему предмету, рассылавшемся по другим губерниям, выражено было полное порицание существовавшему общественному устройству, подавленному, будто бы, административным произволом.

После злодеяния 1 марта 1881 г.¹³ те же земские деятели распространяли мысль, что единственным средством спасти Россию от постигающих ее зол является введение конституционного образа правления.

В 1892 г. земством избран был на должность председателя Тверской губернской земской управы дворянин Федор Родичев¹⁴, известный своею неблагонадежностью в политическом отношении (между прочим, в имении его проживали известные политические преступники Гартман¹⁵, Перовская¹⁶ и Фигнер¹⁷, незадолго до взрыва Императорского поезда под Москвою в 1879 г.¹⁸). Когда вследствие сего Родичев не был утвержден в должности, то земство при новых

выборах демонстративно показало, что никого другого выбирать не желает, почему на должность председателя управы назначен был с Высочайшего соизволения камергер Штюрмер¹⁹.

Преимственность всех этих проявлений противогосударственного характера и связь их между собою и с образом действий земского собрания в настоящем случае доказывается участием в них одних и тех же лиц. Так, составителем и инициатором адреса был тот же дворянин Родичев.

Поэтому и имея в виду, что против подобных же незаконных проявлений как в Тверской, так и в других губерниях, во исполнение Высочайшей воли в Бозе почивающих Августейших Деда и Родителя Вашего Величества были принимаемы особые меры, представлялось бы, по мнению моему, безусловно необходимым наложить строгое взыскание на главных виновников допущенного Тверским земством закононарушения.

Таковыми виновниками являются: во 1-х, дворянин Федор Родичев, во 2-х, председатель собрания, и [справляющий] д[олжность] губернского предводителя дворянства тверской уездный предводитель [дворянства] Василий Трубников, который допустил, вопреки закону, составление постановления, нарушающего пределы прав земского собрания, и в 3-х, нижепоименованные уездные предводители дворянства, подписавшие адрес, невзирая на то, что они и по званию своему, и как лица, призванные законом к обязательному участию в губернском земском собрании (статья 56 Полож[ения] о земск[их] учр[еждениях]²⁰), должны были бы прежде других гласных заботиться о предупреждении нарушения закона.

По сим основаниям я полагаю бы:

1) Объявить Высочайший выговор исправляющему должность председателя Тверского губернского земского собрания Василию Трубникову и уездным предводителям дворянства: Зубцовского уезда — Алексею Римскому-Корсакову²¹, Ржевского — Степану Квашнину-Самарину²², Новоторжского — Михаилу Всеволожскому²³, Калязинского — Дмитрию Стромилову²⁴ и Весьегонского — Дмитрию фон Гагману²⁵ и

2) губернскому гласному Федору Родичеву воспретить участвовать в словных и общественных собраниях и выборах и подвергаться избранию на оных.

Таковые предположения мои приемлю смелость всеподданнейше повергнуть на Высочайшее благоволение Вашего Императорского Величества.

Подписал: статс-секретарь Дурново.

11 января 1895 г.

Верно: начальник отделения Лысогорский.

Читал: столоначальник Палеолог²⁶.

РГИА. Ф. 919 (графов Воронцовых-Дашковых). Оп. 2. Д. 598. Л. 16 — 2 об.

Машинописная копия.

- ¹ Только Д. А. Андреев упомянул о нем в своей монографии. См.: *Андреев Д. А.* Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб., 2022. С. 193, 195.
- ² Лысогорский Владимир Владимирович (1866–1924) — действительный статский советник, камергер (1908). По окончании Петербургского университета с 1890 г. служил в Департаменте общих дел МВД, начальник его 1-го отделения (1902). Чиновник особых поручений при министре внутренних дел с оставлением в предыдущей должности (1906). В 1907–1917 гг. — помощник петербургского (петроградского) градоначальника по административной части.
- ³ Дурново Иван Николаевич (1834–1903) — действительный тайный советник (1890). По окончании Михайловского артиллерийского училища служил в конной артиллерии. В 1856 вышел в отставку. С 1857 занимал должности черниговского уездного депутата, затем — черниговского уездного предводителя дворянства. Черниговский губернский предводитель дворянства (1863). Екатеринославский губернатор (1870), товарищ министра внутренних дел (1882–1886), сенатор (1883–1903), член Государственного совета (1886–1903). Главноуправляющий Собственной его величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии и почетный опекун (1886), министр внутренних дел (1889), председатель Комитета министров (1895–1903).
- ⁴ Трубников Василий Николаевич (1851–1918) — действительный статский советник (1890). Окончил Николаевское кавалерийское училище, с 1870 г. был на военной службе, затем вышел в отставку. С 1885 г. — тверской уездный предводитель дворянства. В 1894–1895 гг. исправлял должность тверского губернского предводителя дворянства. Затем — причисленный к МВД, почетный мировой судья Тверского уезда.
- ⁵ Полный текст адреса см.: *Родичев Ф. И.* Из воспоминаний // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 39–40.
- ⁶ Пункт 14 статьи 63 Положения 12 июня 1890 г. о губернских и уездных земских учреждениях гласит: «Губернским земским собраниям в особенности предоставляется <...> 14) Представление правительству, чрез губернатора, ходатайств о местных пользах и нуждах» (ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 10. № 6927).
- ⁷ В постановлении чрезвычайного Тверского губернского дворянского собрания, заседавшего 1–3 февраля 1862 г., отмечалось, что осуществление реформ «невозможно тем путем правительственных мер, которым до сих пор двигалась наша общественная жизнь», а потому дворяне не обращались к правительству с просьбой о совершении реформ, но, «признавая его несостоятельным в этом деле», ограничивались «указанием того пути, на который оно должно ступить для спасения себя и Отечества», т. е. на «собрание выборных от всего народа без различия сословий». Принятое тогда же всеподданнейшее представление заключала следующая просьба: «Созвание выборных от всей Земли Русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19 февраля [1861 г.]» (*Половцов А. А.* Дневник. 1859–1882: в 2 т. Т. 1. М., 2022. С. 116–120). См. также: *Попов И. П.* Тверское выступление 1862 г. и его место в событиях революционной ситуации // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. Т. 6. М., 1974. С. 257–277.
- ⁸ Бакунин Алексей Александрович (1823–1882) — коллежский секретарь. В 1839–1843 учился на юридическом факультете Московского университета. Служил по дворянскому самоуправлению Тверской губернии. С 1861 по 1862 — новоторжский уездный предводитель дворянства. Позднее профессионально занимался ботаникой, в связи с чем являлся действительным членом Петербургского общества естествоиспытателей.
- ⁹ Откликаясь на всеподданнейшее представление Тверского дворянства, 13 мировых посредников Тверской губернии 5 февраля 1862 г. приняли постановление, в котором подчеркивалось: «Такое заявление среди общества, которое одно имеет какую-либо возможность обсудить и высказать правительству свои потребности, подтверждая верность личных убеждений, вынесенных посредниками из прямого сношения с другой средой — крестьянами, делается для посредников, как слуг общества, нравственно обязательным, и потому мы считаем долгом принять это убеждение руководством нашей деятельности

и заявить, что всякий образ действий, противный этим убеждениям, признаем враждебным обществу» (Половцов А. А. Дневник. С. 121–122). Правительство восприняло постановление 13 мировых посредников как призыв к неповиновению, и поэтому все они подверглись аресту и заключению в Петропавловскую крепость. Правительствующий Сенат 10 июля 1862 г. осудил мировых посредников на два с половиной года заключения в смиренном доме, но уже 22 июля Александр II освободил их, запретив, однако, служить на общественных должностях.

¹⁰ Александр II Освободитель (1818–1881) — российский император (с 1855).

¹¹ Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.

¹² Александр II 20 ноября 1878 г. обратился к представителям сословий в Москве со следующими словами: «Я надеюсь на ваше содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь» (Московские ведомости. 1878. 21 ноября. С. 1).

¹³ Подразумевается смертельное ранение Александра II, совершенное террористом-народовольцем И. И. Гриневицким.

¹⁴ Родичев Федор Измайлович (1854–1933) — статский советник. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Весьегонский уездный предводитель дворянства (1879–1891). В 1895 г. был лишен избирательных прав по причине «политической неблагонадежности». С 1898 г. — присяжный поверенный, с 1905 г. — член ЦК Конституционно-демократической партии. В 1906 г. был снова избран весьегонским уездным предводителем дворянства. Депутат I–IV Государственных дум. Министр Временного правительства по делам Финляндии (март — май 1917). Умер в эмиграции.

¹⁵ Гартман Лев Николаевич (1850–1908) — революционер. С 1876 г. — член тайного общества «Земля и воля», с 1879 — террористической организации «Народная воля». Принимал участие в подготовке покушения на Александра II, состоявшегося 19 ноября 1879 г. В 1880 г., проживая в Париже, стал заграничным представителем «Народной воли».

¹⁶ Перовская Софья Львовна (1853–1881) — революционерка. С 1879 г. — член Исполнительного комитета «Народной воли». Участвовала в подготовке покушений на Александра II, состоявшихся 19 ноября 1879 и 1 марта 1881 г. Казнена по приговору суда.

¹⁷ Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) — революционерка. С 1879 г. — член Исполнительного комитета «Народной воли». Принимала участие в подготовке покушений на Александра II, состоявшихся 19 ноября 1879 и 1 марта 1881 г. В 1883–1904 гг. была в заключении, в 1904–1906 гг. — в ссылке.

¹⁸ Взрыв свитского поезда под Москвой был организован членами «Народной воли» и произошел 19 ноября 1879 г. Александр II не пострадал, поскольку ехал в другом, царском поезде.

¹⁹ Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — обер-камергер (1916). Окончил юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата прав. Служил в Министерстве юстиции и Канцелярии 1-го Департамента Правительствующего сената. Секретарь (1878) и начальник Канцелярии (1882–1892) Экспедиции церемониальных дел Министерства императорского двора. Одновременно занимался общественной деятельностью, будучи гласным Бежецкого и Кашинского уездных земских собраний и Тверского губернского земского собрания. Председатель Тверской губернской земской управы по назначению от правительства (1892). Новгородский (1894) и ярославский (1896) губернатор, директор Департамента общих дел МВД (1902). Член Государственного совета (1904–1917, с 1906 входил в Группу правых). Председатель Совета министров (январь — ноябрь 1916), министр внутренних (март — июль 1916) и иностранных (июль — ноябрь 1916) дел.

²⁰ Статья 56 Положения 12 июня 1890 г. о губернских и уездных земских учреждениях объявляет: «Сверх положенного по расписанию числа гласных, в губернском земском собрании участвуют: 1) уездные предводители дворянства, где не производится уездных дворянских выборов — председатели уездных съездов; 2) местные управляющие государственными имуществами и удельною конторою и 3) депутат от духовного ведомства,

- если епархиальное начальство признает полезным его назначить» (ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 10. № 6927).
- ²¹ Римский-Корсаков Алексей Александрович (1860–1920) — отставной подпоручик. Окончил Константиновское военное училище. С 1880 г. находился на военной службе, в 1882 г. вышел в отставку. В 1890–1895 гг. — зубцовский уездный предводитель дворянства, затем — почетный мировой судья Зубцовского уезда Тверской губернии.
- ²² Квашнин-Самарин Степан Дмитриевич (1838–1908) — действительный статский советник (1898). По окончании в 1860 г. естественного отделения физико-математического факультета Московского университета служил в Канцелярии Тверского дворянского депутатского собрания и, с 1863 г., мировым посредником Зубцовского уезда Тверской губернии. Зубцовский уездный предводитель дворянства (1866–1871), член (1866, 1868–1871) и председатель (1866–1868) Зубцовской уездной земской управы. Гласный Тверского губернского земского собрания (1866, 1868–1871) и член (1872–1874) и председатель (1884–1892) Тверской губернской земской управы. В 1892–1904 гг. — ржевский уездный предводитель дворянства. С 1906 г. — член Государственного совета по выборам от Тверского земства, входил в Группу центра.
- ²³ Всеволожский Михаил Владимирович (1861–1909) — действительный студент. Окончил Московский университет. С 1891 г. — новоторжский уездный предводитель дворянства. В 1899–1905 гг. — тверской губернский предводитель дворянства. Почетный мировой судья Новоторжского уезда Тверской губернии.
- ²⁴ Стромилов Дмитрий Николаевич (1844–1895) — отставной лейтенант. Учился в Морском кадетском корпусе. С 1866 был на военно-морской службе, в 1868 вышел в отставку. С 1888 — калязинский уездный предводитель дворянства. Почетный мировой судья Калязинского уезда Тверской губернии.
- ²⁵ Гагман фон Дмитрий Федорович (1862–?) — статский советник. Окончил 1-е Павловское военное училище, с 1879 г. служил в армейской пехоте, в 1888 г. вышел в отставку. Восьегонский уездный предводитель дворянства (1891–1894, 1895–1898), председатель Восьегонской уездной земской управы (1894–1898). В 1899 г. назначен витебским уездным предводителем дворянства, в 1903 г. — председателем Витебской уездной земской управы. Могилевский (1905–1908) и тобольский (1908–1912) губернатор.
- ²⁶ Палеолог Сергей Николаевич (1877–1933) — статский советник, камер-юнкер (1911). По окончании юридического факультета Московского университета в 1900 г. поступил в Департамент общих дел МВД, начальник его 1-го (Инспекторского) Отделения (1907–1914). Чиновник особых поручений 4-го класса по общим делам при министре внутренних дел (1914–1915) и вице-директор (1914–1915) Департамента общих дел, член Совета министра внутренних дел (1915–1917). Умер в эмиграции.

References

ANDREEV D. A. *Samoderzhavie na perelome: 1894 god v istorii dinastii i vlasti* [Autocracy at a turning point: 1894 in the history of the dynasty and power. In Russ.] St. Petersburg, 2022.

ПОПОВ И. П. *Tverskoe vystuplenie 1862 g. i ego mesto v sobytiyax revolyucionnoj situacii* [Tverskoy performance of 1862 and its place in the events of the revolutionary situation. In Russ.] // *Revolucionnaya situaciya v Rossii v 1859–1861 gg.* Т. 6. Moscow, 1974. S. 257–277.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. В. Куликов. Император Николай II и министр внутренних дел И. Н. Дурново. К предыстории царского выступления 17 января 1895 г. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 191–198

Аннотация: В статье публикуется текст всеподданнейшего доклада министра внутренних дел И. Н. Дурново от 11 января 1895 г. В докладе рассматривается содержание адреса Тверского губернского земского собрания и мотивируется реакция на него со стороны царского правительства.

Ключевые слова: император, министр внутренних дел, земство, дворянство, адрес, самодержавие.

FOR CITATION

S. V. Kulikov. Emperor Nicholas II and Minister of Internal Affairs I. N. Durnovo. To the prehistory of the tsar's speech on January 17, 1895 // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 191–198

Abstract: The article publishes the text of the most comprehensive report of the Minister of Internal Affairs I. N. Durnovo dated January 11, 1895. The report examines the content of the address of Tver Provincial Zemstvo Assembly and motivates the reaction to it from the tsarist government.

Key words: the emperor, the Minister of the Interior, the zemstvo, the nobility, the address, the autocracy.

Автор: **Куликов, Сергей Викторович** — к. и. н., старший научный сотрудник отдела Новой истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Author: **Kulikov, Sergey Viktorovich** — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History of Russia at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: sergeykulikov70@mail.ru

М. М. Сафонов

Греческий вопрос как прелюдия к Крымской войне

Как известно, Крымская война началась с того, что Россия летом 14 июля 1853 г. ввела свои войска в Дунайские княжества Молдавию и Валахию. Порта Оттоманская после требования вывести их и отказа России 4 октября объявила ей войну. В ответ Николай I 20 октября 1853 г. опубликовал манифест, в котором объявил войну Турции. Этот документ можно назвать точкой невозврата в Крымской войне. Одни историки считают, что введение войск в придунайские княжества не являлось рубиконом, после перехода которого война стала неизбежной. Другие исследователи полагают, что введение российских войск в Дунайские княжества сделало Крымскую войну неизбежной. Я являюсь сторонником именно этой точки зрения. Манифест 20 октября завершался словами: «На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеке»¹. В этих словах, апеллирующих ко Всевышнему, в действительности была выражена беспредельная вера императора Николая I в собственные силы. В манифесте содержалось упоминание о том, что ведущие европейские державы в религиозном споре относительно Святых мест занимали сторону России, они, дескать, увещевали Османскую империю пойти на уступки. На самом же деле это было далеко не так. Я убежден, что эта сентенция не была намеренной ложью, высказанной с целью ввести в заблуждение население России, как полагал академик Е. В. Тарле в своем классическом труде «Крымская война»². Николай не стремился кого бы то ни было обмануть. Кроме одного человека — самого себя. Это фраза — важнейшее свидетельство того, насколько заблуждался сам император, выдавая желаемое за действительное.

Сегодня общепризнано, насколько царь неверно оценивал сложившуюся международную обстановку и ту роль, которую он сам играл в тот момент в международных делах³. Употребляя выражение, взятое из другой исторической эпохи, это было «головокружение от успехов». Конечно, нельзя сбрасывать со счетов существенную роль ближайшего окружения императора и прежде всего фельдмаршала австрийской, прусской и российской армии, графа Ереванского, князя Варшавского наместника Царства Польского И. Ф. Паскевича, одного из немногих людей, кому бесконечно доверял император. Как убедительно показал Е. В. Тарле, от позиции фельдмаршала во многом зависело решение царя относительно ввода российских войск в Дунайские княжества. Но трезвый стратег, совершенно верно оценивавший сложившуюся чрезвычайно неблагоприятную для России международную обстановку, давший много ценных советов Николаю относительно тактики и стратегии российских войск в Дунайских княжествах, не сказал царю решительного «нет» относительно целесообразности такого шага, как ввод войск. Понятно, если обладаешь едва ли не всеми наградами и титулами, которые существовали в Российской империи, если получаешь от царя подарок в 1 млн рублей, а затем и имение на еще большую сумму, если сам император отдает тебе честь и называет «отцом командиром», то сказать ему «нет» именно тогда, когда августейшее ухо ничего другого не хочет услышать, кроме «да», не хватит духа даже у такого лично честного и бескорыстного человека, как Паскевич! И он сказал, точнее, написал, то, чего от него ожидал Николай. Российские войска вошли в Дунайские княжества, и война началась⁴.

Когда верховный правитель возглавляет государство на протяжении трех десятилетий и постоянно слышит «да», он начинает свято верить в то, что эти «да» происходят оттого, что все его решения безупречны, и он утрачивает чувство самосохранения. Когда Николай отошел в мир иной, А. Герцен щедро раздавал чаевые лондонским мальчишкам, разносчикам газет, за то, что они бодро кричали на лондонских улицах: «Impernikel is dead». По этому поводу Искандер острил: «Николай умер от Евпатории в легких»⁵. Но я не верю в самоубийство царя. Не потому, что для такого шага у него не хватило бы мужества. Но оттого, что он был верующим, а для истинного христианина суицид — вещь невозможная. Неверно было бы утверждать, что неудачи в Крымской войне свели «имперникеля» в могилу. Хотя не подлежит никакому сомнению, что ход войны и военные неудачи во многом способствовали тому, что царь преждевременно отошел в мир иной.

Но только ли выпестованная льстецами самоуверенность погубила Николая? Я полагаю, что объяснение — «головокружение от успехов» — служившее альфой и омегой советской историографии Крымской войны, не совсем верно. Чтобы докопаться до истины, необходимо сравнить позиции Александра I и Николая I по вопросу целесообразности ввода российских войск в Дунайские княжества, которые уже как три десятилетия могли бы быть под протекторатом России или даже стать ее территорией.

Как это ни парадоксально прозвучит, этого судьбоносного для последующей истории России ввода войск в Дунайские княжества в 1853 г. могло бы и вовсе не быть...

22 февраля 1821 г. сын господаря Молдавии и Валахии, эмигрировавшего в Россию, по происхождению грек, генерал-майор русской службы А. К. Ипсиланти, командир гусарской бригады, флигель-адъютант Александра I с группой сторонников перешел пограничную реку Прут и в молдавском городе Яссы провозгласил начало восстания против Порты Оттоманской. В первой половине 1821 г. подполковник П. И. Пестель, служивший в штабе адъютантом главнокомандующего 2-й армии, был командирован, выражаясь современным языком, в качестве разведчика в Дунайские княжества и в нескольких аналитических записках представил отчет о положении дел, которые были доставлены царю. В этих документах, которые сыграли немаловажную роль при оценке сложившейся ситуации Александром I, Пестель намеренно исказил сложившуюся ситуацию. Он представил Ипсиланти орудием в чужих руках, участником общеевропейского революционного заговора, имеющего отрасли в европейских столицах с центром в Вене. Подполковник сильнейшим образом преувеличил численность и силу этой организации, сделав акцент не на национально-освободительной, а на социальной составляющей движения. Он представил этеристов чуть ли не ответвлением карбонаризма. Очевидно, при такой трактовке это движение должно было угрожать самой России с ее внутренними проблемами, и вопрос о поддержке Ипсиланти Александром I снимался сам собой. Пестель поступил так не в интересах будущей революции, как полагала О. М. Киянская, а оттого, что воспользовался представившимся случаем в очередной раз запугать царя⁶.

Если освободиться от идеологического тумана, которым окутана ленинско-сталинская концепция декабризма М. В. Нечкиной⁷, то становится очевидным, что тайное общество, даже точного названия которого в действительности мы не знаем, в течение 10 лет занималось запугиванием Александра фантомом царевубийства, уничтожением всех членов императорской фамилии, введением республики и т. д.⁸ В развернутой рецензии на публикацию сочинений С. П. Шипова я подробно описал механизм, посредством которого через князя И. В. Васильчикова тайное общество доводило эти угрозы до царя⁹. Это прекрасно видно на примере Семеновской истории, в которой напуганный царь увидел руку тайного общества, которой там и не пахло¹⁰. Настолько сильно царя напугали. Тайное общество и те, кто стоял за ним, делали это для того, чтобы удержать царя от восстановления Польши¹¹, не дать царю провести крестьянскую реформу, при которой были бы ущемлены доходы дворянства¹², добиться уничтожения военных поселений¹³, представляющих угрозу для существования дворянства как привилегированного сословия и, наконец, удаления с политической арены А. А. Аракчеева¹⁴. В этой связи чрезвычайно показательны, как конспираторы старались использовать греческий вопрос для

своих целей. В ряде своих статей: в сборнике к столетию со дня рождения А. А. Зимины «Письмо Ф. Ф. Вадковского 3 декабря 1825 г. и проблемы изучения декабризма»¹⁵, «И. В. Шервуд — спецгент Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича?»¹⁶, а также в работе «Всевропейский заговор, “Филики Этерия”, декабризм» в сборнике памяти В. Е. Возгрина, я подробнейшим образом показал, как МИД и Главный штаб вопреки очевидным фактам старались убедить Александра в том, что «Этерии» в России не существует и никакого тайного общества, управляемого из-за границы, в нашей стране нет. Но конспираторы и их покровители сделали все, чтобы убедить царя в том, что такое общество есть, и постарались замешать в него представителей греческой диаспоры, прежде всего семейный клан этнического грека Я. Н. Булгари, члена «Этерии», родственника А. К. Ипсиланти. В этот конгломерат они постарались замешать военные поселения и тем самым навести подозрения на А. А. Аракчеева. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Александр неожиданно не умер в Таганроге.

Из вышеизложенного хорошо видно, почему Александр воздерживался от того, чтобы оказывать поддержку грекам, и не пошел на то, чтобы ввести войска в Дунайские княжества, когда туда вошел Ипсиланти, хотя внешнеполитическая ситуация в тот момент была гораздо более благоприятной для России, чем 32 года спустя. Сопоставляя ее с ситуацией 1853 г., когда перед Николаем стояла дилемма, вводить ли войска на эти территории, становится понятно, почему император решился на этот шаг. Ситуация была принципиально иной. Греция уже являлась независимым государством. Никакого тайного общества, которое на протяжении многих лет терроризировало бы императора угрозами цареубийства и резни всей царской фамилии, давая при этом понять, что «за-граница нас поддержит», уже не существовало. Да и оно было просто невысказано в николаевское царствование после 14 декабря 1825 г. То, что удерживало Александра, теперь не имело места, и как бы толкало императора на шаги, на которые его покойный брат три десятилетия назад оказался неспособным. Стоит ли удивляться тому, что одним из главных итогов Крымской войны стала постановка вопроса о реформах в России и о создании такого государственного устройства, при котором определенные расхождения между правительством и стремлениями государственных сословий разрешались бы не такими методами, как это имело место во второй половине царствования Александра I?

¹ Хроника современных военных действий. СПб., 1855. С. 18–19.

² Тарле Е. В. Крымская война // Тарле Е. В. Сочинения: в 12 т. Т. VIII. М., 1959. С. 265.

³ Высколков Л. В. Николай I. М., 2003. С. 405.

⁴ Тарле Е. В. Крымская война. С. 242–252.

- ⁵ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С. 11, 12.
- ⁶ Киянская О. И. Пестель. Офицер. Разведчик, заговорщик. М., 2002. С. 371–400.
- ⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С. 338, 339.
- ⁸ Сафонов М. М. Всеевропейский заговор, «Филики Этерия», декабризм // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2020. № 20 (1). С. 58–69.
- ⁹ Сафонов М. М. [Рец.]: Шитов С. П. Политические и экономические сочинения. Воспоминания. СПб.: Росток, 2021. 760 с. // Историческая экспертиза. 2023. № 4. С. 256–262.
- ¹⁰ Лапин В. В. Семеновская история. Л., 1991. С. 182.
- ¹¹ Сафонов М. М. Речь Посполитая и «Московский заговор» 1817 г. // Россия и Польша: Два аспекта европейской культуры. СПб., 2012. С. 491–503.
- ¹² Сафонов М. М. Процесс по делу декабристов как феномен общественно-политической жизни России // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 285.
- ¹³ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому. 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 52–56.
- ¹⁴ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 12–15.
- ¹⁵ Сафонов М. М. Письмо Ф. Ф. Вадковского 3 декабря 1825 г. и проблемы изучения декабризма // VII Зиминские чтения. Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию А. А. Зимина: материалы Международной научной конференции. М., 2020. С. 496–513.
- ¹⁶ Сафонов М. М. И. В. Шервуд – спецгент Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора М. А. Милорадовича? // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. XIV. СПб., 2016. С. 18–30.

References

- EJDEL'MAN N. Ya. *Gercen protiv samoderzhaviya*. [Herzen against autocracy. In Russ.]. Moscow, 1973.
- KIYANSKAYA O. I. *Pestel'. Oficer. Razvedchik, zagovorshhik*. [Pestel. The officer. The scout, the conspirator. In Russ.]. Moscow, 2002.
- LAPIN V. V. *Semenovskaya istoriya*. [Semenovskaya istoriya. In Russ.]. Leningrad, 1991.
- NECHKINA M. V. *Dvizhenie dekabristov*. [The Decembrist Movement. In Russ.]. T. 2. Moscow, 1955.
- SAFONOV M. M. *Vseevropejskij zagovor, "Filiki Eteriya", dekabrizm*. [European conspiracy, "Filiki Eteria", Decembrism. In Russ.]. // *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni*. 2020. No. 20 (1). S. 58–96.
- SAFONOV M. M. *Shipov S. P. Politicheskie i e'konomicheskie sochineniya. Vospominaniya. SPb.: Rostok, 2021. 760 s.* [Shipov S. P. Political and economic writings. Memoirs. St. Petersburg: Rostock, 2021. 760 p. In Russ.] // *Istoricheskaya ekspertiza*. 2023. No. 4. S. 252–263.
- SAFONOV M. M. *Rech Pospolitaya i "Moskovskij zagovor" 1817 g.* [The Polish-Lithuanian Commonwealth and the "Moscow Conspiracy" of 1817. In Russ.] // *Rossiya i Pol'sha: Dva aspekta evropejskoj kul'tury*. St. Petersburg, 2012. S. 491–503.
- SAFONOV M. M. *Process po delu dekabristov kak fenomen obshhestvenno-politicheskoy zhizni Rossii*. [The trial of the Decembrists as a phenomenon of the socio-political life of Russia. In Russ.] // *Istoriko-kul'turnoe nasledie i duxovnye cennosti Rossii. Programma fundamental'nykh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk*. Moscow, 2012. S. 279–293.
- SAFONOV M. M. *Pis'mo F. F. Vadkovskogo 3 dekabrya 1825 g. i problemy izucheniya dekabrizma*. [The letter of F. F. Vadkovsky on December 3, 1825 and the problems of studying Decembrism. In Russ.] // *VII Ziminskije chteniya. Dokumental'nyj istochnik v istoricheskom issledovanii i v issledovanii po istorii nauki: opyt ispol'zovaniya, sovremennye problemy i zadachi. K 100-letiyu A. A. Zimina. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow, 2020. S. 496–513.

SAFONOV M. M. I. V. *Sherwood* — *speczagent sankt-peterburgskogo voennogo general-gubernatora M. A. Miloradoviča?* [I. V. Sherwood — special agent of the St. Petersburg military Governor-General M. A. Miloradovich? In Russ.] // *Politicheskaya istoriya Rossii: Proshloe i sovremennost'*. Istoricheskie chteniya. Vyp. XIV. St. Petersburg, 2016. S. 18–30.

TARLE E. V. *Krymskaya vojna*. [The Crimean War. In Russ.] // Tarle E. V. *Sochineniya: v 12 t.* T. VIII. Moscow, 1959.

VY'SKOCHKOY L. V. *Nikolaj I.* [Nikolay I. In Russ.]. Moscow, 2003.

Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina. [Notes, articles, letters of the Decembrist I. D. Yakushkin. In Russ.]. Moscow, 1951.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Сафонов. Греческий вопрос как прелюдия к Крымской войне // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 199–205

Аннотация: Крымская война началась с ввода российских войск в Дунайские княжества. Этот шаг Николая I принято считать результатом неверной оценки международной обстановки, явившейся следствием «головокружения от успехов» российского самодержца, свято верившего в свою непогрешимость и внимавшего подобострастным голосам царедворцев. Однако причина неверной оценки стратегической ситуации заключалась в ином. Это отчетливо видно при сравнении попыток разрешения греческого вопроса при Александре I и его преемнике. Александр отказался поддержать восстание А. К. Ипсиланти и воздержался от введения войск в Дунайские княжества, так как тайное общество, возглавляемое П. И. Пестелем, нашло способ убедить царя в том, что «Этерия» является орудием строго законспирированной организации. Центр ее находится в Европе, и эта конспирация может быть использована против России. В самодержавной России отсутствовал легальный механизм разрешения противоречий между государственной властью и интересами сословий. Тайное общество выработало механизм, посредством которого на протяжении 10 лет угрозами царевичества, истребления императорской фамилии, введения республики оно старалось удержать монарха от совершения шагов, считавшихся неприемлемыми для дворянского сословия. Для того чтобы эти угрозы выглядели более внушительно, тайное общество старалось всеми возможными способами создать в глазах царя иллюзию прямой связи конспираторов с европейской «Этерией» прежде всего посредством греческого клана этериста, родственника Ипсиланти Я. Н. Булгари. Эти опасения играли немаловажную роль для царя при решении греческого вопроса. Александр не пошел на то, чтобы ввести войска в Дунайские княжества, когда туда вошел Ипсиланти со своим отрядом, хотя международная ситуация в тот момент была гораздо более благоприятной, чем 32 года спустя. Когда в 1853 г. перед Николаем встала дилемма, вводить ли войска на эти территории, ситуация была уже принципиально иной. Греция являлась независимым государством. Никакого тайного общества, которое на протяжении многих лет терроризировало бы императора своими угрозами, не существовало. То, что удерживало Александра, теперь не имело места, и ситуация толкала императора на шаги, на которые его покойный брат три десятилетия назад оказался неспособным. Стоит ли удивляться тому, что одним из главных итогов Крымской войны стала постановка вопроса о либеральных реформах в России? В том числе о создании такого государственного устройства, при котором расхождения между правительством и стремлениями государственных сословий разрешались бы не такими методами, как это имело место во второй половине царствования Александра I.

Ключевые слова: Крымская война, Николай I, Александр I, греческий проект, А. К. Ипсиланти, «Этерия», П. И. Пестель, Е. В. Тарле, И. Ф. Паскевич.

FOR CITATION

M. M. Safonov. The Greek question as a prelude to the Crimean War // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 199–205

Abstract: The Crimean War began with the entry of Russian troops into the Danube principalities. This step of Nicholas I is considered as the result of an incorrect assessment of the international situation, which caused the “dizziness of success” of the Russian autocrat, who firmly believed in his infallibility and listened to the obsequious voice of courtiers. However, the reason for the incorrect assessment of the strategic situation was different. This is clearly seen when comparing the attempts to resolve the Greek question under Alexander I and his successor. Alexander refused to support the A. K. Ypsilanti’s uprising. The emperor refrained from sending troops into the Danube principalities, as a secret society headed by P. I. Pestel found a way to convince the tsar that “Etheria” was an instrument of a strictly secret organization. Its center was in Europe and this conspiracy could be used against Russia. In autocratic Russia, there was no legal mechanism for resolving contradictions between state power and the interests of the estates. The secret society has developed a mechanism by which, for 10 years, through threats of regicide, the extermination of the imperial family, and the introduction of the republic, it has tried to keep the monarch from taking steps that were considered unacceptable by the nobility. For these threats to look more impressive, the secret society tried in every possible way to create in the eyes of the tsar the illusion of a direct connection between the conspirators through, first of all, the Greek clan of the etheric and a relative of Ypsilanti Ya. N. Bulgari with the European “Etheria”. These concerns played an important role in the tsar’s decision on the Greek question. Alexander did not go to the point of sending troops to the Danube principalities when Ypsilanti and his detachment entered there, although the international situation at that moment was much more favorable than 32 years later. When in 1853 Nicholas faced the dilemma of whether to send troops to these territories, the situation was already fundamentally different. Greece was already an independent state. There was no secret society that would terrorize the emperor with its threats for many years. What had held Alexander back no longer took place, and the situation pushed the emperor to take steps that his older brother three decades ago proved incapable of. Is it any wonder that one of the main outcomes of the Crimean War was the raising of the question of liberal reforms in Russia? Including the creation of a state structure in which the differences between the government and the aspirations of the state estates would be resolved not by such methods as took place in the second half of the reign of Alexander I.

Key words: The Crimean War, Nicholas I, Alexander I, the Greek project, A. K. Ypsilanti, Etheria, P. I. Pestel, E. V. Tarle, I. F. Paskevich.

Автор: Сафонов, Михаил Михайлович — к. и. н., научный сотрудник С.-Петербургского института истории РАН.

Autor: Safonov, Mikhail Mikhailovich — Candidat of Historical Sciences, Research Associate of the St. Petersburg Institute of History of the RAS.

E-mail: m.safonov@list.ru

С. А. Исаев

Визит американского сенатора Стивена Дугласа в Россию накануне Крымской войны

Перед самым началом Крымской войны Российскую империю посетил один из самых известных американских политиков 1850-х гг.: Стивен Дуглас, сенатор от Иллинойса.

Стивен Арнольд Дуглас (эту фамилию в российской историографии по традиции передают именно так, хотя американцы произносят Дáглас — Douglas, Stephen Arnold; 1813–1861) всю свою сознательную жизнь принадлежал к Демократической партии. Родился он в вермонтском городке Брэндон в семье местного хирурга; получил юридическое образование в колледже в городе Канандейга, штат Нью-Йорк; в 1833 г. переселился в Иллинойс, где вскоре был избран в состав законодательного собрания штата. Там он в декабре 1834 г. познакомился с депутатом от графства Сэнгамон Авраамом Линкольном, с которым с тех пор поддерживал теплые личные отношения, несмотря на политические разногласия. В 1843–1847 гг. Дуглас был членом Палаты представителей Конгресса США, а с 1847 г. до конца жизни — сенатором от Иллинойса. Его регулярно избирали председателем сенатского комитета по делам федеральных территорий. Политическая жизнь США в промежутке между окончанием Мексиканской войны и началом войны Гражданской, 1848–1861 гг., представляла собой клубок переплетавшихся конфликтов. Основным спорным вопросом была перспектива сохранения или постепенной отмены рабства. После аннексии захваченных у Мексики земель по договору Гуадалупе-Идальго (2 февраля 1848 г.) южане намерены были распространить рабство на часть этих террито-

рий, тогда как северяне, признавая законность существования рабства в южных штатах, хотели запретить его где бы то ни было за пределами южных штатов. Дуглас участвовал в выработке сложного «Компромисса 1850 г.» между северными и южными штатами, который позволил на несколько лет пригасить конфликт между ними. В единственное в своей жизни заграничное путешествие, о котором пойдет речь далее, Дуглас отправился в 1853 г., после смерти (19 января) его 28-летней жены Марты. События же, сделавшие имя Дугласа известным практически всем американцам и многим за пределами США, развернулись сразу после его возвращения. 4 января 1854 г. Дуглас внес в Конгресс знаменитый билль Канзас — Небраска. Этот билль предполагал, что вопрос о допустимости или запрете рабства должны будут решить на каждой из этих территорий сами поселенцы. Именно в борьбе против билля Канзас — Небраска сформировалась (28 февраля 1854 г.) нынешняя Республиканская партия США, объединившая «анти-небраскинцев» — сторонников федерального закона о запрете рабства на всех федеральных территориях. Билль Дугласа стал законом 30 мая 1854 г. В Небраске противники рабства победили сразу, но в Канзасе применение схемы Дугласа привело к локальной гражданской войне, которая завершилась победой противников рабства только в начале 1861 г. Сам Дуглас не ожидал, что его любимый принцип «суверенитета поселенцев» приведет к таким кровавым последствиям, но не отказался от него, а продолжал превозносить как замечательный и истинно демократический. Но Дуглас не во всем был заодно с рабовладельцами-южанами. Когда администрация Бьюкенена попыталась организовать принятие в США штата Канзас с так называемой Лекомптонской конституцией, которую сторонники рабства попытались навязать всему населению Канзаса, Дуглас 9 декабря 1857 г. выступил с трибуны Сената с яркой разоблачительной речью и в одночасье превратился из опоры администрации в оппонента, расколов Демократическую партию на «лекомптонских демократов» и «анти-лекомптонцев»¹. Впрочем, выступая в Сенате по вопросам внешней политики, Дуглас строго придерживался позиций администраций президентов Франклина Пирса и Джеймса Бьюкенена: одобрительно отзывался о замыслах аннексии Кубы, говорил о Великобритании как об опасном конкуренте в Центральной Америке (особенно в связи с оккупацией англичанами части Москитного Берега в Никарагуа в январе 1848 г.), осуждал «автократов» — императоров России и Австрии, в особенности за подавление венгерского восстания 1848–1849 гг. В ходе очередной кампании выборов сенатора от Иллинойса Дуглас и Линкольн 28 августа — 15 октября 1858 г. участвовали в совместных дебатах, которые привлекли всеобщее внимание и сделали Линкольна известным повсюду в США². На президентских выборах 1860 г. Линкольн и Дуглас были ведущими кандидатами-соперниками. Хотя во многих округах на Юге имя Линкольна даже не было внесено в избирательные бюллетени, тогда как за Дугласа голосовали повсюду, победу на выборах одержал Линкольн. Когда о результате выборов стало известно,

в южных штатах началось движение за сецессию, т. е. за выход из США. Стивен Дуглас резко осудил мятеж южан, категорически высказался за сохранение территориальной целостности США, демонстративно посетил президентскую инаугурацию Линкольна и возглавил демократов, лояльных новому президенту. Внезапная смерть Дугласа от тифозной горячки 3 июня 1861 г. положила конец его сотрудничеству с администрацией Линкольна, чрезвычайно важному в условиях начавшейся Гражданской войны.

Стивен Дуглас остался в памяти американцев как яркий энтузиаст заселения и освоения Запада, как последовательный защитник единства американского Союза и как типичный демократ той поры: он вполне терпимо относился к рабству и был убежденным поборником свободы торговли.

Сведения о путешествии Дугласа — его контактах, беседах и впечатлениях — содержатся в капитальной биографии, которую (впервые в 1973 г.) опубликовал Роберт Уолтер Йохансен (1925–2011), много лет преподававший в Университете Иллинойса в Эрбана-Шампэнь (University of Illinois at Urbana-Champaign)³. В качестве источника Йохансен использовал документы семейного архива Дугласов в городе Гринсборо, штат Северная Каролина — на родине его жены Марты, где впоследствии был судьей их сын Роберт: Douglas Family Papers, Greensboro. Где они находятся сейчас, точно выяснить не удалось. Основная масса документов Стивена Дугласа — 65 коробок — хранится ныне в библиотеке Чикагского университета, но в описании этого собрания упомянутые Йохансеном документы не фигурируют⁴. Можно предположить, что сами эти документы или их копии находятся в неразобранной документальной коллекции за номером 869 под названием Stephen Douglas Research Collection, которая поступила после кончины Йохансена в библиотеку университета, где он работал⁵.

Поездка Дугласа была неофициальной, однако многочисленные рекомендательные письма обеспечили ему возможность встретиться с видными людьми. 14 мая 1853 г. Дуглас отправился из Нью-Йорка в Ливерпуль регулярным пассажирским рейсом на пароходе *Pacific*⁶. Первую половину июня Дуглас провел в Лондоне. У него была репутация англофоба, поэтому ведущие политики от контактов с Дугласом отказались. Зато он много общался с видными фритредерами Джоном Брайтом и Ричардом Кобденом, которые были акционерами строившейся тогда железной дороги Чикаго — Новый Орлеан (Illinois Central Railroad). Дуглас хотел получить аудиенцию у королевы Виктории, но от него потребовали, чтобы он предстал перед королевой в костюме, сшитом специально для этой цели (court dress). Дуглас отказался, и встреча в итоге не состоялась. Морем — через Гавр и Марсель — Дуглас проследовал в Геную, где 20 июня осмотрел только что построенный по новой технологии мол. Оттуда он проехал во Флоренцию и Рим, а 4 июля отпраздновал в Мессине в обществе живших там американцев. Дальнейший его путь лежал через Афины и Смирну в Константинополь⁷. В османской столице Дуглас имел встречу с министром

иностранных дел Мустафой Решид-пашой и заверил его, что в назревающем конфликте из-за Святых мест симпатии США на стороне турок.

Из Константинополя Дуглас проследовал морем в Одессу, где ему пришлось просидеть четыре дня в противочумном карантине. Большую часть путешествия по России — в августе — Дуглас проделал в комфортабельной карете (“long carriage”), где было спальное помещение и кухня: карета двигалась день и ночь со скоростью 10 миль в час. Из Одессы Дуглас отправился в Крым, который назвал «самой очаровательной страной во всей Европе (the most charming country in all Europe)»⁸, — заметим: после посещения Италии и Греции! Из Крыма путь Дугласа лежал в Киев и Москву — «самый великолепный (gorgeous) и удивительный город в мире». Несколько дней Дуглас провел на Нижегородской ярмарке — «где я видел стечение 300 тыс. людей всех наций, рас, религий и обычаев... со своими товарами, пытающихся надуть друг друга». Оттуда Дуглас проследовал в Санкт-Петербург. В столице он был принят графом К. В. Нессельроде, который и обеспечил ему возможность встречи и беседы с Николаем I. Император в это время был на летних маневрах. Место встречи Йохансен не называет, но, судя по описанию, это было Красное Село. Там Дугласу предоставили коня, покрытого элегантным чепраком. Три всадника — Дуглас, российский император и шведский посланник Густав аф Нурдин — наблюдали с высокого холма за маневрами и беседовали.

Николай I знал, что Дуглас прибыл из Турции, и спросил, видел ли он там приготовления к войне. Дуглас ответил отрицательно и заметил: «Турки верят, что быть или не быть войне, зависит от царя». Николай I заверил, что он «на самом деле человек миролюбивый (really a man of peace)». В ходе дальнейшего разговора, если верить Дугласу и его биографу, император заявил, что только Россия и Америка — два «настоящих государства» (the only two proper governments in the world), тогда как все прочие государства — «полукровки», или «ублюдки» (mongrels), обреченные быть поглощенными какой-либо из двух великих держав⁹. Вероятно, имея в виду и это заявление, Дуглас считал, что, приняв его, Николай I выразил уважение США, так что тот день был «днем гордости за мою страну» (proud day for my country).

Из Санкт-Петербурга Дуглас проследовал в Швецию, затем посетил Копенгаген, Берлин, Прагу, Вену, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне и Париж. В Париже он вместе с Джеймсом Джонсом, сенатором от Теннесси, получил аудиенцию у императора Наполеона III и императрицы Евгении. Императрица выспрашивала у сенаторов, что им было известно о планах американской администрации относительно Кубы (в это время американский посланник в Мадриде Пьер Суле предлагал испанскому правительству продать остров). Из Парижа Дуглас проследовал в Ливерпуль и разместился на борту парохода *Arctic*. 30 октября 1853 г. он прибыл в Нью-Йорк¹⁰.

Таковы сведения о пребывании Дугласа в России и его беседах на темы международной политики, приводимые Йохансеном. Для историка это был

периферийный сюжет: он не указывает даже дат посещения Дугласом российских городов. Сведения эти не дают оснований предполагать сколько-нибудь заметное влияние поездки Стивена Дугласа на развитие событий. Однако его свидетельства об услышанном от ведущих политиков и впечатления от увиденного в России могут представлять интерес. Возможно, документальные следы пребывания американского сенатора удастся обнаружить в российских архивах.

-
- ¹ *Rhodes J. F.* History of the United States from the Compromise of 1850 / Abridged and edited by A. Nevins. Chicago, 1966. P. 136–137.
 - ² *Potter D. M.* The Impending Crisis. 1848–1861. New York, 1976. P. 349–354.
 - ³ *Johannsen R. W.* Stephen A. Douglas. New York, 1973.
 - ⁴ Guide to the Stephen A. Douglas Papers, 1764–1908 // The University of Chicago Library. URL: <https://www.lib.uchicago.edu/e/src/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.DOUGLASSA> (дата обращения 10.01.2024).
 - ⁵ *Johannsen R.* Stephen Douglas Research Collection // Illinois Library. Illinois History and Lincoln Collections. URL: <https://archon.library.illinois.edu/ihlc/?p=collections/controlcard&id=4057> (дата обращения 10.01.2024).
 - ⁶ Ibid. P. 382.
 - ⁷ Ibid. P. 383.
 - ⁸ Ibid. P. 385.
 - ⁹ Ibid. P. 385.
 - ¹⁰ Ibid. P. 386.

References

- Johannsen R. W.* Stephen A. Douglas. New York, 1973.
Potter D. M. The Impending Crisis. 1848–1861. New York, 1976.
Rhodes J. F. History of the United States from the Compromise of 1850 / Abridged and edited by A. Nevins. Chicago, 1966.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. А. Исаев. Визит американского сенатора Стивена Дугласа в Россию накануне Крымской войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 206–211

Аннотация: Накануне Крымской войны – в августе 1853 г. – Россию посетил с частным визитом влиятельный американский сенатор Стивен Дуглас. Он был принят Николаем I. Документы, имеющие отношение к этой поездке, сохранились в семейном архиве Дугласов и были использованы его биографом Робертом Йохансеном. В них зафиксированы высказывания Николая I, представляющие интерес для предыстории Крымской войны.

Ключевые слова: Восточный вопрос в 1853, Дуглас, Стивен Арнольд (1813–1861), Решид-паша, Мустафа (1800–1858), фронтредеры.

FOR CITATION

S. A. Isaev. U. S. Senator Stephen A. Douglas' visit to Russia on the Eve of the Crimean War, 1853 // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 206–211

Abstract: In August 1853 Steven A. Douglas, U.S. Senator of Illinois, privately visited Russia and was received by Emperor Nicholas I. The documents appertaining to his travel were kept in the family archive of Douglas and were used by Robert Johanssen, biographer of the Senator. Some of them contain the statements of Emperor Nicholas which may be interesting in the context of pre-history of the Crimean War.

Key words: the Eastern Question in 1853, Douglas, Stephen Arnold (1813–1861), Rashid Pasha, Mustafa (1800–1858), the Freetraders.

Автор: **Исаев, Сергей Александрович** — к. и. н., старший научный сотрудник, и. о. заведующего Отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН.

Author: **Isaev, Sergei Aleksandrovich** — the candidate of sciences in history, senior research worker, acting chairman of the Department of General History, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: isayevsviir@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9491-3510

А. А. Ефимов

«Война дворцам»? Имение Ореанда в годы Крымской войны*

Обращаясь к историографии создания и развития имения Ореанда, в первую очередь стоит отметить капитальный труд Т. А. Петровой «Архитектор А. И. Штакеншнейдер», вышедший в 2012 г. и включающий целый раздел, посвященный истории создания дворца в Ореанде, и книгу Н. Н. Калинина и М. А. Земляниченко «Романовы и Крым»¹. Кроме того, нельзя обойти вниманием статьи Ю. Я. Арбатской, Т. И. Кулаковой, О. В. Линниковой, А. С. Лосевой, Г. Г. Филатовой, Е. С. Шинтяпиной, книгу, выпущенную в соавторстве Н. С. Лобзень и А. П. Пальчиковой и монографию Е. М. Литвиновой «Царская семья в Крыму»².

В 1837 г. императрица Александра Федоровна получает от своего супруга Николая I в подарок имение Ореанда. Дворец в Ореанде, ставшей первой резиденцией Романовых в Крыму, возведенный по проекту А. И. Штакеншнейдера вместе с другими постройками, был закончен к 1852 г. Имение было обустроено в качестве резиденции незадолго до Крымской войны, в том же году. Предварительное ознакомление с архивными материалами создает впечатление, что имение существовало обычным порядком, а единственным ответом на военное время стало вооружение местной инвалидной команды. В докладе на основе неопубликованных документов будет раскрыто, повлияла ли в действительности Крымская война на развитие и повседневную жизнь резиденции.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00026; <https://rscf.ru/project/22-78-00026/>

Боевые действия Крымской (Восточной) войны, начавшиеся в октябре 1853 г. кампаниями в Придунайских землях и на Кавказе, несколько месяцев не затрагивали Крымский полуостров. Однако в это время там бушевала другая, не менее страшная напасть — холера. Борьба с эпидемией во многом сродни военному положению, и для Ореанды это проявилось восстановлением некогда существовавшего кордона, предназначенного для обеспечения функционирования карантинной линии. В середине ноября 1853 г. Ялтинский земский исправник надворный советник Деклеиз обратился к главному смотрителю Ореандского имения коллежскому асессору Козьмину с предложением о размещении в резиденции охранного поста из 11 донских казаков как части подразделения, выделенного по распоряжению начальника Таврической губернии для временного охранения карантинной линии. Со своей стороны Козьмин, признав эту инициативу необходимой в сложившихся на тот момент обстоятельствах, выделил рядовым казакам помещения на Экономическом дворе в татарском отделении, а для казачьего офицера отвел Караульный домик у Почтовой дороги при выезде к Дому главного смотрителя, находившийся вблизи от Экономического двора³. Таким образом, в имении был размещен отряд, который в будущем мог бы выполнять и охранные функции.

Однако дальнейшие события показали необходимость уже целенаправленной подготовки имения к защите. Катализатором этого, как можно судить по датам документов, стала произведенная 10 апреля 1854 г. англо-французской эскадрой бомбардировка Одессы. 23 апреля 1854 г. главный смотритель Козьмин обращается в Собственную ЕИВ контору с донесением, в котором излагает свое предложение «для всякой предосторожности по случаю настоящего военного времени» вооружить назначаемую в ночные караулы в имении инвалидную команду хотя бы пиками по образцу казачьих, которые можно было бы изготовить за счет собственных средств имения. Это донесение 24 мая 1854 г. было представлено обер-гофмаршалом графом А. П. Шуваловым непосредственно императору Николаю I, который не только согласился с этим предложением, но и предписал рассмотреть возможность вооружить охрану имения огнестрельным оружием. Это монаршее решение было сообщено в Крым Козьмину, которому помимо предписания об изготовлении предложенных пик было дано указание при рассмотрении вопроса о снабжении инвалидов ружьями донести о том, где и по какой цене предполагалось их купить, а также и об источнике пополнения боезапаса⁴. За время переписки военные действия уже вплотную подошли к Крыму — 3 июня 1854 г. группа английских и французских пароходофрегатов приблизилась к Севастополю.

На этом фоне в середине июня по получении согласования своего предложения Козьмин распоряжается об изготовлении и раздаче инвалидной команде в Ореанде 11 пик и к двадцатым числам месяца узнает, что есть возможность приобрести к имеющимся в имении четырем ружьям еще семь по цене от 3 до 4 руб. за единицу с изготовлением боевых патронов непосредственно

в имении из отлитых местным слесарем пуль и сохранившихся с прежнего времени запасов пороха⁵. За время ожидания ответа из столицы о возможности приобретения ружей на изложенных условиях англо-французский флот перешел уже к обстрелам главной базы Черноморского флота Севастополя. Лишь 22 июля из Санкт-Петербурга отправляют разрешение Собственной ЕИВ конторы приобрести недостававшие для полного комплекта семь ружей на предложенных условиях⁶.

К началу осени южный Крым в полной мере оказывается театром боевых действий: 2 сентября началась высадка экспедиционного корпуса коалиции в Евпатории. Всего за первые дни сентября на берег было переправлено около 61 тыс. солдат. 8 сентября в сражении на реке Альме союзники нанесли поражение русской армии, пытавшейся преградить им путь к Севастополю. И неделю спустя, 14 сентября 1854 г. при подавляющем превосходстве британские армия и флот захватили Балаклаву, превратив ее в главную базу снабжения своей экспедиционной армии в Крыму. Уже на следующий день Козьмин сообщает об этом в Санкт-Петербург, указывая на то, что с занятием Балаклавы возникла потенциальная опасность нападения неприятеля на отстоявшую от него по прямой на сорок с небольшим километров Ореанду. Еще через неделю, 22 сентября в виду Ореанды в море встали на якорь десять пароходов, имевших значительное число баркасов для десанта. Это побудило Козьмина отправить жен и детей служителей имения на казенных подводках в Симферополь. Эта мера оказалась не лишней, поскольку на следующий день эта флотилия переместилась к Ялте, высадив десант, который как в городе, так и в его окрестностях захватывал скот, провиант, фураж и имущество. Нападению, согласно донесению Козьмина от 24 сентября 1854 г., подверглось и прилегавшее к Ореанде имение графа Потоцкого (Ливадия), однако до Ореанды враг не добрался. Месяц спустя эвакуированные семьи служителей вернулись в имение⁷.

К началу зимы 1854–1855 гг. состоялось в общей сложности три высадки в Ялту и окрестности, помимо упоминавшегося десанта 22 сентября, это происходило также 30 октября и 21 ноября 1854 г. При этом главнокомандующий войсками в Крыму князь А. С. Меншиков сделал из этого выводы лишь к началу декабря, отдав распоряжение отогнать весь скот (крупный и мелкий) дальше от моря за горы, дабы не позволить неприятелю в случае высадки десанта воспользоваться им для своих потребностей, как это уже ранее случалось. Это распоряжение было передано 9 декабря 1854 г. приставом 1-го стана Ялтинского уезда главному смотрителю Ореанды Козьмину для исполнения. Однако последний, признавая необходимость сокрытия скотины от противника, не соглашался отгонять животных так далеко, отмечая, что при эвакуации семей служащих скот из имения был вместе с ними направлен в Симферополь, но затем уже скотину прятали в скалистом лесу в пяти верстах от берега, чего было вполне достаточно. Отправка животных за горы, как того требовало при-

казание главнокомандующего, лишило бы имение возможности подвоза как строительных материалов и вещей, так и продовольствия, что вынудило бы прекратить все работы по имению. На этом основании Козьмин уведомил пристава о необходимости согласовать вопрос перегона скота с Собственной ЕИВ конторой⁸. Однако надежды на независимость от распоряжений А. С. Меншикова не оправдались, поскольку 18 января 1855 г. Собственная ЕИВ контора, признав правомочность действий смотрителя в вопросе с животными, все же предписала Козьмину, чтобы «на будущее время все распоряжения главнокомандующего войсками в Крыму вы исполняли по Ореанде без затруднений, не представляя предварительно на рассмотрение Собственной ЕВ конторы, которой о всех таковых распоряжениях доносить лишь для сведения»⁹.

Дальнейшее неблагоприятное для Российской империи развитие военных действий, в том числе последующее расширение захваченных противником плацдармов в Крыму, когда в середине мая 1854 г. англо-французские части заняли Керчь и близлежащие окрестности, вынудили главного смотрителя Ореанды принять меры к спасению документов и материальных ценностей. 30 мая в запечатанных ящиках он отправляет документы имения в столицу, а через две недели за ними последовали и иконы в серебряных окладах. При этом если первые прибыли в Санкт-Петербург уже в начале июля, то вот известий о судьбе икон не было вплоть до октября 1855 г., что вынудило Козьмина даже запрашивать об этом в Собственной ЕИВ конторе, откуда 28 октября сообщили о благополучном прибытии груза¹⁰.

Однако, несмотря на регулярные появления летом и осенью 1855 г. в виду имения кораблей противника и подходы его сухопутных войск, что неоднократно вынуждало местных жителей и служащих имений Южнобережья эвакуироваться, непосредственно Ореанда от врага урона не понесла¹¹. При этом действовавшие в Крыму казачьи кордонные линии то появлялись в Ореанде, то упразднялись. Так, в середине октября, по-видимому, взамен снятых постов казаков на линии от Байдар до Ялты приказом командующего Алуштинским отрядом генерал-майора Дуве был учрежден новый караул с разъездами к Алушке¹².

Весной 1856 г., с окончанием Крымской войны встал вопрос о возвращении в имение эвакуированных ранее документов и ценностей. Инициатором этого опять же стал главный смотритель Козьмин. 24 апреля 1856 г. он обратился с просьбой о возвращении ящиков с документами, а 14 мая — о высылке ящика с иконами. Соответственно, и из столицы ценности отправились в том же порядке. Отправленные в конце мая документы прибыли в Ореанду в конце июня 1856 г., а высланные 11 июня иконы добрались до Крыма лишь спустя два месяца, в начале августа¹³.

Знаком же полного окончания военного положения в имении стало упразднение в середине августа 1856 г. учрежденного в Ореанде на военное время казачьего кордона¹⁴.

Представленное исследование позволяет заключить, что в период Крымской войны имение Ореанда столкнулось с отдельными сложностями военного положения, выразившимися в необходимости эвакуации при приближении вражеских войск как служащих, так и имущества. Однако непосредственно военные потери обошли его стороной благодаря неведомому стечению обстоятельств, когда было разграблено соседнее имение, но до Ореанды вражеские солдаты не дошли. При этом исполнявший фактически обязанности управляющего имением главный смотритель Козьмин проявлял разумный подход, стараясь сохранить баланс между поддержанием нормального функционирования имения и обеспечением безопасности, иногда идя наперекор указаниям местной военной администрации.

- ¹ *Калинин Н. Н., Земляниченко М. А.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2014; *Петрова Т. А.* Архитектор А.И. Штакеншнейдер. СПб., 2012.
- ² *Арбатская Ю. Я.* «Ореанда» — первое императорское имение на южном берегу Крыма // Проблемы и перспективы развития современной ландшафтной архитектуры: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Симферополь, 2017. С. 8–13; *Кулакова Т. И.* Имение «Нижняя Ореанда» в истории дома Романовых и биографиях деятелей русской культуры // Причерноморье. История, политика, культура. 2012. № 9. С. 113–122; *Литшикова О. В.* Проект К. Ф. Шинкеля для дворца в императорском имении Ореанда // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. № 1 (10). С. 245–260; *Лобзень Н., Пальчикова А.* Ливадия. Ореанда: Очерк-путеводитель. Симферополь, 2007; *Лосева А. С.* Петергоф и Ореанда эпохи романтизма // Вопросы искусствознания. 1996. № 2. С. 92–107; *Филатова Г. Г.* Дворец и храм в Нижней Ореанде. Симферополь, 2021; *Шинтяпина Е. С.* Архитектурно-историческое наследие поселка Ореанда на южном берегу Крыма // Культурное наследие России. 2019. № 1. С. 68–73.
- ³ Государственный архив Республики Крым (далее — ГА РК). Ф. 248. Оп. 1. Д. 171. Л. 1, 1 об.
- ⁴ Там же. Д. 180. Л. 1, 2, 3.
- ⁵ Там же. Л. 4, 4 об.
- ⁶ Там же. Л. 5.
- ⁷ Там же. Д. 175. Л. 12, 13, 13 об., 15.
- ⁸ Там же. Л. 23–26.
- ⁹ Там же. Л. 31, 31 об.
- ¹⁰ Там же. Д. 185. Л. 10, 10 об., 14, 24, 26.
- ¹¹ Там же. Л. 19, 20.
- ¹² ГА РК. Ф. 248. Оп. 1. Д. 171. Л. 2; Д. 185. Л. 21.
- ¹³ Там же. Д. 185. Л. 33–41.
- ¹⁴ Там же. Д. 171. Л. 3.

References

- ARBATSKAYA YU. YA. “Oreanda” — pervoye imperatorskoye imeniye na yuzhnom beregu Kryma. [“Oreanda” — the first imperial estate on the southern coast of Crimea. In Russ.] // Problemy i perspektivy razvitiya sovremennoy landshaftnoy arkhitektury. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. Simferopol, 2017. P. 8–13.
- FILATOVA G. G. *Dvorets i hram v Nizhnei Oreande*. [Palace and temple in Lower Oreanda. In Russ.]. Simferopol, 2021.
- KALININ N. N., ZEMLYANICHENKO M. A. *Romanovy I Krym*. “U vsekh nas ostalas’ toska po Krymu...” [Romanovs and Crimea. “We all have a longing for the Crimea...” In Russ.]. Simferopol, 2014.
- KULAKOVA T. I. *Imeniye “Nizhnyaya Oreanda” v istorii doma Romanovykh i biografiyakh deyateley russkoy kul’tury*. [The estate “Lower Oreanda” in the history of the Romanov dynasty and biographies of figures of Russian culture. In Russ.] // Prichernomor’ye. Istoriya, politika, kul’tura. 2012. No. 9. P. 113–122.
- LINNIKOVA O. V. *Proyekt K. F. Shinkelya dlya dvortsya v imperatorskom imenii Oreanda*. [The project of K. F. Shinkel for the palace in the emperor’s estate of Oreanda. In Russ.] // Voprosy vseobshchey istorii arkhitektury. 2018. No. 1 (10). P. 245–260.
- LITVINOVA YE. M. *Tsarskaya sem’ya v Krymu* [The tsar’s family in the Crimea. In Russ.]. Simferopol’, 2014.
- LOBZEN’ N. S., PAL’CHIKOVA A. P. *Livadiya. Oreanda. Ocherk-putevoditel’*. [Livadia. Oreanda. Essay-guide. In Russ.]. Simferopol’, 2007.
- LOSEVA A. S. *Petergof i Oreanda epokhi romantizma*. [Peterhof and Oreanda of the era of romanticism. In Russ.] // Voprosy iskusstvovedeniya. 1996. No. 2. P. 92–107.
- PETROVA T. A. *Arkhitektorka A. I. Shtakenshneyder*. [Architect A. I. Stackenschneider. In Russ.]. St. Petersburg, 2012.
- SHINTYAPINA E. S. *Arkhitekurno-istoricheskoye naslediyе poselka Oreanda na yuzhnom beregu Kryma*. [Architectural and historical heritage of the village of Oreanda on the southern coast of Crimea. In Russ.] // Kul’turnoye naslediyе Rossii. 2019. No. 1. P. 68–73.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. А. Ефимов. «Война дворцам»? Имение «Ореанда» в годы Крымской войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 212–218

Аннотация: Крымское имение императрицы Александры Федоровны Ореанда было обустроено в качестве резиденции незадолго до Крымской войны, в 1852 г. В статье на основе неопубликованных документов раскрывается, какое влияние военные действия оказали на развитие и повседневную жизнь резиденции. Автор отмечает, что в период Крымской войны имение Ореанда столкнулось с отдельными сложностями военного положения, выразившимися в необходимости эвакуации при приближении вражеских войск как служащих, так и имущества. При этом по инициативе главного смотрителя имения Козьмина помимо то учреждавшихся, то упразднявшихся казачьих кордонов вооружена была и инвалидная команда имения. Непосредственно военные потери обошли Ореанду стороной благодаря неведомому стечению обстоятельств, когда было разграблено соседнее имение Потоцких Ливадия, но до резиденции императрицы вражеские солдаты не дошли. При этом исполнявший фактически обязанности управляющего имением главный смотритель при высадках вражеских десантов близ Ялты проявлял разумный подход, стараясь сохранить баланс между поддержанием нормального функционирования имения и обеспечением безопасности, иногда идя наперекор указаниям местной военной администрации, отказываясь каждый раз отгонять животных из имения за горы, пряча их в предгорных пещерах и гротах. Вместе с тем по инициативе смотрителя летом 1854 г. была проведена эвакуация в столицу ценностей и документов имения, которые были возвращены по окончании боевых действий летом 1856 г.

Ключевые слова: Крым, имение Ореанда, смотритель Козьмин, А. П. Шувалов, А. С. Меншиков.

FOR CITATION

A. A. Yefimov “War to the palaces”? Oreanda estate in the times of the Crimean War // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 212–218

Abstract: The Crimean estate of Empress Alexandra Feodorovna Oreanda was equipped as a residence shortly before the Crimean War, in 1852. The article, based on unpublished documents, reveals the impact of military actions on the development and daily life of the residence. The author notes that during the Crimean War, the Oreanda estate faced certain difficulties due to the military situation, which resulted in the need to evacuate both employees and property when enemy troops approached. At the same time, on the initiative of the chief caretaker of the Kozmin estate, in addition to the Cossack cordons that were either established or abolished, the disabled team of the estate was also armed. Direct military losses avoided Oreanda due to an unknown combination of circumstances when the neighboring Pototsky estate Livadia was plundered, but the enemy soldiers did not reach the empress's residence. At the same time, the chief caretaker, who actually acted as the manager of the estate, showed a reasonable approach during enemy landings near Yalta. He tried to get a balance between maintaining the normal functioning of the estate and ensuring security, sometimes going against the instructions of the local military administration. For example, he refused to drive animals away from the estate behind the mountains, hiding them in foothill caves and grottoes each time the enemies appeared nearby. At the same time, on the initiative of the caretaker, in the summer of 1854, the estate's valuables and documents were evacuated to the capital, from where they were returned after the end of hostilities in the summer of 1856.

Key words: Crimea, Oreanda estate, keeper Kozmin, A. P. Shuvalov, A. S. Menshikov.

Автор: **Ефимов, Андрей Александрович** — к.и.н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук.

Author: **Yefimov, Andrey Aleksandrovich** — Candidate of Sciences in History, senior research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: aaeifimov5@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9016-1091

В. А. Орав

**Играя в прятки с Левиафаном.
Рецензия на книгу:**

***Хлевнюк О. В.* Корпорация самозванцев.
Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР.
М., 2023**

Бывают такие моменты, когда берешь в руки очередную книгу автора, который известен тебе как солидный исследователь, и испытываешь разочарование: «Ну, вот, еще один историк увлекся писанием беллетристики». Признаться, поначалу такое ощущение вкупе с недоумением у меня было, когда я взял в руки новую монографию Олега Витальевича Хлевнюка «Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР».

Книга посвящена советскому теневому предпринимателю и авантюристу излета сталинской эпохи Николаю Максимовичу Павленко (1908 или 1912 — 1955), который создал нелегальную военно-строительную организацию «Управление военного строительства» (далее — УВС) в 1948 г., выдававшую себя за структуру Министерства вооруженных сил СССР, и руководил ею до своего ареста в ноябре 1952 г. Этому сюжету из истории советской эпохи посвящено огромное количество журналистских статей и фильмов, подчас довольно низкого качества. Тема как бы оказалась скомпрометированной, и обращение к ней серьезного историка на первый взгляд показалось странным.

Однако при ознакомлении с содержанием мое первое впечатление быстро развеялось, и я убедился в том, что это действительно плод основательной и кропотливой научной работы.

Несмотря на сравнительную узость источниковой базы, автору удалось максимально использовать информационный потенциал доступных ему документов. В книге реконструированы, пусть и с некоторым приближением, состав руководства организации, условия труда в ней, организация снабжения материалами и оборудованием и т. п.

«Главная задача книги, — пишет Олег Витальевич, — изучить корпорацию Павленко как часть советской социально-экономической действительности, открывающую многие незаметные и малоисследованные черты общего». И эта задача, по-моему, в данном исследовании решена в полной мере.

Пусть тема книги и хорошо представлена в средствах массовой информации, в конечном счете мы мало знаем и об организации Павленко, и о подпольном предпринимательстве сталинской эпохи в целом. Обычно, если тема достаточно хорошо разработана, вне поля зрения зачастую остается какая-то часть литературы. В процессе чтения возникло впечатление, что автор использовал вообще всю историографию, какую только возможно, все публикации, прямо или косвенно затрагивающие тему книги, что также достаточно показательно. Автор заключает: «...доступных источников об организации Павленко у нас много, но не так много, как хотелось бы» (с. 34); «для анализа советской теневой экономики на всем протяжении ее существования не хватает конкретных фактов» (с. 23).

В настоящем обзоре я не ставлю своей задачей пересказ и разбор содержания книги, а хочу предложить идеи, возникшие в процессе чтения, для дальнейших исследований, и развить некоторые наблюдения автора рецензируемой монографии.

Свои соображения я бы разделил на две группы. Первая — это вопросы в рамках исследований чисто исторического характера. Вторая — анализ результатов исторических исследований с несколько необычной стороны, с точки зрения экономической науки, если выражаться конкретнее, с точки зрения экономической теории австрийской школы (далее — АЭШ) и тесно связанной с ней философии анархо-капитализма.

Первая группа вопросов вытекает непосредственно из заголовка книги.

Самозванство — феномен, в контексте истории России обычно ассоциируемый с XVII и XVIII вв. Первым самозванцем на Руси, как указывает академик А. М. Панченко, был Лжедмитрий I, а до начала XVII в. ни одного факта самозванства в нашей стране не известно. И совсем уж необычно, что это понятие используется применительно к реалиям XX в. Можно с большой долей уверенности утверждать, что представленные в книге, помимо организации Павленко, примеры самозванства — лишь малая капля в море аналогичных случаев. Ведь сколько еще самозванцев остались неразоблаченными? Вряд ли можно будет дать четкий ответ на этот вопрос.

Существует ли корреляция между ростом государства и увеличением количества и многообразия проявлений самозванства? В чем общее и каковы различия между самозванцами Московского царства, Российской империи и Советского Союза? Эти и им подобные вопросы могли бы стать темами новых исследований.

Гораздо больше вопросов возникает при попытке анализа исторического материала с точки зрения экономической теории. На мой взгляд, знание последней совершенно необходимо историку.

Несчастьем современной исторической науки можно назвать невежество историков в области экономической теории, что резко снижает качество работ и зачастую ведет к неверным выводам. Например, на одной из конференций, на которой довелось побывать пишущему эти строки, докладчику задали вопрос: почему большевики так и не отказались от денег? Внятного ответа не последовало. Ответ ведь очень прост: невозможность экономического расчета при социализме (теорема Мизеса — Бруцкуса).

Что же такое социализм?

По ставшему уже общепризнанным определению испанского экономиста австрийской школы Х. У. де Сото, социализм — это любая институциональная (т. е. систематическая) агрессия против свободного проявления предпринимательства¹.

В свободном обществе, основанном на разделении труда, люди занимаются деятельностью, направленной на совершение взаимовыгодных обменов и получение прибыли. Постоянно меняющиеся рыночные цены служат своего рода сигналами о том, какие потребности существуют у других людей и чем именно следует заниматься. Таким образом, в процессе деятельности (по большому счету всегда являющейся предпринимательской) порождаются, передаются через цены и используются другими людьми для достижения собственных целей сведения о конкретных обстоятельствах времени и места: потребностях других людей, относительной редкости факторов производства и т. п. С помощью цен достигается координация деятельности неограниченно большого числа индивидов. Важно отметить, что посредством цен передается огромный объем не только той информации, которая может быть сообщена словами, но и так называемого неартикулируемого знания, которое не может быть сообщено с использованием слов, ни статистикой, ни каким-либо другим способом².

Социализм предполагает запрет на свободную деятельность путем институциональной агрессии со стороны государства. Порождение, передача и использование рыночной информации становятся невозможными, а вместе с ними и экономический расчет — выбор наиболее рационального (наименее затратного с точки зрения расходования ресурсов) варианта из множества технологически возможных цепочек производства³.

Из этого следует, что в полной мере реализация социалистической теории на практике невозможна, но она возможна в той мере, в которой правящая

группа может отступить от доктрины. При этом предпринимательство может быть чрезвычайно затруднено (но никогда не исчезает полностью), а экономический расчет задействуется в меньшей мере, чем в условиях свободного рынка. Координация нарушается. Именно так и было в советской системе.

Де Сото сделал несколько общих теоретических выводов относительно последствий социализма для общества: нарушение координации деятельности, порождение ложной информации и безответственное поведение, разложение моральных и правовых норм, направление предпринимательской энергии людей не на созидание ценностей, а на воздействие на органы власти в выгодном для себя направлении, т. е. на коррупцию, формирование коррупционных рынков вокруг этой деятельности, отставание в социальном, экономическом, технологическом и культурном развитии (а то и вовсе регресс)⁴.

Кстати говоря, частным случаем формирования коррупционных рынков можно считать рынок поддельных документов, весьма развитый, по наблюдению автора рецензируемой книги, в сталинскую эпоху (с. 208–209).

Одним из наиболее важных результатов социализма является широкое развитие теневой экономики: «Он [социализм] запускает неумолимую социальную реакцию, в ходе которой различные действующие субъекты, насколько им это удастся, систематически не подчиняются приказам руководящего органа, предпринимая действия и вступая во взаимодействие вне той “правильной” рамки, на создание которой направлены приказы. Таким образом, за спинами тех, кого руководящий орган считает “правильными”, начинается целый социальный процесс, который показывает, до какой степени институциональное принуждение обречено на неудачу в долгосрочной перспективе из-за того, что оно противоречит фундаментальной сути человеческой деятельности»⁵. Масштаб этой экономики зависит от степени институционального принуждения, которому подвергается общество. С этим процессом тесно переплетается и резкое возрастание значения личных связей: «На практике, чем более интервенционистской является система, тем более необходимым и важным становится блат, и тем больше сфер в жизни общества он затрагивает... Люди полагаются на личные связи в ущерб типичным для свободного мира видам взаимодействия, более абстрактным и безличным, где, соответственно, вопрос знакомства отходит на задний план, подчиняясь главной задаче — реализации собственных целей посредством максимально возможного удовлетворения интересов других людей в том виде, как их выявляет рынок»⁶.

Следует подчеркнуть, что все данные наблюдения сделаны современными представителями австрийской школы путем чисто логических рассуждений, без обращения к эмпирическим данным, и они четко совпадают с тем, что мы видим в рецензируемой книге.

О. Хлевнюк пишет, что Павленко не был антисоветчиком, его деятельность (и ему подобных предпринимателей) объективно поддерживала систему на плаву, но с точки зрения власти, руководствовавшейся в данном случае соображениями доктринального характера, он был, безусловно, врагом.

Автор отмечает своеобразное переплетение государства и рынка: «Советская экономическая система... включала в себя многочисленные рыночные (квази-рыночные) элементы и частное предпринимательство. Эти формально инородные экономические практики можно назвать внесистемными: они противоречили намерениям государства. Однако их вполне можно считать системными, поскольку они являлись органической частью советской экономики и играли в ней важную роль» (с. 23); «Плановая экономика не могла работать без дополнительных стимулов и параллельных структур-подпорок» (с. 133).

Терминология и речевые обороты, употребляемые историками, не очень подходят для экономико-исторического анализа. Они неявно предполагают, что общество устроено наподобие некоей пирамиды, на вершине которой находится правительство, у основания — рядовые налогоплательщики. Ядром, стержнем общества в этой картине мира является государство, и все проявления деятельности людей в обществе рассматриваются относительно этого ядра.

Представляется гораздо более продуктивным другой подход, в котором общество является сетью, связывающей между собой множество добровольно обменивающихся благами друг с другом людей. У нее нет центра, откуда бы осуществлялось управление процессами, происходящими в сети. Агрессия государства подавляет сеть, не давая ей расти и уменьшая число звеньев в ней. При этом следует иметь в виду, что государство не может существовать без общества, а агрессия принципиально неспособна создать жизнеспособную экономическую систему и не является экономической деятельностью в собственном смысле этого слова. Рынок существует всегда, даже в условиях тоталитарного государства. Однако размеры общественной сети несоизмеримо меньше, чем если бы общество не подвергалось агрессии совсем либо в меньшей степени.

Важное исследовательское направление, на которое обратил внимание автор, — это описание возможных пределов власти государства над обществом. В самом общем виде на этот вопрос можно ответить так: невозможность существования государства без общества и является тем пределом, который не позволяет государству расширяться до бесконечности.

Рынок не является подпоркой командно-административной системы, его следует рассматривать как единственную действующую экономическую систему, подвергаемую деформациям со стороны государства. Тот факт, что государство (тем более социалистическое, тоталитарное) не является необходимым элементом для функционирования общества, отчасти отразился в таком наблюдении автора: в УВС не было партийной и комсомольской организации (по причинам конспирации), и «отсутствие коммунистов и комсомольцев не мешало организации строить дороги». А у «начальника разведки» УВС Константинова, которому много приходилось взаимодействовать с должностными лицами, не было случая, когда его попросили предъявить партбилет (с. 204). В то же самое время автор указывает на важную корреляцию между усилением

репрессивного давления государства и ростом цен на потребительские товары, производимые частником (с. 27).

Как отмечает автор, блат, взятки и неформальные связи с чиновниками, патрон-клиентские отношения были необходимым условием деятельности руководителей всех советских предприятий и учреждений во все периоды советской власти. «Однако для Павленко, — продолжает автор, — этот вопрос имел особую остроту. Фиктивный характер организации делал ее особенно зависимой от прочных и доверительных отношений с теми, кто распределял заказы, ресурсы, имел власть на местах» (с. 125–126). Основываясь на ряде свидетельств, исследователь делает вывод о высокой степени значимости практик блата и коррупции (с. 127). Сама легкость, с которой Павленко и его соратникам удавалось улаживать конфликты и существовать достаточно долгое время, не будучи раскрытыми, уже сама по себе указывает на чрезвычайно широкую распространенность коррупционных отношений в СССР сталинской эпохи.

Л. фон Мизес заметил: «Цены — явление рыночное. Они порождаются рыночным процессом и являются спинным мозгом рыночной экономики. Вне рынка цен не существует. Цены нельзя, так сказать, сконструировать синтетически»⁷. На примере повседневной деятельности УВС мы видим, что устанавливаемые государством цены на продукцию и факторы производства были не более чем фасадом. Рыночные цены никуда не исчезли: оплата товаров и услуг по ним осуществлялась в форме взяток. Отсюда и широкое распространение «толкачества», с которым государство ничего не могло поделать.

Во время суда над Павленко и его поделщиками вскрылась еще одна важная черта, характерная для мировосприятия социалистов всех толков, а равным образом и для представителей *main stream* современной экономической науки: абсолютное непонимание роли предпринимательства.

Павленко писал летом 1955 г. в своем прошении о помиловании: «Обвинение и трибунал во время судебного разбирательства резюмировали, что строили рабочие, а не вы, и вашего полезного труда здесь нет... Неужели для обвинителя и состава суда не было известно, что ни одно маленькое или большое строительство не обходится без производственно-технического, счетного и снабженческого персонала[?]» (с. 299).

Безусловно, Павленко не мог знать о теории предпринимательства, разработанной в рамках АЭШ (хотя это и не помогло бы ему сохранить жизнь). Предпринимательство в широком смысле — это любая человеческая деятельность. Оно определяется как способность предвосхищать будущие нужды людей и присуще любой человеческой деятельности⁸. Грубо говоря, приступая к какому-либо производственному процессу, опираясь на рыночные цены, предприниматель высчитывает, что именно нужно производить, чтобы удовлетворить желания потребителей, комбинирует различные факторы производства. Получение прибыли является сигналом, что результаты данной деятельности соответствуют потребностям других людей. Павленко выполнял в УВС именно

такую предпринимательскую функцию, отдавая распоряжения о закупках сырья, найме рабочих, заключая договора на строительство дорог. Не будучи способным осмыслить этот факт теоретически, он в какой-то мере смог интуитивно подойти к его пониманию.

О. Хлевнюк пишет, что о разоблачении УВС Прокуратурой СССР было доложено И.В. Сталину, но его реакция неизвестна (с. 239–241). Проблема участия руководителей партии и правительства в решении судьбы участников УВС вновь возникает при вынесении смертного приговора Павленко и приговора длительных сроков заключения его подельникам в 1955 г. Единственно ли решил К. Е. Ворошилов оставить приговор «высшая мера наказания» в силе? Или это обсуждалось как-то в Президиуме ЦК КПСС? Окружению Сталина определенно было известно о существовании УВС (с. 241).

Как указывает автор, в приговоре по делу УВС имеется странный пассаж, объяснение которому он затрудняется предложить: «Это беспрецедентный случай в истории нашего государства после Гражданской войны» (с. 301). Осмелимся высказать свои догадки на этот счет.

Со значительной долей уверенности, на мой взгляд, можно утверждать, что И.В. Сталин знал о деле УВС и как-то отреагировал на него. Не случайным представляется тот факт, что в своей докладной записке Сталину Генеральный прокурор СССР Г.Н. Сафонов приложил фотографию членов корпорации в военной форме и отметил наличие у них огнестрельного оружия. Вышло так, что под носом у Советской власти имелось довольно значительное количество хорошо законспирированных вооруженных мужчин (с. 239). Весь огромный аппарат государства, в том числе и госбезопасность, не смогли их своевременно разоблачить, проявив ярко выраженную безынициативность. А что было бы, если бы эти люди подняли мятеж против Советской власти? Ведь УВС работало и в Волынской, и в Тульской, и в Смоленской областях (совсем близко от Москвы). Да, вооруженные группы были и на Западной Украине, и в Прибалтике, но они действовали открыто и в отдаленной сельской местности. Дело УВС показало, что режим, несмотря на все свои усилия, контролирует ситуацию не в той мере, как бы хотелось его руководителям. Этот факт также следует воспринимать в контексте социального напряжения в советском обществе поздней сталинской эпохи, неуверенности большевистских вождей в прочности своей власти. Любая такая искра могла привести к пожару, который бы не удалось ликвидировать.

В какой-то мере ответ на поставленный через абзац выше вопрос содержится и на других страницах книги. О. Хлевнюк указывает, что на фоне даже вполне легальных советских богачей доходы членов организации Павленко были довольно скромными. При обысках у них не было найдено каких-либо значительных ценностей, а организация «имела важную специфику, занимаясь не самыми прибыльными строительными работами. При этом организация была нацелена на длительное существование, а поэтому реально выполняла

полученные заказы на приемлемом уровне» (с. 187). Вместе с тем существовал гораздо более простой и быстрый путь: перепродажа товаров советской торговли по ценам рынка. Так делали многие. Сорвав куш, подобного рода предприниматели исчезали.

Важной особенностью человеческой деятельности является временное предпочтение: одно и то же благо, доступное для потребления сейчас, ценится выше, чем то, которое будет доступно в будущем. С точки зрения АЭШ стратегия Павленко характеризуется низким временным предпочтением, т.е. готовностью заниматься более длительным производственным процессом, чтобы получить более ценные с точки зрения действующего субъекта результаты в будущем. Вместе с тем получавшие барыши работники советской торговли, соответственно, имели высокое временное предпочтение. Возможно, с точки зрения властей это и была уникальная особенность организации Павленко как своего рода частной фирмы, предназначенной к долговому существованию (хотя они, конечно, и не описывали это все в терминах АЭШ)? Им было известно и о незаконном бизнесе, и о коррупции, но с таким они, возможно, имели дело впервые. Здесь встает и другой вопрос, на который, вероятно, мы не сможем найти ответ: почему Павленко и его соратники имели низкое временное предпочтение? На что они рассчитывали? Можем ли мы при всей потенциально доступной источниковой базе сказать однозначно, было ли УВС единственным в своем роде?

Павленко не был мошенником, он действительно выполнял взятые на себя обязательства (с. 103). Автору с помощью доступных статистических данных удалось убедительно показать, что деятельность УВС была ощутимо более эффективной в сравнении с легальными государственными строительными организациями: этот вывод сделан путем вычисления соотношения между стоимостью выпущенной продукции и количеством занятых на работах в УВС и в среднем по отрасли (с. 103).

Автор указывает, что «тоталитарная система неспособна полностью ликвидировать доверие как важнейший институт социального взаимодействия» (с. 143). Сетевое доверие невозможно было искоренить именно потому, что оно значительно экономило руководителям предприятий и учреждений силы и время, необходимые для поиска информации о людях, с которыми можно совершить взаимовыгодный обмен. Без него функционирование советской экономики стало бы просто невозможным. Этот термин, введенный применительно к реалиям советского общества, можно рассматривать как частный случай более общего понятия «репутация»⁹.

Вопреки официально насаждаемому нравственному императиву проявления бдительности, ни у кого из чиновников не возник вопрос о происхождении Павленко, у него самого и его представителей даже не спрашивали документы. Практики сетевого доверия функционировали в полной мере, представляя собой ахиллесову пяту режима.

Показательно и то, что в рассматриваемый в книге исторический период, конечно, не существовало такого понятия, как «сетевое доверие», но вместо него использовалось словосочетание «притупление политической бдительности», т. е. явление обозначалось как нечто случайное, мимолетное и нетипичное. На наш взгляд, это тоже очень важный момент. Ведь если люди во власти не могли назвать вещи своими именами, то они и не могли адекватно реагировать на возникающие вызовы системе, что также стало одной из причин ее краха.

Завершая данный обзор, хотелось бы еще раз процитировать Олега Витальевича: «Действительный интерес представляет более сложная и малоизученная проблема советских социально-экономических реальностей. Какое место в ней занимали “теневые” практики, какую они играли роль? Как разрешались и, не разрешаясь, накапливались в ней многочисленные противоречия, взорвавшие в конце концов всю систему?» Ответы на эти вопросы, на наш взгляд, можно дать только путем междисциплинарного исследования, сочетающего широкую источниковую базу и проведенный на основе положений АЭШ анализ фактов, излеченных из источников.

¹ *Сото Х. У. де.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., 2008. С. 29.

² *Хайек Ф. А. фон.* Использование знания в обществе // Хайек Ф. А. фон. Рынок и другие порядки. Челябинск; М., 2008. С. 134.

³ *Сото Х. У. де.* Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. С. 98.

⁴ Там же. С. 126–145.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 138.

⁷ *Мизес Л., фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск, 2012. С. 370.

⁸ Там же. С. 214, 238.

⁹ Подробнее см.: Там же. С. 355.

References

- HAYEK F.A. von. Rynok i drugie poryadki [Market and other orders]. Chelyabinsk; Moscow, 2008.
- MIZES L. von. Chelovecheskaya deyatel'nost'. Traktat po ekonomicheskoy teorii [Human action. A treatise on Economics]. Chelyabinsk, 2012.
- SOTO H. U. de. Socializm, ekonomicheskij raschet i predprinimatel'skaya funkciya [Socialism, economic calculation and entrepreneurial function]. Moscow, 2008.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. А. Орав. Играя в прятки с Левиафаном. Рецензия на книгу: Хлевнюк О. В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023 // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2. С. 219–229

Аннотация: Новая книга видного специалиста по истории России сталинской эпохи О. В. Хлевнюка посвящена истории нелегальной частной фирмы «Управление военного строительства», созданной в 1948 г. Н. П. Павленко — яркому эпизоду подпольного предпринимательства и коррупции в СССР периода позднего сталинизма. Несмотря на то что данная тема неоднократно становилась объектом журналистских спекуляций, фактически серьезных научных исследований по ней мало. Плохо изучены и организация Павленко, и советское подпольное предпринимательство в целом. В настоящем обзоре рецензент на примере данной книги предлагает новый исследовательский теоретический подход к анализу исторического материала, заключающийся в анализе информации, содержащейся в источниках, с позиций экономической теории австрийской школы. В австрийской школе социализм определяется как систематическая агрессия против свободного предпринимательства. Последовательная практическая реализация теоретической концепции социализма невозможна, поскольку в отсутствие рыночных цен, денег и частной собственности на средства производства невозможен выбор наименее затратной с точки зрения расходования ресурсов производственной цепочки. В условиях реального социализма предпринимательство может быть чрезвычайно затруднено (но никогда не исчезает полностью). Поэтому неизбежным следствием реального социализма является широкое развитие теневой экономики. Легкость, с которой Павленко и его соратникам удавалось поддерживать свою «фирму» нераскрытой достаточно долгое время, косвенно указывает на чрезвычайно широкую распространенность коррупционных отношений в СССР сталинской эпохи. В конце книги О. В. Хлевнюк задает вопрос: какую роль теневая экономика сыграла в эволюции и крушении советской системы? По мнению рецензента настоящей книги, ответ на этот вопрос могут дать только междисциплинарные исследования, сочетающие широкую источниковую базу и анализ фактов с позиций экономической теории австрийской школы.

Ключевые слова: теневая экономика, коррупция, поздний сталинизм, социализм, экономическая теория австрийской школы, самозванство, предпринимательство, экономический расчет, рынок, государство, институциональный агрессор, междисциплинарное исследование.

FOR CITATION

V. A. Orav. Playing hide-and-seek with Leviathan. Review on the book: Khlevniuk O. V. The cheater's corporation: shadow economy and corruption in the Stalin's USSR. Moscow, 2023 // Petersburg historical journal, no. 2, 2024, pp. 219–229

Abstract: The new book of famous Stalin's age Russian history specialist O.V. Khlevniuk tells on the history of illegal private firm so-called "The department of military construction". The firm was established by secret Soviet businessman Nicolay Pavlenko in 1948. It is bright episode of shadow economy and corruption in the late Stalin's USSR. Despite of the subject became an issue of many journalists' speculations, in fact there are few serious scholar researches. The issues of a Pavlenko's organization and of an illegal business activity generally is badly studied. In this review a critic on an example of the book suggests a new research theoretical approach for analysis of historical material. The essence of this approach is analysis by using of Austrian economics scientific school propositions. In the frame of Austrian school socialism is defined as a systematic aggression against free entrepreneurship. Full practical realization of socialism theoretical conception is impossible because choice of most rational production process with the least expenditure resources is impossible without market prices, money and private property to production means. In conditions of real socialism entrepreneurship is strongly complicated but it is not eliminated absolutely. Therefore inevitable consequence of real socialism is a wide spreading of shadow economy activity. The possibility of Pavlenko's illegal private firm existence for a long time indirectly indicates to very broad distribution of corruption during Stalin's age. The author asks in the end of the book: what function illegal activity had in evolution and

collapse of Soviet system? In the opinion of the reviewer of this book, only multidisciplinary studies will give answers to the question. This multidisciplinary studies have to combine wide source base and the economic theory of the Austrian school.

Key words: shadow economy, corruption, the late Stalin's USSR, socialism, Austrian economics scientific school, cheatership, entrepreneurship, economic calculation, market, state, the institutional aggressor, multidisciplinary study.

Автор: **Орав, Владимир Алексеевич** — к. и. н., главный архивист ЦГА СПб.

Author: **Orav, Vladimir Alekseyevich** — PhD of history, main archivist of Central State Archive of St. Petersburg.

E-mail: v.oraw@yandex.ru

Требования к публикации статей и материалов

- Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 0,75 а.л. (30 тыс. знаков с пробелами). Объем публикуемых документов (с комментариями) и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14-м кеглем, сноски — 10-м кеглем).
- Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или нахождения в докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона. Кроме того, обязательно указание индекса УДК и желательно персонального кода в ORCID.
- Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева, а также переводом заглавия статьи на английский язык.
- Сноски к тексту — концевые, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы с полным переводом ссылки на английский язык, данным в квадратных скобках.
- Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.
- Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.
- Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации/отказе в публикации/направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.
- Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.
- Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию, без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.
- До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.
- Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ БЕЗ НАЦЕНКИ В ОФИСЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Санкт-Петербург
Петрозаводская ул., д. 7, оф. 8
(150 м от станции метро «Чкаловская»)
- Телефон +7 (965) 757 23 13
E-mail: nestorbook.ru@yandex.ru

КУПИТЬ
БУМАЖНЫЙ
ИЛИ
ЭЛЕКТРОННЫЙ
ВАРИАНТ
НАШИХ КНИГ
МОЖНО
НА САЙТЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
NESTORBOOK.RU

- На нашем сайте Вы можете оплатить книги и приобрести их с доставкой удобным для Вас способом. Подробнее на нашем сайте www.nestorbook.ru
- В другие города мы доставляем книги «Почтой России», «Боксберри» или курьером
- Электронные книги (в формате pdf) можно оплатить на сайте и получить по электронной почте
- По всем вопросам, связанным с заказами через сайт, обращайтесь по телефону +7 (965) 757 23 13 или пишите на e-mail: nestorbook.ru@yandex.ru

КАК МОЖНО
ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
В КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ

- Заказать на сайте магазина с доставкой на дом
- Заказать на сайте магазина и забрать из пункта самовывоза
- Не хотите ждать доставку? Забронируйте книгу в любом удобном для вас магазине: рядом с домом, работой или учебой. Ваш резерв будет ждать Вас!
- Не нашли книгу в любимом магазине? Оставьте заявку, и мы доставим туда книги!

ЗАКАЗАТЬ
И ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
ВЫ МОЖЕТЕ
НА САЙТАХ
КНИЖНЫХ
МАГАЗИНОВ

МЫ СОТРУДНИЧАЕМ С ВЕДУЩИМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

- Интернет-магазин Wildberries
- Интернет-магазин «Лабиринт»
- Интернет-магазин «Озон»
- Интернет-магазин «Москва»
- Интернет-магазин Esterum
- «Читай-город»
- «Библио-Глобус»
- «Буквояд»
- Московский Дом книги
- «Подписные издания на Литейном»
- «Книжная лавка писателей»
- Дом книги в СПб
- «Книжная лавка историка»
- «У Кентавра» (РГГУ)
- «Циолковский»
- «Фаланстер»
- «Дом университетской книги»
- «Листва»

По вопросам оптовых поставок: тел. +7 (960) 243 32 82, pr@nestorbook.ru